

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ
ЛЕКСИКОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ
ЛЕКСИКОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Москва 1983

В сборнике на новом обширном материале славянских и балканских языков и диалектов освещаются закономерности становления и развития словарного состава формирующихся национальных литературных языков западных и южных славян, процессы взаимовлияния литературных языков и диалектов в различных сферах лексики, решается широкий круг вопросов исторической семантики и этимологии.

Редакционная коллегия серии:

доктор филологических наук С.Б. Бернштейн
(председатель),
доктор филологических наук Е.И. Демина,
доктор филологических наук В.В. Иванов,
доктор филологических наук Т.В. Попова
(ответственный секретарь),
доктор филологических наук Л.Н. Смирнов,
доктор филологических наук Н.И. Толстой,
кандидат филологических наук Т.В. Цивьян

Ответственный редактор выпуска
доктор филологических наук Л.Н. СМЕРНОВ

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник является восьмым выпуском серийного издания Института славяноведения и балканистики АН СССР "Славянское и балканское языкознание"¹. Он посвящен широкому кругу лексикологических и семасиологических проблем, связанных с изучением словарного состава славянских и балканских языков.

Большую часть сборника составляют исследования и материалы по вопросам исторической лексикологии. В ряде статей освещаются различные стороны процесса становления и развития словарного состава литературных языков южных и западных славян. При этом значительное внимание уделяется тому периоду истории этих литературных языков, который неразрывно связан с эпохой формирования наций (конец XVIII в. — середина XIX в.). В работах данного цикла освещаются как историко-культурные, экстралингвистические факторы развития словарного состава литературных языков, так и явления внутривидового плана: устанавливается или уточняется авторство и время появления большого числа слоев в болгарском литературном языке и определяется вклад отдельных болгарских культурных деятелей в обогащение лексики современного болгарского литературного языка; на материале словацкого, польского и сербского литературных языков исследуется лексико-семантическая и словообразовательная структура отвлеченных имен существительных (описываются продуктивные словообразовательные типы, анализируется синонимия и вариативность в данном разряде лексики и т.п.); рассматриваются вопросы взаимовлияния литературных языков в сфере терминологической лексики и фразеологии. Следующий цикл статей образуют исследования по исторической семантике и этимологии, которые выполнены с привлечением значительного фактического материала древних языков и диалектов и содержат немало новых данных и решений. В них рассматриваются вопросы происхождения и семантической эволюции ряда географических терминов, этнонимов и других лексем, а также проблематика межъязыковых контактов в области лексики. В ряде статей и заметок основное внимание уделено анализу диалектной лексики, представляющей интерес в плане выявления характерных черт карпато-балканского языкового ареала. Замыкает этот

¹ См.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975; Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии славянских и балканских языков. М., 1976; Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977; Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977; Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979; Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981; Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1982.

цикл обзорная статья о роли болгарских диалектных материалов в сравнительно-исторических и сопоставительных лексико-семантических исследованиях советских славистов.

Интересными в теоретическом и методическом отношении работами представлен в сборнике синхронический аспект изучения словарного состава. Это прежде всего статьи и материалы, в которых раскрывается специфика использования лексики в загадках, фольклорном тексте и народном обряде. В центре внимания авторов этих статей различные проявления метафоризации слова как элемента семантической структуры текста, а также анализ функциональной нагруженности синонимии как средства организации фольклорного текста, как одной из особенностей его поэтики.

На материале современных языков базируются также исследования синхронно-сопоставительного плана, которые характеризуются лексико-грамматической направленностью. С использованием данных русского, польского и английского языков делается попытка раскрыть и обобщить коммуникативно-прагматические особенности имен прилагательных как разряда слов, совмещающих в своей структуре семантический и прагматический аспекты языка. Тщательный анализ некоторых особенностей словообразовательной семантики дистрибутивных глаголов проводится на материале западнославянских языков (польского, словацкого и чешского).

Исследования, публикуемые в сборнике, отражают основные направления изучения лексики и лексической семантики, которое ведется в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Они решают важные вопросы диахронической и синхронической лексикологии, содержат интересные наблюдения и выводы, вводят в научный оборот новый языковой материал.

Г.К. ВЕНЕДИКТОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Одной из проблем истории лексики современного болгарского литературного языка, еще недостаточно изученных, является история конкретных слов — время и источник их появления в литературном языке, их первоначальное значение и последующее развитие. История некоторых слов, как известно, связывается с определенными лицами — писателями, публицистами и другими деятелями национальной культуры, строителями и носителями литературного языка. Одни из таких слов являются плодом их личного словотворчества, другие представляют собой заимствования из разных источников, впервые введенные ими в литературный язык. И в том и в другом случае заслуга в обогащении лексики литературного языка отдельными словами принадлежит конкретным лицам.

Нельзя сказать, что вопрос о том, какой вклад в обогащение лексики болгарского языка внесли те или иные писатели и другие представители болгарской культуры, не ставился и не изучался. В многочисленных работах, посвященных языку отдельных произведений или вообще языку какого-либо писателя, как и в работах, характеризующих особенности языка определенных жанров литературы, содержится немало конкретных наблюдений и заключений о вкладе данного писателя в развитие словарного фонда родного языка. Краткий обзор некоторых работ, в которых освещается этот аспект изучения лексики, недавно был опубликован (правда, без критической проверки конкретного материала) Р. Русиновым¹ — автором большого числа статей и заметок о языке отдельных писателей прошлого столетия и учебных пособий по истории современного болгарского литературного языка².

Необходимой предпосылкой правильной оценки вклада отдельного писателя, публициста и любого другого книжника в развитие лексики литературного языка в идеале должно быть исчерпывающее исследование лексики, употреблявшейся в сочинениях его предшественников и современников. В противном случае конкретные утверждения типа "писатель Х. создал данное слово" или "писатель Х. ввел данное слово в литературный язык" всегда можно подвергнуть сомнению, а при проверке на дополнительном материале — нередко и опровергнуть.

Многие исследователи лексики болгарского литературного языка отчетливо понимают трудность оценки вклада того или иного писателя в лексику этого языка, обусловленную именно слабой изученностью истории литературной лексики. Так, Л. Андрейчин в монографии "Язык и стиль Л. Каравелова", изданной еще в 1950 г., указывал, что "существенным препятствием", сильно ограничивающим возможности характеристики вклада Л. Каравелова в "создание и становление" лексики и фразеологии

¹ Русинов Р. Художествена литература и книжовен език (Участието на писатели и поети в изграждането и развитието на българския книжовен език). Материали за спецкурс. Велико Търново, 1978.

² Русинов Р. История на новобългарския книжовен език. Велико Търново, 1976; Он же. Учебник по истории на новобългарския книжовен език. София, 1980.

современного болгарского литературного языка, является "отсутствие конкретных исследований о лексике и фразеологии писателей до Каравелова"³. За истекшие три десятилетия было опубликовано немало работ, в том числе и несколько монографий, о языке целого ряда писателей XIX в., однако и в настоящее время при характеристике вклада книжников прошлого столетия в обогащение словарного фонда литературного языка исследователи сталкиваются с той же трудностью — отсутствием необходимых описаний лексики многих предшественников соответствующего книжника и вообще слабой изученностью многих сторон истории лексики современного болгарского литературного языка. В этом заключается одна из причин того, что в описаниях вклада отдельных лиц в обогащение лексики содержится немало неточностей и просто ошибок, которые нужно исправить и не допустить в последующие работы.

Ниже мы рассматриваем списки слов, которыми, по мнению современных исследователей, отдельные писатели XIX в. обогатили лексику современного болгарского литературного языка.

Прежде чем приступить к обзору в указанном аспекте данных, содержащихся в некоторых трудах, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, в поле нашего зрения будут преимущественно те слова, о которых современные исследователи пишут, что они созданы или впервые введены в болгарский литературный язык тем или иным книжником, т.е. такие слова, которые, по мнению исследователей, до данного книжника в этом языке вообще не были известны и в нем не употреблялись. Говоря о создании или введении каких-либо слов данным книжником, мы имеем здесь в виду два разных пути обогащения лексики литературного языка: а) личное словотворчество книжника и б) заимствование, т.е. использование им уже готовых слов, существующих в других языках. Нужно при этом учитывать следующее: когда говорят, что данный книжник вводит в язык своих сочинений те или иные слова, обычно имеют в виду то, что он вообще использует, употребляет их, а не то, что он первым из болгар их употребил. Слова с такой общей и потому неясной характеристикой здесь специально не рассматриваются. Заметим только, что из работ не всегда можно заключить, говорят ли их авторы о введении, т.е. использовании данным книжником соответствующих слов вообще или же о введении как первом употреблении им этих слов в литературном языке.

Во-вторых, мы не ставим здесь своей целью установить, кто именно из болгарских книжников и когда создал или впервые ввел заимствованное из других языков или народное слово в литературный язык. Свою задачу мы видим только в том, чтобы, с одной стороны, на конкретных примерах из некоторых работ (преимущественно последних лет) указать неточные и просто ошибочные суждения их авторов о возникновении ряда слов в болгарском литературном языке и, с другой стороны, обратить внимание на необходимость более осторожных и более обоснованных заключений о реальном вкладе отдельных книжников в обогащение

лексики этого языка. При этом здесь будет рассмотрена только часть слов такого характера. Многие другие слова, создание или введение которых в болгарский литературный язык без достаточных оснований, а нередко и просто ошибочно связывается с конкретным лицом, будут рассмотрены нами в других статьях.

В третьих, доказательством того, что данное слово употреблялось в болгарском языке до книжника, которому приписывается его создание или введение в литературный язык, является наличие этого слова в болгарских текстах других авторов, написанных до того, как оно было употреблено этим книжником. Достаточным подтверждением этого положения может служить даже разовое употребление слова в безразлично каком тексте, составленном болгарином и на болгарском или смешанном, болгарско-церковнославянском языке. Мы исходим при этом из того, что и разовое употребление какого-либо слова в таком тексте является уже фактом истории болгарского языка, уже — истории его лексики. Разумеется, сам книжник, употребляя то или иное так называемое новое слово в собственных текстах, мог и не знать, что оно уже употреблялось его предшественниками. В исторической лексикологии известны случаи, когда писатель или иной книжник был убежден, что данное слово создано или введено в литературный язык именно им, между тем как оно употреблялось и до него⁴. Точно также известно, что утверждение или закрепление какого-либо нового слова в литературном языке отнюдь не всегда обязано тому, кто его создал или, заимствовав у другого языка, впервые ввел в литературный язык. И то и другое, однако, относится не к появлению, самому "рождению" данного слова в литературном языке, а к его последующей истории.

В-четвертых, поскольку интересующие нас здесь слова в соответствующих работах приводятся нередко без указания их значений, мы в дальнейшем их приводим тоже без дефиниций значений. Исключение семантического аспекта изучения таких слов, диктуемое, с одной стороны, указанным обстоятельством, а с другой — слабой изученностью истории лексики болгарского литературного языка в таком аспекте, обедняет, естественно, представления о реальной истории конкретных слов, начиная с их появления в литературном языке, связываемого с определенным лицом.

В-пятых, материал, которым мы здесь подтверждаем более раннее, чем принято считать, употребление тех или иных слов в литературном языке, носит в значительной мере случайный характер. Он базируется, с одной стороны, на исследованиях других авторов, а с другой — на ограниченном числе источников (список их см. в конце настоящей статьи), из которых извлечены соответствующие примеры. При всей своей ограниченности этот материал, однако, достаточен для решения поставленной выше задачи. Нет сомнения в том, что привлечение другого, более обширного, если не исчер-

³ Андрейчин Л. Език и стил на Л. Каравелов. — Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет, т. 46, кн. 4, 1949/1950. София, 1950, с. 89.

⁴ Наглядным примером этого из русской лексикологии может служить глагол *стусаться* 'прийти в замешательство, оробеть, смутиться', первое употребление которого в русском языке Ф.М. Достоевский приписывал себе, хотя для этого и нет достаточных оснований, поскольку "такое употребление зарождается в 40-е гг." (Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, с. 501). Аналогичные примеры известны и в истории болгарской лексики, о чем речь пойдет в другой нашей статье.

пывающего, материала (в частности материала богатой картотеки словаря болгарского литературного языка эпохи Возрождения, составляемой в Институте болгарского языка Болгарской академии наук в Софии) позволит и уточнить датировку наиболее ранних случаев употребления рассматриваемых ниже слов, и существенно расширить сам состав слов, создание или введение которых в литературный язык пока без достаточных оснований связывается с именем какого-либо книжника-возрожденца.

2. Софроний Врачанский (1739–1813 гг.) относится к числу тех новоболгарских книжников, которые, как полагают исследователи, охотно прибегали к словотворчеству для пополнения необходимыми словами языка своих сочинений. К. Ничева, автор монографии о языке его "Недельник" (1806 г.) и других сочинений, констатирует: "Вне всякого сомнения Софроний сам создал ряд слов; это особенно видно в тех его произведениях, о которых достоверно известно, что они переведены с греческого"⁵. О "творческих поисках и колебаниях" Софрония в этом отношении определенно свидетельствуют, по ее мнению, в частности, использование Софронием слов, образованных от одной и той же основы с помощью разных суффиксов, замена слов семантическими дублетами в процессе работы над текстом. К. Ничева, однако, отдает себе ясный отчет в сложности решения вопроса о собственных неологизмах Софрония. "Разумеется, — пишет она, — трудно установить с абсолютной точностью, какие именно слова созданы самим Софронием; важнее отметить сам факт словотворчества нашего крупного писателя Возрождения"⁶. Соглашаясь с первой частью приведенной цитаты, мы не можем не отметить вместе с тем, что без предварительного установления слов, бесспорно созданных Софронием, нельзя, очевидно, говорить о его склонности к словотворчеству и ее результатах.

К. Ничева указывает целый ряд слов, созданных, по ее мнению, Софронием, и таких слов, о которых можно думать, что они созданы этим книжником.

Приведем сначала бесспорные "индивидуальные образования" Софрония, указанные в цитируемой монографии. К ним К. Ничева относит существительное *кѣрвовство* употребляемое Софронием наряду с чаще встречающимся у него *кѣрвѣрство* (с. 100), прилагательные *грабѣтеленъ*, *жлѣбный*, *пѣлѣственъ*, *чѣдный*, *юечный* (с. 113) *дѣвоическій*, *пѣстынѣшскій*, *сѣднѣшскій*, *пѣвѣднѣшскій* (с. 115). Каких-либо данных об употреблении перечисленных прилагательных до Софрония Врачанского у нас нет. Что же касается существительного *кѣрвовство*, то оно встречается в целом ряде памятников новоболгарской письменности XVII–XVIII вв.: *курвѣвство* (Люблинский, Тихонравовский, Свиштовский дамаскины), *курвовство* (Копривштенский дамаскин), *корвовство* (Тихонравовский дамаскин), *курвѣвству* ("Недельные поучения") (Шим., с. 148). Только в одном Троянском дамаскине в написаниях *курвѣвство* и *курвѣвство* оно встречается пять раз, например: *махнѣ се кѣлѣкото мѣжешѣ чл(овѣ)че ѿт кѣрвѣвство и чюжды жены* (с. 13); *да се чюваме ѿт сѣбѣкы грѣхъ. ѿт кѣрвѣвство, ѿт кражѣба* (с. 15). Считать слово *курвовство* "индивидуальным образованием" Софрония Врачанского, таким образом, нет никаких оснований.

К числу вероятных "индивидуальных образований" Софрония Врачанского К. Ничева в цитируемой монографии относит *борѣтель*, *вардѣтель* (с. 81), *пасѣчь* (с. 82), *сѣднѣкъ* (с. 84), *блѣзность*, *видѣлость*, *горчѣвость*, *дѣвность*, *жѣгость*, *негнѣлость*, *немилоствѣность* и *немилоствѣвость*, *непрѣвѣсть*, *правѣсть*, *прокажѣнность*, *тѣжѣсть*, *оужѣсность*, *оусѣлность*, *тѣхѣсть* (с. 94–95), *гордѣлѣвство*, *неблагодѣрство*, *немилоствѣвство*, *ѿпорлѣвство*, *ѿпорлѣчство*, *прѣемство*, *сѣромѣшество*, *соблазнѣтельство*, *сѣвѣврство* (с. 100), прилагательные *сѣвѣдѣчѣцовъ* (с. 109), *иглѣнъ*, *рыбѣнъ* (с. 110), *пѣчѣвный*, *прилѣжный*, *зѣходный* (с. 113), глаголы *зѣвѣдѣвамъ*, *повредѣвамъ* (с. 117), *сѣдѣвамъ* (с. 120).

В действительности не все эти слова следует считать возможными новообразованиями самого Софрония, ибо некоторые из них встречаются в болгарском языке и до него. Так, Р. Цойнская недавно обратила внимание на то, что слова *правѣсть* и *тихѣсть* употреблялись уже в древнеболгарском языке (данные Р.М. Цейтлин⁷) и в памятниках церковнославянской письменности⁸. Ниже приводим другие слова, которые зафиксированы в текстах, изданных ранее "Недельника" и других сочинений Софрония Врачанского.

Борѣтель 'борец'. В таком значении находим уже в Копривштенском дамаскине — *борѣтель* що се борѣ сѣ нас (Шим., с. 15); в Тихонравовском — *дѣволъ борѣтель* що се бори сѣ нас (Тих. д., с. 209).

Судник 'судья'. Как отмечает К. Попов, это слово зафиксировано в "Материалах словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского (т. III, с. 609)⁹. В принципе, таким образом, возможно, что слово *судник* Софроню могло быть известно из церковнославянских текстов. Во всяком случае, при наличии его в этих текстах настаивать на принадлежности его к числу слов, созданных Софронием, нет серьезных оснований.

Сиромашество. В отношении этого слова у К. Ничевой нет определенного мнения. В одном месте своей работы она относит его к вероятным "индивидуальным образованиям" (с. 100), в другом — к числу тех слов, о которых нельзя заключить, пришли ли они к Софроню из церковнославянских или из более старых памятников болгарской письменности" (с. 98–99). В том, что *сиромашество* следует относить к возможным новообразованиям Софрония Врачанского, справедливо усомнился еще К. Гутшмидт, указавший на употребление этого слова в Копривштенском дамаскине — *сыромашѣство*¹⁰. Позднее Р. Русинов, ссылаясь на монографию К. Ничевой, также писал об этом слове как о "вероятном индивидуальном образовании" Софрония¹¹. Тот факт, что это слово встречается и в "Рыбном букваре" П. Берона (1824 г.), Р. Русинов объясняет хорошим

⁷ Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. М., 1977, с. 165, 167.

⁸ Цойнска Р. Към характеристиката на лексиката и устойчивите съчетания на съвременния български книжовен език от началото на XIX в. (върху материали от съчиненията на Иоаким Кърчовски). — В кн.: Въпроси на съвременния български език и неговата история. София, 1980, с. 22, сноска 48.

⁹ Попов К. Нов принос към историята на българския книжовен език. — Език и литература, 1967, № 4, с. 82.

¹⁰ Gutschmidt K. Studien zum Wortschatz der frühen bulgarischen Übersetzungsprosa. [Berlin, 1966], S. 113.

¹¹ Русинов Р. Някои наблюдения върху езика на "Рибния буквар" от Петър Берон. — Български език, 1971, № 5, с. 425.

⁶ Там же.

⁵ Ничева К. Езикът на Софрониевия "Недельник" в историята на българския книжовен език. София, 1965, с. 106.

знанием Берона текста "Недельника" Софрония и влиянием лексики последнего на словарный состав "Рыбного букваря"¹². Трудно сказать, действительно ли слово *сиромашество* было взято Бероном именно из "Недельника"; в равной мере оно могло быть ему известно и из памятников новоболгарской письменности XVII–XVIII вв. Кроме уже упомянутого Копрившенского дамаскина, *сиромашество* встречается также в дамаскинах Люблянском – *сыромашьство*, Котелском – *сиромашество*, Свиштовском – *сиромашество*, *сиромаш'ство*, в "Недельных поучениях" – *сиромашество*, *сиромашестугу* (Шим., с. 138, 143), в Тихонравовском дамаскине – *сыромаш'ство* (Тих. д., с. 134), в Троянском – *сиромашьство* (Тр. д., с. 353). Поскольку *сиромашество* встречается в списанном в 1765 г. Софронием Котелском дамаскине, можно было бы думать, что оно было создано им еще при переписке этого дамаскина. Однако употребление его в дамаскинах XVII в. (Копрившенском, Люблянском, Тихонравовском, Троянском) ясно говорит против такого предположения.

Отнесение слов *неблагодарство* и *приемство* к вероятным "индивидуальным образованиям" Софрония Врачанского К. Попов (впрочем, в его изложении они характеризуются как слова, "созданные Софронием"), по-видимому, считает необоснованным потому, что в упоминавшихся выше "Материалах..." И.И. Срезневского есть слова *благодарьство* (т. I, с. 95) и *приёмник* (т. II, с. 1399)¹³. Ссылка К. Попова на наличие приведенных слов в словаре Срезневского, на наш взгляд, в данном случае недоказательна, потому что *благодарьство* можно рассматривать лишь как производящее слово, от которого Софроний присоединением *не*-мог образовать *неблагодарьство*, а *приёмник* и *приемство* вообще даже не связаны непосредственными деривационными отношениями.

Отдельно надо сказать о тех словах и выражениях, создание которых как будто не связывается с именем Софрония Врачанского, но введение которых в болгарский литературный язык ставится исследователями в заслугу именно этому книжнику. Так, К. Ничева считает, что чуждые народно-разговорной речи слова *причина*, *намерение* и *прилежание* "введены в употребление в наш литературный язык Софронием, так как они впервые употреблены им в печатном произведении"¹⁴. Она ставит в заслугу Софронию и то, что "он первым употребил в печатном произведении" и этим способствовал распространению в литературном языке и таких слов, как *воодушевлен*, *воскликна*, *возвестя*, *сотворя*, *согреша*, *возненавидя*, *козни*, *дерзая*, *бран*, *ответ*, *ложе*, *конец*, *всуге*, *твар*, *удивя се*, *предтеча*, *мнение*, *правило*, иноязычных по происхождению слов *фамилия*, *планета*, *церемония*, *аргумент*, *резон*, *генерал*, *доктор*, *щастлив* (с. 161), словосочетаний (още) *от пелени*, *лобно място*, *принесох жертва*, *излея гнева си*, *имам намерение*, *имам надежда*, *взема позволение*, *изпълня дълга си*, *до последното си издихание* (с. 245). О заслугах Софрония Врачанского в утверждении в литературном языке некоторых других слов К. Ничева пишет более осторожно. Так, относительно употребленных в "Недельнике" слов *санъ*, *сиречь*, *обладѣвамъ*, *истѣчникъ*, *оувы*, *оуныніе*, *денница*, *въкратиѣ*, *сласть*,

словѣсенъ, *пѣхоть*, *цѣлѣбный*, *чинъ*, *прѣмыслъ*, *тиѣтеленъ*, *творѣ* она полагает, что их закреплению ("навлізание") в литературном языке мог способствовать и Софроний (с. 157).

Опираясь на цитируемое здесь исследование К. Ничевой, Р. Русинов также видит заслугу Софрония Врачанского и его "Недельника", как первой новоболгарской печатной книги, "во введении в литературное употребление таких слов и устойчивых сочетаний, как *причина*, *намерение*, *мнение*, *правило*, *прилежание*, *щастлив*, *от пелени*, *лобно място*, *принесе жертва*, *излея гнева си*, *имам намерение*, *имам надежда*, *взема позволение*, *изпълня дълга си*, *до последното си издихание*"¹⁵.

В связи с такой постановкой вопроса о роли Софрония Врачанского в становлении лексики литературного языка надо заметить следующее.

Во-первых, в "Недельнике", как первой новоболгарской печатной книге, были употреблены не только перечисленные выше, но, как правильно отмечал уже К. Попов¹⁶, и все другие встречающиеся в нем слова и выражения как народного, так и книжного происхождения. Иными словами, на наш взгляд, нет оснований из всей массы слов, употребленных в "Недельнике", выделять особо только названные выше и связывать их последующее утверждение в литературном языке именно с тем обстоятельством, что они употреблены в первой печатной новоболгарской книге.

Во-вторых, само положение о введении Софронием в литературное употребление тех или иных слов неоднозначно. Оно может быть понято двояко: а) Софроний первым из книжников ввел в болгарский литературный язык слова, употреблявшиеся в церковнославянском языке или в языке памятников новоболгарской письменности, или б) Софроний, употребив те или иные слова, уже и до него встречавшиеся в болгарском литературном языке, способствовал их закреплению в этом языке. Приведенные выше заключения К. Ничевой К. Попов и интерпретирует таким образом, что в одних случаях Софроний "ввел в употребление" такие слова, как *причина*, *намерение*, *прилежание*, а в других "способствовал утверждению в практике слов более высокого стиля" – *сан*, *сиречь*, *твар* и др.¹⁷

Вопрос о том, какие именно слова как книжного, так и некнижного происхождения впервые ввел в болгарский литературный язык Софроний, в настоящее время, как правильно подчеркивал К. Попов еще лет двадцать назад, труден для разрешения, поскольку для этого необходимо предварительное изучение большого объема материалов и "прежде всего всей дамаскинской литературы, других памятников и источников"¹⁸. Пока же на основании фрагментарных данных можно указать на некоторые из перечисленных К. Ничевой и Р. Русиновым слов и выражений, встречающиеся в болгарском литературном языке и до Софрония Врачанского, точнее – до выхода в свет его "Недельника". Таковы:

Ответ. Встречается в "Пражском катехизисе" (XVII в.) – *отвѣтъ* (Шим., с. 89).

¹² Там же. – Отметим, что *сиромашество* употреблено в "Рыбном букваре" не на с. 63, как указано у Р. Русинова (с. 424), а на с. 78.

¹³ Попов К. Указ. соч., с. 82.

¹⁴ Ничева К. Указ. соч., с. 157.

¹⁵ Русинов Р. Учебник по история на новобългарския книжовен език, с. 63.

¹⁶ Попов К. Указ. соч., с. 83.

¹⁷ Там же, с. 82.

¹⁸ Там же.

Правило. Неоднократно встречается в памятниках новоболгарской письменности XVII–XVIII вв., в частности, в дамаскинах Люблянском, Копривштенском – *п̀равило* (Шим., с. 51), также и в "Пражском катехизисе" (там же) и Троянском дамаскине (с. 217, 218, 243); с другим ударением в Троянском дамаскине – *п̀рави́ло* (с. 133, 144), в Копривштенском дамаскине – *п̀рави́ло* (Шим., с. 51).

Промисл. Употреблено, например, в Свиштовском дамаскине – *п̀ро́мислъ* (Шим., с. 90).

Бран. Встречается в Троянском дамаскине – *на брань, силенъ въ браны* (Тр. д., с. 370).

Твар. Встречается в том же дамаскине – *тв́арь мýсльна* (Тр. д., с. 54), *сичка тв́арь* (Тр. д., с. 224).

Творя. Встречается в том же дамаскине – *тв́оришь* (Тр. д., с. 261).

Удивя се. В том же дамаскине есть форма аориста *ѹдѣви се* (Тр. д., с. 89).

Сиреч. Неоднократно встречается в дамаскинах Троянском – *сѣрѣч* (Тр. д., с. 10, 374), *сѣ рѣч* (Тр. д., с. 5), Свиштовском – *сѣрѣч', сѣрѣч* (Св. д., с. 21).

Чин. Неоднократно встречается в Троянском дамаскине – *чѣнь* (Тр. д., с. 104, 272), *чѣнь* (с. 158), *чѣньове* (с. 154).

Имам надежда. Встречается в Троянском дамаскине: и ѣмай п́акъ на́дежда да се спасишь (с. 88), *тѣбѣ ѣмах чѣдо моѣ на́дежда*, и на тѣбе се на́дѣх (с. 364).

Это же относится и по крайней мере к некоторым заимствованным словам, например *генерал* и *церемония*.

Генерал. Встречается неоднократно в "Истории славеноболгарской" Паисия Хилендарского (1762 г.), например: *егда билъ генералъ при река* (Ист. сл.-б., с. 19⁶), *събралъ войскѣ велика и послалъ на Болгарію под нѣкоего Фѣка генерала* (с. 25^а), *генерали* (с. 19^а).

Церемония. Встречается, как уже отмечала и Е. Георгиева¹⁹, у Паисия Хилендарского, например: *Грци имѣАли мѣдрость и политика и церемонии* (Ист. сл.-б., с. 56^а).

Едва ли мы ошибемся, сказав, что перечисленные здесь несколько слов и выражений встречаются и в других памятниках новоболгарской письменности и что, кроме них, надо полагать, в этих памятниках употреблены и другие слова, введение которых в литературный язык связывается, как сказано выше, с "Недельником" и другими сочинениями Софрония Врачанского.

3. А. Кипиловский (1802–1870 гг.) характеризуется современными исследователями как "один из первых возрожденцев, которые сделали исключительно много для обогащения нашего (т.е. болгарского. – Г.В.) словаря новыми словами, заимствованными главным образом из русского языка"²⁰. Это, надо полагать, правильная оценка. Однако оценить в полном объеме новые слова, взятые именно Кипиловским из русского языка, и их конкретный список – пока, как указывает и Р. Русинов, задача

¹⁹ Георгиева Е. Някои словообразователни типове в езика на Паисиевата Славяно-българска история. – Български език, 1962, № 6, с. 523.

²⁰ Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски и българският книжовен език. – Трудове на Великотърновския университет "Кирил и Методий", Филологически факултет, т. XI, кн. 1, 1973/74. София, 1975, с. 555.

невыполнимая²¹. Вот почему в числе заимствованных из русского языка слов, введение которых в болгарский язык ставится в заслугу Кипиловскому, уже и сейчас, при нынешнем состоянии изученности лексики болгарского литературного языка до второй половины XIX в., можно указать и немало таких, которые были употреблены болгарскими книжниками до Кипиловского. Приведем несколько примеров.

Среди употребленных в переводах Кипиловского имен со значением действующего лица на -тел Р. Русинов выделяет такие, которые были уже представлены в языке предшественников Кипиловского (например, у Софрония Врачанского – *гонител, любител, обладател, пазител, победител, покровител, спасител, учител*), и такие, о которых "следует предполагать, что они заимствованы Кипиловским прямо из русского языка"²². Ко второй группе он относит, в частности, *жител, завоеватель, зритель, избавитель, надзиратель, обитатель, основатель, преобразователь, попечитель, покровитель, предводитель, ругатель*, а также, по-видимому, *помилователь*. Еще раньше о заимствовании А. Кипиловским слов *повелитель, предводитель* из русского и церковнославянского языков писала В. Попова²³. В действительности по крайней мере некоторые из приведенных здесь слов употреблялись в болгарском языке и до Кипиловского. Таковы, в частности, *жител, избавитель, попечитель, покровитель, предводитель*.

Жител. Встречается в сочинениях Й. Кырчовского – *житель*²⁴.

Избавитель. Встречается уже в дамаскинах Копривштенском – *избавитель* (Шим., с. 15), Троянском – *избавитель* (Тр. д., с. 337); К. Ничева приводит *избавитель* из "Недельника" Софрония Врачанского (1806 г.) в числе слов, встречающихся и "в более старых памятниках болгарского языка", и отмечает, что такое ударение в этом слове говорит о русском влиянии²⁵.

Попечитель. Встречается, как уже давно отмечено Л. Андрейчиным²⁶ в "Рыбном букваре" Берона; это же отмечает и Р. Русинов в другой работе²⁷, где он обращает внимание и на значение этого слова у Берона – "лицо, которое заботится о развития книжного дела". Еще до Берона *попечитель* в значении "попечитель, опекун", свойственном ему и в настоящее время, встречается неоднократно в "Инструкции о сельских приказах" (1821 г.), например: *зарачѣхъ сѣхъ твѣ на иднѣ на вѣшатъ Попечитель... да раздаде тѣзи Инструкциѣ* (Инстр., с. 15); *попечительѣ* (с. 10, 11), *попечительѣ* (с. 3, 5, 6, 10).

Покровитель. Употреблено в Свиштовском дамаскине – *покровитель* (Шим., с. 16), в рукописном варианте "Недельника" Софрония Врачанского – *покровитель*²⁸.

²¹ Там же, с. 560.

²² Там же, с. 557.

²³ Попова В. Възникване на обществено-политическата лексика и фразеология в българския книжовен език. – Български език, 1964, кн. 4–5, с. 316.

²⁴ Цойнска Р. Указ. соч., с. 12.

²⁵ Ничева К. Указ. соч., с. 80, 81.

²⁶ Андрейчин Л. Ролята на церковнославянския език за изграждането на съвременния български книжовен език. – Български език, 1958, кн. 4, с. 318.

²⁷ Русинов Р. Словообразователни типове при съществителните имена за лица от мъжки и женски род в "Рибния буквар" на Петър Берон. – В кн.: Славистични проучвания. София, 1978, с. 138, 139.

²⁸ Ничева К. Указ. соч., с. 80.

Предводител. Встречается, как отметила уже Е. Георгиева²⁹, в "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского; см.: велики *предводителъ* и свѣтилн(и) къ болгарски (Ист. сл.-б., с. 56^б).

В заслугу А. Кипиловского ставится также обогащение словарного состава болгарского языка специальной, в частности общественно-политической, терминологией, почерпнутой им из русского языка. Так, В. Попова указывает, что в переведенной с русского языка книге "Кратко начертание на всеобщата история" (1836 г.) А. Кипиловский ввел "в состав общественно-политической лексики" целый ряд слов, "воспринятых из русского и церковнославянского языка", в том числе *владичество, владение, власт, влияние, намеса(!), волнение, государство, держава, законодатель, народовластие, независимость, образование, общество, падение, просвещение, самодержавный, самодержец, самогласный, самостоятельность, событие, соединявам*³⁰. Р. Русинов считает, что большая часть современных географических, исторических и общественно-политических терминов ведет свое начало в болгарском языке с этого же перевода А. Кипиловского. Он приводит около 90 "новых слов" (некоторые из них имеются и в списке В. Поповой) из словаря, приложенного к названной книге, и из текста самой книги, которые Кипиловский предлагал закрепить в болгарском языке^{30а}. На самом деле не все указанные им слова обязаны своему появлению в болгарском языке этой книге Кипиловского. Целый ряд из них употреблялся уже и до выхода ее в свет.

Владичество. Новым у А. Кипиловского можно признать, вероятно, только значение 'политическое господство, полная власть' этого слова³¹. Само же слово — в значении 'сан, власть владыки, архиерея' — встречается уже в дамаскинах Свиштовском — *владичество* (Шим., с. 143) и Троянском — тогива дръжаше *вл(а)д(и)чество с(в)д(а)тъ* Николае оу тоа градъ (Тр. д., с. 270); ные да го извадим *от вл(а)дичество* (Там же). Оно широко употреблялось уже в древнеболгарском языке³².

Государство. Встречается в обращении Софрония Врачанского к болгарскому народу (сентябрь — октябрь 1810 г.): Ищели Б(о)гъ да въздвигне и да прослави нѣкой *Госудѣрство* (Изв. на Ин-та за история, 1968, т. 20, с. 364). Еще раньше — у Паисия Хилендарского: И велика *гдрства* къ падению прекланяют сѣ (Ист. сл.-б., с. 5^а).

Държава. Встречается уже в "Недельнике" Софрония Врачанского; Нелѣе было довольно намъ, щѣси избавил(ъ) нас(ъ) отъ дѣволска *държава*, щѣе мучил(а) насъ толико хлѣды годѣни (Нед., с. 210^б).

Запад. Встречается уже в "Белградском сборнике" XVIII в.: отъ *запада* (Шим., с. 90), в "Рыбном букваре" Берона: ако има на истокъ или на *западъ* облацы (Рб. бкв., с. 132).

Многобожие. Употреблено уже в Троянском дамаскине — прѣста тогива мнѣгѣбѣжѣ (Тр. д., с. 316) и, как отметила К. Ничева³³, — в "Недельнике" Софрония Врачанского: *многѣбѣжѣ*.

²⁹ Георгиева Е. Указ. соч., с. 522.

³⁰ Попова В. Указ. соч., с. 316.

^{30а} Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски..., с. 567.

³¹ Ср. и: Попова В. Възникване на общественно-политическата лексика..., с. 316.

³² Цейтлин Р.М. Указ. соч., с. 157.

³³ Ничева К. Указ. соч., с. 128.

Област. Встречается в Троянском дамаскине — неговата *область* е не изрѣч(е)нна (Тр. д., с. 254), на областъ рѣмско царство (с. 119).

Общество. Встречается, как указывают В. Попова и в другой работе Р. Русинов³⁴, в "Рыбном букваре" Берона, например: *Всѣко общество сѣ оупѣза* кога согласно сѣ трѣдѣ сичкитѣ членове (Рб. бкв., с. 57), *провѣди* (перевод "Нового завета". — Г.В.) арх. Феод. въ Пѣтербѣргъ на Библийскаго *Общества* (с. 141).

Остров. Встречается в рукописной "Александрии" (1810 г.) — да идатъ по Бѣломорски *острови* (Ал., с. 37); еще ранее в дамаскинах, например: Въ митилѣнскѣй *остров* сѣрѣч дѣто обѣче вода изъ околѣ та има храм (Тих. д., л. 316).

Просвещение. Употреблено уже в Свиштовском дамаскине — *просвѣщение* (Шим., с. 86).

Самодержавец. Встречается в "Рыбном букваре" Берона, на что уже указывала В. Попова³⁵, например: какъ може единъ *самодержецъ* да оудержѣ здраво царството си (Рб. бкв., с. 48), Тѣтъ рѣмскѣй *самодержецъ* бѣше тѣрдѣ челоуѣколюбецъ (с. 74); ранее это слово фиксируется в "Инструкции о сельских приказах": да оправити добринити дѣту сѣ дѣдини вамъ отъ *Самодержицѣ* (Инстр., с. 15).

К ним следует добавить еще несколько слов, о которых речь пойдет ниже, а из иноязычных заимствований самого русского языка — по крайней мере *император* и *республика*, которые также встречаются в текстах, написанных до издания переводов Кипиловского. Ср.:

Император. Употреблено в "Александрии" 1810 г.: Александаръ *императоръ* македонски възводитъ на престолъ отечиски (Ал., с. 16); Отговори Александаръ *императоръ* и речи (Там же); неоднократно встречается в обращениях Софрония Врачанского к болгарскому народу, опубликованных в 1810 г.: Алаѣхандръ Чудний *Императоръ* (Известия на Института за история, 1968, т. 20, с. 367); Великому Г(о)с(у)дарю *Императору* Алаѣхандру (Там же, с. 357) и др.; это слово встречается и в "Инструкции о сельских приказах": Семилѣстѣватъ Нашѣтъ Царъ *Императоръ* Алаѣхандръ Павловичъ подарилъ вѣсь сѣ мѣлогу плодѣвити землѣ (Инстр., с. 1).

Республика. Встречается в "Рыбном букваре" Берона, правда, не в таком точно написании, а без с, т.е. так, как это слово пишется в болгарском и в настоящее время: Чуди сѣ всѣкъ кѣто поглѣдни сѣ кѣпакъ трѣдѣ и сѣ кѣлка чеврастинѣ сичкитѣ членове на тѣзи *репѣблика* залѣгатъ за ѣбщѣта полѣза (Рб. бкв., с. 118 — в тексте о пчелах).

Менее определенно говорится о введении Кипиловским других слов. Так, о существительных на *-ние* Р. Русинов пишет, что многие из них ("голяма част") во второй четверти XIX в. еще недостаточно утвердились в литературном языке или же "впервые были введены" А. Кипиловским³⁶. При такой характеристике из следующего за нею иллюстративного списка из 41 слова невозможно установить, какие именно слова на *-ние*, по мне-

³⁴ Попова В. Езиковото дело на П. Берон. — В кн.: Проблеми от историята на българския книжовен език. Съст. В. Попова. София, 1976, с. 205; Русинов Р. Някои наблюдения върху езика и стила на "Рибния буквар" от Петър Берон. — Български език, 1971, кн. 5, с. 424.

³⁵ Попова В. Езиковото дело на П. Берон, с. 205.

³⁶ Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски..., с. 560.

нию Р. Русинова, были введены впервые в болгарский язык этим книжником, а какие уже употреблялись и до него, но еще не вошли прочно в лексический состав литературного языка. Но поскольку в принципе к числу первых можно отнести любое из них, целесообразно отметить те, о которых уже сейчас можно сказать, что они употреблялись в болгарском языке и до Кипиловского и введение которых, следовательно, не должно ставиться ему в заслугу. Таковы по крайней мере следующие слова:

Внимание. Встречается в "Рыбном букваре" Берона: да слышать съ вниманіе (Рб. бкв., с. 36). В списке существительных на -ние в "Рыбном букваре", приведенном Р. Русиновым в другой работе, это слово отсутствует³⁷.

Вылинение, выплыщение. Оба слова встречаются в сочинениях Й. Кырчовского³⁸.

Желание. Встречается в дамаскинах Копривштенском – *желание* (Шим. с. 76) и Троянском – а четвърта е сила *желаніе* (Тр. д., с. 303), да му исплѣни *желаніето* (с. 134), а также в сочинениях Й. Кырчовского – *желаніе*³⁹ и в "Рыбном букваре" Берона: оусиромашѣи ѿ *желаніа* (Рб. бкв., с. 46); в упомянутом выше списке Р. Русинова слов на -ние в "Рыбном букваре" это слово также отсутствует⁴⁰.

Заблуждение. Встречается в сочинениях Й. Кырчовского⁴¹.

Искушение. Употреблено уже в дамаскинах Копривштенском – *искушѣніе* (Шим., с. 85) и Троянском (трижды) – ѿт *искушѣніе* б(о)жѣ (Тр. д., с. 56), това *искушѣніе* б(о)жѣ (с. 60), да тѣглим *искушѣніе* и скръбѣ (с. 69); встречается также и в сочинениях Й. Кырчовского⁴².

Отступление. Употреблено Й. Кырчовским в книге "Различна ноучителна наставления" (1819 г.) – *отступленіе*⁴³.

Престыпление. Встречается в дамаскинах Свиштовском – *преступленіе* (Шим., с. 86), Троянском – ради жѣнское *прѣступленіе* (Тр. д., с. 30).

Падение. Встречается в "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского: и великаа г(о)с(у)д(а)рства къ *падѣнію* прекланаят са (Ист. сл.-б., с. 5^а), а также у Й. Кырчовского: *падѣніе*⁴⁴.

Страдание. Употреблялось уже Софронием Врачанским – срв. название его знаменитой автобиографии "Житіе и страданіа грѣшнаго Софроніа", Й. Кырчовским⁴⁵, а еще ранее – Паисием Хилендарским: защо ва толика *страданіе* и насилие држать свою вѣру непременно (Ист. сл.-б., с. 64^а).

Явление. Встречается в сочинениях Й. Кырчовского⁴⁶, в "Рыбном букваре" Берона: за въздушнитѣ *явлѣніа* (Рб. бкв., с. 126 и др.).

В упоминаемом выше списке слов на -ние у Р. Русинова приводится также *прилежание* или *приложение*: так как буква после л в статье Р. Русинова не пропечатана, то трудно сказать, какое из них здесь имеется в

виду⁴⁷. Заметим, однако, что оба слова употреблялись в болгарском языке и до Кипиловского, например, *прилежаніе* – в "Недельнике" Софония Врачанского⁴⁸, в его же обращении к болгарскому народу (1813 г.) – с големо *прилежаніе* да помогна (Известия на Народната библиотека "Кирил и Методий", 1972, т. XII/XVIII, с. 95); *приложеніе* – в "Рыбном букваре" Берона (с. 135), что уже давно отмечал Л. Андрейчин⁴⁹, а позднее и Р. Русинов⁵⁰.

О существительных на -ост Р. Русинов пишет, что их в переводах Кипиловского не очень много, но что их количество "очень показательно для обогащения" болгарского языка книжной лексикой⁵¹. Он приводит, в частности, существительные *важность, жадность, жестокость, крепость, опасность, превратность, почтенность, промышленность, разточительность, справедливость, храбрость* из приложенного к книге "Краткое начертание на всеобщата история" словарика, которые, по мнению Кипиловского, должны быть усвоены болгарским языком, и замечает, что "большинство из них были впервые использованы Кипиловским"⁵². Однако какие именно из перечисленных выше слов на -ост обязаны своим появлением в болгарском языке Кипиловскому, из сказанного Р. Русиновым заключить нельзя. Можно в этой связи лишь отметить, что по крайней мере пять из них к числу нововведений Кипиловского явно не относятся, ибо они встречаются и до него. Ср.:

Жадность. Употреблено в Люблянском дамаскине – *жѣдность*, в одной из новоболгарских рукописей XVIII в. – *жѣдность* (Шим. с. 129), в "Недельнике" Софония Врачанского – *жѣдность*⁵³.

Жестокость. Встречается в "Недельнике" Софония Врачанского *жестокость*⁵⁴.

Крепость. Встречается в Копривштенском и Тихонравовском дамаскинах: *крѣпость* (Шим., с. 129), у Паисия Хилендарского: поставилъ въ ѿхридь престолъ кралевски и *крепость* болгарскую (Ист. сл.-б. с. 12^б), в сочинениях Й. Кырчовского: *крѣпость*⁵⁵.

Опасность. Употреблено в "Недельнике" Софония Врачанского⁵⁶.

Храбрость. Встречается, как уже отмечала Е. Георгиева⁵⁷, в "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского – *храбрость* (л. 56^а), *храбрости* (л. 55^б) и др.

Не всегда четко характеризуется реальный вклад Кипиловского в обогащение и других разрядов лексики болгарского литературного языка. Так,

⁴⁷ Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски..., с. 560.

⁴⁸ Ничева К. Указ. соч., с. 157.

⁴⁹ Андрейчин Л. Езикът на "Рибния буквар" и българският книжовен език. – Български език, 1964, кн. 2–3, с. 102.

⁵⁰ Русинов Р. Някои наблюдения върху езика на Рибния буквар от Петър Берон. – Български буквар, 1971, кн. 5, с. 423.

⁵¹ Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски... с. 562.

⁵² Там же.

⁵³ Ничева К. Указ. соч., с. 94.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Цойнска Р. Указ. соч., с. 55.

⁵⁶ Ничева К. Указ. соч., с. 94.

⁵⁷ Георгиева Е. Някои словообразователни типове в езика на Паисиевата Славяно-българска история. – Български език, 1962, кн. 6, с. 523.

³⁷ Русинов Р. Някои наблюдения върху езика и стила на "Рибния буквар"... с. 423.

³⁸ Цойнска Р. Указ. соч., с. 18.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Русинов Р. Някои наблюдения върху езика и стила на "Рибния буквар"... с. 423.

⁴¹ Цойнска Р. Указ. соч., с. 18.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 17.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Цойнска Р. Указ. соч., с. 18.

⁴⁶ Там же.

о словах, которыми, по мнению Р. Русинова, обогатился этот язык благодаря переводам Кипиловского и которые употребляются в настоящее время "без каких бы то ни было изменений", говорится следующее: "Некоторые из этих слов, вероятно, усвоены Кипиловским из предшествующей ("по-старата") болгарской литературы, но другие, большее количество, перешли в его речь через посредство русского языка"⁵⁸. Поскольку разграничение 30 слов, которыми иллюстрируется это положение, в указанном здесь плане не производится, остается неясным, какие из них могли быть почерпнуты Кипиловским из уже существовавшей литературы на болгарском языке, а какие (большая их часть) — взяты им из русского языка. Наш материал показывает, что по крайней мере 11 из 30 приведенных Р. Русиновым слов данной группы употреблялись в болгарском языке и до Кипиловского. Таковы:

Вест. Встречается, например, в "Рыбном букваре" — *Кога приближи времѣ да сѣ дигнатъ, раздаватъ вѣсть* (хабѣрь) (Рб. бкв., с. 112). Пояснение П. Бероном слова *вѣсть* турецким *хабѣрь* показывает, что в начале 20-х годов XIX в. оно воспринималось как слово книжное и не всем понятное.

Власт. Неоднократно встречается в дамаскинах Троянском — *власть* (с. 117, 371), *власты* (с. 158), *влас(т)* (с. 309) и Свиштовском — *власть* (с. 172), *власъ* (с. 642) (Шим., с. 112), в сочинениях Й. Кырчовского — *власть*⁵⁹, в "Рыбном букваре" Берона — *власть* на тази свѣта рѣбота (Рб. бкв., с. 144).

Вожд. Употреблено уже в Троянском дамаскине: *Щѣ из тѣбе да излѣзе вождь* (Тр. д., с. 309).

Враг. Многократно встречается, например, в Троянском дамаскине: *амй врагъ сѣщи дѣаволь* (Тр. д., с. 118), *врагъ* (с. 137), *да побѣдишь твоите врагѣве* (л. 121) и др.; в "Александрии" 1810 г.: *койту тѣби убий, той врагъ* и *дошманинъ на сичкиАтъ свѣтъ* (Ал., с. 156), в "Рыбном букваре" Берона: *най голѣмѣять врагъ* (с. 107).

Мир. Неоднократно встречается в Троянском дамаскине — *а сѣга се врьнахъ въ мѣръ* (Тр. д., с. 107), и *сторѣше мѣръ съсѣ тайфѣли* (с. 282), *мѣръ шо ѣ сичкы свѣтъ* (с. 329) и др., в "Рыбном букваре" Берона — *По добръ сѣхъ хлѣбъ съ мѣръ, а нѣ много гѣстѣА сѣсъ скорбѣ* (с. 41).

Наука. Встречается, например, в "Пражском катехизисе" (XVIII в.): *наука* (с. 22^a), в дамаскинах Копривштенском — *наука*, Свиштовском и в рукописи 1796 г. — *наука* (Шим., с. 92), в Троянском дамаскине — *да прѣймешъ и наоука* (Тр. д., с. 244), *да ймаме и нѣе наоука* (с. 358), *наоуки* (с. 1) и др., в "Рыбном букваре" Берона — *безъ наука* (Рб. бкв., с. 143), *да сѣ умножи наука* въ нашето отечество (с. 40), *умножавамы нашѣатъ умъ съ много науки* (с. 126).

Превод. Встречается в "Рыбном букваре" Берона: *лошевъ преводъ* (Рб. бкв., с. 141).

Пример. Употреблено в "Рыбном букваре": *моитѣ рѣботы да ставѣтъ примѣри* на моитѣ ученицы (Рб. бкв., с. 41); ср. также и в сочетании с предлогом *на* в значении "например": *на примѣръ пѣлѣцѣтъ е по ѣгкъ отъ*

другитѣ пѣрсти (с. 122); еще ранее — в обращении Софрония Врачанского (1810 г.): *Това да ви скажимъ сѣсъ примѣръ* (Изв. на Ин-та за история, 1968, т. XX, с. 364).

Причина. Встречается в "Недельнике" Софрония Врачанского: *причина*. К. Ничева даже относит его к числу слов, введенных Софронием в болгарский литературный язык⁶⁰. Многократно встречается также в "Рыбном букваре" Берона, что уже отмечалось В. Поповой⁶¹: *не рѣчи да изѣви причина* (себѣпатъ) (Рб. бкв., с. 62), *на това вы щѣ бѣдите причина* (себѣтъ) (с. 70), *за да намѣри причина* да го изѣдѣ (с. 55); *на праздно дѣри добра причина* (себѣтъ) (с. 54), *естѣственната причина* (с. 78), *разумѣва причинитѣ* на много нѣща (с. 125). Пояснение П. Бероном в ряде случаев слова *причина* турецким *себен* показывает, что в начале XIX в. *причина* было у болгар мало известным словом.

Страст. Встречается в дамаскинах Троянском: *да видѣмъ стр(а)сть* Х(ристово)ва (Тр. д., с. 342), *стр(а)сти* г(осподн)ѣ (с. 355), Тихонравовском: те же примеры (Тих. д., с.с. 249⁶²; 255⁶³).

Юноша. Встречается в "Недельнике" Софрония Врачанского — *юноша*⁶², в "Рыбном букваре"⁶³, где, впрочем употребляется *юнош* мужского рода — *юношатъ* (Рб. бкв., с. 73, 74), *мн. ч. юноши* (с. 83).

Вполне возможно, что и среди других приведенных Р. Русиновым в этой группе слов — *великан, вертеп, герой, дружба, договор, записка, иго, канал, корист, поприще, площад, раздори, разписка, способ, средство, спор, участ, успех, убежище*⁶⁴ — есть тоже такие, какие употреблялись уже до выхода в свет переводов Кипиловского.

Это же следует сказать и о целом ряде слов международной культурной лексики, которыми, по мнению Р. Русинова, обогатился формировавшийся болгарский литературный язык благодаря переводам Кипиловского с русского языка. К их числу Р. Русинов относит, в частности, *академия, астрономия, география, геометрия, доктор, идея история, компас, механика, музыка, математика, оратор, поет, типография, театр, физика, философия, хронология*⁶⁵. В другой работе Р. Русинов приводит более половины перечисленных здесь слов (со ссылкой на "Краткое начертание на всеобщата история", переведенное Кипиловским) как иллюстрацию того, что слова международной лексики "главным образом через русский язык начинают проникать в наш (болгарский. — Г.В.) литературный язык еще в первой половине прошлого века"⁶⁶; Р. Русинов отмечает, что, хотя некоторые из приведенных им слов встречаются и у других авторов (например, *аритметика, история, театро* у П. Берона), это, однако, не "ума-

⁵⁸ Ничева К. Указ. соч., с. 157.

⁶¹ Попова В. Езиковото дело на П. Берон. — В кн.: Проблеми от историята на българския език. Съст. В. Попова. София, 1976, с. 205.

⁶² Ничева К. Указ. соч., с. 157.

⁶³ Попова В. Езиковото дело на П. Берон, с. 205.

⁶⁴ Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски..., с. 564–565. — В другой работе слова *дружба, записка, разписка, поприще, превод, способ, средство, участ*, а также *виноват, граждански, основен* Р. Русинов рассматривает как прямые заимствования А. Кипиловского из русского языка (Русинов Р. Учебник по истории на новобългарския книжовен език, с. 97).

⁶⁵ Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски..., с. 566.

⁶⁶ Русинов Р. Учебник по история на новобългарския книжовен език..., с. 97.

⁵⁸ Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски..., с. 565.

⁵⁹ Цойнска Р. Указ. соч., с. 48.

ляют заслуги Кипиловского»⁶⁷. В действительности же слов этой группы, которые употреблялись в болгарском языке до Кипиловского, больше. Это, например, также:

Академия. Встречается в "Рыбном букваре" Берона: Въ Петербургската *академіа* опредѣлиха да думамы словата А, Бе, Ве (Рб. бкв., с. 5).

Доктор. Встречается в "Недельнике" Софрония Врачанского: *докторъ*⁶⁸.

Музыка. Также встречается в "Недельнике" Софрония Врачанского: *музика* (с. 200^a). Ударение на втором слоге, по мнению К. Ничевой, "дает основание заключить, что слово это употреблено Софронием под влиянием русского языка", где оно ранее имело такое же ударение — *музыка*⁶⁹.

Философия. Встречается в "Рыбном букваре" Берона — да разбира *фѣлософіата* (Рб. бкв., с. 41), пользова *Платонъ* и *фѣлософіата* (с. 42); в "Александрии" 1810 г. это слово пишется *с в* вместо второго *ф*: и научи сичка негова *философиѣ* (Ал., с. 7), и учиши гу Нетанавъ ношѣ *философиѣ*, и за седемъ годинъ научи са Александру писмо и сички *философии* (с. 8). Еще раньше — в Троянском дамаскине: Той *ѡтѣде въ Аѡина да оучи ѡше философиѣ* (Тр. д., с. 208), у Паисия Хилендарского: Кирилъ... оучил се послежде *философиѣ* въ Цариградъ (Ист. сл.-б., с. 61^a).

В заслугу А. Кипиловскому ставится также то, что он обогатил лексику литературного языка рядом народных слов. Так, Р. Русинов указывает, что Кипиловский "берет и вводит в литературное употребление" такие слова, как *гльчка*, *колесница*, *кръст* 'поясница', *купище*, *секира*⁷⁰. Он отмечает также, что — и это естественно для периода формирования литературного языка — "некоторые из введенных им народных слов", например, *речка*, в нем не закрепились⁷¹.

В связи с этим нельзя не отметить, что в переводах Кипиловского употребляется большое число и других слов, почерпнутых им из народной речи. Выделение перечисленных здесь нескольких слов поэтому не представляется обоснованным. Если имеется в виду, что Кипиловский первым из болгарских книжников употребил их в литературном языке, то это тоже не совсем точно, ибо по крайней мере четыре из шести названных Р. Русиновым слов встречаются в текстах, написанных до переводов Кипиловского. Таковы:

Гльчка. Встречается в "Александрии" 1810 г.: *отдолу писакъ и плачъ жалень и гльчка и викъ многу* (Ал., с. 150).

Колесница. Встречается уже в Троянском дамаскине: *завѣха ѥ се катѣ една колесница* (Тр. д., с. 149); употреблено, как уже отметила Е. Георгиева⁷², у Паисия Хилендарского: *пратиль болгаромъ плана колесница злато* (Ист. сл.-б., с. 12^b), далее — в "Александрии": *качѣха... Пора на златаѣ колесница* (Ал., с. 130), *дади му данъ сто колесници* (Ал., с. 159) и др.

Купище. Встречается в Копривштенском дамаскине — *купище* (Шим., с. 66).

⁶⁷ Русинов Р. Преводаческо дело на А.С. Кипиловски..., с. 566–567.

⁶⁸ Ничева К. Указ. соч., с. 159.

⁶⁹ Там же, с. 158.

⁷⁰ Русинов Р. Преводаческо дело на А.С. Кипиловски..., с. 565.

⁷¹ Там же.

⁷² Георгиева Е. Някои словообразователни типове..., с. 523.

Секира. Встречается уже в "Недельнике" Софрония Врачанского и сочинениях Й. Кырчовского — *сѣкира*⁷³.

О конкретных примерах словотворчества Кипиловского Р. Русинов говорит с разной степенью уверенности. Бесспорным новообразованием этого книжника он считает как будто только одно слово — *стихотворство*, а слова *обглед*, *початка* 'начинание', *начало*, *свартало* рассматривает как очень вероятные его новообразования⁷⁴. Менее уверенно к числу собственных новообразований Кипиловского Р. Русинов относит некоторые другие слова. Так, относительно слов *лисицоласкател*, *местопоказник*, *войсководител*, *мореходец*, *детеводител* он пишет, что "с большой уверенностью можно предполагать, что они созданы" Кипиловским⁷⁵. Некоторые другие слова Р. Русинов рассматривает как возможно созданные Кипиловским. К ним он относит *запазник*, *корабленник*, *осужденник*, *предвестителник*, *сопутешественник*, о которых пишет, что "не исключено", что они являются "авторскими образованиями"⁷⁶. В отношении *корабленник* и *осужденник* следует заметить, что предположение Р. Русинова лишено оснований, ибо эти слова, как видно из работы К. Ничевой, встречаются в "Недельнике" Софрония Врачанского и рассматриваются ею в числе многих церковнославянских слов, употребленных Софронием⁷⁷. Отметим также, *осужденник* встречается и в памятниках новоболгарской письменности, например: за *ѡнѣа трѣте осожденници* (Тих. д., с. 144), за *ѡнѣа трѣте ѡсѣжденници* (Тр. д., с. 280). Последний пример показывает, что данное слово уже в XVII в. выступало в болгаризованной форме — со звуком *з* в корне, обозначенным буквой *ѣ*, а не с *у*.

Из сказанного выше видно, что реальный вклад А. Кипиловского в обогащение лексики болгарского литературного языка новыми словами несколько скромнее, чем это представляется в некоторых трудах современных исследователей.

4. Среди видных деятелей XIX в., внесших вклад в обогащение словарного фонда болгарского литературного языка, неизменно указывается Иван Богоров (ок. 1820–1892 гг.) — издатель первых болгарских газет "Български орел" и "Цариградски вестник", автор одной из первых грамматик болгарского языка и других книг, крупнейший пурист прошлого века. Авторы многих статей ставят ему в заслугу то, что он обогатил литературный язык рядом широко употребительных ныне слов, одни из которых были созданы им самим, а другие введены им из народного языка или заимствованы из русского и других языков.

Приведем сначала соответствующие высказывания исследователей, чтобы убедиться в широкой популярности давно утвердившегося мнения о заслугах Богорова в этой области истории литературного языка.

Словотворчество Богорова, как известно, давно уже связывается с его пуристической деятельностью — с борьбой за чистоту родного языка, против иноязычных элементов в лексике. В середине 40-х годов нашего века С. Стойков писал, что "несмотря на все ошибки, увлечения и край-

⁷³ Ничева К. Указ. соч., с. 142; Цойнска Р. Указ. соч., с. 50.

⁷⁴ Русинов Р. Преводаческо дело на А.С. Кипиловски..., с. 564, 565.

⁷⁵ Там же, с. 563.

⁷⁶ Там же, с. 558.

⁷⁷ Ничева К. Указ. соч., с. 83.

ности, пуристическая деятельность (Богорова. — Г.В.) не прошла, не оставив следов в словаре нашего литературного языка. Некоторые из его слов, например, *часовник, чакалня, околност, молба* (русс. *прошение*), *вестник* и др., в свое время казавшиеся смешными и невозможными, в настоящее время являются ценным достоянием болгарского литературного языка. Сто лет назад Априлов упрекал Богорова за неудачные новообразования, например, *бележка, връзка, сегашен* — ныне самые обычные слова⁷⁸. М. Москов отмечает, что от "словотворческой деятельности Богорова осталось совсем мало следов" и что в литературном языке "утвердилось только несколько его слов, заменивших трудные для произношения и понимания иноязычные слова", а именно *чакалня, разности, часовник, бележка, връзка, сегашно* (как грамматический термин)⁷⁹. Р. Русев к числу слов современного литературного языка, созданных Богоровым, относит *бележка, чакалня, часовник*⁸⁰. В другой статье, написанной несколькими годами позже, об этих же словах Р. Русев говорит иначе, а именно, что они, вероятно, созданы Богоровым⁸¹. О вкладе Богорова в лексику литературного языка неоднократно писал Л. Андрейчин. В одной из статей к числу "некоторых из неологизмов Богорова", воспринятых литературным языком, он относит *вестник, сричка, сегашно време, чакалня*⁸². В другой статье он пишет, что "из множества вновь созданных ("новоизковани") Богоровым слов" остались в современном языке небольшое число слов — *бележка, вестник, сричка, чакалня, часовник*, и полагает, что "более точное изучение материала, наверное, увеличит этот список"⁸³. Е. Георгиева считает, что Богоров, "создал слова *вестник, часовник, чакалня, Околност, бележка, връзка* и др."⁸⁴. По мнению С. Брезинского, слова *часовник, чакалня, вестник*, вероятно, созданы и введены Богоровым⁸⁵.

В таком же духе характеризуется вклад Богорова в лексику литературного языка и в изданиях, адресованных широкому кругу читателей.

Так, в "Краткой болгарской энциклопедии" сказано, что из большого числа слов, созданных Богоровым, в литературном языке остались "некоторые общеупотребительные слова" — *бележка, чакалня, часовник*⁸⁶.

⁷⁸ Стойков С. Иван Богоров и чуждите думи в българския език. — Език и литература, 1946, кн. 2, с. 11–12; Он же. Д-р Иван Богоров. — В кн.: *Богоров И. Избрани страници*. София, [1944], с. XXVIII.

⁷⁹ Москов М. За чист български език. София, 1976, с. 26; см. также и более раннюю работу: *Москов М. Борбата против чуждите думи в българския книжовен език*. София, 1958, с. 53–54.

⁸⁰ Русев Р. Пуризмът на Богоров. — Изв. на Ин-та за български език, 1968, кн. XVI, с. 551.

⁸¹ Русев Р. Иван Богоров. — В кн.: *Иван Богоров. Избрани произведения*. София, 1963, с. 11–12.

⁸² Андрейчин Л. Към по-пълно проучване езика на Ив. Богоров. — Български език, 1971, № 1, с. 4.

⁸³ Андрейчин Л. Радетел за български книжовен език. — В кн.: Д-р Иван Богоров. Материали свързани със 150-годишния юбилей от рождението му. Пловдив, 1972, с. 37; см. также: *Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство*. София, 1977, с. 199.

⁸⁴ Георгиева Е. Езикова култура и езиково обучение. София, 1979, с. 82.

⁸⁵ Брезински С. Академик А.Т.-Балан — изтъкнат български филолог. — Език и литература, 1978, кн. 5, с. 5.

⁸⁶ Кратка българска енциклопедия, т. 1. София, 1963, с. 258.

В недавно вышедшем первом томе новой энциклопедии в заслугу Богорова ставится то, что, борясь с иноязычными словами, он "заменяет их словами из народной речи или сам составляет ("стъкмява") болгарские соответствия (например, *часовник, бележка, загуба* и др.)"⁸⁷. В литературной энциклопедии о словотворческом наследии Богорова сказано менее определенно: "Но наряду с увлечениями Богоров оставляет большое число удачных новоболгарских соответствий чужим словам" — *загуба* вм. *зарар*, *стопан* вм. *сайбия*, *честит* вм. *щастлив*⁸⁸.

Об удачных новообразованиях Богорова, утвердившихся в литературном языке, говорится и в учебных пособиях. Например, в одном из них сказано, что Богоров является "автором таких широко распространенных и хороших слов как *бележка, вестник, околност, сричка, чакалня*"⁸⁹. Р. Русинов в учебном пособии по истории современного болгарского литературного языка указывает, что Богоров "имеет очень большие заслуги . . . в обогащении его (словаря. — Г.В.) новыми словами (*часовник, вестник, бележка, сегашен, чакалня, околност, молба* и др.)"⁹⁰. В учебнике по лексикологии болгарского языка С. Георгиева и Р. Русинова говорится, что "И. Богорову принадлежат слова *вестник, сричка, часовник, чакалня, околност, бележка, връзка; сегашен*"⁹¹. Отметим, что в вышедшем годом позднее "Учебнике по истории новоболгарского литературного языка" Р. Русинов о словотворческой деятельности Богорова пишет гораздо осторожнее: он лишь допускает, что Богоров, вероятно, создает некоторые слова по народному образцу (среди примеров, которые он приводит, указанных выше слов нет), а к числу бесспорно созданных им ("новосъздадени от него") относит грамматические термины *свързка* вм. *съюз*, *прилог* вм. *член*, *брой* вм. *число*, *средореч* вм. *междуметие*. К последним, наверное, надо отнести и *сричка*, о котором Р. Русинов пишет, что Богоров "вводит" этот термин вместо русск. *слог*⁹².

Об обогащении Богоровым лексики литературного языка пишут также авторы работ по истории болгарской литературы и других работ, адресуемых широкому кругу читателей. Так, И. Богданов в "Краткой истории болгарской литературы" указывает, что "многие из тех, кто высмеивал его (Богорова. — Г.В.) за пуристические увлечения, даже не подозревают, что они пользуются многими созданными ("изковани") им словами", например, *чакалня, часовник, бележка, смет, навалица, управник, надница, спалня, купувач*⁹³. Журнал "Славяни" лет десять назад писал о Богорове как о "создателе новых болгарских слов, с помощью которых он переводил иноязычные слова . . . От него в болгарском языке остались некоторые общеупотребительные слова — *бележка, чакалня, часовник* и др."⁹⁴. Не так давно писатель Н. Хайтов охарактеризовал *вестник, чакалня, ча-*

⁸⁷ Энциклопедия България, т. I. София, 1978, с. 324.

⁸⁸ Речник на българската литература, т. I. София, 1976, с. 113.

⁸⁹ Андрейчин Л., Костов Н., Николов Е. Български език, За институтите за начални учители. София, 1964, с. 131.

⁹⁰ Русинов Р. История на новобългарския книжовен език, с. 126.

⁹¹ Георгиева С., Русинов Р. Учебник по лексикология на българския език. София, 1979, с. 43.

⁹² Русинов Р. Учебник по история на новобългарския книжовен език, с. 99–100.

⁹³ Богданов И. Кратка история на българската литература, ч. I, София, 1969, с. 305.

⁹⁴ Славяни, 1972, № 11, с. 41.

совник, сричка, околност, бележка, връзка, сегашен как удачные слова, составленные Богоровым ("неговите сполучиви самокройни думи")⁹⁵. Отметим, наконец, и мнение авторов предисловия к изданным несколько лет назад фрагментам одной книги Богорова. "Если мы, — пишут К. Николов, Ц. Пешев и С. Стратиев, — говорим теперь *кладенец* вместо *бунар*, *верига* вместо *синджир*, *навий часовника* вместо *курдисай сахатя*, то этим мы обязаны нашему крупному книжнику д-ру Ивану Богорову"⁹⁶. Отметим далее ряд неудачных, не утвердившихся в языке слов и словосочетаний, сочиненных Богоровым (*пътулка* 'паспорт', *сновалка* 'почта', *самобърза* 'телеграмма' и др.), авторы предисловия далее констатируют: "Но давайте поищем в славянских и европейских языках слова *чакалня*, *бележка*, *свръзка* или *спалня*; ни в одном из них мы их не встретим, потому что они придуманы им (Богоровым. — Г.В.)"⁹⁷.

Мы привели здесь высказывания многих языковедов и неязыковедов для того, чтобы показать, сколь распространено в научной (лингвистической), учебной и популярной литературе мнение о создании именно Богоровым ряда обычных ныне, широко употребительных слов. В действительности мнение это в отношении по крайней мере большинства из названных выше слов ошибочно: они не являются плодом словотворчества Богорова.

Полтора десятилетия назад мы уже имели случай обратить внимание на то, что *часовник*, *сегашен*, *разноски*⁹⁸ не могут быть отнесены к новообразованиям Богорова потому, что они встречаются в книгах, изданных до выхода в свет в 1842 г. первых его сочинений. Относительно *бележка*, опираясь на косвенные соображения, мы тогда же писали, что это — народное слово⁹⁹. Несколько ранее это мнение было высказано К. Гутшмидтом¹⁰⁰. Ни у К. Гутшмидта, ни у нас тогда не было, однако, решающего доказательства — примера на употребление слова *бележка* кем-либо из книжников до Богорова. Теперь такой пример мы можем привести: слово *бележка* (в написании *билешка*, отражающем редукцию *e* в *и* в первом слоге и оглушение *ж* перед *к*) находим в переведенном Петром Сапуновым "Новом завете", который был издан в Бухаресте в 1828 г., когда Богорову было лет восемь. Вот этот пример: Защо́то истина ви́ думамъ: дуру́ премини небѣто и замѣта, еднѣ йота или еднѣ черта не щѣ преминѣ отъ закона, дуру́ сичките бѣдѣть (с. 7). В сноске к слову *черта* указано: *Билешка*. Это показывает, что словом *билешка* П. Сапунов поясняет книжное слово *черта* и что *билешка*, т.е. *бележка*, рассматривалось им как понятное для болгар слово.

Однако, как видно из приведенных выше высказываний, многие ис-

следователи и авторы других работ по-прежнему убеждены в том, что слова *часовник*, *разноски*, *бележка*, *сегашен* созданы Богоровым. Только Р. Русинов недавно обратил внимание на употребление этих слов еще до публикации первых сочинений Богорова¹⁰¹. Отметим также, что С. Жерев в изданной в 1979 г. монографии "Язык Райко Жинзифова" совершенно правильно относит слово *бележка*, употребленное Жинзифовым, через 20 лет после выхода в свет первых книг Богорова, к "диалектным существительным именам"¹⁰².

Список слов, ошибочно считаемых новообразованиями Богорова, не исчерпывается *часовник*, *бележка*, *разноски*, *сегашен*. Он должен быть дополнен следующими словами.

Молба. Как видно из приведенного выше обзора, это слово не все исследователи считают новообразованием Богорова. Что касается его значения, то только С. Стойков указывает на русск. *прошение* как его соответствие. Другие же авторы приводят *молба* без какого-либо уточнения его значения, и это заставляет думать, что они считают само это слово (независимо от его конкретных значений) новообразованием Богорова.

Считать, однако, *молба* новообразованием Богорова — очевидное заблуждение. Слово это издавна употребляется в болгарском языке. Оно широко употребляется, например, в памятниках новоболгарской письменности XVII—XVIII вв. в значениях 'молитва' и 'просьба' (Шим., с. 96, 98). В этих же значениях *молба* часто встречается в печатных текстах и в письмах болгар задолго до издания первых книг Богорова. Приведем несколько примеров только на *молба* 'просьба': в числе приведенных в "Рыбном букваре" П. Берона рассказов имеется и "Молчалива *молба*", т.е. "Молчаливая просьба"; ср. и пример из этого рассказа: Ти́и за [с]мѣха за умната тѣзи *молба* и му дадоха (ястие) (Рб. бкв., с. 59); Александръ като чу това, толкози заради клевета, колкото и заради умната тази *молба* прости лампсакянитѣ (Рб. бкв., с. 72); у А. Кипиловского: А тѣлесныги нѣща, каквото ястето, питието, одеждата и други такива нѣща ся даватъ намъ и безъ нашата *молба* (Св. цв. I, с. 148); Дуру не послушалъ Рагуиль *молбата* негова, сирѣчь да му даде даширя си Сарра за жена (Св. цв. I, с. 215); у М. Кифилова: Онъ по нашая *молба* чакаль напечатаніе послѣднихъ частей Вашей Истории (Зар. возр., с. 62): Со сичко това болгаре излѣзоха изъ терпение да чакатъ мои трудове, и обратиха ся камто мене со съ *молба*, да продолжимъ тѣзи трудове (Там же, с. 56); у неизвестного переводчика с русского языка: И азъ нефелитъ, припаждамъ до земята со съ душевна *молба* (Дв. выб., с. 21); И за тази такава работа и дѣло, мы ся обръщаме на едно съ *просьба* и *молба* (Там же, с. 28). Ср. также *молба* 'просьба' и в письмах 30–40-х годов XIX в., например в письмах Захария Зографа к Неофиту Рильскому от 14. VI. 1836 г.: Но понеже се приносимъ спореть каквото той обича, за то ми *молбата* не отъ фарля (Сб. БАН, 1926, кн. XXI, с. 172), от 26.II.1839 г.: Да ти пратимъ оттука един (экземпляр книги "Робинзон Крузо". — Г.В.), който го не даватъ, обаче ще настанеме сички

⁹⁵ Хайтов Н. Вълшебното огледало. — Септември, 1980, № 8, с. 36.

⁹⁶ Николов К., Пешев Ц., Стратиев С. Няколко дена разходка по българските места. София, 1970, с. 9.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Венедиктов Г.К. К истории болг. *часовник*. — В кн.: Этимология. 1966. Проблемы лингвостранности и межъязыковых контактов. М., 1968, с. 81–89; Он же. К истории слов современного болгарского литературного языка. — Советское славяноведение, 1968, № 3, с. 40–48.

⁹⁹ Венедиктов Г.К. К истории слов современного болгарского литературного языка, с. 40–44.

¹⁰⁰ Gutschmidt K. Studien zum Wortschatz . . ., S. 113.

¹⁰¹ Русинов Р. Речниковото богатство на българския книжовен език. София, 1980, с. 99. — Замечание Р. Русинова о том, что автор этих строк доказал употребление слова *бележка* в возрожденческой литературе до Богорова, как видно из сказанного здесь, не совсем точно.

¹⁰² Жерев С. Езикът на Райко Жинзифов. София, 1979, с. 201.

на *молба*, дано го земене (СБНУ, 1894, кн. X, с. 603); в письме Неофита Рильского Райно Поповичу от 14.IV.1840 г.: Надам се защо ще приеме конец *молбата* ни, и ще да се успокоите (Изв. на държавните архиви, 1973, кн. 25, с. 96). Слово *молба* было известно и Ю.И. Венелину (1802–1839 гг.). который в списке болгарских слов, хранящемся ныне в его архиве среди "Материалов к Грамматике нынешнего болгарского наречия", переводит его словом *прошение*¹⁰³.

Приведенные примеры убедительно показывают, что слово *молба* широко употреблялось в болгарском языке до Богорова и потому считать Богорова его создателем нет абсолютно никаких оснований. Это – народное по своему происхождению слово. Любопытно, что об употреблении *молба* в народной речи писал и сам Богоров: "*Молба* са выка и къщно едно устно исканье или проста *молба*: Послушай ми *молбата*"¹⁰⁴.

Посмотрим теперь, следует ли связывать с именем Богорова появление в болгарском языке слова *молба* в значении 'прошение' т.е. в значении 'письменная просьба, письменное ходатайство', которое, вероятно, имел в виду С. Стойков и которое в современном русском языке передается словом *заявление*. Нужно сказать, что Богоров действительно рекомендовал употреблять *молба* в указанном значении. В известной "Чистобългарска наковалня за сладкодумство", откуда приведена выше цитата об употреблении *молба* и в народной речи, Богоров писал: "*Молба*, с.ж. Писмовно исканье, прѣставено въ съдбница комуто са пада и направено споредъ нѣкой опрѣдѣлены наредби: Подадохъ *молба* въ Градската Съвещъ"¹⁰⁵. Однако в таком значении (если только не принимать во внимание конкретного адресата, куда направляется прошение, – у Богорова только *суд*) слово *молба* употреблялось в болгарском еще задолго до приведенной рекомендации Богорова, например, у В. Априлова: Тии (недоброжелателите) лани, подпалени от завист и злоба, дадоха *молба* на правителство, чи уж българете мислят зло за него . . . Такъв навет не можеше да остане без изследование, затова пратиха ся верни чиновници . . . , които и показаха истината, чи сѣ това, що съдържаха *молбата* им, е лъжовно (Мис., с. 46); Но и да ся подадоха лани на царят много *молби* за това, желанието им не може да стане (Мис., с. 47); у М. Кифалова: Такожде и приходат на недвижимыйт мой имотъ . . . да ги даватъ съ лихва въ здравы мѣста, со знаніето на почтенныйт рускій во Влахія голѣмъ консулатъ и на унгро-влахійскій митрополитъ, камто които прилагамъ тука писменны свои *молбы* (Душ., с. 14).

Приведенные примеры показывают, что *молба* '(письменное) прошение' употреблялось уже до Богорова и что, следовательно, нет оснований видеть в нем создателя *молба* в таком значении. Богоров лишь рекомендовал вместо широко употреблявшихся в середине прошлого века русизмов *прошение* и *просьба* употреблять хорошо известное болгарам народное слово *молба*. В подтверждение того, что *прошение* и *просьба* были широко распространены в болгарском языке, приведем несколько примеров – у Д. Войникова: Такивато титли особно се изискуват кога

инаме да напишемъ нѣкое *прошение* или *прозба*, което не е друго освѣнь едно писмо, съ което просимъ нѣкоя милость или, въ името на закона, искаме нѣкое оправдание (Рък. слов., с. 113); в письмах Петко Славейкова Н. Михайловскому от 3.II.1858 г.: Като са избираха тука отъ Цариградъ членове за будущия собор, цариградското българско население остана изключено, за това едно *прошение* са даде на хариджието и на Танзимата ("Литературен архив", т. I, София, 1959, с. 201), Н. Палаузову (?) от 16.III.1865 г.: Представителите ходиха сега в неделя при Н.В. Али паша да видятъ ответ на подаденото *прошение*, но не намериха време . . . Приключавамъ ви първата част на *прошението*, което не поместихъ в Гайдата (Известия на държавите архиви, 1959, кн. II, с. 174).

Смет. Одни исследователи, как показывают приведенные выше высказывания, относят это слово к новообразованиям Богорова, другие считают его народным словом, которое Богоров ввел в литературный язык.

Видеть в *смет* новообразование Богорова, которым он обогатил болгарский язык, оснований нет. Это – народное слово, которое, как увидим ниже, употреблялось болгарскими книжниками и до Богорова. О его народном происхождении свидетельствует уже тот факт, что в словаре Н. Герова оно приводится с двумя значениями широкого диапазона: 1) 'нечистотия, нечисто, кал, прах, боклук, сметище, сметовище' и 2) 'лайна от животны, оставени да угният за да ся тори с тях земя, гной, тор, сметище, гюбре'. Ср. и приведенную Геровым поговорку: Родимъ с късмет, врыли мя на смет¹⁰⁶. Ср. *смет* и в народных песнях: Не си двѣри подмѣла / не си *смета* фърлила (Татар–Пазарджик – СБНУ, кн. XVI–XVII, с. 50); двори мите, цанъм Нен'о *смет* у дума фърле (Шуменско – СБНУ, кн. XXXV, с. 368).

Об употреблении *смет* до выхода в свет первых сочинений Богорова можно судить по примерам у неизвестного переводчика брошюры "Инструкция об обязанностях сельских приказов" (1821 г.): Да са изчиства селѣту отъ *сметѣ* и отъ *буклукѣ* (Иностр., с. 16); у П. Берона в "Рыбном букваре": Чудна е и тѣхната (пчел) чистотѣ, защѣ йма опрѣдѣлены пчѣлы да разтрѣбаатъ и да митѣтъ, и тѣй на са баваатъ кѣта дѣнь да фърлаатъ *сметѣта*, амѣ я собиратъ въ единъ рѣгъ, ачѣ когѣ е развалѣно времѣто, и не мѣгатъ да отидатъ по вѣнь, тогѣзи, за да не сѣдаатъ праздни, изфърлаатъ *сметѣта* (Рб. бкв., с. 118–119) . . .

Эти примеры показывают, что Богорова нельзя считать и первым книжником, введшим это слово в литературный язык. Богоров, правда, приводит *смет* как соответствие турцизму *боклук* в словарики, приложенном к изданной в 1844 г. грамматике болгарского языка¹⁰⁷. Позднее Богоров включил *смет* и в "Болгарско-французский словарь", изданный в 1871 г.¹⁰⁸. Но сказалось ли это на использовании слова *смет* его современниками, установить едва ли возможно. Отметим только, что уже в конце 40 – начале 50-х годов это слово встречается в сочинениях ряда авторов, например, у Гранитского: При това дѣржи кѣшѣтъ си твѣрдѣ много

¹⁰³ Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 49, папка I, ед. хр. 6, л. 100.

¹⁰⁴ Богоров И. Чистобългарска наковалня за сладкодумство, № 4, София, 1879, с. 12.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Геров Н. Речник на български язык с тълкувание речити на български и на руски, ч. V. Пловдив, 1904, с. 202.

¹⁰⁷ Богоров И. Първичка българска граматика. Букурещ, 1844, с. 116.

¹⁰⁸ Богоров И. Българско-френски речник. Виена, 1871, с. 394.

чистѣ и измыѣ, а смѣтъѣ отъ всакой день да ѣ изважда и исфѣрла савга (Оп. хол., с. 10), . . . и така дѣто са натрупва смѣтъта отъ нѣколко дена, ще произлѣзи и другѣ новѣ вонѣ (Там же); у Петко Славейкова: Лыѣль въ смета безцѣнь алмазъ (Ез. б., с. 110). Слово *смет* содержится в словаре, приложенном к "Грамматике болгарского языка" братьев Цанковых¹⁰⁹ и в словаре турецких и греческих слов в болгарском языке, составленном М. Павловым и А. Живковым¹¹⁰. Позднее *смет*, согласно словарю А. Дювернуа, встречается в "Показалецѣ" Г. Раковского (1859 г.), в переведенной П. Семерджиевым "Эмили Галотти" (1873 г.), в журналах "Летоструй" (1974) и "Периодическое списание" (1874 г.).

Р. Русев указывает, что Богоров рекомендовал употреблять *смет* вместо *боклук* в упоминавшейся "Чистобългарска наковалня за сладкодумство"¹¹¹. Думается, что рекомендация Богорова в конце 70-х годов едва ли сыграла какую-либо роль в утверждении *смет* в литературном языке. К тому времени это слово имело в нем уже по крайней мере полувековую историю употребления. Кроме того, нужно иметь в виду, что в то время Богоров занимал крайне пуристические позиции, которые не находили заметной поддержки у его современников.

Околност. Значение этого слова, которое одни исследователи считают новообразованием Богорова, а другие — словом народным, введенным в литературный язык этим книжником, также не указывается, и можно лишь предполагать, что имеется в виду *околност* в значении 'окрестность'. Сам Богоров в "Българско-французском словаре" приводит *околност* с большим кругом значений, в том числе 'окрестность', 'окружность', 'округ', 'круг' и др.¹¹², а в упоминавшейся "Чистобългарска наковалня за сладкодумство" указывает *околност* с двумя значениями: 1) 'Набраздѣне на сяка вита крива брезня, най-вече от окола' и 2) 'Бит (селски), околни места'. К этому приводится и пример: В *околността* на града.

В значении 'окрестность' слово *околност* Богоров употребляет уже в 1843 г., в одной из первых своих книг: Нѣговото [Ниагарского водопада] бученіе ся чюе нѣкога до 40 верста въ *околността*тѣ му (Вс. геогр., с. 294); Въ нѣговитѣ [г. Кассель] *околности* ся нахожда Зильгельмстеге, увеселителен дворецъ (Там же, с. 178—179); также и позднее: Хубавъ градъ съ нажялены *околности* (Кр. геогр., с. 144). Употребление *околност* в таком значении в болгарских текстах до Богорова нам неизвестно. Если дальнейшее изучение покажет, что *околност* 'окрестность' не встречается у предшественников Богорова, то он окажется первым из болгар, введшим это слово (в таком значении) в печатный текст. Позднее оно встречается неоднократно у других авторов — в значении 'окрестность' у Д. Тошковица: Тя не е само трудолюбива, работна и найчестна жена въ всичкѣтѣ *околности*, но е добра супруга и добра майка (Бл. кол., с. 14); у С. Радулова: Учителъ черти на класнѣтѣ дѣскѣ плана на мѣстото, въ което живѣе ученикътъ, и на неговѣтѣ *околности* (Всб. г., с. XI), у М. Пашова: И всичката *околност* слушаше проповѣдытъ и приказваніята му

съ голѣмо внимание (Цв. пан., с. 104—ABP) и др. В значении же 'обстоятельство' слово *околност* зафиксировано в печатном тексте уже до Богорова. Мы имеем в виду следующую словарную статью на новое слово *обстоятельство*, которое А. Кипиловский считал необходимым ввести в болгарский литературный язык: "Обстоятельство, кога вѣрши чловѣкъ нѣщо, треба да глѣда обстоятелствата по перво, сирѣчь да обиди ще ли му помогни времето, мѣстото, работата и т. д. сирѣчь сичко ще е наоколо му да го обиди добрѣ, чи тогазъ да начени работа си околностъ" (Речн. Кип., с. 196). Тот факт, что Кипиловский в качестве соответствия книжного *обстоятельство* приводит *околност*, говорит, очевидно, об употребительности последнего в болгарском языке как слова достаточно известного. В значении 'обстоятельство' слово *околност* употреблялось и позднее, например, у И. Касабова: Въ таковы жалостны *околности* преминали сѣ тѣи бѣдни Славени дълни вѣкове (Осв., с. VI); у Н. Стоянова: Усѣщаніето спомага за памтяніе по обычны *околности* (Кр. антр., с. 30). Между прочим, в таком именно значении в книжном языке банатских болгар прошлого века употреблялось *окулност* (*okulnost*): Л. Милетич привел пример на употребление *okulnosti*, *okulnostite* из банатской газеты за 1881 г.¹¹³. Отметим, что в современном говоре болгар в Банате в значении 'окрестность' ('околност' в болгарском) употребляется *укулынѣ*¹¹⁴.

Из сказанного можно заключить, что считать Богорова создателем слова *околност* тоже нет оснований. В заслугу ему можно поставить, вероятно, только, то, что он первым употребил его в опубликованном тексте в значении 'окрестность'. Придал ли сам Богоров слову *околност* данное значение или оно было ему известно из народной речи, сказать, за отсутствием бесспорных доказательств, трудно. Тот факт, однако, что *оконост* приводится в словаре Н. Герова (с толкованиями по-болгарски 'околия, околина, джупа, жупа' и по-русски 'окрестность, окольность, околичность, окружность'; ср. и пример "В *околности*та на града има много лозя")¹¹⁵, может, видимо, служить аргументом, подтверждающим употребление *околност* 'окрестность' в народном языке XIX в. Отметим в этой связи, что в 40-е годы, когда Богоров впервые употребил (в печатном тексте) это слово, другие авторы в значении 'окрестность' употребляли *окружност*, *околни мест* (*страни*), русизм *окрестност*, например, у Р. Поповича: Намѣруват се и много природни жители Индіане на *окружността* ѝ (на *околните* ѝ мѣста) (Общ. земл., с. 177); у З. Княжеского: Бѣлгарите зели Едерне, разграбили *окрестностите* цареградски (Вх. ист., с. 37).

Кроме *околност* 'окрестность', Богоров в 1843 г. употреблял это слово и в других значениях, а именно: а) 'окружность' — Крѣтъ е поврѣхнинна на една плоскостъ, опредѣленна отъ правѣ линіѣ, тая линія ся нарича *околностъ* (Вс. геогр., с. 354); также и позднее: Тукъ расте баобаба, най-голѣмото отъ извѣстныты дръвѣе, което има *околностъ* до 120 ноги (Кр. геогр., с. 255); б) 'периферия, окраины': Франція до 1789 лѣто ся дѣлила на тридесѣтъ и двѣ губерніи или провинції, отъ които двадесѣтъ сѣ въ *околността*тѣ и двадесѣтъ въ средѣтѣ (Вс. геогр., с. 43). В таких значениях,

¹⁰⁹ Sankof A. und D.K. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852, S. 206.

¹¹⁰ Павлев М., Живков А. Речник на думи турски и гръцки в языка българский. Букурещ, 1855, с. 10.

¹¹¹ Русев Р. Пуризмът на Богоров, с. 551.

¹¹² Богоров И. Българско-френски речник, с. 254.

¹¹³ Милетич Л. Книжнината и езикът на банатските българи. — Сборник за народни умотворения, 1900, кн. XVI—XVII, с. 394, сноска 2.

¹¹⁴ Стойков С. Банатският говор. София, 1967, с. 348.

¹¹⁵ Герова Н. Речник на българский язык, ч. III, с. 352.

однако, слово *околност* не закрепилось, хотя оно и встречается у других авторов, например, у С. Робовского — Земята има *околност* 5 400 мили (Кр. пргл., с. 9).

Връзка, свързка. Эти слова, считающиеся некоторыми исследователями новообразованием Богорова, также обычно приводятся в работах без указания их значений. Лишь в редких случаях отмечается, что *свързка* (*свързка*) — это грамматический термин, представляющий собой удачную болгаризацию русско-церковнославянского термина *союз* (С. Стойков, Р. Русинов). Относить *връзка*, *свързка* без конкретизации значений к числу слов, созданных Богоровым, — явное заблуждение.

Слово *връзка* (в написании *враска*, мн. ч. *враски*) впервые, по нашим материалам, в печатном тексте зафиксировано уже в 1821 г. в "Инструкции об обязанностях сельских приказов": [Младити люди] да са пазатъ и отъ тва да не преставуватъ добро неискравната маѣра койту са досагатъ до унизи *враски* дету ни са позволени сасъ жени или сасъ моми (Инстр., с. 7). В параллельном русском тексте сказано: "относительно не позволенных связей с женщинами и девицами". Из контекста следует, что *враска* здесь имеет значение 'любовная' связь'. Первый пример употребления *връзка* у Богорова, известный нам, относится к 1863 г., где это слово имеет значение 'связь': Една отъ най-силныты *връзки* между чловѣци е безъ съмненіе взаимната веществена полза (Осн. з. напр., с. 7). Позднее этим словом он обозначает и техническую деталь, с помощью которой скрепляются вагоны: Отъ преди нѣколко години правятъ подобръ железницѣ като сѣбляватъ сложениѣ едно до друго коленици сѣбдствомъ желѣзни *врѣзки* (клапици) (Книг., с. 27).

Слово *връзка*, как показывает имеющийся в нашем распоряжении материал, начиная с 40-х годов часто встречается в разных значениях в сочинениях разных авторов. Приведем здесь несколько.

а) В значении 'повязка' у Петко Славейкова: Тутакъ си прѣрѣзатъ *врѣскитѣ* на горкыйтъ шѣбникъ и го попыталъ какъвъ е? (Роб. остр., с. 128—ABP); б) в значении 'шнурок, завязка' у неизвестного автора: Не е добро да ся стѣгатъ *врѣскиты* на дрѣхиты толкова, что то да става рѣзка или бѣлѣгъ на кожѣтъ (Нач. кн. с. 62); в) в значении 'пучок, связка (однородных предметов)' у Х. Василева: [Варба Самвокиов] ми даде веднаждъ една *врѣска* прасъ, отъ рано, за да направѣ добръ стомахъ (Вис. ум. хитр., с. 88); А служителите Бертолдови, като зели да претѣрѣтъ одарѣтъ . . ., намѣрили подъ вѣзгавницата му една *врѣска* отъ парчета и писма (Там же, с. 85—86); г) в значении 'связка (часть тела)' у неизвестного автора: Ставиты състоятъ отъ съединеніе на двѣ или повече кости, свързаны една съ другѣ съ тънки и лъскавы *врѣзки* нарѣчени *вѣзки* (Нач. кн., с. 15); пример этот показателен тем, что более специальный термин *вѣзки* поясняется в нем обычным словом *врѣзки*; д) в отвлеченном значении 'связь, последовательность' у И. Груева: Сѣжденіе само показва на явѣ *врѣзкѣтъ* на тѣя прѣдставленія, съединены въ наума (Кр. лог., с. 48—ABP); *Връзка* е това, по което безусловно или проблематически ся съединяватъ помѣжду си подлюзи и сказуемы (Там же, с. 51—52); За житіето и благодѣтельного дѣйствованѣ на с. Кирилла и Методія тука шѣ само на кѣсичко и дотолкова да кажа, до колкото е нужно, и колкото въ еднѣ тѣснѣ *врѣзкѣ* съ това мое извѣстіе

неразрѣшимо стои (Цв. стар. кн., с. 1—ABP); е) в значении 'связка' (грамматический термин) у И. Груева: *Връзка* е всякога спомогателный глагольть *съмъ* въ всичкиты си врѣмена (Осн. бл. гр., с. 96); *Връзка* е глагольтъ что свързва подлога съ прилога (Там же, с. 95); у И. Момчилова: *Връската* рѣдко са отпуша при сказуемо сѣществително и прилагателно (Гр. стб. ез., с. 194); ж) в значении 'выпуск, номер (журнала)' у Х. Иоановича: Чески пакъ възборническѣтъ часопись въ лѣто 1847, въ врѣскѣтъ 5. на 516 стѣрѣ (Цв. стар. кн., с. 25—26 — ABP).

Отметим также, что *връзка* содержится в словаре А. Дювернуа, где указаны следующие значения — 'бинт, шнуровка, повязка', 'связка, узелок' и 'союз, связь', иллюстрируемые примерами из книг, изданных в 1867—1875 гг.¹¹⁶.

Приведенные примеры показывают, что слово *връзка* употреблялось в болгарском языке еще до выхода в свет первых сочинений Богорова. Разнообразие значений данного слова уже в 40—70-е годы также свидетельствует о том, что источником его в литературном языке не было словотворчество этого книжника. Некоторые значения (например, 'пучок, связка', 'шнурок, завязка') определенно свидетельствуют о народном происхождении слова, использованного книжниками и для выражения других значений. О таком происхождении *връзка* может свидетельствовать также и тот факт, что Геров приводит его со значениями 'врѣзаница' и 'крѣпа, или врѣвъ, съ коѣто ся врѣзва нѣчто'¹¹⁷. Ср. и следующие примеры из диалектных источников, подтверждающие народное происхождение слова *връзка*: *врѣзка* 'железные части на кола съ сѣ железна оковка' (р-н Плевена — АДР), *врѣзка* 'няколко леси, завързани заедно, готови за експедиране' (с. Брусен, р-н Тетевена — АДР), часть ткацкого стана: Нишелките на стана имат за тъкане горе *врѣзки* (Западна България — СБНУ, кн. XVIII, 2, с. 105).

Вообще складывается впечатление, что в список слов, создание которых приписывается Богорову, *връзка* включается по недоразумению — вместо близкого по форме, но менее привычного в настоящее время *свързка*.

Что касается *свързка*, то Богоров действительно употребляет это слово в самом начале своей литературной деятельности. Уже в изданной в 1844 г. его грамматике болгарского языка употреблено *свързка* как грамматический термин в значении 'союз (часть речи)': *Свързка* е частица на рѣчта, съ коѣто изявявамы различни отношения между наши сѣдби. . . *Свързкитѣ* сѣ тѣ: дали, или . . . (Прв. б. гр. . . с. 93); так же и во 2-м издании грамматики (Прв. б. сл., с. 82). Отметим попутно, что в значении 'связка (глагольная)' как грамматический термин Богоров употребляет слово *свързване*: *Свързване* е думата, съ коѣто са извѣстява *свързваніето* между подлжащото и сказуемото: е, быть, не е (Прв. б. гр., с. 96; Прв. б. сл., с. 84, где, впрочем, *свързване*). В текстах предшественников Богорова *свързка*, насколько нам известно, не встречается (по крайней мере, пока нам соответствующий пример не известен). Поэтому можно утверждать, что Богоров первым из болгар употребил *свързка* в печатном произве-

¹¹⁶ Дювернуа А. Словарь болгарского языка. М., 1889, с. 287—288.

¹¹⁷ Геров Н. Речник на българский язык, ч. I. с. 159.

дении, причем употребил его в качестве грамматического термина со значением 'союз'.

Именно такое использование слова *сврѣзка* и вызвало в свое время замечание В. Априлова, который в перечне придуманных Богоровым "новых слов" приводит и это слово¹¹⁸. То, что Априлов имеет здесь в виду *сврѣзка* 'союз' (т.е. грамматический термин), следует из самого перечня приводимых им только грамматических терминов *капка*, *пытна бѣлѣжка*, *прилогъ*, *мѣстоиме*, *сегашно* и из того, что слово *сврѣзка* у Богорова здесь употреблено только в таком значении. Именно это замечание, на наш взгляд, и послужило источником недоразумения: вновь использованное Богоровым *сврѣзка* как грамматический термин было воспринято впоследствии как новообразование этого книжника безотносительно к значению данного слова.

В действительности же *сврѣзка*, как нам кажется, слово народное. В словаре Н. Герова его, правда, нет. Но о принадлежности его народной речи свидетельствуют следующие примеры: *сврѣзки* — напречни дѣски на масата, които свѣрзват краката (с. Гостилница, р-н Дряново — АДР), *сврѣзка* — начин на редене тухли (с. Ново село, р-н Троян — АДР), *сврѣзки* на тухлити — на фтѣбрийть ред слагъми тухлити тѣка, чи дѣ съ пукривѣтъ, свѣрзвѣтъ ѣкувити между тухлити на долнийъ ред (с. Слатина, р-н Ловеч — АДР), *сврѣзка* — дѣлгитѣ жици ги умутавѣми нѣ свѣрѣзкѣ — кѣклищѣ (с. Беброво, р-н Елена — АДР)¹¹⁹. Предположение о том, что *сврѣзка* с узким значением в приведенных здесь примерах из народных говоров восходит в конечном счете к грамматическому термину *сврѣзка* 'союз', употребленному Богоровым, было бы слишком смелым, чтобы кто-либо стал на нем настаивать.

Далее, крайне маловероятно и то, что созданный Богоровым термин *сврѣзка* в течение очень короткого времени детерминизировался и на этой основе быстро развились разнообразные значения слова *сврѣзка*, какие присущи и слову *врѣзка*. Так, если у Богорова в 1844 г. употреблено *сврѣзка* 'союз' (грамматический термин), то Петко Славейков в 1852 г. употребляет это слово в значении 'союз, соглашение': Най сетѣ . . . далѣ независимостъ на Южнѣ Россіѣ, и при свѣрѣзкѣтъ съ Рускаго Князя Олега възнамѣрилъ да отмъсти на грѣшитѣ (См. к., с. 81); Много християнски князове направѣтъ свѣрѣзкѣ, за да упропастѣтъ страшный си неприятель (Там же, с. 86); также несколько позднее у Н. Михайловского и И. Момчилова: Населеніето на Галлія со раздѣляло на три главны племена . . . Вѣтрешна свѣрѣзка нѣмало между тѣзи народы (Оч., с. 339 — АВР). В 1858 г. М. Пашов употребляет *сврѣзка* 'узелок, котомка': Бѣше ся уже съзорило когато Марія носяща подѣ мишница малкѣтъ си свѣрѣзкѣ, управися узѣ пътя който водяше кѣмъ могилата (Цв. пан., с. 84), а А. Гранитский — в значении 'пучок, связка': Като сѣ събере кореньтъ чрѣзъ изстрѣганіе растѣніето, трѣбва да сѣ свѣрзи на свѣрѣзкы, и така сѣ прѣдава на

трѣговѣтъ (Тр. рѣк., с. 251). В следующем году Т. Хрулев и В. Христов употребляют *сврѣзка* 'связь, соединение': [Препинателнытъ знакове] полагаются въ писаніето, за да покажѣтъ свѣрѣзкѣтъ или разностѣтъ между предложеніята (Бѣлг. грам., с. 68 — АВР); Въ четвъртиятъ день се: явили небесни тѣла . . . въ таковъ поредѣкъ, какъвъ то изысквала взаимната имъ свѣрѣска (Кр. св. ист., с. 2); позднее и у А. Гранитского: Да забѣлѣжимъ само, че тоя важень самъ по себе си трудъ пріема особеннѣ важность въ свѣрѣзкѣтъ си съ дѣлото на вѣрѣтъ (Жит. К.М., с. 10). В 1856 г. *сврѣзка* употреблено и для обозначения связи — части тела, например, у Н. Стоянова — Костити сѣ еднѣ съ другѣ свѣрзаны по упрѣгавъ рѣщялъ, а мѣстото гдѣто е такъвъ свѣрѣзкѣ по между двѣ кости нарича ся ставъ (Кр. антр., с. 2). Через три года встречаем *сврѣзка* в значении 'связь (любовная)': отъ супружество [на Адама и Ева] произлѣзли сичкитѣ хора, които . . . впрегнѣти бѣше едно съсъ друго съ любовна свѣрѣска (Кр. св. ист., с. 21).

Нам представляется, что *сврѣзка* в указанных здесь значениях восходит к *сврѣзка* в народном языке, а не к употребленному Богоровым узко специальному (грамматическому) термину. Разумеется, надежным подтверждением развития в *сврѣзка* этих значений независимо от богоровского термина могут быть только примеры на употребление этого слова до выхода в свет сочинений Богорова. Возможно, что дальнейшее изучение лексики новоболгарских как печатных, так и не изданных текстов обнаружит и такие примеры, как это произошло с *бележка*.

Слова *врѣзка* и *сврѣзка* в прошлом веке употреблялись параллельно без каких-либо стилистических различий. Однако на рубеже XIX–XX вв. *сврѣзка* встречалось, видимо, уже реже и стало восприниматься как устаревшее или устаревающее слово. Об этом можно заключить из того, в частности, что Иван Вазов при подготовке 4-го издания романа "Под игом" (1910 г.) заменил *сврѣзка* на *врѣзка* (например, в предложении: Тя нямаше свѣрѣзки с първите кѣщи). Эта замена, как отмечает К. Ничева, "может нам дать известное указание относительно времени, когда *сврѣзка* уже воспринималось как устаревшее" слово¹²⁰. Таким оно предстает в литературном языке и в наше время¹²¹.

Сричка. Об этом слове, создание которого некоторыми исследователями также связывается с именем Богорова, надо сказать следующее.

Богоров употребляет *сричка* уже в первые годы своей литературной деятельности. В изданной в 1844 г. грамматике он пишет: "Мы говоримъ съ думы, които ставатъ отъ срички, а сричкитѣ отъ слова" (Прв. б. гр., с. 3). Здесь же употребляются и производные *едносрична* и под., например: Думата слава отъ еднѣ стричкѣ или отъ много срички, а така бѣва *едносрична* . . . или *млогосрична* (*двѣсрична* . . ., *трисрична* . . ., *четырсрична* . . .) (Там же, с. 5). До Богорова слово *сричка* (в таком именно написании), кажется, никем не употреблялось, и Богорова, таким образом, следовало бы считать его создателем.

В связи с этим надо, однако, заметить, что в 1836 г. А. Кипиловский в том же значении 'слог' (часть слова) употребил *срѣчка* в толковании

¹¹⁸ Априлов В. Любородно изложение. — Любословие, 1846, ч. 22, с. 154. — В изданной в следующем году брошюре вместо *сврѣзка*, как у Богорова, напечатано *свѣзка* (Априлов В. Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847, с. 35).

¹¹⁹ За сообщение приведенных диалектных примеров на *врѣзка* и *сврѣзка* приношу искреннюю благодарность старшему научному сотруднику Института славяноведения и балканистики АН СССР Г.П. Клепиковой.

¹²⁰ Ничева К. Редакционни промени в "Под игото" от Ив. Вазов. — Изв. на Ин-та за български език, 1957, кн. 5, с. 302.

¹²¹ Речник на съвременния български книжовен език, т. III. София, 1957, с. 172. 3. Зак. 250

слова *стихотворство* в словаре новых слов: *Стихотворство*, ако зема та напиша нѣщо и глѣдамъ единать редъ да нема помного *срѣчка* отъ друиатъ, и срещна гласоударението и на двата реда се на едно мѣсто, ще рече стихотворя (Речн. Кип., с. 202). Ниже, правда, Кипиловский употребляет в том же значении и *слог*: въ нашатъ языкъ нема равноокончителны пѣсны, каквото тѣзи стихови, но пазятъ четъ на *слогитѣ* (Там же, с. 203). Имея в виду *срѣчка* у Кипиловского, нельзя исключать, что *сричка* у Богорова представляет собой прямую болгаризацию не слова *слог*, а *срѣчка*. Опорой при этом мог быть глагол *сричам* 'читать (по слогам?)'. Такой глагол в то время в болгарском уже употреблялся. См., например, в "Рыбном букваре" П. Берона: Въ Петербургската Академіа опредѣлиха да думамы словата А, Б, Ве, Ге, Де, Е и пр., за да *сричамы* лесно, но менѣ ми сѣ вѣжда чи по лесно *ще сричамы* ако ги назоваваме А, Бъ, Въ, Гъ, Дъ, Е (Рб. бкв., с. 5–6, сноска).

Любопытно, что В. Априлов, упрекнувший Богорова за введение им "новых слов", т.е. грамматических терминов, *прилогъ*, *мѣстоиме*, *сегашно*, *свързка*, *катка*, *пытна бѣлѣжка*, против *сричка*, видимо, не возражал. Не означает ли это, что *сричка* 'слог' уже и ранее было Априлову известно и потому он не воспринял его как слово новое? Или же оно показалось Априлову настолько удачным новообразованием, что он счел его вполне приемлемой заменой слова *слог*?

Относительно других слов, создание которых отдельными авторами также приписывается Богорову, кратко заметим следующее.

Спалня. Очевидно, только как простое недоразумение можно расценить категорическое утверждение трех упомянутых выше журналистов о том, что слово *спалня* свойственно одному лишь болгарскому языку. Элементарная справка даже по двуязычным переводным словарям показала бы, что это слово известно и в других языках: *спальня* — в русском, украинском, белорусском, *spáľňa* — словацком, *spalnia* (устаревшее) — чешском¹²², в хорватско-сербском — *spalnja*¹²³. Это же относится и к *бележка*, которое, по мнению тех же журналистов, тоже употребляется только в болгарском языке. Ср., однако, серб. *биљешка*, слов. *beléžka*. Лишено всяких оснований также мнение этих журналистов и И. Богданова о том, что слово *спалня* создано Богоровым. На самом деле оно употреблялось в болгарском языке и до него, например, А. Кипиловским: *Сѣрра, като чула такива укоризны, отишла си въ свѣтата спѣльна, и не пила, нито ѣла три дни* (Св. цв., I, с. 207). Ср. также у Г. Бусилина (1844 г.): *Като безумна [майката на Цветан], грабнала го и го отнесла въ своѣтѣ си спѣльна* (Бл. бкв., с. 74). В изданных до 1844 г. книгах Богорова слово *спалня* как будто еще не встречается.

Прибежище. Это слово с отвлеченным значением 'выход из чего-либо, из какого-либо положения'. В. Шейтанова считает одним из новообразований Богорова среди имен на *-ище*, употребленных Богоровым в двух его сочинениях — "Няколко дена разходка по българските места (1868 г.) и "Живота ми, описан от мене" (1879 г.). В действительности *прибежище* в таком значении встречается у других авторов еще до выхода в свет этих

сочинений Богорова, например, у А. Гранитского (1849 г.): *Ако пакъ, и освѣнь да са надѣе нѣкой си на самыАтъ лѣкарь и подавникъ на изѣбре-нѣето, на всевышного бога, друго приѣжище и другъ цѣрь нѣма* (Оп. хол. с. 1). В конкретном значении 'убежище' см. у А. Гранитского: *Възбрана-вся строго всякому корабленачальнику да дава приѣжище въ корабльѣ си на человѣци, които сѣ гонять отъ мѣстныты сѣдилища* (Тр. рѣк., с. 79), см. также: *Ако нѣкога освѣтитѣ българе подхѣрлѣжтъ по нѣкой камень отъ българскитѣ брѣгове, бѣднѣять му Лебедъ [газ "Дунавски лебед" Г. Раковского] ще намѣри приѣжище дору въ Браилѣ* (газ. "България", год. III, 1861, 10/22. V, бр. 112, с. 90). Еще ранее (1836 г.) см. *приѣжище* у А. Кипиловского (Речн. Кип., с. 198).

Управник. Считать это слово, как думает И. Богданов, новообразованием Богорова нет оснований потому, что оно, по данным Р. Русинова, уже было употреблено А. Кипиловским в 1825 г.¹²⁴

Из сказанного о словотворческом наследии Богорова видно, что действительный вклад этого видного деятеля Возрождения Болгарии в лексику литературного языка намного скромнее, чем это представляется современными исследователями. Из слов, которые обычно включаются в список его новообразований, сохранившихся в современном литературном языке, кажется, только *сричка* 'слог' и *чакалня* 'комната для ожидания, зал ожидания' еще могут в настоящее время рассматриваться как плод его словотворчества. О *чакалня* заметим, что первое употребление его Богоровым не установлено. В изданном в 1871 г. "Болгарско-французском словаре" оно отсутствует. Из этого можно было бы заключить, что *чакалня* создано (если, конечно, оно действительно им создано), по-видимому, не ранее этого года. Кроме *сричка* и *чакалня*, к действительным новообразованиям Богорова, возможно, следует отнести и *гледка*, *прегрѣдки*, *повърхнина*. Об этих словах, употребленных Богоровым в переведенном им "Робинзоне Крузо" (1849 г.), К. Гутшмидт пишет, что они "вероятно, им созданы"¹²⁵.

* * *

Мы рассмотрели материал, относящийся к характеристике современными исследователями вклада Софония Врачанского, Анастаса Кипиловского и Ивана Богорова в обогащение лексики современного болгарского литературного языка. Как видно, в этой характеристике есть немало неверных суждений, искажающих конкретный вклад этих книжников в лексику литературного языка. Основная причина этого кроется в слабой изученности лексики болгарского языка, особенно лексики современного литературного языка в период его формирования. Другая причина — недостаточное внимание исследователей, пишущих о вкладе отдельных книжников в лексику литературного языка, к другим работам, содержащим сведения об употреблении тех или иных слов предшественниками данных книжников, и к материалам давно опубликованных словарей. И третья

¹²² Příruční slovník jazyka českého. Díl. V. S—Š. Praha, 1948, с. 539.

¹²³ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 15. Zagreb, 1956, s. 942.

¹²⁴ Русинов Р. Преводаческото дело на А.С. Кипиловски . . . , с. 558.

¹²⁵ Gutschmidt K. Zum Wortschatz der frühen bulgarischen Übersetzsprosa. — Zeitschrift für Slawistik, 1963, Bd. VII, H. 4, S. 534.

причина — не всегда критическое отношение некоторых исследователей к сведениям, сообщаемым в ранее указанных трудах.

Из сказанного следует, что при оценке вклада отдельных книжников в обогащение лексики литературного языка как их собственными новообразованиями, так и словами, почерпнутыми из народной речи или других языков, нужно быть предельно внимательным и осторожным. В противном случае легко впасть в ошибку и приписать тому или иному книжнику, не действительную, а мнимую заслугу в создании новых слов или введении новых для литературного языка слов из других источников. Будучи однажды связанными с именем какого-либо книжника, такие слова затем переходят из одной работы в другую, а иногда становятся и хрестоматийными примерами якобы удачного словотворчества этого книжника. Так складывается искаженное представление о его заслугах в обогащении лексики литературного языка — представление, которое оказывается нередко живучим и стойким, несмотря на очевидные в конкретных случаях факты, ему противоречащие.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АВР — Архив (картотека) словаря болгарского языка эпохи Возрождения (Институт болгарского языка БАН, София).
АДР — Архив (картотека) болгарского диалектного словаря (Институт болгарского языка БАН, София).
Ал. — Александрия, 1810 г. — По изд.: *Милетич Л.* Една българска Александрия от 1810 год. София, 1936.
Бкв. дец. — *Ненович В.* Буквар за децата на славено-болгарският народ, Будин, 1826.
Бл. гр. — [*Рилски*] *Н.* Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835.
Бл. кол. — Благочестие к колиба или овчяр в Сализбургската долина. Превод от [*Д. Тошковиц*]. Одесса, 1853.
Блг. букв. — *Бусилин Г.* Български буквар. М., 1844.
Блг. кн. — *Априлов В.* Българските книжници, или на кое словенско племе собственно принадлежи Кирилловска азбука? Одесса, 1841.
Бълг. грам. — *Хрулев Т.* Българска граматика. Букурещ, 1859.
Вист. ум. хитр. — Високи уми хитрости Бертолдови. Преведени . . . от папа Христо Протопапа Василиев. Белград, 1853.
Вс. геогр. — Всеобща география за децата. Преведе . . . Ив. А. Богоев (Богоров). Белград, 1843.
Вх. ист. — *Княжескай З.* Вхождение в историята българските славяне от 5-я век до 1396 година. М., 1847.
Гр. стб. ез. — *Момчилов И.* Грамматика за старобългарския йезик по сичкото му развитие. Виена, 1865.
Грам. Цанк. — *Sankof A. und D.K.* Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852.
Дв. выб. — Дворянски выборы. Кишинев, 1843.
Душ. — *Кифалов М.* Душезаповед с завещание за Търновската в Болгария болница. Букурещ, 1855.
Жит. К.М. — *Гранитский А.* Житие на святого Кирилла и Методиа. Букурещ, 1865.
Зар. возр. — Заради возрождение новой болгарской словесности. Сочинение . . . Венелина. Превел . . . М. Кифалов, Букурещ, 1842.
Игион. — Игиономия, сиреч правила, за да си вардим здравие. Преведена на българският язык от Сава х. Илиевича Доброплоднаго. Цариград, 1846.
Инстр. — Инструкция заради долгат на приказете селски. Кишинев, 1821.
Кр. геогр. — *Андреев [Богоров] И.* Кратка география математическа, физическа и политическа. Букурещ, 1851.
Ист. сл.-б. — *Паисий Хилендарский.* История славеноболгарская. Собрана и нарездена . . . в лето 1762, Стъкми за печат Й. Иванов. София, 1914.

- Книг. — *Богоров И.* Книговище за прочитане. Прага, 1874.
Кр. антр. — Кратка антропология или наука за човека. Превел и нарядил Н.П. Стоянов. Београд, 1856.
Кр. егк. — *Васкидович Е.* Кратка егиклопедия за децата. Букурещ [1857].
Кр. лог. — Кратка логика. Преведено от Й. Груева. [Виена], 1861.
Кр. прлг. — *Робовский С.* Краткий преглед на въведение на всеобщата география за малките деца. Цариград, 1860.
Кр. св. ист. — Кратка свещена история за църквата на ветхия и новия завет. Преведена от *Венка Христова*. Букурещ, 1859.
Мат. г. — Математическа география. Преведена [от И. Богоров]. Одесса, 1842.
Мисл. — *Априлов В.* Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847.
Нап. — *Стоилович Бойоглу А.* [*Екзарх*]. Напис ради болгаров представен на Високата порта и петте велики сили Галлия, Англия, Россия, Пруссия и Австрия. [Париж, 1843].
Нап. Бон. — Наполеон Бонапарта или тридесет години из историите французи. Преведе Х. Драганович. Константинград, 1850.
Нар. пр. — Народно просвещение за полза на българските наставници. Цариград, 1850.
Нач. кн. — Начална книга за анатомия и физиология с 95 фигури. [Виена], 1867.
Нач. уч. — *Зографский П.* Началное учение за децата. Цариград—Галата, 1858.
Нед. — Кириакодромиион, сиреч Неделник . . . Преписано . . . от смиренного Вратчанского епископа Софрония. [Римник], 1806.
Нещ. — Нещо за безграмотните человети. [Превел от руски Ботью Петков]. Смирна, 1843.
Нещ. няк. д. — *Богорев [Богоров] И.* Нещо за Няколкото думи за предводът на Математическата география, Одесса, 1842.
Няк. д. — *Герев Н.* Няколко думи за преводът на Математическата география на г. Ивана А. Богоева. Одесса, 1842.
Общ. земл. — Общее землеописание вкратце за сичката земля. Преведено от . . . *Константина Г. Фотинова*. Смирна, 1843.
Оп. хол. — Описание на холерата. Преведено от [А. Гранитски?]. Константинополь, 1849.
Осв. — *Касабов И.* Освобождението на сърбите от Карагеоргия и Милоша Обреновича. Белград, 1860.
Осн. блг. гр. — *Груев Й.* Основа за българска граматика. 2 изд. [Виена], 1862.
Осн. з. напр. — *Богоев И.* Основа заради направа на една фабрика да преде и тъче памук в Пловдив. Цариград — Пловдив, 1865.
Оч. — Очерки из историята и народните сказания. Превод Н. Михайловского и Ив. Момчилова. Виена, 1865.
Пр. сов. — Приятелски совети на родителите как трябва да отхранват децата си [Превод от З. Княжески?]. Смирна, 1842.
Пр. уч. — Православное учение или сокращенно христианское богословие. Преведено . . . от священоинока Хилендарского Иллариона Стоянова. Цариград, 1844.
Пр. цар. хат. — Превод на царският хатишериф, който са е чел в Константинопол в Гюлхане на 22 ден октоврия 1839 [Превод от М. Кифалов]. Букурещ, 1839.
Прв. б. гр. — *Андреев [Богоров] И.* Първичка българска граматика. Букурещ, 1844.
Прв. б. сл. — *Андреев [Богоров] И.* Първичка българска словница. Стамбол, 1848.
Рб. бкв. — *Берович [Берон] П.* Буквар с различни поучения [Рибен буквар]. [Брашов], 1824.
Речн. Кип. — [*Кипиловски А.*]. Речник или лексикон на славенски речи, които трябва да ся присвоят в нашат язык. — В кн.: Кратко начертание на всеобщата история. Будим, 1836, с. 185–207.
Роб. остр. — Робинзон на островът си. Преведена . . . от П. Р. Славейкова. Цариград, 1869.
Рък. кр. ф. — Ръководство към нравствената философия за новоначалните. Преведе . . . Никифор П. Костадинов] Мудрон. Белград, 1847.
Рък. слав. — *Войников Д.* Ръководство за словесност. [Виена], 1874.
Св. д. — Свиштовский ламаскин. По изд.: *Милетич Л.* Свиштовски ламаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. София, 1923.
Св. цв. I, II — Священное цветобрание или сто и четире священи истории . . . Преведени от Анастаса Стояновича [Кипиловского], ч. I–II. Будин, 1825.

- Сп.-б. дет. — *Хилендарец [Бозвели] Н., Васкидович Е.* Славено-болгарское детоводство, ч. III. Крагуевац, 1835.
- См. к — *Славейков П.* Смесь китка или годишно периодическое списание. Букуреш, 1852.
- Снот. — Снотолковател болгарский. Букуреш, 1844.
- Ст.-Пл. — *Данов Х.* Старо-Планинче. Календар за лето 1856. [Белград], 1855.
- Тих. д. — Тихонравовский дамаскин. По изд.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. II. Палеографическое описание и текст. София, 1971.
- Тр. д. — Троянский дамаскин. По изд.: *Иванова А.* Троянски дамаскин. Български паметник от XVII век. София, 1967.
- Тр. рѣк. — Тръговско ръководство за тръгуване, промишленост, мореплавание и за тръговски дела. Превод А.П. Гранитского. Цариград, 1858.
- Цв. пан. — Цветоносното панарче. Нравствена повест, побългарена . . . от Х.М. Пашова и Ат. Е. Ситова. Цариград — Галата, 1858.
- Цв. стар. кн. — Цветообрание на старославенската книжнина в България. Преведено и издано от дякон Хрисанта Иоаннович. Белград, 1849.
- Шим. — *Szymański T.* Słownik w języku polskim w bułgarskich tekstach XVII–XVIII wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.

Л.Н. СМЕРНОВ

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ОТВЛЕЧЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЛИТЕРАТУРНОМ СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЕГО РАЗВИТИЯ

Начальный этап истории литературного словацкого языка неразрывно связан с осуществленной в конце XVIII в. языковой реформой Антона Бернолака (1762–1813) — известного словацкого просветителя, первого кодификатора литературных норм словацкого языка. До этого словаки не имели литературного языка на основе родной речи: с XV в. в Словакии наряду с латынью в литературно-письменной функции использовался чешский язык. Предпринятая Бернолаком и его сторонниками попытка ввести в литературу словацкий язык отвечала потребностям национально-возрожденческого движения словаков в эпоху зарождения капиталистического строя и формирования наций¹. А. Бернолак явился автором серии лингвистических трудов, в которых была реализована целостная программа законодательства самостоятельного литературного словацкого языка — "Филологическо-критическое рассуждение о славянских письменах" с приложением краткого наставления по словацкой орфографии², "Словацкая грамматика"³, "Этимология словацких слов"⁴ — работа, посвященная словообразованию, 6-томный "Словацкий чешско-латинско-немецко-венгерский словарь"⁵.

¹ См.: *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения. — В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 86–113.

² *Dissertatio philologico-critica de litteris Slavorum.* Posonii, 1787.

³ *Bernolák A.* Grammatica slavica. Posonii, 1790.

⁴ *Bernolák A.* Etymologia vocum slavicarum. Tyrnaviae, 1791.

⁵ *Bernolák A.* Słownik Slowenski, Cesko-Latinsko-Nemecko-Uherski, I–VI. Budae, 1825–1827.

Кодифицированная Бернолаком система норм и правил литературного языка в своей основе является системой западнословацкого типа. Ее главным источником послужил так называемый "западнословацкий культурный интердиалект"⁶ — особая языковая формация междиалектного и наддиалектного характера, сложившаяся в Зап. Словакии в XVI–XVIII вв. на основе взаимодействия местных словацких говоров и чешского литературного языка. В связи с этим бернолаковский литературный язык ("бернолаковщина") по ряду черт и признаков характеризуется определенным сходством с чешским литературным языком. Бернолаковщина не стала единым литературным языком словаков. Она была признана лишь в кругах католической словацкой интеллигенции. Словацкие протестанты и после реформы Бернолака продолжали пользоваться традиционным чешским литературным языком. Тем не менее бернолаковщина получила довольно широкое распространение и применялась на практике более шестидесяти лет. На этом языке издавалась религиозная и светская литература, печатались книги и брошюры народно-просветительского характера. Усилиями последователей Бернолака постепенно создавалась литературно-книжная традиция на словацком языке. В середине XIX в. благодаря кодификаторской деятельности Л. Штура и его сторонников (М.М. Годжа, Й.М. Гурбан и др.) был узаконен и введен в практику новый вариант литературных норм словацкого языка. Однако бернолаковщина представляет собой важный, ключевой этап в истории литературного словацкого языка и несомненно заслуживает всестороннего научного изучения. В частности, большой интерес представляет исследование словарного состава бернолаковщины.

В данной статье объектом анализа являются имена существительные, обозначающие качество, признак, свойство в отвлечении от субъекта или объекта, то есть имена "отвлеченного качества" (*Nomina abstracta attributivitas*) типа рус. *радость, мудрость, новизна, геройство, краснота*, словацк. *driečnosť* 'стройность', *hrdost* 'гордость', *lapajstvo* 'озорство, плутовство', *prázdnosť* 'пустота' и т.п. Данный разряд абстрактной лексики составляет одно из существенных и характерных звеньев словарного состава литературного языка.

В словацком литературном языке бернолаковского периода имена отвлеченного качества представляют собой весьма многочисленный пласт лексики, который отличается интенсивностью процессов пополнения и обновления, сложными и разнообразными лексико-семантическими и словообразовательными отношениями. Для него характерна, в частности, множественность лексических синонимов и словообразовательных вариантов. Под словообразовательной вариативностью мы имеем в виду наличие тождественных или очень близких по лексическому значению однокоренных производных слов, оформленных разными суффиксами, выражающими деривационное значение отвлеченного качества. Иначе говоря, речь идет об однокоренных синонимических параллелях типа рус.: *безрассудность — безрассудство, постоянность — постоянство*, словацк. *belost' — belota* 'белизна', *hrdinskost' — hrdinstvo* 'геройство, героизм', *naivnosť — naivita* 'наивность, простодушие', *tučnosť — tučnota* '1. полнота, тучность; 2. жирность'.

В статье ставится задача описать подобные синонимические ряды имен

⁶ См.: *Смирнов Л.Н.* Указ. соч., с. 103–105.

отвлеченного качества в бернолаковском литературном языке, выявить характерные для бернолаковщины типы словообразовательной вариативности этих имен, показать роль отдельных словообразовательных суффиксов в оформлении однокоренных синонимических параллелей. Другой тип вариативности в кругу отвлеченных существительных, обусловленный формальными модификациями производящей основы, мы здесь не затрагиваем. Он требует специального рассмотрения.

Источниками фактического языкового материала для нас послужили "Словарь" А. Бернолака (далее Сл.Б. или Sl.B.) и литературные произведения видных представителей бернолаковского движения Ю. Фандли и Я. Голлого⁷.

Прежде чем перейти к анализу и описанию словообразовательной вариативности в кругу отвлеченных имен существительных, целесообразно дать краткий обзор словообразовательных типов этих имен и суффиксов, которые служили в бернолаковском литературном языке средством выражения деривационного значения отвлеченного качества.

Наиболее продуктивным несомненно является словообразовательный тип: основа качественного прилагательного + суффикс *-ost*. Этот суффикс присоединяется к многочисленным основам разнообразной морфологической структуры.

а) Образования от непроемких основ: *belost*' 'буйность', *bledost*' 'блудность', *bujnost*' 'буйность', *pyšnost*' 'пышность', *bystrost*' 'быстрота, живость', *celost*' 'целостность', *červenost*' 'красный цвет, краснота', *dobrost*' 'добро', *drahost*' 'дороговизна', *drzost*' 'дерзость, нахальность', *hladkost*' 'хладность', *hlbokost*' 'глубина', *hlúpost*' 'густота', *krivost*' 'кривизна', *krutost*' 'жестокость, суровость', *milost*' 'милость, благосклонность', *mokrost*' 'сырость', *peknost*' 'красота', *rychlost*' 'скорость, быстрота', *skúpost*' 'широтность', *šedost*' 'седость', *temnost*' 'темнота', *teplost*' 'теплота', *tichost*' 'тишина', *vysokost*' 'высота' и др.

б) Образования от производных основ. Этот подтип представлен самым многочисленным рядом лексем.

Подавляющее большинство всех отадективных имен существительных на *-ost* образуется от основ с суф. *-n*: *bezbožnost*' 'безбожность', *bezpečnost*' 'безопасность', *bojovnost*' 'войновность', *celostnost*' 'целостность', *daremnost*' 'бесполезность, негодность', *hmotnost*' 'материальность', *kričnosť*' 'крикливость', *ohavnost*' 'мерзость, уродливость', *omilnost*' 'ошибочность', *pevnost*' 'прочность, твердость', *schopnost*' 'способность', *slušnosť*' 'пристойность, уместность', *srdčnosť*' 'искренность', *udatnost*' 'храбрость', *vtipnost*' 'находчивость, сообразительность' и многие другие. В этом ряду, в частности, выделяется группа имен, образованных от основы сложных прилагательных, например: *jednomiselnost*' 'единомыслие', *krátkomluvnost*' 'лаконичность', *kromobičnosť*' 'необычность', *lútosťhodnosť*' 'жалостливость', *mnohovážnosť*' 'почтенность', *obapolnosť*' 'взаимность', *všeobecnosť*' 'общность' и т.п. Здесь же можно отметить группу имен, образованных от основы адективированного причастия, например: *lízacnosť*' 'гурманство, лакомство', *obežracnosť*' 'прожорливость',

oddanost' 'преданность', *sklonnosť*' 'пологость, покатость', *vicvičenost*' 'обученность' и др.

Значительное число отадективных имен на *-ost* образовано от основ с суф. *-at*, *-nat*, *-ovat*, ср.: *bezstidatost*' 'бесстыдство', *krvnatost*' 'полнокровность', *mozolovatost*' 'мозолистость', *smolnatost*' 'смолистость', *šťavnatost*' 'сочность', *t'elnatost*' 'полнота, тучность', *zrnatost*' 'зернистость' и т.п.

Многочисленные группы составляют также образования от основ с суф. *-av*- ср.: *černavost*' 'чернота, черноватость', *klamavost*' 'лживость', *kučeravost*' 'кудрявость', *lámavost*' 'ломкость', *pehavost*' 'веснушчатость', *plehavost*' 'плешивость', *šmatlavost*' 'косолапость', *lackavost*' 'любезность', *zvedavost*' 'любопытство' и др.; с суф. *-iv*, *-liv*, ср.: *mrazivost*' 'морозность', *náruživost*' 'страстность', *poctivost*' 'честность, порядочность', *privetivost*' 'учтивость', 'обходительность, любезность', *bedlivost*' 'заботливость, внимательность', *hnevivost*' 'гневность', *nehaneblivost*' 'бесстыдство', *opovážlivost*' 'дерзость', *ošklivost*' 'уродливость, безобразность', *rozvážlivost*' 'рассудительность', *učinlivost*' 'прилежность, старательность' и т.п.

Уже это далеко не полное перечисление производящих адективных основ, от которых при помощи суф. *-ost* образуются отвлеченные имена существительные, показывает активность и продуктивность этого суффикса.

В бернолаковском литературном языке функционировали также отвлеченные имена существительных с суф. *-ost*, образованные от других частей речи (глагола, местоимения, числительного), но эти словообразовательные типы были непродуктивными.

Второй словообразовательный тип, бывший в бернолаковский период литературного словацкого языка достаточно активным: основа прилагательного + суффикс *-stv(o)*⁸ и его модификации: *-enstv(o)*, *-ctv(o)*, *-ictv(o)*, *-tv(o)*. При этом основа прилагательного чаще всего имеет суф. *-sk-*, который при образовании имени существительного отпадает, например: *hostin-ský* — *hostinstvo* 'гостеприимство', *chlapský* — *chlapstvo* 'мужественность', *šelmovský* — *šelmovstvo* 'плутовство', *zverský* — *zverstvo* 'зверство, жестокость'. В некоторых случаях форма производного слова допускает двойственность мотивации, например, *potmehúdstvo* 'плутовство; коварство' можно рассматривать как образованное от имени существительного *potmehúd* со значением лица — 'плут, проказник; коварный человек' или от деноминативного прилагательного *potmehúdske* 'плутовской; коварный'. С точки зрения семантической взаимосвязи производящего и производного слова в данном случае (поскольку производное имеет значение отвлеченного качества) предпочтение должно быть отдано второй мотивации.

Помимо основ прилагательного на *-sk-* производящими могут быть и основы иной морфологической структуры: *blahoslavený* — *blahoslavenstvo* 'блаженство', *bohatý* — *bohatsvo*, *dobročinný* — *dobročinstvo* 'благотвори-

⁷ См. список сокращений в конце статьи. В связи с тем, что мы пользовались современными изданиями произведений Ю. Фандли и Я. Голлого, нам пришлось отказаться от оригинальной бернолаковской орфографии и приводить примеры в соответствии с теми правилами написания, которых придерживались издатели.

⁸ В Сл.Б. различались суф. *-stvo* со значением собирательности, например: *bratrstvo* 'братья', *kacírstvo* 'еретики', *rabstvo* 'рабы' и *-ství*, выражающий как абстрактные, так и конкретные значения, например: *bratrství* 'братство', *kacírství* 'ересь', *rabství* 'рабство'. Однако в "Этимологии словацких слов" Бернолак оценивал суф. *-ství* как богемизм и отмечал, что в словацком языке суф. *-stvo* может передавать и то, и другое значение, см.: *Gramatické dielo Antona Bernoláka. Na vydanie pripravil a preložil J. Pavelek. Bratislava, 1964, s. 455, 459.*

тельность', *dostojný* – *dôstojenstvo* 'достоинство', *lakomý* – *lakomstvo* 'алчность; жадность', *otrocký* – *otroctvo* 'рабство', *poslušný* – *poslušnosť* 'покорность, смирение', *sebecký* – *sebecko* 'себялюбие, эгоизм' и др.

Третий словообразовательный тип, который можно считать продуктивным в бернолаковский период: основа прилагательного + суффикс *-ot(a)*. Правда, отвлеченные существительные, образованные по этому типу в количественном отношении значительно уступали производным именам с суф. *-ost*. Однако следует признать, что и суф. *-ot(a)* проявлял в бернолаковском языке определенную активность. Так, в Сл.Б. зафиксированы, в частности, следующие слова: *dobrota*, *čistota*, *černota*, *dávnotá* 'давность', *lacnota* 'дешевизна', *lichota* 'неверность, ненадежность', *istota* 'уверенность' и т.п. В текстах писателей бернолаковского периода мы нашли ряд слов на *-ota*, которые в Сл.Б. не отмечены, например: *hladkota* 'гладкость', *nízkota* (от прилагательного *nízky*), *pustota* и ряд других (см. ниже, с. 46), ср.: ...bud' krási a *hladkoti* chiba (Hollý. C.–M.7), ... z trisek a zemskej *nízko*ty šmúrný oznamuješ čas (Hollý. Na sl. nár. 210); Mesta hubit', l'ud vléct' a na *pustotu* krajni uvádzat' (Hollý. Sláv. 50).

О словообразовательной активности суф. *-ota* в бернолаковском литературном языке свидетельствуют и такие новообразования, как *budúcnota* 'будущее' (от прилагательного *budúcný*), *možnota* 'возможность' (от прилагательного *možný*), *krásota* 'красота' (от существительного *krása*).

При образовании отвлеченных имен существительных использовались также суф. *-ob(a)*, *-in(a)*, однако эти суффиксы уже в бернолаковский период были непродуктивными (ср.: *chudoba*, *zloba*, *modrina* 'синева, голубизна'; 'синяк', *potuchlina* 'протухлость; гниль', *širina* 'широта').

Отвлеченные имена существительные со всеми перечисленными суффиксами могли образовывать ряды однокоренных синонимических параллелей.

Однокоренные параллельные образования с суффиксами *-ost* и *-ot(a)*

В литературном словацком языке бернолаковского периода значительное число отаггективных существительных со значением отвлеченного признака, образованных при помощи суф. *-ot(a)*, соотносилось с однокоренными синонимическими существительными на *-ost*. Об этом свидетельствуют данные Сл.Б. и собранный нами материал из произведений, написанных на бернолаковщине.

При этом, в большинстве случаев наблюдается совпадение лексических значений соотносящихся слов. Покажем это на примере следующих пар:

besný : *besnosť* – *besnota* 'неистовство, ярость, бешенство': Tím vás rozjedovan vražedelné mikne dubisko. Však pochybí, vst'ekléj že sa od *besnosť* i unáhl'il, ... (Hollý. Sláv. 96) '... злясь, что в ярости поспешил, ...'; ... l'ud'í zbúrít'e nafúklých, šeskrot'enu prchkost' a horúcú zažnet'e *besnosť* (Hollý. Sv. 67) '... пробудите неукротимый гнев и горячую ярость'. Však ne puhá vst'eklost', ne puhá l'en *besnota* žúrí (Hollý. Sláv. 66) '... не только ярость бушует'; ... každím trase *besnota* údem (Hollý. Sláv. 11) '... весь трясется от ярости'. ... horúci *besnoti* plápol (Hollý. Sv. 76) '... горячей ярости пламя'.

bujný : *bujnosť* – *bujnota* 'буйность, необузданность': ... i v tom každý na

svého sa dáva žrebca volat' ménom, jakovím bol niekdi volával, keď mu sedal na chrbát, a tuhú krot'il uzdami *bujnosť* (Hollý. Sv. 181) '... и укрощал уздой буйность'; ... a sytý od *bujnoty* skáču (Hollý. Na sl. nár. 88) '... и насытившись, скачут и резвятся'.

bystlý : *bystrosť* – *bystrota* в значении 'находчивость, сообразительность, живой ум', ср.: ... a každý umeňa nabýva, ... a rozum na vyššú zostruje *bystrosť* (Hollý. Na sl. nár. 220) '... и оттачивает ум'. Rozplameňíš ohňem, sil'i dáš, zrak a *bistrotu* zostríš (Hollý. Sláv. 10) '... твёй *bistrota* мисл'и (Hollý. C.–M. 7).

čerstvý : *čerstvosť* – *čerstvota* в значении 'бодрость, живость'; Ihned' všeco mlčí, hneď všeco sa do sna ukladá, k ránu by zas *čerstvosť* a novú ponabývalo vládu (Hollý. Na sl. nár. 63) '... чтобы к утру приобрести бодрость...'; Hneď silu dostáva, dostáva *čerstvotu* údov ... (Hollý. Na sl. nár. 128) '... приобретает подвижность членов...'. В Сл.Б. у слова *čerstvosť* отмечены еще два значения: 'жизнеспособность, живучесть' и 'быстрота, стремительность' (в последнем случае даже приведены синонимы – *náhlosť*, *richlosť*), однако в нашем материале нет текстовых примеров со словами *čerstvosť* и *čerstvota* в указанных значениях.

dávny : *dávnosť* – *dávnotá* 'давность': A všel'iké z *dávnosť* i šeréj mal príhodi známe (Hollý. Sv. 88); Jak skala, keď rúť' z visokého sa nekdi pahorka, odlomená vetrom, bud'tož ju podeml'el ohromní príval, aneb rokami kl'eslá vitrávila *dávnosť* (Hollý. En. 325); Už zhola všeco vid'ím, zažatí sám od seba všeco chápe rozum, slavní čo konal háš v *dávnot'e* vít'az (Hollý. Sláv. 10).

mokrý : *mokrosť* – *mokrota* в значении 'влажность, сырость': ... i besné jak v jame vápno blčí a klokočmi na víšku sa zmítá, keď sa hasí, a mnohú rozpúšča studné *mokrosť* (Hollý. Sv. 206) '... и большой сыростью размывает колодцы'; Rozkazi hneď všecím vidajú bez mešku vojakom ostrím les rúbat' žel'ezom, ... Mnoztvo na zem l'éhá borovic, dubi z víški sa rúť'a, jahňadi sa skacujú a milovné *mokroti* jaľše (Hollý. Sv. 121) '... срубаются и любящие влажность ольхи'.

mrzký : *mrzkosť* – *mrzkota* в значении 'мерзость; уродливость': Ó špata! ó hrozná *mrzkosť*! (Hollý. Sláv. 12); Hrozní prívozníci tími vodmi a rékami vládá strašný *mrzkosť* Cháron (Hollý. En. 145) '... над этими водами господствует страшный своей уродливостью Харон'; ... tak haňebnú spáchat' ohavnosť; Vlast' zapredat' sladkú ... A k zrad'e i k rovnéj nahovarat' *mrzkot'e* otcov... (Hollý. Sv. 139) '... и к измене и к подобной мерзости подбивать отцов'.

predný : *prednosť* – *prednota* 'превосходство, преимущество, первенство': ... Možní a chudobní všeci si rovní, ... žádná ňenal'éžne sa *prednosť* (Hollý. C.–M. 31) '... не находится никакого преимущества'; ... že našej zná *prednoti* vládu, svornosť a slušný zachováva jednotu (Hollý. C.–M. 96) '... знает наше превосходство силы, сплоченности...'.

prudký : *prudnosť* – *prudkota* в значении 'пылкость, горячность, вспыльчивость': ... a besnú rozvolná *prudnosť* (Hollý. Sv. 169) '... и ослабляет яростную горячность'; A v srdcách zmužilost' i tuhú rozpal'il'i *prudnosť* (Hollý. Sláv. 50) '... и разожгли в сердцах отвагу и пылкость'; Aj čo to už cíťím? jaková mňa *prudkota* schítá? (Hollý. Sláv. 10) '... что за горячность охватывает меня?'.

rovný : *rovnosť* – *rovnota* 'равенство, одинаковость, сходство': Ripeus též padne ze všecích Teukrov najväčší *rovnosť* i pravdi milovník (Hollý. En. 46) '... самый большой любитель правды и равенства'; Snad' že u nich veľká sa nachádzá z Indami *rovnosť* aj v reči aj v mravoch (Hollý. Sv. 88) '... у них обна-

руживается большое сходство с индийцами в языке и в нравах'; Ze vlastnej ľudskú merajúcí rovnoty rovnosť mysleli, jak dobre mňa, tak dobre mnívať iných (Hollý. Na sl. nár. 144) 'думали о равенстве других, исходя из собственного равенства'.

sladký: skadkost' – sladkota 'сладость': ... jak vtedy všetko radosť a sám u pije rozkoš *sladkost'* (Hollý. Na sl. nár. 88) '... и пьет сладость наслаждения'; A znova v ťažkej vipočovalo drímot'e ľudstvo: ... žiadni zvuk, ... l'en mihavé chrapotu a milím zneli prúdi hrčáním, i mnoholúbežnej *sladkost'* i dodávali spánú (Hollý. Sv. 12) '... и сладостью дополняли сон'.

šedry: šedrost' – šedrota 'щедлость': I pre mnohú *šedrost'* po celú bol krajne povestní (Hollý. Sláv. 47) 'и был по всей стране известен большой щедростью'; To mnohé sirotné domy, kláštéry aj kostely mlúva, že z jakej *šedroty* veľmi krásne povstali (Fándly. Roz. 230) '... благодаря ее щедрости возникли многие дома сирот, монастыри и костелы'; ... však predca bych ešte nevládal tvé ke mne dobrodení a prevel'kú *šedrotu* hlásiť (Hollý. Na sl. nár. 117) '... все же я не смог бы воспеть твою превеликую щедрость'.

volný: volnost' – volnota 'вольность, свобода': Tím v moci silnejší starodávni bi st'e dosáhli skôr *volnost'* ... (Hollý. C.–M. 64) '... благодаря этому вы скорее бы получили давнюю вольность'; ... ve bojoch za vlast', za právo a *volnost'* (Hollý. Na sl. nár. 186) 'в боях ... за свободу'; To preto všetko, že sem krajanov svých *volnotu* hájil (Hollý. Na sl. nár. 169) '... что я защищал свободу своих земляков'; Prát'el'i uprímní, mlnú sme dopádal'i nádej, ... že všem nám... stáli vždicki pokoj, stála bud'e *volnota* kvitnut' (Hollý. Sv. 70) '... что будет расцвётать наша вольность'; Všetko ňe tak za zlú tu Svatopluku má sa pokládať, keď premilý sam aj ze svú odrekna sa ľudstvom *volnoti* ... (Hollý. Sv. 140) '... когда он сам ... отрекается от столь дорогой свободы'.

Вариативные однокоренные образования аналогичного характера составляют также следующие пары, представленные в бернолаковском литературном языке: *černost' – černota* 'чернота', *divost' – divota* 'дикость', *hluchost' – hluchota* 'глухость; неотзывчивость', *hustost' – hustota* 'густота, плотность', *lahkost' – lahkota* 'легкость, подвижность', *náhlost' – náhlota* 'быстрота, поспешность', *peknot' – peknota* 'красота', *prísnot' – prísnota* 'строгость, суровость', *slepost' – slepota* 'слепота; опрометчивость', *temnost' – temnota* 'темнота, мрак', *tmavost' – tmavota* 'темнота, тьма, мрак', *trúchlost' – trúchlota* 'печаль, грусть, меланхолия', *tučnosť – tučnota* 'полнота, тучность', *vstěklost' – vstěklota* 'злость, ярость, неистовство' и некоторые другие.

В некоторых случаях в семантической структуре соотносящихся однокоренных существительных с суф. *-ost'* и *-ot(a)* могут сочетаться и отвлеченное, и конкретное значение. Так, например, по данным Сл.Б. в словах *pevnost'* и *pevnota*, образованных от основы прилагательного *pevný*, выделяют пять лексических значений: 'прочность, твердость, крепость'; 'стойкость, твердость, выдержка', 'неизменность, стабильность'; 'спокойствие, безмятежность'; 'крепость, укрепленный замок, твердыня'. Первые четыре частично пересекающиеся значения являются отвлеченными, последнее значение – конкретным. Правда, следует отметить, что в нашем материале не оказалось текстовых примеров, подтверждающих наличие у слова *pevnota* конкретного значения 'крепость, замок'. Вероятно, в бернолаковском литературном языке оно употреблялось преимущественно со значением отвлеченного признака, ср.: Svornost'ú i malé chovajú sa v *pevnote* vlády, nesvornost'

vel'ké do hrobu t'áhne moci (Hollý. Na sl. nár. 152) 'сплоченность помогает удерживать прочность даже малых государств...'. Четкая дифференциация отвлеченных и конкретного значения в слове *pevnost'* создает предпосылку развития омонимии. В современном словацком литературном языке уже выделяются два самостоятельных слова: *pevnost'*¹ 'крепость' и *pevnost'*² 'прочность, твердость; стойкость'.

В соотносящихся однокоренных словах *vlhkost'* и *vlhkota*, производных от основы прилагательного *vlhký*, также сочетаются отвлеченное и конкретное лексические значения: 'влажность, сырость' и 'влага, вода'. В этом случае и по своему конкретному значению однокоренные слова являются синонимичными, ср.: Od slnka nechutná v nich sa varí *vlhkost'* ... (Hollý. Na sl. nár. 133) '... в них кипит влага'; ... dímna réki vnútri kípí *vlhkost'* a na víšku sa pení vináša (Hollý. Ep. 180) '... в реке кипит вода и наверх поднимается пеной'; Tak na všetko zloboh Rastislavu kráľu podobní: aj na hlas aj na tvár i bl'edé od *vlhkoti* ústa (Hollý. Sv. 59) '... и бледными от влаги губами'.

Продуктивность суф. *-ot(a)* в бернолаковщине проявлялась также в том, что с его помощью образовывались имена существительные, имеющие не отвлеченное, а конкретное значение, которые также могли выступать как синонимы однокоренных существительных на *-ost'*. Например: *hojnost' – hojnota* (от прилагательного *hojný*) в значении 'множество, большое количество, изобилие', ср.: Šedru vín *hojnost'* i okruhlích ňesli koláčov (Hollý. C.–M. 45) 'несли большое количество вин...'; Vel'kú a stodolám ňezmestnú úrodu *hojnost'* predpovedal (Hollý. C.–M. 48) '... предвещал изобилие урожая'; Bár všel'iké šťast'í, všel'iké sipe v *hojnot'e* dobré (Hollý. C.–M. 66) '... сыплет множество всякого добра'; ... ty krásnej všel'ikú maš *hojnotu* lišvy (Hollý. Na sl. nár. 201) '... у тебя изобилие всякого скота'.

prítomnost' – prítomnota (от прилагательного *prítomný*) в значении 'присутствие', ср.: Kdež našu *prítomnost'* mnoho vatšá potreba žadá (Hollý. C.–M. 40); A smrtním jako nákazní *prítomnotu* boztva ňezňect' il duchem ust (Hollý. C.–M. 47).

suchost' – suchota (от прилагательного *suchý*) в значении 'засуха, сушь', ср.: Hrozná prišla *suchost'* (Hollý. Sv. 90); Príležitosť k vist'ehováňu s tak bohatéj krajiny zavdala náramná povodeň morská, ... najvác al'e hrozná *suchota* (Hollý. Sv. 85); 'Ach', vzdychol si, 'tohto roku je vel'ká *suchota* (Fándly. Roz. 50). Отметим попутно, что слово *suchost'* имело в бернолаковщине и другое конкретное значение – 'сухое место, суша', ср.: ... všetko tiché a ve svéj každé bolo drímote zvířa, ... keď na *suchost'* a na breh Vodný muž z Váhu vyľézol (Hollý. Na sl. nár. 48). Слово *suchota* с таким значением нам не встретилось.

večnost' – večnota (от прилагательного *večný*) 'вечность', ср.: On jed'ini šťastních učiniť vás môže na *večnost'* (Hollý. C.–M. 50); ... keď na šťastnú titu už sa od'ebal'i *večnost'* (Hollý. C.–M. 22); Už dvakrát po štir sto rokoch, bez mála do *večnosti* ušlích, nám ... spátkem navracáťe Kl'emensa (Hollý. C.–M. 86); ... až duch viľ'et'í a do *večnosti* zajde (Hollý. Sláv. 14).

známost' – známota (от прилагательного *známy*) в значении 'знание, познания', ср.: Najvác potrebné sa mi ovšem zdálo kozárskej náležitú opatrit' *známost'* reči (Hollý. C.–M. 87); Chvála bud'íž t'ebe najvatšá, že nášeho d'edovstva najstarodávnejších tol'kú maš *známotu* príhod (Hollý. C.–M. 66).

Иногда обнаруживается расхождение в семантике однокоренных произ-

водных с суф. *-ost'* и *-ot(a)*, при этом обычно существительное на *-ot(a)* характеризуется конкретным значением, а существительное на *-ost'* выступает с отвлеченным значением, например: *drahost'* 'дороговизна', но *drahota* 'дорогая вещь', *mladost'* 'молодость', но *mladota* 'молодой человек, юноша; молодая женщина, девушка'; *učenost'* 'ученость', но *učenota* 'высокообразованный человек, учитель'. В отдельных случаях обнаруживается семантическое различие между однокоренными словами на *-ost'* и *-ot(a)*, когда оба они имеют конкретное значение, например: *hodnost'* 'чин, сан, звание, должность' и *hodnota* 'стоимость, цена', ср.: *Tehdi po troch vám d'ňoch ... posvaťeňí ud'elím a na vlastnú biskupov hodnost' podvihňem* (Hollý. С.—М. 98) '... и возведу вас в сан епископа'. ... *za trinást' rokov hodnota pozemku vzrástla na štrnást'sto zlatých* (Fándly. Roz. 114) '... цена земельного участка возросла на четыреста золотых'.

Приведенный нами материал показывает, что в литературном словацком языке бернолаковского периода от одной и той же основы прилагательного нередко могли образовываться параллельные имена отвлеченного качества, оформленные синонимическими суффиксами *-ost'* и *-ot(a)*. Конкурентоспособность образований на *-ot(a)* в данном лексическом разряде была в тот период довольно значительной, но тем не менее ограниченной: подавляющее большинство отадективных имен отвлеченного качества, образованных при помощи суф. *-ost'*, не имело синонимических однокоренных параллелей с суф. *-ot(a)*. Об этом свидетельствуют и данные Сл.Б., и собранный нами текстовый материал.

Вместе с тем следует все же отметить особую словообразовательную активность суф. *-ot(a)* в бернолаковщине. Примечательно, что далеко не все обнаруженные нами в текстах слова на *-ota* зафиксированы в Сл.Б. Так, в нем не отмечены слова *besnota*, *bujnota*, *bystrota*, *čerstvota*, *divota*, *hustota*, *mokrota*, *prednota*, *prísnota*, *prudkota*, *rovnota*, *sladkota* и некоторые другие. Иначе говоря, в литературных произведениях бернолаковского периода встречается больше производных слов на *-ot(a)*, чем это отражено в Сл.Б. В известной мере это объяснимо, так как литературная практика на языке, кодифицированном А. Бернолаком, получила наибольшее развитие уже после того, как был составлен его словарь.

Широкую употребительность в бернолаковском литературном языке названий отвлеченного качества, образованных при помощи суф. *-ot(a)*, видимо можно рассматривать как одно из проявлений поиска разнообразных языковых средств удовлетворения новых номинативных потребностей, развития и обогащения словарного состава молодого литературного языка. Можно также предположить, что активное использование слов данного словообразовательного разряда, его пополнение индивидуальными новообразованиями отражало становление специфического художественного стиля литературного языка⁹. В этой связи примечателен тот факт, что большинство лексем на *-ot(a)*, незафиксированных в Сл.Б., почерпнуто нами из поэтических произведений Я. Голлого. Не исключено, что некоторые из них являются результатом его индивидуального словотворчества (этот вопрос не может быть рассмотрен в данной статье, для его решения необходимо при-

влечение более полного и разнообразного материала). Конкуренция однокоренных синонимических образований на *-ost'* и *-ot(a)* несомненно отражала также неустойчивость, неопределенность лексических и словообразовательных норм литературного словацкого языка на начальном этапе его формирования. В последующем развитии литературного словацкого языка проявлялось действие тенденции к унификации и в рассматриваемом разряде лексики. Многие однокоренные синонимические образования с суф. *-ost'* и *-ot(a)* дифференцировались по лексико-семантическому или стилистическому признаку или же одно из них выходило из употребления. Так преодолевалась избыточная вариативность. Из двух конкурирующих синонимических образований "победителем" выходило, как правило, слово с суф. *-ost'*. Так, если судить по данным толкового "Словаря словацкого языка" (Slovník slovenského jazyka. Ved. redaktor Št. Peciar, d. I—VI, Bratislava, 1959—1968), в современном литературном словацком языке вышли из употребления многие лексемы с суффиксом *-ot(a)*, представленные в бернолаковщине, в то время как соотносительные с ними однокоренные образования на *-ost'* сохранились. В частности, в "Словаре словацкого языка" не отмечены такие слова, как *bujnota*, *dávnota*, *hojnota*, *l'ahkota*, *mrzkota*, *náhlota*, *prednota*, *prítomnota*, *prudkota*, *rovnota*, *sladkota*, *tmavota*, *večnota*, *volnota*, *znamota*. Лишь в одиночных случаях можно констатировать обратный результат: утрату слова на *-ost'* и сохранение соотносительного однокоренного образования на *-ot(a)*, ср.: *drahota* 'дороговизна', *hustota* 'густота', терминологические значения 'частота; плотность'. Некоторые пары однокоренных слов сохранились в прежнем виде, ср.: *besnota* — *besnost'*, *mokrota* — *mokrost'*, *temnota* — *temnost'* и др. При этом, однако, слова с суф. *-ot(a)* в "Словаре словацкого языка" оцениваются иногда как архаизмы, редкоупотребительные или поэтизмы (например: *bystrota*, *čerstvota*, *čiernota*, *divota*, *prísnota*, *štedrota*).

Однокоренные образования с суффиксами *-ost'* и *-stv(o)*

В бернолаковском литературном языке с отвлеченными существительными на *-ost'* соотносились также однокоренные образования с суф. *-stv(o)*. Так, например, от основы прилагательного *hlúpy* 'глупый, тупой' существовали параллельные синонимические производные *hlúpost'* и *hlúpstvo*, ср.: ... *ked' sa svet osvíti a nemravná prestane hlúpost'* ... (Hollý. Na sl. nár. 145); ... *a l'udia sa hrnuli za kláštorými pobožnosťami zotrúvajúc stále v hlúposti* (Fándly. Roz. 89) '... продолжая пребывать в глупости'; *Tak, hle, človek blúdi, toľkého sa hrúchu dopúšťa, jestli rozum zatupí a v kalu hlúpstva tone* (Hollý. Na sl. nár. 144) '... и в грязи глупости тонет'.

От основы адъективированного причастия *poddaný* 'покорный; подчиненный, зависимый', были образованы однокоренные имена существительные *poddanost'* и *poddanstvo* 'покорность, смирение; подчиненность, зависимость, рабство', ср.: ... *že vojsko Svatoplukovi, ktorí jím poddanost' prisľúbil, pod správou dávajú...* (Hollý. Sv. 69) 'который им обещал подчиненность, ...'; *Čož t'i naplat, že si oslobodil cudžého nevoľníka od poddanstva l'udí* (Hollý. Sv. 60) '... что ты освободил людей от рабства'. Имена существительные *poddanost'* и *poddanstvo* наряду со значением отвлеченного качества выражали

⁹ Ср.: Laciok M. K distribúcii morfému *-ost'* a *-ota* v básnickom jazyku B. Tablica. — Slavica Slovaca, 1971, 3, s. 267—269.

значение состояния ('рабство'), которое в дальнейшей истории литературного словацкого языка все в большей мере закреплялось за словом с суф. *-stv(o)* и способствовало его терминологизации (ср. *poddanstvo* 'барщина; крепостная зависимость').

От основы прилагательного *podobný* 'сходный, подобный' также образовывались разносуффиксальные однокоренные параллели *podobnosť* и *podobenstvo* 'сходство, подобие', ср.: *Ked' bi ňebol Svatovit' pomocú sám dospel ochotnú: ... Dva na cest'e ohromné poskoki dal, ... i hñed' ... na podobnosť orl'ice létá (Hollý. Sláv. 75) '... и летит похожий на орлицу'; ... že bis misl'el, že sú dvonohé zvirata anebo podmostné stlpi ku podobenstvu l'udskému na hrubo okresané (Hollý. С.—М. 134) 'можно было подумать, что это двуногие звери, немного отесанные для сходства с человеком'.*

Соотносящиеся однокоренные образования *opilost'* и *opilstvo* (от основы *opil-ý*) имели два лексических значения 'пьянство, пристрастность к вину' и 'опьянение', ср.: *V opilosti blúznil a rozprával nesvedčné, ... hriešne reči (Fándly. Roz. 107) 'В состоянии опьянения он бредил и говорил непристойные, грешные вещи'; Opilstwo jest wśetckému złému počátek (Sl.B.) 'Пьянство — начало всего плохого'.*

Аналогичный тип параллельных синонимических образований представляют также следующие соотносительные имена существительные, зафиксированные в Сл.Б. или в текстах бернолаковского периода: *bohatost'* — *bohatstvo* 'состоятельность, богатство', *blahoslavenost'* (*blahoslavnost'*) — *blahoslavenstvo* 'блаженство', *dostojnost'* — *dostojenstvo* '1. величие, величье; 2. достоинство', *kl'ebetnost'* — *kl'ebetništvo* '1. болтливость, говорливость; 2. пересуды, сплетни' (здесь наряду с абстрактным значением выступает и конкретное значение), *lakomost'* — *lakomstvo* 'алчность, жадность, корыстолюбие', *ñebezpečnost'* — *ñebezpečenstvo* 'опасность', *obežralost'* — *obežralstvo* 'обжорливость, обжорство, ненасытность', *obžernost'* — *obžerstvo* 'обжорливость, обжорство, ненасытность', *poslušnost'* — *poslušenstvo* 'покорность, послушание', *príbuznost'* — *príbúsenstvo* 'родство, родственная близость', *smilnost'* — *smilstvo* 'распутство, разврат', *slobodovernost'* — *slobodoverectvo* 'свободомыслие', *zúfalost'* — *zúfalstvo* 'отчаянность, отчаяние' и др.

Параллельные ряды однокоренных образований на *-ost'* и *-stv(o)* не были в бернолаковщине все же такими частыми, как аналогичные соотношения отвлеченных имен существительных на *-ost'* и *-ot(a)*. Видимо, это было связано с меньшей словообразовательной активностью суф. *-stv(o)* в кругу имен отвлеченного признака. Вместе с тем, этот суффикс был значительно продуктивнее при образовании имен существительных с иными абстрактными значениями. Так, в частности, в бернолаковщине очень продуктивным был словообразовательный прием соединения основы имени существительного с суф. *-stv(o)*, по которому создавались названия профессии, ремесла или рода занятий, ср.: *almužinár* 'нищий' — *almužinárstvo*, *apatekár* — *apatekárstvo*, *hodinár* 'часовщик' — *hodinárstvo*, *kramár* 'торговец' — *kramárstvo*, *rybár* — *rybárstvo*, *tokár* — *tokárstvo*, *zvonár* 'мастер по литью колоколов' — *zvonárstvo* и многие другие; названия философских, религиозных течений, ср.: *ariánstvo*, *kalvínstvo*, *luteránstvo*, *pohánstvo* 'язычество', *sektárstvo* и т.п., названия сана, должности, звания, ср.: *admirálstvo*, *barónstvo*, *grófstvo*, *kapitánstvo*, *kardinálstvo*, *richtárstvo* 'должность сельского старосты' и др.; а также слова со значением манеры поведения, поступков человека (очень

часто с пейоративным оттенком), ср.: *cigánstvo* 'вранье, обман, лож', *frajer-kárstvo* 'волокичество, донжуанство', *kmúnstvo* (от существительного *kmúň* 'вор') 'воровство', *pluhárstvo* 'негодяйство, мерзкое поведение', *zlodejstvo* 'воровство, кража; грабеж' и т.п. Последняя группа в лексико-семантическом плане была наиболее близка отадъективным образованиям на *-stv(o)* со значением отвлеченного качества, признака, свойства.

Однокоренные образования с суффиксами

-ost' и *-ob(a)*

Данные Сл.Б., а также собранный нами материал по литературным текстам бернолаковского периода показывают, что лишь редкие отадъективные образования с суф. *-ob(a)* соотносятся с однокоренными отвлеченными существительными на *-ost'*.

Рассмотрим параллельные разносуффиксальные образования *starost'* и *staroba*. Оба они являются производными от основы прилагательного *starý* и оба имеют значение 'старость', ср.: *Ked' sa človek za mladu neusiluje, na starost' je t'ážko (Fándly. Roz. 233) 'Если человек в молодости не старается, то в старости ему тяжело'; ... ti l'i, táto starost' i út'echa méj pozdná (Hollý. En. 231) '... ты ли это, позднее утешение моей старости'; ... a tkáním starobi svéj lahčila t'erchu (Hollý. En. 232) '... и тканьем облегчала тяжесть своей старости'; ... lebo vieme, že staroba nemá silu mladosti (Fándly. Roz. 102) '... ибо знаем, что у старости нет такой силы, как у молодости'.*

Наряду со словами *starost'* и *staroba* в бернолаковском литературном языке была представлена и такая однокоренная параллель, как *staršoba*. Это слово образовано при помощи суф. *-ob(a)* от основы прилагательного в сравнительной степени (*starší*) и имеет то же самое значение, что и соотносящиеся с ним слова, т.е. 'старость'. В Сл.Б. оно не зафиксировано. Возможно, что это было индивидуальное новообразование Я. Голлого, поскольку оно встретилось только в его поэтических произведениях, ср.: *... Čerstvejša keď krv silu prala, a staršoba ešte závistná po sl'ichoch bílej mi netrúsila barvi (Hollý. En. 120) '... когда ... еще завистливая старость не осыпала мои виски белым цветом'; ... aňi staršoba vládi srdcu ñeodňima, a jaru ñeumenšuje čerstvost' (Hollý. En. 235) '... даже старость не отнимает власти сердца и не ослабляет свежесть весны'; ... ti včil si jed'inká staršoby nádej (Hollý. En. 305) '... теперь ты единственная надежда старости'.*

Парные однокоренные образования рассматриваемого типа представлены в бернолаковщине также словами *zlost'* и *zloba* (от основы прилагательного *zlý* 'злой'), *chudost'* и *chudoba* (от основы прилагательного *chudý* 'худой, тощий'). В первом случае имеется совпадение лексических значений, ср.: *Pukne sa peklo naráz, ... i všech černošerích očad'encov z nútra virihñe. Prehrozním škrekotem, prestrašním od zlobi láňim ukrutní povalá sa bratři a pospolu zedjú (Hollý. С.—М. 31) 'слыша ужасный крик и страшный от злобы лай, ... братья вместе сойдутся'; ... nezmernú proti ním v srdci pukajte zlobú (Hollý. Na sl. nár. 146) 'пусть огромная злоба на них разрывает ваши сердца'; ... a prisvedčá, že za svú zlost' vípiatu Laókon hodnú boľ dostal (Hollý. En. 40) '... за свою злобу Лаокоон здорово расплатился'; ... keď zmohli sa zlost'í (Hollý. Sv. 16) '... когда справились со злостью'.*

Однако наряду с этим слово *zlost'* в контексте получало иногда и кон-

кретное значение — 'злодеяние, плохой поступок'. Об этом свидетельствует его употребление в форме множественного числа, что несвойственно именам отвлеченного качества, ср.: Jak dobrí je Perún, že takí mor a záhubu l'udstva až do včilka trpí, a hromem za zlost'i ohavné dávno nepotrískal do horúcej pekla prepast'i (Hollý. Sv. 58) '... и громом не побил и не отправил в горячее пекло за мерзкие злодеяния'; A vše na jev podarebné krité svetu odkryje zlost'i (Hollý. С.—М. 32) '... и открывает миру все жестокие злодеяния'.

Что касается соотношения однокоренных образований *chudost'* и *chudoba*, то между ними обнаруживается расхождение в лексических значениях. Первое имеет значение 'худоба, худощавость' (в Сл.Б. в качестве синонима указано слово *chudorl'awost'* 'худощавость'), ср.: Chudost' twár zošklivuje, špat'í (Sl.B.) 'худоба портит лицо'. Второе выступает со значением 'бедность, нищета' (в Сл.Б. в качестве синонимов приводятся соответственно слова *bida*, *chudobnost'*, *nedostatek*, *núdzá*, *psota*). ср.: Mali ste aj to spomenúť, že mníšsky sl'ub chudoby bol príčinou ešte väčších galíb (Fándly. Roz. 47) 'вы должны были бы и то напомнить, что монашеский обет бедности был причиной еще больших несчастий'.

Примечательно, что в дальнейшей истории литературного словацкого языка за словом *chudoba* наряду со значением 'бедность, нужда' закрепилось собирательное значение 'беднота, неимущие люди, бедняки', например: *mestská, dedinská chudoba* (SSJ) 'городская, деревенская беднота' и переносное значение 'пустота, убогость', например: *mravná, duševná chudoba* (SSJ) 'нравственное ничтожество, душевная пустота'. В свою очередь у слова *chudost'* сохранилось только значение 'худоба, худощавость'.

Однокоренные образования с суффиксами -ost' и -in(a)

Речь идет о параллельных синонимических отадективных производных типа *hustost'* — *hust'ina* 'густота, плотность', *chriplost'* — *chriplina* 'хриплость, хрипота', *chripl'avost'* — *chripl'avina* 'хрипливость, охриплость; хрипота', *práznot'* — *práznina* 'пустота', *sivost'* — *sivina* 'сивость, серо-сизый цвет', *svetlost'* — *svetl'ina* 'голубизна, синева', *šedivost'* — *šedivina* 'седые волосы, седина; сивость', *širost'* — *širina* 'широта, ширь'.

В литературном словацком языке бернолаковского периода суф. -in(a) употреблялся все же чаще в конкретном значении, выражая "вид или сущность предмета"¹⁰. В рассматриваемом типе соотношения однокоренных образований слово с суффиксом -in(a) также нередко выступало в конкретном значении, благодаря чему эти однокоренные параллели семантически частично или полностью расходились, ср.: *bystrost'* 'быстрота' и *bystrina* '(стремительный) поток', *slabost'* 'слабость; бессилие, дряхлость' и *slabina* 'слабое место; терм. слабина'. Правда, в Сл.Б. не всегда проводится четкое разграничение возможных абстрактных и конкретных значений подобных однокоренных слов, они обычно подаются как синонимические, а иллюстративный материал не приводится. Так, в частности, значение однокоренных имен существительных *pehavost'* и *pehavina* (образованных от основы прилагательного *pehavý* 'веснушчатый') раскрывается путем отсылки на статью

peha 'веснушка'. Таким образом, если исходить из данных Сл.Б., то слова *peha*, *pehavina*, *pehavost'* выступают в конкретном значении и оказываются в общем синонимическом ряду. Можно все же предположить, что слово *pehavost'* могло иметь в бернолаковском языке и абстрактное значение — 'свойство, признак веснушчатого'.

В процессе дальнейшего развития литературного словацкого языка соотносительные с отвлеченными именами на -ost' образования с суф. -in(a) или утрачивались, или становились носителями только конкретного значения и тогда сохранялись (ср. словац. *prázdňina* 'пустое место, пустота', *bystrina* 'поток'). Из рассмотренных выше слов на -in(a) в современном словацком литературном языке сохранилось с абстрактным значением только слово *širina*.

Многочленные ряды однокоренных разносудфиксальных образований

Наряду с рассмотренными выше парными однокоренными отадективными образованиями с суф. -ost'/-ot(a), -ost'/-stv(o), -ost'/-ob(a), -ost'/-in(a) в бернолаковском литературном языке были представлены ряды подобных производных слов, состоящие из трех и более членов, например: *hlúpost'*, *hlupota*, *hlúpstvo*. Между этими однокоренными образованиями сохраняется лексико-семантическое тождество, ср. Svet sa už osvitil, nerozumná prestala hlúpost' (Hollý. Na sl. nár. 145); Než vaše ... blúdi pohanske od márnost'i l'udí a saméj l'en hlúpoti pošlé (Hollý. С.—М. 65). Tak, hle, človek blúdi, ... jestli rozum zatupí a v kalu hlúpstva tone (Hollý. Na sl. nár. 144).

Ряд однокоренных отадективных образований с суф. -ost', -ot(a), -in(a) составляют слова *práznot'*, *práznota*, *práznina*, выступающие в значении 'пустота', ср. ... a bral sa na cestu, čo keď ... dávnu pres noc a ňezmernú práznot' vidlázili zhubné obludi hrích a smrt' (Hollý. Sv. 48); Náramní, veľ'kí ... stál most, od bráni čo pekla sám pres všeckú prepast' a bezedních práznotu st'ínov najvatšú až k techto sahal sveta končine dlžku (Hollý. Sv. 48); ... sama též do vysosti vybehých prázňina skal truchlý volajícím púščala ohlas (Hollý. Na sl. nár. 102).

Ряд однокоренных отадективных образований с суф. -ost', -ot(a), -ob(a) представляют слова *nahost'*, *nahota*, *nahoba* (Sl.B.); *starost'*, *staroba*, *starota* (Sl.B.).

В некоторых случаях многочисленный ряд близких или тождественных по лексическому значению однокоренных образований возникал благодаря тому, что к исходной основе с суффиксом отвлеченности -ot(a) присоединялся словообразовательный суффикс прилагательного (чаще всего -n-) и уже эта производная основа оформлялась вторичным суффиксом отвлеченности -ost', ср.: *čistý* — *čistost'* / *čistota* — *čistotný* — *čistotnost'*. По данным Сл.Б. между словами *čistost'*, *čistota*, *čistotnost'* нет полной синонимии. При этом в значении 'чистота, опрятность; нравственная чистота' совпадают все три слова. Кроме того, у слова *čistost'* отмечено значение 'ясность, понятность', которое отсутствует у слов *čistota* и *čistotnost'*. Ряды, аналогичные по словообразовательному механизму, составляют слова *nečistost'*, *nečistota*, *nečistotnost'*, а также *neistost'*, *neistota*, *neistotnost'* в значении 'сомнение, неуверенность' и др.

¹⁰ Gramatické dielo Antona Bernoláka, s. 457.

Иной тип словообразовательной связи представляет ряд *suchost', suchota, suchotina*. Последнее слово образовано путем присоединения суф. *-in(a)* к производящей основе с суф. *-ot(a)*. В этом случае третий член цепочки имеет свое специфическое значение 'туберкулез легких' (в современном словацком языке это слово употребляется только в форме мн. числа — *suchotiny*). Ср. также ряд, где один из членов выступает с суф. *-in(a)* присоединенным к исходной производящей основе: *novota, novotnost', novina* (Sl.B.). Все эти лексемы имеют значение 'новость, весть'.

Для бернолаковского литературного языка характерно наличие разнообразных рядов синонимических или близких по значению слов, имеющих общий корень, но не вполне совпадающие производящие основы, например: *lacnost', lacnota, lacoba, laca*. В этом ряду выступают как производные имена существительные, образованные при помощи суффиксов *-ost', -ot(a), -ob(a)*, так и бессуффиксальное существительное *laca* 'дешевая цена, дешевая вещь'. Производные *lacnost', lacnota, lacoba* совмещают абстрактные и конкретные значения 'дешевизна, дешевая цена', а слово *lacnota*, судя по Sl.B., могло иметь и значение 'дешевая вещь', ср.: *Lacnotu skupuj (zadrž, schowaj) na drahotu* (Sl.B.). Ср. также ряды: *pišnost', pišnota, pícha* (Sl.B.), в котором все слова имеют значение 'высокомерие, спесь, надменность'; *t'eplost', t'epłota, t'eplo* 'теплота'.

Следует подчеркнуть, что в бернолаковщине подобные синонимические ряды, в которых отадективные суффиксальные образования соотносились с тождественным или близким по лексическому значению бессуффиксальным существительным, были распространены значительно шире, чем в современном словацком литературном языке (многие бессуффиксальные имена существительные вышли из употребления или стали архаизмами). При этом бессуффиксальные имена существительные нередко тяготели к передаче не абстрактного, а конкретного значения. Приведем некоторые примеры: *dba, dbalost', dbáñí* 'внимание, забота, старание'; *faleš' ложь, обман, falešnost' обман, плутни притворство*; *chut' вкус, аппетит, chutnost' аппетитность*; *obluda, obludnost' страшилище, чудовище; привидение, ohava мерзость, гадость, ohavnost' 1. нечто ужасное, страшное 2. мерзость; osoh 1. плод; результат, 2. польза, выгода, osožnost' польза, благо; полезность; ostuda стыд, позор, ostudnost' стыдливость; podoba сходство, подобие, podobnost', podobenstvo сходство, похожесть; podstata, podstatnost' сущность, существо; pokora смирение; унижение, pokornost' смирение; послушность, покорность; rozmisel 1. размышление; 2. понятие, rozmiselnost' 1. размышление; 2. рассудительность; rozdel 'различие', rozdelnost' 1. делимость; 2. различие; smad, smadnost' жажда, sméch смех, směšnost' свойство смешного, смехотворность, lest, lestivost' хитрость, лукавство; козни, обман; peč, peča забота, pečlivost' волнение, беспокойство; заботливость и т.п.*

Семантическая структура производного имени существительного *dalekost'* (от основы прилагательного *daleký*) складывалась по данным Sl.B. из трех значений: 1. даль, дальность; 2. расстояние; 3. долгота, протяженность и сочетала в себе отвлеченную и конкретную семантику. В первом значении слово *dalekost'* выступало как синоним бессуффиксального слова *dál'* и слова *dálka* (Sl.B.), имевшего суф. *-k-*, а в третьем значении как синоним слова *dlúhost'*. В этом же значении в бернолаковском литературном

языке употреблялось и другое слово с суф. *-k-*: *dlžka*, которое представлено в произведениях Я. Голлого. Таким образом, в бернолаковщине функционировал ряд слов, близких по смыслу и даже совпадающих по некоторым лексическим значениям, которые в той или иной мере характеризовались и словообразовательными связями. В этом случае словообразовательная вариативность тесно переплеталась с явлениями лексической синонимии и лексической дифференциации. В связи с этим отметим, что в отдельных случаях в бернолаковском литературном языке отвлеченное имя существительное на *-ost'* или *-in(a)* могло соотноситься и с однокоренными образованиями на *-k(a)*, ср.: *šír, širina, širokost', šírka* 'ширина, обширность, широта'.

В тех случаях, когда отвлеченное существительное на *-ost'* или *-ot(a)*, было образовано от основы адективированного причастия или от основы глагола, оно могло входить в ряд близких по семантике и словообразовательной структуре имен существительных на *-í, -ení, -ání*. Рассмотрим, например, ряд однокоренных слов: *žebrota, žebráctvo, zebrañí*. По Sl.B. все эти слова характеризуются тремя лексическими значениями: 1. беднота, нищета; 2. попрошайничество; 3. гольгота, беднота. Первое значение — отвлеченное (состояния, признака), второе — конкретное (значение действия), третье — собирательное. Вместе с тем Бернолак указывает, что слово *žebrañí* в большинстве случаев употребляется в значении действия.

Следует отметить, что в Sl.B. довольно часто к образованиям на *-ost', -ot(a), -ob(a)* приводятся параллели на *-í, -ení, -ání*, которые обычно трактуются как синонимические, что, по нашему мнению, не всегда оправдано. Думается, что в образованиях на *-í, -ení, -ání* сильнее проявляются глагольные свойства, они все же, как правило, выражают процесс действия (во всяком случае это значение присутствует в их семантической структуре и нередко является доминирующим) или конкретное значение — название действия, например: *cvičenost' 1. обученность, образованность, просвещенность; 2. упражнение — cvičení 1. упражнение, тренировка; 2. обучение; chímnost' слухи, сплетни — chireñí распространение слухов, сплетен; lúbožnost' 1. льстивость, ласковость; 2. привлекательность, прелесть; 3. любезность — lúbostení 1. лесть, вкрадчивость; 2. прельщение; 3. ласка, поцелуй; ohromitost' ошеломленность, потрясенность — ohromení ошеломление, потрясение; podivnost' чудесность, необыкновенность — podivení удивление и т.п. В отглагольных параллельных образованиях действительно могла наблюдаться синонимия, ср.: *trápota* и *trapeñí* 'мучение'.*

Проведенный анализ показал, что на начальном этапе истории литературного словацкого языка (в бернолаковский период) для системы отвлеченных имен существительных была характерна достаточно широко представленная словообразовательная вариативность, которая проявлялась как в парных соотношениях однокоренных отадективных образований с синонимическими суф. *-ost'/-ot(a), -ost'/-stv(o), -ost'/-ob(a), -ost'/-in(a)*, так и в многочисленных рядах параллельных образований с этими суффиксами. Самым распространенным и продуктивным в бернолаковщине суффиксом со значением отвлеченного качества был суф. *-ost'*. Словообразовательной активностью характеризовался в тот период также суф. *-ot(a)*. Остальные названные выше суффиксы являлись непродуктивными, но и они служили для образования ряда примечательных отвлеченных имен существительных,

которые в последующий период истории литературного словацкого языка были утрачены или перешли в разряд архаизмов. Суф. *-ost'* и *-ot(a)*, присоединяясь к одним и тем же основам прилагательного, наиболее часто оформляли параллельные однокоренные слова с общим деривационным значением отвлеченного качества и полностью или частично совпадавшие по своим лексическим значениям. Благодаря этому сосуществование отвлеченных существительных на *-ost'* и *-ot(a)* и конкуренция между ними является характерной чертой словарного состава бернолаковского литературного языка. Семантическая и стилистическая недифференцированность этих и подобных образований с другими суффиксами создавала избыточную вариативность, которая постепенно преодолевалась на следующих этапах развития литературного словацкого языка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Fándly. Roz. — Fándly Juraj. Rozprávky rozmarné i poučné. Pamäti a dokumenty. Bratislava, 1973.
 Hollý. C.—M. — Hollý Jan. Cirillo-Metodiada. Trnava, 1950.
 Hollý. En. — Hollý Jan. Virgiliova Eneida. Trnava, 1950.
 Hollý. Na sl. nár. — Hollý Ján. Na slovensky národ. (Selanky, Rozličné básne, Žalospevy a Pesne). Bratislava, 1957.
 Hollý. Sláv. — Hollý Jan. Sláv. Bájoslóvi. Trnava, 1950.
 Hollý. Sv. — Hollý Jan. Svatopluk. Trnava, 1950.
 Sl.B. — Bernolák A. Slowár Slowenski, Česko-Lat'insko-Nemecko-Uherski. Budae, 1825—1827.

Г.Г. ТЯПКО

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ NOMINA ABSTRACTA В СЕРБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (на материале произведений В.С. Караджича)

Период первой половины XIX в., когда в общественной жизни Сербии закрепляются коренные социальные преобразования, характерные для южно-славянского национального возрождения, является исключительно важным этапом в формировании литературного сербского языка. В плане языковом этот период неразрывно связан с деятельностью Вука Стефановича Караджича (1787—1864 гг.), выдающегося сербского филолога XIX в., разработавшего на основе родного говора модель так называемого "чистого языка простого народа" и предложившего ее в качестве средства преодоления господствовавшего в литературно-языковой практике сербского общества разноречия. Интерес к личности Караджича чрезвычайно велик, но в центре внимания исследователей оказывается, как правило, внешняя, более "зримая" сторона его деятельности — организация и проведение языковой реформы, пропаганда преимуществ предложенной им кодификации литературных норм сербского языка, упорная борьба за внедрение народного языка в литературно-языковую практику. При этом в тени остается литературно-языковая практика самого Караджича, демонстрирующая его собственный, продиктованный реформой, языковой

эксперимент: введение в литературный язык новых элементов, эволюцию вытеснения из собственной письменной речи семантически и функционально избыточного дореформенного багажа.

Учитывая актуальность изучения языка В.С. Караджича, в данной статье мы даем описание фрагмента словообразовательной системы (отвлеченных имен существительных) сербского литературного языка первой половины XIX в. на материале произведений Караджича.

Караджич оставил большое наследие — словари, переводы, хроники, биографические очерки, переписку. При отборе источников, из которых делалась сплошная выборка материала, учитывались жанр произведения и время его создания. Самое раннее произведение, отобранное для выборок, Словарь 1818 г., самое позднее — второе авторизованное издание Словаря (1852 г.). Среди источников — хроника о сербском правительствующем совете, жизнеописание князя Милоша Обреновича, переписка Караджича, перевод Нового Завета на "язык простого народа", сделанный Караджичем в пору наивысшей творческой зрелости, в 1847 г. Этот год считается переломным (победным) и в судьбе реформы.

В статье исследуется отвлеченная лексика, составляющая важный участок сербскохорватской номинации, словообразования и грамматического функционирования, однако до сих пор не подвергавшаяся специальному детальному анализу. Изучение отвлеченной лексики представляет большой интерес в аспекте истории сербского литературного языка, особенно начального периода его формирования (конец XVIII — первая половина XIX в.).

Освещение отвлеченной лексики связано в статье с проблематикой сербского исторического словообразования — выявляются продуктивные словообразовательные типы Nomina abstracta, потенциальные аккумуляторы лексических новообразований в сербском литературном языке первой половины XIX в.

Частичные сведения о сербских Nomina abstracta находим лишь в грамматиках. В грамматиках XIX в. сведения о Nomina abstracta разпылены в разделе словообразовательных суффиксов имен существительных. В аналогичном разделе содержится информация об отвлеченной лексике и в новой грамматике М. Стевановича¹. В новейших грамматиках загребских авторов словообразовательный раздел, как правило, не ограничивается рамками только суффиксального словопроизводства внутри каждой части речи (традиционная схема построения вкраплений, содержащих сведения о словообразовании той или иной части речи, точнее, содержащих перечень суффиксальных формантов той или иной части речи). В связи с этим отвлеченная лексика в этих грамматиках описывается по-другому: во-первых, в самостоятельном разделе, а, во-вторых, отыменные и отглагольные Nomina abstracta справедливо рассматриваются дифференцированно² (как семантически нетождественные разряды лексики, обладающие различными деривационными связями).

Разделяя эту точку зрения, автор описывает только наиболее употребительные в произведениях Караджича отыменные Nomina abstracta, обозна-

¹ Стевановић М. Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевно-језичка норма). Београд, 1964, с. 472—567.

² Тежак С., Бабић С. Pregled gramatike hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1973, с. 160—162; Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979, с. 255—256.

чающие качество, признак, свойство в отвлечении от субъекта, объекта или носителя признака, иначе говоря, имена существительные со значением "отвлеченного качества". Как показывает наш материал, это преимущественно отадъективные отвлеченные существительные, образованные суффиксальным способом [Nomina abstracta attributivitatis] типа *раброст* 'храбрость', *гостолубивост* 'гостеприимство', *кротост* 'кротость', *јунаштво* 'геройство, доблесть', *човеколюбие* 'человеколюбие' (предметом описания являются только мотивированные производные существительные).

Статья состоит из нескольких разделов, в каждом из которых рассматриваются разряды слов, объединенных тождественностью грамматического форманта в пределах конкретного словообразовательного типа, понимаемого как "формально-семантическая схема строения производных слов, характеризуемая общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического соотношения между производными и производящими, 3) общностью способа словообразования, а для аффиксальных способов — тождественностью аффикса³. Исследование словообразовательных типов Nomina abstracta attributivitatis позволяет установить, активен ли данный тип как образец в языке Караджича, дает ли он новообразования, иными словами, продуктивен ли данный словообразовательный тип. В связи с этим в работе большое внимание уделяется определению условий функционирования каждого словообразовательного типа, выявляется активность словообразовательных суффиксов, устанавливается лексико-грамматический круг производящих основ, характеризуются структурные, семантические и стилистические ограничения в производстве слов данного типа, выясняется наличный состав рассматриваемых отвлеченных существительных в произведениях Караджича.

Таким образом, для установления сферы действия определенного типа выявляются не только возможности образования слов данного типа, но и отсутствие возможностей. Обладающими высокой продуктивностью признаются словообразовательные типы: а) действие которых не имеет ограничений (формальных, лексических, семантических, стилистических и словообразовательных) в пределах определенного круга основ; б) не имеющие конкурентных синонимических средств или занимающие среди конкурентных средств ведущее место⁴.

Nomina abstracta с суф. -ост

В пределах словообразовательного типа на -ост в произведениях Караджича отмечено 112 отвлеченных существительных.

1. Характеристика производящих основ

Самую многочисленную группу производящих основ отвлеченных существительных на -ост составляют немотивированные качественные прилагательные: *благ* 'мягкий, нежный, ласковый' — *благост* 'доброта, кротость, нежность, ласковость' (МО); *драг* 'дорогой, милый' — *драгост* 'приятность, прелесть' (СР, 1852); *лен* 'ленивый' — *леност* 'ленность' (СР, П); *леп* 'кра-

сивый' — *лепост* 'красота' (СР, 1852); *луд* 'глупый' — *лудост* 'глупость' (НЗ, П); *мио* 'милый' — *милоост* 'миловидность, очарование' (НЗ); *млад* 'молодой' — *младост* 'молодость' (СР, ПС, НЗ); *охол* 'заносчивый, надменный' — *охолоост* 'заносчивость, надменность' (СР, 1852); *пјан* 'пьяный' — *пјаност* 'пьяное состояние' (СР, 1852); *плах* 'вспыльчивый' — *плахост* 'вспыльчивость' (СР, 1852); *пун* 'полный' — *пуноост* перен. 'щедрость' (НЗ); *свет* 'святой, священный' — *светост* 'святость, обладание божественной благодатью' (НЗ); *слаб* 'слабый' — *слабост* 'слабость' (СР, 1852; ПС, НЗ, П); *стар* 'старый' — *старост* 'старость' (СР, МО, НЗ, П); *строг* 'строгий' — *строгост* 'строгость' (МО); *труо* 'гнилой, гниlostный' — *трулоост* 'гниlostность' (СР, 1852); *аран* 'благодарный, признательный' — *арноост* 'благодарность, признательность' (СР, 1852); *итан* 'спешный, срочный' — *итост*, *итошт* 'поспешность, быстрота' (СР); *рабар* 'храбрый, отважный' — *раброст* 'храбрость, отважность' (СР, ПС, МО); *цјо* 'целый' — *цјелост* 'цельность, целостность, единое целое' (МО, НЗ).

Вторую по численности группу производящих основ образуют с у ф ф и к с а л ь н ы е качественные прилагательные: с суф. -(а)н:

важан 'важный' — *важноост* 'важность, влияние' (П); *веран* 'верный' — *верноост* 'верность' (СР, 1852); *вредан* 'трудолюбивый, прилежный' — *вредноост* 'трудолюбие, прилежность' (П); *задоволян* 'довольный, удовлетворенный' — *задовољноост* 'удовлетворенность' (СР, 1852); *лубазан* 'любезный' — *лубазноост* 'любезность, приветливость' (СР, 1852); *миран* 'мирный, тихий' — *мирноост* 'спокойствие, тишина' (СР, 1852); *нехатан* 'небрежный, халатный' — *нехатноост* 'небрежность, халатность' (СР, 1852); *обилан* 'обильный' — *обилноост* 'обилие' (СР, 1852); *покоран* 'покорный' — *покорноост* 'покорность' (СР, ПС, МО, НЗ); *праведан* 'справедливый' — *праведноост* 'справедливость' (СР, 1852); *празан* 'пустой' — *празноост* 'пустота' (НЗ); *реван* 'ревностный, старательный, усердный' — *ревноост* 'ревностность, старательность, усердие' (П); *сјајан* 'блестящий, сияющий' — *сјајноост* 'сверкание, блеск, великолепие, роскошь' (НЗ, СР, 1852); *сигуран* 'надежный, уверенный' — *сигурноост* 'надежность, уверенность' (СР); *складан* 'стройный, складный' — *складноост* 'стройность, складность' (СР, 1852); *побожан* 'набожный' — *побожноост* 'набожность' (СР, НЗ); *пднизан* 'смиранный' — *пднизноост* 'смиранность' (НЗ, СР); *послушан* 'смиранный' — *послушноост* 'смиранность' (НЗ); *угодан* 'угодный, приятный' — *угодноост* 'угода' (СР, 1852); *ружан* 'безобразный' — *ружноост* 'безобразность' (СР, 1852).

с суф. -(а)к:

витак 'стройный, статный' — *виткоост* 'стройность, статность' (СР, 1852); *кратак* 'короткий, краткий' — *краткоост* 'краткость' (СР); *кротак* 'кроткий' — *кротост* 'кротость' (СР); *лубак* 'приятный, миловидный' — *лупкоост* 'миловидность' (СР); *танак* 'тонкий' — *танкоост* 'тонкость' (СР, 1852).

с суф. -ит:

разборит 'руссудительный' — *разборитост* 'рассудительность' (СР, 1852); *речит* 'речистый, красноречивый' — *речитост* 'речистость, красноречие' (ПС); *честит* 'порядочный' — *честитост* 'честность, порядочность' (СР, 1852).

с суф. -ив:

распадлив 'тленный' — *распадливоост* 'тленность' (НЗ); *пропадлив* 'гиб-

³ Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. с. 182.

⁴ Там же, с. 214.

кий' — *пропадливост* 'гибельность' (НЗ); *страшлив* 'трусливый' — *страш-ливост* 'трусливость' (СР, 1852).

с суф. -(а)л:

нагао 'спешный, стремительный' — *наглост* 'поспешность, стремительность' (СР, 1852); *подмукао* 'коварный' — *подмуклост* 'коварство' (СР, 1852).

с суф. -(а)в:

мртав 'мертвый' — *мртвост* 'безжизненность' (НЗ).

с суф. -ен:

привржен 'приверженный, преданный' — *приврженост* 'приверженность, преданность' (Пк М).

В пределах данного словообразовательного типа оказываются и четыре лексемы *Nomina abstracta* на -ост, образованные от относительных прилагательных: *истоветан* 'тождественный' — *истоветност* 'тождественность' (СР, 1852); *дрвен* 'деревянный' — *дрвеност* перен. 'деревянность' (НЗ); *једнак* 'одинаковый, равный' — *једнакост* 'одинаковость, равенство' (НЗ, П); *људски* 'человеческий, человеческий' — *људскост* 'человечность' (СР, 1852).

Семантическое отношение между производящими и производными, тождественность которого очевидна в подавляющем большинстве указанных выше пар, можно выразить следующей формулой 'признак, качество — субстантивированный отвлеченный признак'.

Установленное семантическое соотношение позволяет определить словообразовательное значение слов данного типа как субстантивированный отвлеченный признак, названный производящей основой прилагательного.

В нескольких случаях соотношение между производящими и производными складывается по-другому. Это относится к словам типа *неискреност* и *премудрост*, допускающим неединственную мотивацию. Их производящими можно считать и качественные прилагательные и существительные, причем в первом случае они оказываются в пределах рассматриваемого словообразовательного типа: *неједнак* 'неодинаковый, неравный' — *неједнакост* 'неодинаковость, неравенство' (П); *незадоволан* 'недовольный, неудовлетворенный' — *незадоволност* 'неудовлетворенность', *неискрен* 'неискренний' — *неискреност* 'неискренность' (П); *немарлив* 'небрежный, нерадивый' — *немарливост* 'небрежность, нерадивость' (СР, 1852); *непокоран* 'непокорный' — *непокорност* 'непокорность' (СР, МО, НЗ); *нестрплив* 'нетерпеливый' — *нестрпливост* 'нетерпеливость' (П); *нераспадлив* 'нетленный' — *нераспадливост* 'нетленность' (НЗ); *премудар* 'премудрый' — *премудрост* 'премудрость, глубокая мудрость' (НЗ).

Словообразовательное значение этой группы слов также можно сформулировать как 'субстантивированный отвлеченный признак, названный производящей основой прилагательного'.

Указанные отвлеченные существительные на -ост могут быть формально соотносены и с однокоренными бесприставочными существительными, уже имеющими значение отвлеченного признака: *једнакост* 'одинаковость, равенство' — *неједнакост* 'неодинаковость, неравенство' (П); *задоволност* 'удовлетворенность' — *незадоволност* 'неудовлетворенность' (СР); *искренност* 'искренность' — *неискренност* 'неискренность' (П); *марливост* 'прилежность, старательность' — *немарливост* 'небрежность, нерадивость'; *марност* 'прилежность, старательность' — *немарност* 'небрежность, нерадивость'

(СР, 1852); *покорност* 'покорность' — *непокорност* 'непокорность' (СР, НЗ, МО); *стрпливост* 'терпеливость' — *нестрпливост* 'нетерпеливость' (П); *распадливост* 'тленность' — *нераспадливост* 'нетленность' (НЗ).

В этом случае отвлеченные существительные типа *неједнакост*, *немарливост*, *премудрост* могут интерпретироваться как репрезентанты другого словообразовательного типа, характеризующегося принадлежностью производящей основы к другой части речи, иным словообразовательным значением, а также способом словообразования.

Однако, как нам представляется, такие существительные целесообразнее рассматривать в качестве репрезентантов словообразовательного типа отвлеченных существительных на -ост, а вторую формальную их мотивацию рассматривать как факультативную.

В отдельных случаях в качестве производящих слов используются качественные прилагательные, образованные смешанно-суффиксальными способами словопроизводства — сложением с суффиксацией (1) и сращением с суффиксацией (2).

(1) *благонаклон* 'благосклонный' — *благонаклоност* 'благосклонность' (Пк М); *благодаран* 'благодарный' — *благодарност* 'благодарность' (СР, НЗ, Пк М); *злоћудан* 'злонравный' — *злоћудност* 'злонравие' (НЗ); *гостољубив* 'гостеприимный' — *гостољубивост* 'гостеприимство' (НЗ); (2) *безазлен* 'простодушный' — *безазленост* 'простодушие' (СР); *безбожан* 'безбожный' — *безбожност* 'безбожие' (СР, 1852); *бесмртан* 'бессмертный' — *бесмртност* 'бессмертие' (СР, 1852).

При образовании отвлеченных существительных посредством суф. -ост могут происходить изменения морфемного состава финальной части производящей основы на стыке с суффиксом.

Предфинальный гласный производящей основы чередуется с нулем звука в этой же позиции в производном слове: *љубазан* — *љубазност*, *мртав* — *мртвост*, *мудар* — *мудрост*, *праведан* — *праведност*, *рабар* — *раброст*, *обилан* — *обилност*.

На морфемном шве в месте совмещения производящей основы с суф. -ост наблюдается восстановление л из о: *жао* — *жалост*, *нагао* — *наглост*, *груо* — *трулост*. Одновременно в этой позиции наблюдается выпадение беглого а: *окургао* — *окурглост*, *светао* — *светлост*, *подмукао* — *подмуклост*.

В нескольких примерах на морфемном шве наблюдается усечение суффикса производящей основы: *крепак* — *крепост*, *кротак* — *кротост*, *мрзак* — *мрзост*. В других примерах усечения суффикса производящей основы не происходит: *кратак* — *краткост*, *љубак* — *љупкост*, *танак* — *танкост*.

2. Формант

Характерной особенностью суф. -ост является отсутствие у него вариантов. Только в одном случае вместо суффиксальной морфемы -ост используется ее вариант — *ошт*: *итошт* 'быстрота, срочность' (СР) вместо *итост*. Вариант суф. -ост (-ошт) подтверждает только Словарь Караджича, причем там представлена также инвариантная форма *итост*. Других проявлений вариативности суффикса *ост* в составе отвлеченных существительных в произведениях Караджича не установлено.

Словообразовательное значение отвлеченных существительных на -ост является, как правило, транспозиционным, т.е. совпадающим со значением производящих слов – качественных прилагательных. Словообразовательная транспозиция осуществляется в данном случае суффиксальным способом – посредством суф. -ост: *пун* 'полный' – *пуност* 'полнота', *охол* 'надменный' – *охолост* 'надменность', *плах* 'вспыльчивый' – *плахост* 'вспыльчивость', *рабар* 'храбрый, отважный' – *раброст* 'отважность'. В подобных именах существительных суф. -ост имеет словообразовательное значение отвлеченного непроецессуального признака.

Отвлеченные существительные на -ост распадаются на ряд лексико-семантических групп, обозначающих:

(1) Положительные черты характера человека, христианские добродетели: *благост* 'доброта': 'Ръчи, пуне веселя и отеческе *благости* къ нама и народу нашему' (МО, 168) 'слова, полные веселья и отеческой доброты к нам и народу нашему'.

кротост 'кротость': 'Кротост ваша да буде позната свијем људима' (НЗ, 322) 'Да будет всем людям известна ваша кротость'.

побожност 'набожность': 'А у разуму уздражање, а у уздражању трпљење, а у трпљењу *побожност*' (НЗ, 287) 'А в разуме – воздержание, а в воздержании – терпение, а в терпении – набожность'.

понизност 'смиренность': 'Служећи Господу са сваком *понижности*' (НЗ, 258) 'Служа Господу со всей смиренностью...'

пуност перен. 'щедрость': 'И од *пуности* њетове ми сви узесмо благодат за благодаћу' (НЗ, 174) 'И от щедрости его мы все принимаем благодать за благодать'.

светост 'святость': 'Јер Бог нас не дозва на нечистоту, него у *светост*' (НЗ, 392). 'Ибо бог призвал нас не к греховности, а к святости'.

строгост 'строгость': 'Строгосћу одржао самъ у земли овой миръ' (МО, 165) 'Строгостью сохранил я в этой стране мир'.

(2) Отрицательные черты характера, пороки человеческой натуры: *бесрамност* 'бесстыдство': 'Који оставивши поштење, предадоше се *бесрамности*' (НЗ, 374). 'Которые забыв честь, предались бесстыдству'.

безбожност 'безбожие': 'Учећи нас да се одречемо *безбожности* овога свијета' (НЗ, 411) 'Уча нас отречься от безбожия этого мира'.

злоћудност 'злонравие': 'Да буду напуњени (људи) сваке неправде, лукавства, *злоћудности*' (НЗ, 302) 'И да будут наполнены люди ложью, коварством и злонравием'.

(3) Душевное состояние человека:

радост 'радость': 'Ово вам казах, да *радост* моја у вама остане и *радост* ваша се испуни' (НЗ, 206) 'Это я сказал вам, чтобы радость моя осталась в вас, а радость ваша исполнилась'.

жалост 'горе, печаль': 'И погледавши на них с гневом од *жалости* што су им онако срца одрвенила рече човјеку: Пружи руку своју. И пружи; и поста рука здрава као и друга' (НЗ, 85) 'И посмотрев на них с гневом от горя, что их сердца так очерствели, он сказал человеку: протяни руку свою. И тот протянул; и стала рука его такой же здоровой как и другая'.

(4) качество ума, оценка умственных способностей человека:

мудрост 'мудрость': 'Не претвори ли Бог *мудрост* овога свијета у лудост' (НЗ, 325). 'Не превратит ли бог мудрость этого мира в глупость'.

лудост 'глупость': 'Јер је *лудост* Божија мудрија од људи...' (НЗ, 325) 'Ибо глупость божия мудрее людей...'

премудрост 'премудрость': 'Јер је *премудрост* овога свијета лудост пред Богом...' (НЗ, 327) 'Ибо премудрость этого мира – глупость пред Богом'; 'Достојно је јагне заклано да прими силу и богатство и *премудрост*' (НЗ, 437) 'Достойный агнец убит, чтобы принять силу и богатство, и премудрость'.

празност (ума) 'празность, пустота (ума)': '...у *празности* ума својега...' (НЗ, 374) '... в празности ума своего'.

В ряде случаев мы имеем совмещение в одной лексеме отвлеченного (1) и конкретного (2) значений, ср.: (1) *милоост* 'миловидность, очарование': '... а по том мирна, кротка, послушна, пуна *милости* ...' (НЗ, 477) '... и потому она спокойна, кротка, послушна, полна очарования...'

(2) *милоост* 'милость': 'јер не ономе бити суд без *милости*, који не чини *милоост*' (НЗ, 475) 'Ибо того ждет суд без милости, кто сам немилосерден'; 'Цар Србима све опрашта и прима ју у *милоост* своју' (МО, 123) 'Царь сербам все прощает и оказывает ей свою милость'.

Nomina abstracta с суф. – оћ(а)

К словообразовательному типу отвлеченных существительных на – оћ(а) в нашем материале относится 20 лексем. Все они извлечены из Словаря Караджича. Во втором издании Словаря их список значительно расширен, введены такие слова, как *танкоћа* 'тонкость', *тврдоћа* 'твердость', *слепоћа* 'слепота', *самоћа* 'одиночество', *хромоћа*, *ромоћа* 'хромота', *тупоћа* 'тупость', *тјесноћа* 'теснота', *нечистоћа* 'нечистота, греховность', *лакоћа* 'легкость', *цјеноћа* 'дешевизна (с пометой – региональное)'. В других произведениях Караджича отвлеченные существительные на -оћ(а) не обнаружены.

1. Характеристика производящих основ

Производящими основами отвлеченных существительных на -оћ(а) в произведениях Караджича более, чем в половине примеров являются немотивированные качественные прилагательные: *бистар* 'прозрачный' – *бистроћа* 'прозрачность' (СР), *блед* 'бледный' – *бледоћа* 'бледность' (СР), *брз* 'быстрый' – *брзоћа* 'быстрота' (СР), *глув* 'глухой' – *глувоћа* 'глухость' (СР), *груб* 'грубый' – *грубоћа* 'грубость' (СР), *добар* 'добрый' – *доброћа* 'доброта' (СР), *драг* 'дорогой' – *драгоћа* 'нежность' (СР), *јевтин* 'дешевый' – *јевтиноћа* 'дешевизна' (СР), *зао* 'злой' – *злоћа* 'злость' (СР), *скуп* 'дорогой' – *скупоћа* 'дороговизна' (СР), *чист* 'чистый' – *чистоћа* 'чистота' (СР), *тврд* 'твердый' – *тврдоћа* 'твердость' (СР, 1852), *слеп* 'слепой' – *слепоћа* 'слепота' (СР, 1852), *хром* 'хромой' – *хромоћа* 'хромота' (СР, 1852), *туп* 'тупой' – *тупоћа* 'тупость' (СР, 1852), *тјесан* 'тесный' – *тјесноћа* 'теснота' (СР, 1852), *лак* 'легкий' – *лакоћа* 'легкость' (СР, 1852), *цјен* 'дешевый' – *цјеноћа* 'дешевизна' (СР, 1852), *вро* 'добродетельный' – *вроћа* 'добродетельность' (СР).

В нескольких случаях производящими основами являются суффиксальные качественные прилагательные.

с суф. -(a)н:

вредан 'прилежный' — *вредноћа* 'прилежность' (CP), *врстан* 'ценный' — *врсноћа* 'ценность' (CP), *миран* 'тихий', 'спокойный' — *мирноћа* 'тишина', 'спокойствие' (CP), *(х)ладан* 'холодный' — *(х)ладноћа* 'холодность' (CP).

с суф. -(a)к:

танак 'тонкий' — *танкоћа* 'тонкость' (CP, 1852), *кратак* 'короткий' — *краткоћа* 'краткость' (CP)

В одном случае производящей основой является местоимение: *сам* 'один' — *самоћа* 'одиночество' (CP, 1852).

При образовании отвлеченных существительных посредством суф. -оћ(a) изменения морфемного состава финальной части производящей основы на стыке с суффиксом очень немногочисленны.

Предфинальный гласный производящей основы *a* чередуется с нулем звука в этой же позиции в производном слове; *бистар* — *бистроћа*, *вредан* — *вредноћа*, *танак* — *танкоћа*.

В слове *врсноћа* наблюдается упрощение группы *ст*: *врстан* — *врсноћа*.

Несмотря на отсутствие формальных ограничений в словопроизводстве отвлеченных существительных на -оћ(a), они представляют в языке Караджича непродуктивный словообразовательный тип. Мы нашли только один пример употребления лексемы на -оћ(a) в письменной речи Караджича, ср.: ... говорехи о дужини и *краткосћи* слогова... (П, 217) ... говоря о долготе и краткости слогов...'

2. Формант

Характерной особенностью суф. -оћ(a) в указанных выше лексемах является отсутствие его вариантов.

3. Словообразовательная семантика

отвлеченных существительных на -оћ(a)

Для существительных с суф. -оћ(a) характерно значение непроецессуального отвлеченного признака. Значение признака, свойства, качества производного слова тесно связано с лексическим значением мотивирующих прилагательных, ср.: *добар* 'добрый' — признак, выражаемый прилагательным; *доброћа* 'доброта' — тот же самый признак, выражаемый существительным, которое образовано путем суффиксации.

Поскольку Караджич практически не дает образцов употребления лексем на -оћ(a) в текстах (они представлены только в его Словаре), мы не можем с уверенностью говорить о специализации этой группы слов для выражения дополнительного оттенка значения по отношению к другим словообразовательным типам отвлеченных существительных.

Nomina abstracta с суф. -от(a)

Отвлеченные существительные на -от(a), excerpiрованные из произведений В.С. Караджича, представлены 23 лексемами. Эти лексемы зафиксированы главным образом в Словаре Караджича. В его литературных произведениях они встречаются очень редко.

1. Характеристика производящих основ

Большинство лексем на -от(a) имеет в качестве производящих слов немотивированные качественные прилагательные: *глув* 'глухой' — *глувота* 'глухость' (CP), *добр* 'добрый', 'хороший' — *доброта* 'доброта' (CP, НЗ), *јак* 'сильный', 'крепкий' — *јакота* 'крепость' (CP, 1852), *леп* 'красивый' — *лепота* 'красота' (CP), *мек* 'мягкий' — *мекота* 'мягкость' (CP), *мил* 'милый' — *милота* 'миловидность' (CP, 1852), *мудар* 'мудрый' — *мудрота* 'мудрость' (CP), *нем* 'немой' — *немота* 'немота' (CP), *прост* 'простой' — *простота* 'простота' (CP), *слеп* 'слепой' — *слепота* 'слепота' (CP), *шлеп* 'слепой' — *шлепота* 'слепота' (CP), *слип* 'слепой' — *слипота* 'слепота' (CP, 1852), *сув* 'сухой' — *сувота* 'сухость' (CP, 1852), *сух* 'сухой' — *сухота* 'сухость' (CP, 1852), *тијесан* 'тесный' — *тјеснота* 'теснота' (НЗ), *чист* 'чистый' — *чистота* 'чистота' (CP, НЗ).

Вторую малочисленную группу производящих слов составляют суффиксальные качественные прилагательные:

с суф. -(a)н:

јасан 'ясный' — *јаснота* 'ясность' (CP, 1852), *красан* 'красивый' — *красота* 'красота' (CP), *миран* 'мирный', 'тихий' — *мирота* 'тишина', 'спокойствие' (CP, 1852).

с суф. -(a)к:

тежак 'тяжелый' — *тегота* 'трудность', 'тяжесть' (CP, 1852).

В одном случае производящее слово образовано префиксальным способом: *нечист* 'нечистый', 'грязный' — *нечистота* 'нечистота', 'грязь'

Одно слово на -от(a) образовано от относительного прилагательного с суф. -ск-: *људски* 'человеческий', 'человечный' — *људскота* 'человечность' (CP).

В трех случаях производящими словами являются отвлеченные имена существительные *грех* 'грех' — *грехота* 'грех', 'греховность', *страх* 'страх' — *страхота* 'страх', *срам* 'стыд', 'срам' — *срамота* 'стыд', 'срам' (все — CP).

Ряд лексем на -от(a) характеризуется вариативностью производящей основы, ср.: *грехота*: *греота*: *гријота*: *грјехота*, *лепота*: *љепота*, *немота*: *немота*, *слепота*: *сьепота*: *шлепота*, *срамота*: *страмота*, *страхота*: *страота*, *тјеснота*: *тјескота*: *ћескота*.

При образовании отвлеченных существительных посредством суффикса -от(a) могут происходить изменения морфемного состава финальной части производящей основы на стыке с суффиксом.

Предфинальный гласный основы производящего слова *a* чередуется с нулем звука в этой же позиции в производном слове: *добар* — *доброта*, *јасан* — *јаснота*, *тијесан* — *тјеснота*.

На морфемном шве производного слова возможно усеменение суффикса производящей основы — отпадение *н*: *диван* — *дивота* (вм. *дивнота*), *красан* — *красота* (вм. *краснота*), *миран* — *мирота* (вм. *мирнота*).

В слове *тегота* усеменение производящей основы сопровождается чередованием *ж:г*, ср.: *тежак*: *тегота*.

На морфемном шве производного слова возможна утрата *х* или его замена: *грех*: *греота* (вм. *грехота*), *гријех*: *гријота* (вм. *грихота*).

Следует отметить, что многих слов на -от(a) в Словаре 1818 г. нет, но они внесены Караджичем во второе издание 1852.: *јакота*, *јаснота*, *мирота*,

милота, слепота, суворота, сухота, тегота, чистота, нечистота. Примечательна в этом отношении история внесения в словарь слова *нечистота*. В Словаре 1818 г. оно отсутствует. В 1847 г., работая над переводом Нового завета, Караджич активно использует его (17 раз) и в 1852 г. вносит слово *нечистота* в словарь второго издания Словаря.

2. Формант

Характерной особенностью суф. *-от(a)* в указанных выше лексемах является отсутствие его вариантов.

3. Словообразовательная семантика отвлеченных существительных на *-от(a)*

Производные отадективные существительные на *-от(a)* выступают с общим словообразовательным значением отвлеченного (непроцессуального) признака.

Nomina abstracta с суф. *-ин(a)*

Среди отвлеченных существительных, встретившихся нам в произведениях В.С. Караджича, отвлеченные существительные с *-ин(a)* составляют 68 лексем. Большую часть их автор внес в Словарь, точнее, в его второе (расширенное и дополненное) издание 1852 г. Впервые туда были внесены такие слова с *-ин(a)* как *густина* 'толщина', *спарина* 'духота', *претилина* 'толщина', *питомина* 'кротость, смиренность', *опачина* 'грубость, жестокость', *густина* 'густота', *давнина* 'давность, древность', *дивлина* 'дикость', *бистрина* 'прозрачность', *вештина* и *виштина* (с пометой — региональное) 'ловкость', *особина* 'особенность'.

Из 68 образований на *-ин(a)* 15 лексем встречаются и в других произведениях Караджича, причем частотность их употребления очень высока: *величина*, *висина*, *врлина*, *горчина*, *дубина*, *дужина*, *живина*, *јачина*, *љутина*, *мрштина*, *новина* (все — НЗ), *помрчина* (МО, ПС), *пунина* (НЗ), *тишина* (НЗ, МО), *ширина* (НЗ).

Между тем некоторые из них не включены в Словарь 1852 г. Показательна в связи с этим судьба слова *помрчина* 'темнота, мрак', которое встречается в двух произведениях Караджича, написанных им в разное время — в "Правительствующем совете" и в хронике "Милош Обренович — князь Сербии": . . . они се у шанцу договоре да бјеже, и то једну ноћ кад је била велика киша и вјетар и *помрчина* да се прста пред оком није видјело (ПС, 68) . . . однажды ночью в окопе, когда лил проливной дождь, дул сильный ветер, а темнота была такая, что ни зги не было видно, они договорились бежать; једну ноћ провуку се кроз маглу и кроз *помрчину* уз Дунав од Српске стране неколике Турске лаће (МО, 53) 'Однажды ночью сквозь туман и темноту по Дунаю с сербской стороны пробралось несколько турецких лодок'.

Слово *помрчина* мы не обнаруживаем ни в Словаре 1818 г., ни в его втором издании.

Такова же лексикографическая судьба и слова *горчина* 'горечь', которое встречается в переводе Нового завета, но не внесено в Словарь 1852 г.: Свака *горчина*, и гнев, и љутина. . . (НЗ, 375) 'Всякая горечь, и гнев и злость . . .'.

1. Характеристика производящих основ

Большую часть отвлеченных существительных на *-ин(a)* составляют лексемы, образованные от немотивированных качественных прилагательных: *бео* 'белый' — *белина* 'белизна' (СР), *брз* 'скорый, быстрый' — *брзина* 'скорость, быстрота' (СР), *вешт* 'ловкий' — *вештина* 'ловкость' (СР), *велик* 'большой', *величина* 'величина, величие' (СР, НЗ), *вро* 'добродетельный' — *врлина* 'добродетельность' (СР), *врлѣ* 'горячий' — *врлина* 'жара, зной' (СР, НЗ), *густ* 'густой' — *густина* 'густота' (СР), *тих* 'тихий' — *тишина* 'тишина' (СР, МО, НЗ), *дуг* 'длинный, долгий' — *дужина* 'длина, долгота' (СР, П, НЗ), *јак* 'сильный, крепкий' — *јачина* 'сила, крепость' (СР, НЖ), *љут* 'злой, сердитый' — *љутина* 'злость' (СР, НЗ), *нов* 'новый' — *новина* 'новизна' (СР, НЗ, П).

Характерной особенностью образования отвлеченных существительных с *-ин(a)* является вовлечение в орбиту их производящих основ компаратива качественных прилагательных: *виши* (комп. от *висок*) — *вишина* 'высота' (СР), *дебѣи* (комп. от *дебео*) *дебѣина* 'толщина' (СР), *далѣи* (комп. от *далек*) — *далѣина* 'даль' — 'дальность, удаленность' (СР), *мекшии* (комп. от *мек*) — *мекшина* 'мягкость' (СР), *круѣи* (комп. от *крут*) — *круѣина* 'крутизна' (СР).

Есть случаи параллельного участия двух форм качественных прилагательных в образовании лексем на *-ин(a)*: *висок* — *висина* и *виши* — *вишина*. Значения производных слов могут при этом совпадать (*висина* и *вишина* 'высота').

Присоединение суф. *-ин(a)* вызывает многочисленные морфонологические явления на стыке корневой и суффиксальной морфем.

Предфинальный гласный производящей основы *a* чередуется с нулем звука в этой же позиции в производном слове: *добар* — *добрина*, *хитар* — *хитрина*, *једар* — *једрина*, *модар* — *модрина*, *мудар* — *мудрина*, *оштар* — *оштрина*, *празан* — *празнина*, *таван* — *тавнаина*, *шупал* — *шупљина*.

На морфемном шве в месте совмещения производящей основы с суф. *-ин(a)* происходит восстановление *л* из *о*: *бео* — *белина*, *вро* — *врлина*, *мио* — *милина*. При этом может наблюдаться выпадение беглого *a*: *обао* — *облина*, *округао* — *округлина*, *топао* — *топлина*.

На морфемном шве отвлеченных существительных на *-ин(a)* возможно усечение суффикса производящей основы: *-(a)к* или *-ок*: *жидак* — *жидина*, *жесток* — *жестина*, *висок* — *висина*.

В позиции перед суф. *-ин(a)* заднеязычный согласный производящей основы чередуется с шипящими *к:ч*, *г:ж*, *х:ш*: *млак* — *млачина*, *горак* — *горчина*, *мрк* — *помрчина*, *дуг* — *дужина*, *тих* — *тишина*.

2. Формант

Особенностью суф. *-ин(a)* является наличие стилистически маркированного варианта *-штин(a)*: *будалаштина* 'глупость', *безобраштина* 'наглость', *лукавштина* 'коварство, хитрость', *невалалаштина* 'беспутство, испорченность', *неопраштина* 'нечистоплотность', *погаништина* 'мерзость, гадость', *неимаштина* 'бедность, нищета', *супротивштина* 'упрямство', *мртавштина* 'мертвятина, трупный запах'. Остановимся на этих существительных более подробно.

В тех работах Караджича, которые подверглись сплошной эксерпции, соотношение отвлеченных существительных с *-ин(а)* и *-штин(а)* составило 68 к 10, т.е. образования с *-ин(а)* представляют абсолютное большинство.

В таком количестве (10) отвлеченные существительные с *-штин(а)* содержатся только во втором издании Словаря 1852 г., куда впервые внесены слова *безобраштина*, *неимаштина*, *супротивштина*, *мртавштина*. В повествовательных произведениях Караджича встречаются только две лексемы с *-штин(а)*: *будалаштина* (7 употреблений) и *поганштина* (2 употребления).

В трех лексемах с *-штин(а)* производящими являются качественные прилагательные: *лукав* 'коварный, хитрый' — *лукавштина* (СР), *безобразан* 'наглый' — *безобраштина* (СР, 1852), *сиромашан* 'бедный' — *сиромаштина* (СР).

В трех случаях производящими являются относительные прилагательные с суф. *-ав*, *-ски*, *-аст*: *мртав* 'мертвый' — *мртавштина* (СР, 1852), *погански* — *поганштина* (НЗ), *будаласт* 'глуповатый' — *будалаштина* (СР, 1852; П).

В одном случае в качестве производящей основы используется предлог: *супрот* 'против' — *супротивштина* 'упрямство' (П).

Слово *неимаштина* 'бедность' является отглагольным образованием (*имати* 'иметь').

На стыке производящей основы с суф. *-штин(а)* также возможны изменения морфемного состава ее финальной части.

В слове *сиромаштина* мы имеем частичное совмещение морфов на стыке производящей основы и суф. *-штин(а)*: *сиромашан* — *сиромаштина*.

В нескольких случаях в составе производных слов с *-штин(а)* отсутствуют две конечные фонемы или суффикс производящей основы: *-ан*: *сиромашан* — *сиромаштина*, *безобразан* — *безобраштина* (с одновременным упрощением группы согласных производящей основы — выпадением *з*); *ст*: *будаласт* — *будалаштина*; *ск*: *погански* — *поганштина*.

В одном случае в производной основе содержится отрезок, отсутствующий в основе производящего слова: *супрот* — *супротивштина*.

Чередование *о:л* наблюдается в слове *невалаштина* (от *невалѣо*).

3. Словообразовательная семантика отвлеченных существительных на *-ин(а)*

Из всех формантов, участвующих в образовании отвлеченных существительных, суф. *-ин(а)* гораздо реже употребляется для транспозиции значения производящей основы, т.е. значения отвлеченного признака. Это вызвано тем, что суф. *-ин(а)* прочно связан с актуализацией конкретного значения во многих других словообразовательных типах, ср.: плата за услугу (*берберина* 'плата парикмахеру', *поковина* 'плата кузнецу'), сорт мяса (*говедина* 'говядина', *пилетина* 'куриное мясо', *конетина* 'конина'), Nomina loci (*заветрина* 'место, защищенное от ветра') и т.п. Это сказывается и при производных от прилагательных: *висок* 'высокий' — *висина* 'высь, высота': ... ја поставих темель, а други зида у висину (НЗ, 327) 'Я заложил фундамент, а другой строит в высоту'; *дуг* 'длинный' — *дужина* 'длина', *широк* 'широкий' — *ширина* 'ширина': И измјери град трском: дужина и ширина

и висина једнака је (НЗ) 'И обмерил город тростником: длина и ширина и высота едины суть'. *кисео* 'кислый' — *киселина* 'кислота' вместо предполагаемого 'кислость'; *зрео* 'зрелый' — *зрелина* 'зрелый плод' вместо предполагаемого 'зрелость'.

Таким образом, если суф. *-ост* оформляет, как правило, отвлеченные существительные, то суф. *-ин(а)* в отличие от него — суффикс полифункциональный.

Остановимся теперь на словообразовательном значении отвлеченных существительных с *-штин(а)*.

В трех случаях из десяти словообразовательное значение отвлеченных существительных с *-штин(а)* является транспозиционным: *сиромашан* 'бедный' — *сиромаштина* 'бедность', *безобразан* 'наглый' — *безобраштина* 'наглость', *лукав* 'хитрый, коварный' — *лукавштина* 'хитрость, коварство'.

В остальных примерах нет автоматической транспозиции словообразовательного значения. Семантическая структура производного и производящего слов не совпадает во всех своих компонентах. Так, например, в паре *будаласт* 'глуповатый' — *будалаштина* 'глупость' мы имеем усиление пейоративного оттенка производного слова, привносимого посредством суф. *-штин(а)*. Такое же усиление пейоративности обнаруживается и в других словах: *невалѣо* 'непослушный, озорной, шаловливый' — *невалаштина* 'озорство; беспутство, испорченность'.

В остальных случаях производные слова актуализируют значение, не содержащееся непосредственно в значении его составных частей, т.е. приобретают фразеологичность семантики⁵: *погански* 'языческий' — *поганштина* 'мерзость, гадость', *неопран* 'немытый' — *неопраштина* 'нечистоплотность, грязь'.

В Словаре Караджича 1852 г. находим такое объяснение значения слова *неопраштина*: Изједе га неопраштина (кад ко дуго кошуље не мијена) Грязь его изъела (кто долго не меняет рубашки). Фразеологичность семантики имеем и в других случаях: *не има* (совр. *нема*) 'не имеет' — *неимаштина* 'бедность', *супрот* 'против' — *супротивштина* 'упрямство'.

В семи лексемах из десяти суф. *-штин(а)* привносит пейоративный оттенок.

О конкуренции синонимических словообразовательных типов отвлеченных существительных в произведениях В.С. Караджича

Для оценки степени активности рассмотренных словообразовательных типов на *-ост(верност)*, *-оша* (*грубоша*), *-ота* (*лепота*), *-ина* (*вештина*), наиболее употребительных отвлеченных существительных в произведениях В.С. Караджича, необходимо установить соотношение каждого из них с синонимическими словообразовательными типами.

Анализ материала показывает, что все эти словообразовательные типы — выразители отвлеченного значения непроцессуального признака — имеют фактически общий состав производящих основ, ср.: *мек* 'мягкий' — *мекост*, *мекоша*, *мекота*, *мекшина* 'мягкость'; *мил* 'милий' — *милоост*, *милоша*, *милоота*, *милина* 'миловидность, обаяние'; *мудар* 'мудрый' — *мудроост*,

⁵ Земская Е.А. Указ. соч., с. 219.

мудрота, мудрина 'мудрость'; *млак* перен. 'вялый' — *млако́ст, млако́ћа, млачина* перен. 'вялость, нерешительность'; *празан* 'пустой' — *празно́сть, празно́ћа, празнина* 'пустота'; *пун* 'полный' — *пуно́сть, пуно́ћа, пунина* 'полнота'; *мокар* 'мокрый' — *мокро́ћа, мокрота, мокрина* 'мокрота'; *чист* 'чистый' — *чисто́та, чисто́ћа, чистина* 'чистота'; *округао* 'округлый' — *округло́ст, округли́на* 'округлость'; *хитар* 'быстрый, ловкий' — *хитро́ст, хитри́на* 'быстрота, ловкость'; *кратак* 'короткий' — *кратко́сть, кратко́ћа* 'краткость'; *вро* 'добродетельный' — *вро́ћа, врлина* 'добродетельность'; *добар* 'добрый' — *добро́та, добрина* 'доброта'; *глув* 'глухой' — *глуво́та, глуво́ћа* 'глухота' и т.д.

Общий состав производящих основ говорит об условиях острой конкуренции, в которой оказываются указанные выше словообразовательные типы отвлеченных существительных.

Среди них ведущее место принадлежит сдвообразовательному типу на *-ост*. В произведениях Караджича он представлен наиболее широким кругом производящих основ, включая и мотивированные основы. За суф. *-ост* прочно закрепилось значение отвлеченного признака. Лексемы на *-ост* чаще других отвлеченных существительных подтверждены в текстах произведениях Караджича.

Активность словообразовательного типа на *-ост* сдерживает или даже сводит на нет активность других словообразовательных типов отвлеченных существительных.

В условиях острой конкуренции протекает функционирование словообразовательного типа с суф. *-ин(a)*. Его активность тормозит и другой фактор — полифункциональность суф. *-ин(a)*, актуализирующего отвлеченное и конкретное значения, причем последнее может сочетаться с адъективными производящими основами (*висина* 'высота', *дужина* 'длина', *ширина* 'ширина', *дубина* 'глубина').

Среди имеющихся конкурентных синонимических типов отвлеченных существительных словообразовательный тип на *-от(a)* занимает в языке Караджича периферийное место. Лексемы на *-от(a)* немногочисленны (23) и имеют преимущественно словарное употребление.

Караджич не дает образцов употребления в текстах и отвлеченных существительных на *оћ(a)*. Они представлены только в его Словаре.

Круг производящих основ у лексем на *-от(a)* и на *-оћ(a)* совпадает не полностью. Отвлеченные существительные от таких прилагательных как *скуп* 'дорогой', *јевтин* 'дешевый' и др. образуются только с суф. *-оћ(a)*; *скупоћа* 'дороговизна', *јевтиноћа* 'дешевизна' и др. Примечательно, что в Словаре Караджича лексем на *-оћ(a)* больше, чем на *-от(a)* — 29 и 23.

Поскольку Караджич фактически не дает образцов употребления лексем на *-оћ(a)* в текстах, мы не можем с уверенностью говорить о специализации этой группы слов для выражения дополнительного оттенка значения по отношению к словам с *-от(a)*. В связи с этим интересны наблюдения М. Стевановича, отмечающего, что в современном языке образования на *-от(a)* и *-оћ(a)* обладают определенной семантической дифференциацией⁶. Существительные на *-от(a)* выражают более высокую степень абстракции, чем обра-

зования на *-оћ(a)*. Последние выражают более конкретный признак, например: *чисто́та душе* 'чистота души', но *чисто́ћа куће* 'чистота дома', *чисто́ћа просторије* 'чистота помещения', *слепот́а* 'слепота — тяжелый недуг' и *слепот́а* 'слепота' в значении 'ослепленность'. Но семантическая дифференциация образований на *-от(a)* и *-оћ(a)* не всегда основана только на актуализации признака разной степени абстракции. М. Стеванович дает пример семантической дифференциации этих образований в современном языке, основывающейся на другом противопоставлении: конкретное значение — абстрактное значение. Так, *суво́та* 'сухое место, сухое помещение', а *суво́ћа* 'сухость' — признак того, что является сухим. В то же время он указывает, что не все носители языка чувствуют отенки в значении слов на *-от(a)* и *-оћ(a)*, и можно услышать *чисто́та* в значении *чисто́та просторије* 'чистота помещения'. Говоря об употреблении образований на *-оћ(a)* в произведениях писателей, Стеванович отмечает, что наблюдается определенная закреплённость типа на *-оћ(a)* или *-от(a)* за тем или иным писателем: у одних преобладают образования с *-оћ(a)*, у других — с *-от(a)*. Такая закреплённость объясняется тем, что в разных диалектах, с которыми прочно связаны писатели Сербии (как, впрочем, и всего сербскохорватского региона), преобладает один из указанных словообразовательных типов.

В языке Караджича отвлеченные существительные с суф. *-оћ(a)* представляют малоактивный словообразовательный тип. Это объясняется тем, что слова аналогичного с ними словообразовательного значения производились по образцу других, причем сразу нескольких типов, максимально ограничивающих не только возможность новообразований, но даже сводящих на нет саму употребительность лексем на *-оћ(a)*. За исключением словообразовательного типа с суф. *-ост*, это в большей или меньшей степени относится и к другим словообразовательным типам отвлеченных существительных, наиболее употребительных в произведениях Караджича.

СОКРАЩЕНИЯ

МО	— Милош Обреновић, кња́з Сербии; или грађа за Српску Историју нашега времена. Будим, штампарија краљ. универ. Пештанскога, 1828.
НЗ	— Нови завјет господина нашега Исуса Христа. Превео Вук Стеф. Караџић. Приред. Владимир Мошин и Димитрије Богдановић. — В: Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 10, Београд, Просвета, 1974.
П	— Писма. (Изобр и коментар Ђуро Гавела). Нови Сад, Матица српска; Београд, Српска књижевна задруга, 1960.
ПкМ	— Писмо кнезу Милошу. Приредио за штампу Голуб Добрашиновић. Београд, Народна књига, 1961.
ПС	— Правитељствуюћи совѣтъ сербскии за времена Кара-Ђорђејева или оти-мање ондашњијех великаша око власти. Беч, штампарија јерменскога манастира, 1860.
СР	— Српски рјечник. (1818). Приред. Павле Ивић. — В: Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 2, Београд, Просвета, 1966.
СР, 1852	— Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем ријечима. Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Беч, штампарија јерменскога манастира, 1852.

⁶ Стевановић М. Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевна језичка норма). 4.1. Београд, 1964, с. 545.

ского⁵ включает лексику современного польского литературного языка, начиная со второй половины XVIII в. Таким образом, интересующий нас период развития лексики отражен в обоих словарях.

Текстовые источники и данные словарей позволяют выявить состав лексем со значением отвлеченного признака, употреблявшихся в польском языке второй половины XVIII в. В нашем распоряжении имеется обширный текстовый материал, позволяющий рассмотреть разные стороны производных *NAb.* — их словообразовательную структуру, функционирование в языке изучаемого периода, а также их семантические особенности.

В данной статье мы попытаемся выяснить, какими путями в польском литературном языке устранялась лексико-семантическая дублетность, столь характерная для начального этапа становления литературных норм, какие семантические сдвиги произошли в сфере *NAb.*

1. В языке произведений второй половины XVIII в. отмечается наличие большого числа синонимических рядов однокоренных *NAb.* Суффиксы, посредством которых выражалось значение отвлеченного признака, были слабо дифференцированы в семантическом и функциональном плане; они могли взаимозамещаться с одной и той же производящей основой, в результате чего возникали тождественные по значению, избыточные *NAb.*, ср., например синонимы с суфф. *-ość* и *-stwo*: *człowieczość* — *człowieczeństwo*, *leniwość* — *lenistwo*; *skąpość* — *skapstwo*; с суфф. *-ość* и *-ota*: *brzydkość* — *brzydota*, *ciasność* — *ciasnota*, *ciemność* — *ciemnota*, *gnuśność* — *gnuśnota*, *tępość* — *tępota*; с суфф. *-ość* и *-izna*: *siwość* — *siwizna*, *gołoś* — *golizna* и т.д. От синонимических рядов *NAb.* следует отличать вариативные словообразовательные ряды, базой для которых были прилагательные, содержащие разные суфф. *-ny*, *-owy*, *-isty*, *-liwy*, не отличавшиеся по функции и значению. Вариативные ряды *NAb.*, оформленные одним и тем же суффиксом, будут предметом нашего анализа; по мере становления норм литературного языка эта вариативность устранялась, происходила дифференциация синонимичных *NAb.*; в некоторых случаях избыточные лексемы утрачивались.

Możliwość, możliwość, możebność

В языке изучаемого периода эти лексемы не были дифференцированы с лексической точки зрения. Все они обозначали понятие 'возможность, эвентуальность', напр.: *Wejść zawsze ile możliwości w serce twoje, radź go się i słuchaj; a dopiero co w nim zacząłeś, niech głowa zakończy* (Karpiński *Sł.D.*) 'Загляни всегда сперва, если есть у тебя возможность, в свое сердце, его слушай, а то, что в нем увидишь, пусть дополнит твой разум'. Лексема *możebność* зафиксирована в словаре Линде в значении 'возможность'. Это значение сохранилось в середине XIX в. ср.: *... możebność odkrycia głębi serca najdzielniejsza były mnie ulgą* (Chojnacki. *Sł. D.*) '... возможность открыть до глубины свое сердце принесли мне самое больше утешение в моей беде'. Производящие прилагательные *możny*, *możliwy*, *możebny* в этот период имели одно и то же значение 'возможный, эвентуальный'. Напр.

... *figura rzućta z marmuru, gdzie snicarz umiał wyrazić ze wszelką możliwą powagą, rezygnację świętego w bólach męczeństwa* (Stasz.) '... где скульптор сумел выразить со всей возможной силой отречение святого...'. Ср. позднее употребление: *Potrzeba jak największą rozwiniąć gorliwość i wszystkich możliwych użyć środków, aby pokrzyżować plany przeciwników* (Łoziński Valery. *Sł. D.*) 'Нужно как можно больше приложить усилий и использовать все возможные средства, чтобы разрушить планы противников'.

Лексема *możliwość* помимо упомянутого значения 'возможность' имела и другое значение — 'богатство, достаток', напр.: *Im bardziej pomnażała się możliwość Aleksandra, tym szcudziej innym dostatków udzielała* (Kras.) 'Чем больше рос достаток Александра, тем щедрее он делился с другими', *Pierwszy raz tutaj zobaczyłem przepych, możliwość i okazałość wielka* (Rul.) 'Впервые я увидел здесь роскошь, богатство и пышность', *Mój stół zbytkami nigdy nie pobił; z moją potrzebą* *możliwość* *moją żenię* (Karpiński. *Sł. D.*) 'На моем столе излишеств не бывает; свой достаток я повенчал с моими потребностями'. В памятниках XVIII в. лексема *możliwość* часто встречается в этом значении. Впоследствии оно перешло к однокоренному синониму *zamożność*. В современном литературном языке слово *możliwość* воспринимается как несколько устаревшее и употребляется в значении 'возможность'.

Еще более архаичным в современном языке является слово *możebność*. В словаре Дорошевского оно снабжено пометкой *przestarz.* Однако производящее прилагательное *możebny* в значении 'возможный' обретает новую жизнь в варшавском городском диалекте (так называемых 'вех') — в связи с этим возникает и новое использование существительного *możebność* в значении 'возможность'. Стилистическая окраска этого слова очень яркая, это жаргон.

Нейтральным в современном литературном языке обозначением понятия 'возможность' стала лексема *możliwość*. Это слово обозначает общее абстрактное понятие, напр.: *Kategoria możliwości wyraża to, że z punktu widzenia rozwoju historycznego coś może nastąpić, ale może i nie nastąpić* (Myśl Filozoficzna. *Sł. D.*) 'Категория возможности (вероятности) обозначает, что с точки зрения развития данного исторического процесса что-то может произойти, а может и не произойти', *Dom nasz wypalony i pusty nie pozostawiał żadnych złudzeń co do możliwości podźwignięcia go z tego stanu* (Hertz P. *Sł. D.*) 'Наш дом, выжженный и пустой, не оставлял никаких иллюзий относительно возможности восстановить его'.

Отметим, что от абстрактного отделилось и обособилось значение конкретной возможности; в отличие от абстрактного оно выражается существительным *możliwość* не только в единственном числе (что является обязательным признаком *NAb.*), но и формой множественного числа, напр. *ma ogromne możliwości, to przekracza jego możliwości*.

Służebność, służbowość, służbistość, służalczość

Производящие прилагательные *służebny*, *służbowy*, *służbisty* первоначально были синонимичны, каждое могло обозначать 'состоящий на службе' (так же как слово *służący*).

Словарь Карловича⁶, например, цитирует из источников XVIII в. слово-

⁵ *Słownik języka polskiego*. Red. W. Doroszewski, t. I—XI. Warszawa, 1958—1969. Принятое сокращение: *Sł. D.* Данные словаря и текстовые примеры XVIII—XIX вв. также нами используются; фамилии авторов в этом случае даются без сокращений.

⁶ *Karłowicz g., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego*. t. I—VIII. Warszawa, 1900—1927. Принятое сокращение: *Sł. K.*

сочетания *panna służebna, żołnierz służebny, czeladź służebna*. Ср. Pani służbiste pannu wrzódę posłała (Sł. L.) 'Госпожа послала служанок вперед'. *Służbowu* — субстантивированное прилагательное, равнозначное слову *shuga*. Прилагательные *służalcy*, образованное от *służalec* 'слуга', встретились в значении *niewolniczy*: Miejsce *służalczym* mękom wyznaczone (Nar.). Перечисленные прилагательные в языке XVIII в. могли иметь и другие лексические значения, связанные с понятиями 'служба, служение' и т.п. В современном польском литературном языке лексема *służalcy* означает 'услужливый', *służbisty* — 'старательный'; *służbowu* сочетается с существительными *obowiązek, interes* и т.п.

Семантика производящих основ определила первоначальное сходство значений *NAb.*, а также в значительной мере и последующую их дифференциацию.

Слово *służebność* имело два значения: 1) служба (его можно считать утраченным, хотя в словаре Дорошевского оно зафиксировано, правда, с пометой *dawn.*) и 2) 'привегелии'; из этого последнего возникло значение 'сервитут', которое сохранилось в современном литературном языке.

Слово *służbistość*, отмеченное уже Линде, употреблялось в значении 'старательность, педантизм, аккуратность на службе', напр.: Wymagał od swoich oficerów nie tylko *służbistości* przed frontem, lecz wglądał w ich życie prywatne (Łoziński Wład, Sł. K.) 'Он требовал от своих офицеров не только старательности на службе, но и интересовался их частной жизнью'. В современном литературном языке *służbistość* 'качество служак, служебное рвение' — *NAb.* с несколько отрицательной эмоциональной окраской: Ze *służbistością* i punktualnością *żołnierską* stawiał się u inspektora (Skiba, Sł. D.) 'Со служебным рвением и солдатской пунктуальностью он предстал перед инспектором'; Jestem nawykła do swobody, trzeba się uczyć *służbistości* i uległości... Ja tego nie mogę (Kraszewski Sł. D.) 'Я привыкла к свободе, а нужно учиться служебному рвению и послушанию... Я этого не могу'. *Służalczność* имело значение 'услужливость', ср. напр.: Przebiegłym rozumem i wschodnią *służalcznością* dosięgnął najwyższych szczytów dworskich. (Orzeszko Sł. D.) 'При помощи хитрости и восточной услужливости он достиг высокого положения при дворе'. В настоящее время очевидно, что произошел семантический сдвиг: слово *służalczność* получило отрицательную окраску и означает 'пресмыкательство, лакейство': Charakter, usposobienie właściwe *służalcowi*, uniżoność, płaszczenie się (Sł. D. 8. 426). Ср.: Cóż za *służalczność* przed byle bubkiem cudzoziemskim. Putrament (Sł. D.) 'Что за пресмыкательство перед каждым иностранным пижоном'. Nie miał w sobie ani krztu *służalczności* i sprytnego wyrachowania (Zukrowski Sł. D.) 'В нем не было ни капли лакейства и хитрой расчетливости'.

Приведенные выше *NAb.* образованы от вариантов основы производящих прилагательных; также как эти прилагательные, они первоначально не были дифференцированы в семантическом плане. В процессе длительного исторического развития польского литературного языка — от середины XVIII в. до нашего времени — эти *NAb.* претерпели существенные семантические сдвиги, смысловые изменения, в результате которых кристаллизовалось основное, специфическое значение каждого из рассмотренных абстрактных существительных.

Блędność, błędliwość

В языке памятников второй половины XVIII в. употреблялись абстрактные существительные *błędność* и *błędliwość*. Обе эти лексемы зафиксированы в словаре Линде, обе толкуются как 'podleganie, podległość błędom' т.е. 'ошибочность, подверженность ошибкам'; они имели и второе общее значение — 'rozpusta, swawola', 'разврат'. К лексеме *błędliwość* Линде подбрав русскую параллель — слово 'блудливость'.

Производящие прилагательные *błędny* и *błędliwy* встретились в нашем материале в значении 'ошибочный', ср. Nasze myśli są *błędliwe*, kiedy abo źle widzimy, abo mało widzimy (Stasz.) 'Мысли наши ошибочны, когда мы либо плохо видим, либо мало видим'; Tak zabawne przekładanie powinno być *błędne* naprawić zdanie (Tremb.) 'Такое занятное объяснение должно было исправить (прежнее) ошибочное высказывание'.

В современном польском литературном языке имя существительное *błędliwość* утрачено, а прилагательное *błędliwy* стало редко употребляемым архаизмом. Слово *błędność* уже не встречается в значении 'грех, разврат', оно сохранило только одно из двух свойственных ему значений и выражает понятие 'ошибочность' в разных его оттенках, используется в различных фразеологических сочетаниях.

Catość, catkowitość

В языке памятников изучаемого периода эти лексемы были синонимичны и имели значение 'целое, совокупность'. Ср., напр. Zeby wielorakie części *catości* powszechną składały, trzeba koniecznie, iżby niektóre z nich trzymały w tej *catości* miejsca celniejsze. Kras. 'Чтобы разнообразные части составляли общее целое, необходимо некоторым из них занять в этом целом более определенное место'. Historia nam opowiada, jakim rzeczy zwrotem wzrastały do kupy cząstki, *catkowitość* ojczyzny naszej teraz stamowujące. Czart. 'История рассказывает нам, каким образом соединялись части, составляющие теперь целое — нашу отчизну'.

Эти синонимы имели и другое общее для обеих лексем значение 'целостность, сохранность; нерушимость целого', напр.: Słynie dotąd i Egipcjan przemysł w utrzymaniu w *catości* ciał umarłych (Tremb.) 'Египтянам до сих пор известно искусство сохранности тел умерших'; Gotując *catości* granicom naszym, utrzymując chcemy liczne wojsko. (Koń.) 'Стремясь сохранить целостность наших границ, мы хотим содержать большое войско'.

Слово *catkowitość* в современном языке может обозначать только одно понятие — 'целостность'; оно является архаизмом и по нашим наблюдениям, употребляется очень редко.

Лексема *catości* сохранила оба указанные значения, широко используется в разнообразных контекстах. Таким образом, первоначальная синонимия рассматриваемых лексем частично сохранилась, но слово *catości* почти полностью "приняло на себя" функцию обеих лексем.

Częstość, częstotliwość

В изученных нами памятниках XVIII в. синонимичными были как прилагательные *częsty* и *częstotliwy*, так и производные от них абстрактные существительные *częstość* и *częstotliwość*. Эти *NAb.* зафиксированы в словаре Линде со значением 'частота, повторяемость действия, факта, явления'.

В современном литературном языке слово *częstość* сохраняет свои прежние лексические функции и расширяет их, выражает новые оттенки значений. Расхождение в использовании этих первоначальных синонимов очень существенное: слово *częstotliwość* используется прежде всего как термин, например из области физики: *częstotliwość fal* 'частота волн' и т.п.

Gniewność, gniewliwość

Производящие прилагательные *gniewny* и *gniewliwy* выступали в одном и том же значении 'бурный, шумный' (например, о волнах, море); ср.: *Jużem był dosyć podobny do rzeki, co szumi okrutnie, a z gniewnymi wody miecze ogromne i głązy, i kłody.* (Zabawy przyjemne i pożyteczne, 1780, St. D.) 'Я был подобен реке, которая вместе с бурными волнами мечет и валуны, и бревна'; ср. *Gniewliwe morze* (Grochowski, Sl. K.)

В значении 'гневлистый, вспульчивый' в памятниках изучаемого периода встречается прилагательное *gniewliwy*, например: *Gustaw Adolf, król szwedzki, bardzo był poręczny i gniewliwy, a obyczajów nie bardzo polerowanych.* (Zabawy przyjemne i pożyteczne, 1776, St. D.) 'Густав Адольф, шведский король, был порывистый, вспульчивый и хорошими манерами не отличался'.

Производное существительное со значением отвлеченного качества *gniewliwość* 'вспульчивость, склонность часто гневаться' зафиксировано в словаре Линде. Оно используется в этом значении в языке произведений как XIX, так и XX в. Ср.: *Namiętność błyska w czarnych źrenicach tych ludzi, w których pęda wyrobita gniewliwość zawsze do wybuchu gotową* (Kraszewski, St. D.) 'Страсть сверкает в черных зрачках людей, у которых нищета вызвала злость, всегда готовую к взрыву'; *Spiczasta linia nosa i wklęsłe zacięte usta zdradzały gniewliwość* (Orzeszko, St. D.) 'Острая линия носа и запавшие сжатые губы выдавали злобу'.

Производное от *gniewny* абстрактное существительное *gniewność* редко употреблялось; в современном литературном языке оно утрачено. Слово *gniewność* было тождественно по значению лексеме *gniew*, которая обозначает отвлеченное понятие, а также и его конкретные проявления.

Jakość, jakowość

Эти абстрактные существительные, также как производящие местоименные прилагательные *jaki* и *jakowy* в языке изучаемого периода не различались по значению.

Лексемы *jakowy*, *jakowość* утрачены, в современном польском литературном языке не встречаются; в словаре Дорошевского они зафиксированы и снабжены пометой *przestarz.* Слово *jakość* имеет значение 'качество, сумма черт, признаков, определяющих специфику предмета' и широко используется в разнородных контекстах. Основа существительного *jakość*

в данном случае послужила производящей для развертывания словообразовательной цепочки: от нее образовано прилагательное *jakościowy*, а от этого прилагательного вторичное абстрактное существительное *jakościowość* 'качественность'.

Tajność, tajemność, tajemniczość

NAb., образованные от синонимов *tajny*, *tajemny*, *tajemniczy*, первоначально, в памятниках XVIII в., могли иметь общее значение 'секретность, тайность'.

Прилагательное *tajny* имело два основных лексических значения: 1) 'секретный, тайный' — ср. *Jestem powiernikiem mojej żony, ona nie ma dla mnie tajnego* (Rzew.) 'Я — доверенное лицо своей жены, у нее нет от меня ничего секретного'; 2) 'таинственный', ср.: *Musisz ulegać tajnej niebios woli, dopókiś żywy* (Kniaź.) 'Ты должен подчиняться таинственной воли небес, пока ты жив'. *Tajemny* означало 'секретный, тайный', ср. *Tajemny ból cięższy* (St. L.), 'Скрытая, тайная боль сильнее'.

Можно предположить, что значение 'таинственный' также выражалось этими прилагательными; в словаре Карловича оно выделено как их самостоятельное лексическое значение.

Tajemniczy имело значение 'таинственный, загадочный'; в современном литературном языке оно стало единственным значением этой лексемы. Наряду с этим прилагательное *tajemniczy* могло выражать значение 'тайный, секретный'; ср., напр. *W pałacu dożów pokazują usłudzy cysaronowie mnóstwo przejść tajemniczycy, korytarzy, drzwiczek* (Kraszewski, St. D.) 'Во дворце Дожей услужливые гиды показывают множество тайных переходов, корридоров, дверей'.

NAb., образованные от перечисленных прилагательных, отражали семантические оттенки производящих основ и в языке изучаемого периода были синонимами.

Tajność — 'секретный, тайный характер чего-либо'; *tajemność* — 'секретность, тайность', ср. напр.: *Brzydząc dziecięciu skrytość, przekonywajmy młody umysł, że tajemność cnotę kazi* (Stasz.) '...убедим молодые умы, что тайность приносит ущерб добродетели'. *Wojsko w jak największej tajemności wzięło rozkaz ciągnąć za Wisłę w Kujawy* (Nar.) 'Войско в условиях строгой секретности получило приказ идти за Вислу, в Кувявы'.

NAb. tajemniczość означало 1) 'таинственность, загадочность'; 2) 'секретность'; ср. в произведениях XIX в.: *Chwali tenże kronikarz mądrą Olgierda małomówność, zachowującą w wszystkich swych planach wojennych jak najściślejszą tajemniczość* (Szajnocha, St. D.) 'Этот летописец хвалит мудрое немногословие Ольгерда, который во всех своих военных планах соблюдал строгую секретность'.

В современном языке употребляются только *NAb. tajność* 'секретность' и *tajemniczość* 'загадочность, таинственность'. Лексема *tajemność* вышла из употребления; это архаизм, который можно встретить лишь в произведениях XVIII и XIX в.

В основах прилагательных *senny, senliwy, sennawy* вычленяются разные суффиксы, но значение этих лексем тождественно. Производные *NAb.* также функционировали как синонимы.

Senność, senliwość имеются в словаре Линде; лексема *sennawość* в нем не зафиксирована. Эти *NAb.* имели значение 'сонливость, тяга ко сну'.

Слово *sennawość* отмечено в словаре Карловича и встречается в памятнике XIX в., ср. *Ma się nieco lepiej i ciągle w sennawości, całe ciało poranione, mało nadziei, może Bóg się zmiłuje* (Kraśński, St. K.) 'Ему немного лучше, он в состоянии сонливости, все его тело изранено, надежды мало, может, бог смилостивится'.

Словари современного польского языка этой лексемы не содержат.

Senliwość и *senność* функционировали как синонимы в языке XIX века, ср. *Po spokojnym i wygodnym wypoczynku w Bobrujsku, już senliwość łatwo opranowywać się dawała* (Zaleski Br. St. D.) 'После спокойного и удобного отдыха в Бобруйске уже легче было преодолеть сонливость'; *Miasto już spało, w zamku ogień zgasty, tylko po wafach, i po basztach strażę powtarzanymi prośbą senność hały* (Mickiewicz, St. D.) 'Город спал, в замке погасли огни, только стража на башнях своими окриками нарушала его сонливость'.

В современном языке значения 'сонливость' выражается преимущественно лексемой *senność*; реже в этом значении употребляется слово *senliwość*, которое стало архаизмом (это находит отражение в словаре Дорошевского, где оно снабжено пометой *przestarz.*)

Upartość, uporność, uporczywość

Исходные прилагательные выступали в значениях 'упорный, настойчивый' и 'упрямый'; они не были дифференцированы в семантическом плане.

Производные *NAb.* Линде объединил в одной словарной статье; примеры, взятые им главным образом из памятников XVI в., свидетельствуют о значении 'упрямство; упорство'. Все эти три слова употреблялись в данном значении в языке XVIII и XIX в.; ср. *Ma złość, krnąbrność i upartość ośla* (Zabłocki, St. K.) 'У него злость, непослушание и упрямство, как у осла'; *Ino jedna wola rządzi z upartością w parze* (Orkan, St. K.) 'Борется одна лишь воля вместе с упрямством'; *Szlachta (...) ceniąc ich męstwo i uporność w boju, rozmawiała z nimi na równej stopie* (Sienkiewicz, St. D.) 'Шляхта, ценя их мужество и упрямство в бою, разговаривала с ними на равных'; *Wszyscy go żądali z wielką ochotnością, rządcy go poznali swoją upornością* (M. Wiszniewski, St. K.) '... мало кто знает его упрямство'; *Żaden naród z taką uporczywością narodowego bałwochwalstwa nie bronił* (M. Wiszniewski, St. K.) 'Ни один народ не отстаивал с таким упорством свое язычество'.

В современном польском литературном языке лексема *uporność* стала редко употребляемым архаизмом; значение 'упрямство, упорство' выражается существительным *uporczywość*, изредка также словом *upartość*.

Значение 'упрямство, неустойчивость' дифференцировалось от значения 'упорство, стремление к чему-либо'. Последнее чаще выражается лексемой *wytrwałość*, а не *uporczywość*.

Линде, приводя в своем словаре перечисленные имена существительные, считал их синонимами, т.к. все они выражали понятие 'вечность'. Это подтверждается цитатой из "Катехизиса" Карыховского, которую приводит автор словаря: *Wieczny żywot nie tylko znaczy wiekiistość żywota, ale też w tej wieczności żywota błogosławieństwo wieczne w niebie*. Лексемы *wieczność* и *wiekiistość* в этом тексте религиозного содержания означают понятие 'вечность жизни' и имеют одинаковую стилистическую окраску. Ср. лексеме *wieczystość* в значении 'вечность': *Nie traciliby oni nagrody, a włości pospolicie w dożywociach zaniedbane, w wieczystości dziedzicznego dzierżawienia wzmogłyby się i wyrównały drugim, przez co by i szczególnie obywatele, i kraj zarazem zyskiwał* (Kras.)

В современном литературном языке значение 'вечность' закрепилось за лексикой *wieczność*.

Wiekiistość обозначает 'вечность' загробной жизни (в соответствующем словосочетании) *Wieczystość* встречается в юридических текстах, напр. в выражении *wieczystość dzierżawy* 'вечность владения'. Обе эти лексемы — архаизмы, что подтверждается пометами в словарях современного польского языка.

В языке произведений XIX в. эти слова еще употреблялись в значении 'вечность', напр.: *Poezji tego ludu przysniła się wiekiistość i niebian grono, żyjących w niezamąconym nigdy pokoju* (Kremer, St. D.) 'Этому народу приснилась вечность и ангелы, живущие в мире, который никогда не нарушается'. Эта лексема получила яркую стилистическую окраску, ср.: *W tej chwili zrozumiałem, że prawdziwa miłość, wielka miłość jest tylko jedna z form wiekiistości* (B. Prus) 'В этот момент я понял, что настоящая любовь — это только одна из форм вечности'.

Нами рассмотрены синонимические ряды *NAb.* существовавшие в языке памятников второй половины XVIII в. и, как правило, зафиксированные в Словаре польского языка С.Б. Линде. Эти лексемы образованы от основ прилагательных с разными суффиксами; существование вариативных основ прилагательных и явилось базой для складывания синонимических рядов *NAb.*⁷

Наблюдаемый нами процесс распада этих синонимических рядов определялся упорядочением словообразовательных основ прилагательных, устранением избыточности словообразовательных средств, утратой некоторых суффиксов прилагательных, а также семантической специализацией отдельных формантов. Результатом этого процесса была "кристаллизация доминанты", выделение основного лексического значения каждой лексемы.

История рассмотренных синонимических рядов примечательна тем, что она позволяет наблюдать семантическую дифференциацию лексем, первоначально тождественных по значению, позволяет видеть, как лексическое

⁷ Большое количество тождественных по значению разносуффиксальных прилагательных и производных от них *NAb.* характерно не только для польского языка XVIII в., но и для русского языка того же периода. И.М. Мальцева подчеркивает, что это определялось "спецификой языковой нормы того времени" (Мальцева И.М., Молотов А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке. М., 1973, с. 23).

значение, общее для двух или трех лексем, закрепляется за одним словом, которое в современном литературном языке стало основным или единственным средством выражения данного понятия.

Необходимо подчеркнуть, что кристаллизация семантической доминанты — процесс, характерный для начального периода становления норм современного польского литературного языка.

II. Имена существительные на *-ość* со значением абстрактного признака в языке памятников изучаемого периода имели сложную семантическую структуру и на протяжении двух веков претерпели значительные изменения. Мы остановимся на некоторых особенностях семантических изменений этих *NAb.* в истории польского литературного языка XVIII—XX в.

Ciekawość

В языке изучаемого периода лексема имела два значения: 1. 'любопытство, любознательность' (отвлеченное качество) ср.: *Tysiąc pisarzy ciekawości dogodzić pismami swymi usiłuje* (Zabawy... 1773. *Sł. D.*) 'Тысяча писателей в своих произведениях стремятся удовлетворять любопытство читателей'; 2. 'любопытная подробность, деталь, вещь', напр.: *Miło będzie za powrotem opowiadać ziomkom o ciekawościach, o nieznanych im dziwach, na które w podróżkach moich patrzyłem* (Niemc.) 'По возвращении мне приятно будет рассказывать землякам о любопытных вещах, о не известных им чудесах, которые я видел во время путешествий'; *Przywieź nam za powrotem ciekawości jakowe z krajów, które odwiedzać będziesz* (Kras.) 'Привези нам что-нибудь интересное из тех стран, которые посетишь'. В обоих примерах речь идет о конкретных предметах или явлениях; слово *ciekawość* употребляется в форме множественного числа. В конкретном значении эта лексема встречается и у А. Мицкевича: *Po co pytać, czasu strata, gdy cię wyrwę z tej opoki, wszystkie ciekawości świata własnymi odwiedziś kroki* (Mickiewicz. *Sł. D.*)

В современном литературном языке это архаизм. От слова *ciekawość* в конкретном значении возможно было образование уменьшительной формы с суф.-ка; *ciekawostka* — 'любопытная деталь, интересная подробность, занятная вещица', ср. *W starych czasopismach, notatkach i archiwach znajdujemy moc różnorodnych ciekawostek dotyczących starych dzielnic Warszawy* (Stolica. *Sł.D.*) 'В старых журналах, заметках и архивах мы находим массу разнообразных интересных деталей, касающихся старых районов Варшавы'. Таким образом, *NAb. ciekawość* утрачивает то лексическое значение конкретности, которое было свойственно этой лексеме во второй половине XVIII в.

Gwałtowność

Основное лексическое значение этого слова — 'импульсивность' (свойство человеческого характера). В языке изучаемого периода лексема *gwałtowność* не только выражала отвлеченный признак, но и могла обозначать акт насилия, напр.: *Oczywiste były na ciele znaki gwałtowności, których w sposobie śmierci jego zażyto* (Kras.) 'На теле видны были признаки насилия, которое было причиной его смерти'. Слово *gwałtowności* в этом

контексте имеет форму род.пад. множественного числа и обозначает конкретное действие. Ср. также следующий пример: *Gwałtowności krzyżackie nie dopuścily długo zażywać pokoju innym prowincjom polskim* (Nar.) 'Акты насилия крестоносцев не давали мирно жить другим польским провинциям'. Это конкретно-лексическое значение лексемы *gwałtowność* в современном литературном языке утратилось.

В словаре Дорошевского оно приводится с пометой *przestarz.*

Małość

Лексема *małość* обозначает отвлеченные признаки разного характера, как физические, свойственные предметам, так и относящиеся к сфере психологической, напр.: *Małość prostego jedła nadaje zdrowie* (Kras.) 'Небольшое количество простой пищи дает здоровье' — физическое свойство; ср. *Mały cyrkul znajomości tam moich (. . .) przyczyną jest małości moich obserwacji* (Stasz.) 'Узкий круг моих знакомств — причина узости моих наблюдений' — качество, относящееся к области духовной деятельности.

Małość означало также 'мелочь' (конкретно-лексическое значение), ср. *Nie przystoi na Skonfederowane Stany zabić drogi czas takimi małostkami, bo los przyszłości, materie, od których całość rządu zależy, jedynym obrad teźniejszych być powinny obiektem* (Kołł.) 'Не стоит занимать время... такими мелочами, ибо единственным предметом наших бесед должны быть судьбы будущего, дела, от которого зависит управление страной'.

В современном языке лексема *małość* обозначает только отвлеченные признаки предмета или качества человека; конкретно-лексическое значение 'мелочь' утрачено.

Pewność

NAb. pewność обозначает 'уверенность' и 'решительность' — отвлеченные признаки, присущие характеру человека или его деятельности. Ср. *Po mojej się jagodzie łąza radosna sączy, do mojej się nadziei pewność wielka łączy* (Tremb.) '... к моей надежде присоединяется великая уверенность'; *Nie masz tam wolności, gdzie nie masz pewności życia* (Kos.) 'нет свободы там, где нет уверенности (веры в жизнь)'.

Лексема *pewność* выражает также понятие 'подлинность, верность', ср. *Nieprzyjaciółni pewności chronologii są kobiety i szlachta, ponieważ szlachta nie cierpią niedawności swojego szlacheństwa, kobietom zaś zawsze nieznośna starość wieku* (Jezier) 'Врагами подлинности хронологии являются женщины и шляхта, потому что шляхта не терпит молодости своего шляхетского звания, а женщины не выносят преклонности своего возраста'.

Указанные отвлеченные лексические значения слова *pewność* сохранились в современном языке; они встречаются часто в контекстах разного стиля. В языке изучаемого периода это слово встретилось и в конкретно-лексическом значении 'факт, явление не вызывающее сомнений', ср. *Ten, który kładzie naprzeciw uznanej pewności, liczonym być nie powinien między rozsądne jestestwa* (Niemec.) 'Тот, кто противоречит признанному факту, не может считаться разумным существом'. В современном литературном языке это значение утрачено.

Лексема со значением 'заботливость; качество, свойство человека заботливого, внимательно', ср. Pokazał politowanie nad nędzną troskliwością, która o nim krytycy jego bezprzeżestannie mieć raczą (Sł.L.) 'Он презирал жалкую заботливость, с которой относились к нему его критики'; Pomnażała troskliwość hetmańska opieszłość Zaporożców. (Niemc. Sł.K.) 'Заботливость гетмана увеличивалась ввиду растерянности запорожцев'.

В языке изучаемых авторов слово *troskliwość* имело необычное для современного литературного языка значение 'тревога, огорчение, забота', ср. Po krótkiej bardzo radości znowu w ciężką wpadłem troskliwość (Tremb.) 'После короткой радости я снова ощутил тяжелую тревогу'; Okrzyk wesóły tak duszę zniewala, iż... pierzchała troskliwość z smutnymi myślami (Kras.) 'Радостный возглас проник в душу, пропала тревога и грустные мысли'; Wolny od troskliwości wojny z cesarzem, Bolesław obrócił ogień na wiarołomnych Prusaków (Nar.). 'Позабыв тревогу, вызванную войной с царем, Болеслав обратил оружие против вероломных пруссаков'. В словаре Дорошевского указанное значение выделяется пометой *dawn.*

Wesołość

Основное лексическое значение слова — 'свойство того, что (кто) является веселым, веселость', напр.: Wesołość troski siodzi (Bogusławski. Sł.D.) 'Веселье рассеивает заботы'; Siodka wesołość w czystym tylko sercu rada przebywa a tam gniazdo zakłada (Nar.). 'Только в чистом сердце может поселиться веселость и свить там свое гнездо'.

У авторов XVIII в. слово *wesołość* встречается в конкретнолексическом значении 'развлечение, забава', напр. Chińczykowie proch dawno znali, lecz nie używali go, tylko w wesołościach (Przybylski. Sł.K.) 'Китайцам давно известен порох, но они его использовали только для развлечений'. То же значение встречается в письмах Ю. Словацкого: Nie chcę, jednak, abyś sądziła, że ja nieczuły jestem na wiejskie szczęście domowe, a tylko w miejskich jakich wesołościach zakochany (Słowacki. Sł.D.) 'Я не хочу, чтобы ты думала, что мне безразлично то счастье, которое существует дома, в деревне, что я влюблен в городские развлечения'.

В данном случае также необходимо отметить утрату конкретного значения рассмотренным существительным.

Zgryźliwość

Лексема имеет одно отвлеченное значение — 'качество, свойственное брюзгливому, желчному человеку, желчность'. Ср. пример из писем Ю. Словацкого: Kartę do Sylki odkładam na później i za jej zgryźliwość kłócić się będę (Słowacki. Sł.D.) 'Сильвии я пока писать не стану и буду ссориться с ней за ее брюзгливость'. У Линде — пример с иным значением: Wszystkie przykrości i zgryźliwość które na człowieka przyrząść mają, przyjaźń osładza (Monitor). 'Все неприятности и обиды, которые могут встретиться человеку, скрашивает дружба'. Здесь *zgryźliwość* выражает конкретное понятие 'обида'; в современном языке это значение утрачено.

Итак, мы рассмотрели группу лексем с суф. *-ość*, для которых харак-

терно значение отвлеченного признака. В языке источников второй половины XVIII в. эти *NAb.* могли обозначать конкретный факт, явление, событие и т.п. С течением времени конкретно-лексическое значение ими утрачивалось. Можно предположить, что история этих лексем отражает некоторую общую тенденцию.

Число аналогичных примеров можно увеличить. Так слово *czarność* 'чернота, черный цвет' первоначально имело также конкретное значение 'одежда черного цвета', *gościnnność* 'гостеприимство' ранее конкретное 'укрытие, кров', слово *stałość* имеет несколько отвлеченных значений; в языке памятников изучаемого периода часто употреблялось для обозначения конкретного состояния, в значении 'болезнь'; *spadziłość* — не только наклонность, качество того, что является покатым, наклонным, но и предметное значение склон (напр., горы), *łustość* 'качество того, что является жирным' и вместе с тем обозначение жирной пищи; *twardość* 'качество, свойство твердого' и одновременно — 'нечто твердое', *wzniosłość* 'характер того, что возвышено' (категория нравственная), а также — 'возвышенность, бугор'; *zieloność* 'зелень, зеленый цвет' (отвлеченный признак), а первоначально также конкретное — 'срезанные ветки деревьев'.

Однако некоторые *NAb.* и в современном литературном языке имеют конкретно-лексические значения напр.: *trudność* 1. 'качество того, что является трудным' и 2. 'трудность, затруднение' — в конкретном смысле, *przykrość* — 1. 'качество того, что неприятно' и 2. 'неприятность' в конкретном значении, о факте, событии, впечатлении и т.п.; *czynność* — 1. 'активность' и 2. 'действие' (конкр.).

Отметим, что некоторые *NAb.* на *-ość* в XVIII в. могли обозначать собирательные понятия: *państwo* 1. 'качество, свойственное пану' 2. 'магнатство', *gminność* 1. 'качество того, что присуще гмине', 2. 'жители, население гмины', *ziemskość* 1. 'земной характер чего-л.', 2. 'земство'. Эти собирательные значения были утрачены, в современном литературном языке перечисленные *NAb.* имеют только отвлеченное значение.

Семантические сдвиги, происходившие в категории абстрактных существительных, многообразны, мы стремились выявить лишь некоторые общие тенденции этих изменений.

Наш материал в основном подтверждает наблюдения В. Дорошевского, который писал: "Существо семантических изменений, происходящих в слове, состоит в том, что первоначальная многозначность с течением времени сводится к выделению одного основного значения, к ослаблению или исчезновению второстепенных лексических значений"⁸. Таким образом сформулировано существо процесса кристаллизации доминанты.

Как нам кажется, специфика этого процесса в сфере *NAb.* состоит в том, что "второстепенным" для них было обозначение конкретных фактов, явлений, состояний. Именно эти конкретно-лексические значения утрачивались на протяжении ученого нами двухсотлетнего периода истории польского литературного языка. Кристаллизация доминанты в данном случае соответствовала становлению категории отвлеченного признака, была выражением специализации словообразовательных и лексических средств для обозначения отвлеченного признака.

⁸ Doroszewski W. Język Teodora Tomasza Jeża. Warszawa, 1949, s. 356.

III. Рассматривая лексические значения *NAb.*, употреблявшихся в изучаемых текстах, мы стремились выявить те лексемы, где произошли различного рода семантические сдвиги. В описанной выше группе *NAb.* семантические изменения состояли в том, что лексема утрачивала одно из свойственных ей лексических значений; в каждом отдельно рассмотренном случае речь шла об утрате значения более конкретного сравнительно с основным значением отвлеченного признака. Ниже будет рассмотрен другой тип семантических изменений *NAb.* В данной группе лексем из нескольких (двух и более) отвлеченных лексических значений, которые были присущи слову в период формирования норм современного польского литературного языка (вторая половина XVIII в.), с течением времени одно из отвлеченных значений стало архаическим или вовсе утратилось и в языке современных нам авторов не встречается.

Таким образом, из массы многозначных лексем на *-osc* со значением отвлеченного признака, употреблявшихся в языке изучаемого нами периода, мы отобрали для описания те *NAb.*, которые представляют интерес с точки зрения динамики их абстрактных значений.

Absolutność. Лексема выражала значение 'абсолютность, безотносительность' (как и в языке современных авторов), а также обозначала понятие 'независимость', которое впоследствии стало архаическим и утратилось. Ср.: Kraj, w którym szlachta absolutna zupełną *absolutność* posiada, nie może żadną miarą wielkich podatków składać (Stasz.) 'Страна, в которой шляхта имеет полную независимость, ни в коей мере не может получать больших налогов'; *Absolutność* studentów przez wiele lat cierpiana była i już wszyscy wierzyli, że studenci są to osoby bardziej nad wszystkie urzędy najwyższe i godności uprzewilejowane (Kit.) 'Независимость студентов терпели много лет, все уже стали верить, что студенты — особы более привилегированные, чем самые высшие чиновники'.

Krewkość. Наряду со значением 'горячность, вспыльчивость' (единственное лексическое значение слова у современных авторов) эта лексема выражала и другое понятие — 'слабость (моральная и физическая)': Ср.: Człowiek, mówię, dziwne to zmieszanie doskonałości i *krewkości* (Zab. Sl.D.) 'Человек — говорю я — это странное смешение совершенства и слабости'.

Ludzkość. Лексема, выражавшая собирательное значение 'человечество' и значение отвлеченного качества 'человечность'; оба они сохранились в языке наших современников. Первоначально это слово означало также 'вежливость, любезность', ср.: Oddań każdemu zwykłą grzeczność w odwiecznym i wzajemnie ze wszelką *ludzkością* przyjmował (Kras.) 'Он каждому нанес визит вежливости и взаимно всех с великой любезностью принимал'; Każdemu *ludzkość* oświadczył z piękną manierą, a tak każdy ci przyzna: żeś nie z prostej ziemi (Piotrkowski G.St.D.) 'Каждому покажи, как ты вежлив, что у тебя прекрасные манеры, и каждый признает, что ты не простак'; Wywiozł na koniec Zofię... do krewnych swoich, którzy ze wszelką ją przyjęli *ludzkością* (Zab.St.D.) 'Наконец он отвез Зофию к своим родным, которые приняли ее со всей любезностью'.

NAb. łatwość имело, как и в современном языке значение 'легкость' а также 'простота, ясность' (главным образом о стиле высказывания). Кроме того, эта лексема означала 'благосклонность'. Ср.: Czy chcesz abym furyjat, jak byłem przed chwilą, (...) śmiało stawiał się z żądaniem *łatwości* jej

serca? (Zabł.) 'Ты хочешь, чтобы я, кто только минуту назад был таким сумасшедшим, посмел предстать перед ней и потребовать благосклонности ее сердца?'; Król pełen *łatwości* i dobroci nie umiał się w tym wymówić i przy prowadze swej utrzymywać się (Lubomirski. St.D.) 'Король, исполненный любезности и доброты, не умел показать этих качеств и держаться достойно'.

Слово *łatwość* могло иметь и более конкретное значение, выражать понятие 'возможность, случай'; ср. Brandenburczyk (...) żadnej *łatwości* nie opuściwszy, starał się wszystkimi, bo nawet podłymi sposoby, wydzwicić na Polakach inwestyturę (Stasz.) 'Бранденбуржец, не упустив ни одной возможности, старался любыми, даже подлыми способами, выместить на поляках зло за инвеституру'. То же значение слова *łatwość* находим у И. Лелевеля (середина XIX в.): Jakub Parkosz (...) podawał pewne prawdy, których inni pisarze nie mieli *łatwości* poznać (Leleweł. St.D.) 'Якуб Паркош (...) изложил некоторые правила правописания, но другие авторы не имели возможности с ними ознакомиться'.

Sporność, NAb. от прилагательного *sporny*, означало 'спорный характер чего-либо'. В современном языке сохранилось производящее прилагательное и *NAb.* в указанном значении (обе лексемы редко употребляются). В памятниках XVIII в. нам встретилось и другое значение — 'качество, свойство человека, склонного к спорам'. Ср. Ta *sporność* szlachty w dawaniu podatków w tym czasie jest dowodem, że dopokąd szlachta polska będzie absolutna, dopokąd kraj swoją bezsilność nie potrafi wyrównać sile zewnętrznych mocarstw (Stasz.) 'Шляхта, ее склонность к спорам по поводу налогов, показала, что пока она будет самовластной, страна не преодолет своей слабости пред лицом сильных иностранных монархов'.

Sposobność — лексема со значением 'случай, оказия; благоприятные обстоятельства'; ср. Wielki to na nas obowiązek. Nic nas nie wyekskuje, jeżeli przy władzy, *sposobności* będziemy nieczynnymi i nieużytecznymi (Pot. Ig.) 'Это наша великая обязанность. Ничто нас не оправдает, если, имея власть, при благоприятных обстоятельствах, мы будем пассивными и бесполезными'; Szerokie zaś ścieżki nie nadto zagęszczone i kręte, dawały *sposobność* do miłej przechadzki (Kras.) 'Широкие тропинки, не слишком заросшие и крутые, давали возможность прогуляться'.

В литературном языке XVIII в. эта лексема имела также значение 'способность, талант, склонность к чему-л.'. Ср. Po stylu, po jednych myślach tu i owdzie rozrzuconych, widocznie pokazuje się, że nie zbywało pizacemu na *sposobności* (Czart.) 'Судя по стилю, по метким выражениям, встречающимся сплошь и рядом, очевидно, что у автора нет недостатка в способностях'; Przykładał się każdy według swojej *sposobności*, i tak mocniejsi znosili drwa do kuchni, młodszy zioła i jarzyny (Kras.) 'Каждый старался по мере своих способностей: более сильные носили на кухню дрова, младшие — приправы и овощи'; Każdemu wolno ten stan obrać, który mu skłonność i *sposobność* wyznacza (Zabawy... 1775. St.D.) 'Каждый может выбрать такой образ жизни, какой ему предназначен его склонностями и способностями'. В современном польском литературном языке лексема *sposobność* встречается только в конкретном значении 'случай, оказия', а значение отвлеченного качества 'способность, талант' утрачено.

NAb. sprawiedliwość имело значение 'справедливость', ср. Bądźcie spo-

kojnie, każe ja tę rzecz roztrząsnąć i *sprawiedliwość* wam uczynię (Niemcewicz. St.D.) 'Будьте спокойны, я велю рассмотреть это дело и восстановить справедливость'; Odtąd wieki zelażne nic nie ubezpiecza, *sprawiedliwość* na końcu żyje miecza (Trem.) 'С тех пор железный век ничем не защищен, справедливость существует только на острие меча'. Помимо указанного значения, известного в более поздний период, включая произведения современных нам авторов, слово *sprawiedliwość* в языке изучаемого периода имело и другое отвлеченное значение — 'верность, меткость'; ср.: Gdy albowiem inni dla ptochych, a czasem i upodlających przyczyn odmieniali zdanie, on przeświadczony o *sprawiedliwości* tego, co utrzymywać przedsięwziął, trwał statecznym (Kras.) 'Когда другие изменяли свое мнение по причинам мелким или даже унижительным, он, убежденный в верности того, на чем настаивал, оставался непоколебимым'.

Stateczność — лексема с основным отвлеченным значением 'солидность, положительность, уравновешенность'; первоначально в литературном языке она означала также 'неизменность, постоянство' Ср.: Moda jest nieprzujacółką *stateczności* zwyczajów. Jezier. 'Мода — враг постоянства привычек'.

NAb. uczciwość выступает в значении 'честность, добросовестность'; ср.: Zapłacenie jednak moim kredytorom zdało mi się rzeczą najpotrzebniejszą, bo *uczciwość* każe każdemu jego własność powrócić (Trem.) 'Заплатить кредиторам казалось мне делом самым важным, ибо честность велит вернуть каждому его собственность'. В языке рассмотренных нами памятников это слово означало также 'уважение, почитание', ср. Kościółek ten zasłużony przez kapucynów, którym głowa Świętego wraz po ścięciu najpierw spoczęła (Stasz.) 'В этой церквушке служат капуцины, которые с великим преклоном показывают каменный сосуд, где покоилась (...) голова святого'. Это значение встречается и позже, у авторов XIX в. Ср. Szlachta uchyliła czapek i skłoniła się z *uczciwością* (Łoziński Wal.St.D.) 'Шляхта, сняв шапки, склонилась с почтением'; Ciało jego z należytą *uczciwością* pogrzebione zostało (Kraszewski. St.D.) 'Его тело было захоронено с надлежащим почтением'. *Uczciwość* в смысле 'уважение, почтение' в современном литературном языке не встречается, нормативные словари его не приводят.

Слово *udatność* обозначало 'качество того, что является удавшимся, удачным' с.: Jak kruszcom blask poloru, żywość barw obrazom, rytmom brzmienia muzyczne, *udatność* wyrazom..., tak grzeczność służy snocie (Kras.) 'Как камню блеск, как яркость краскам, как полноценность словам, так вежливость подходит добродетели'. Лексема *udatność* имела и другое отвлеченное значение (утраченное современным языком) — 'стройность, изящество', ср. Przygównując niezgrabność moją ziemianką do cudnej *udatności* kawalerów stołecznych z początku czułem wstyd wielki i upokorzenie (Kras.) 'Сравнивая свою сельскую неуклюжесть с великолепным изяществом столичных кавалеров, я испытывал стыд и унижение'.

Większość — в современном значении 'большинство, количественное преимущество'. В языке изучаемого периода эта лексема означала также 'большие размеры, большее количество', ср. To siłowanie się krajów większością podatków przywiodło do tego, że już niektórych państw podatki równają się wszystkim dziedzicom dochodom (Stasz.) 'Эти усилия государств получать налоги больших размеров привели к тому, что в некоторых странах налоги

равняются доходам помещиков'. Здесь прослеживается непосредственная семантическая мотивированность *NAb.* прилагательным в сравнительной степени: *większy* 'большой', *większość* — 'качество того, что является большим по размеру или количеству'.

Wyrozumiałość — лексема со значением 'терпимость, снисходительность'. В XVIII в. она встречается в ином значении — 'ясность, понимание', ср. Słowa moje mało co były zrozumiałe, przeto dodawałem do nich gestów, któreby więcej *wyrozumiałości* dodawały. (Polak w Paryżu, 1787 r. St.D.) 'Мои слова были мало понятны, поэтому я прибавлял к ним жесты, которые сделали бы их более ясными, внесли ясность'.

Слово *zdatność* означает 'пригодность', а в XVIII в. означало также 'полезность, польза', ср. *Zdatność* powszechna rzadko się w rzeczach znajduje, bo są tacy, którym chleb szkodzi (Kras.) 'Редко встречаются вещи, полезные для всех; есть люди, которым вредит даже хлеб'; *Zdatność* pierwszeństwo nadawać powinna; między szablą, piórem a rydlem ta tylko może być różnica, którą nadaje piastującego przemysł i praca usilna (Kras.) 'Преимущество определяется полезностью; разница между саблей, пером и заступом может зависеть только от разума и старания того, кто ими владеет'; *Zdatność* w kraju z tego najwięcej zwykła być wzięta: statysta, prawnik, gospodarz czyli żołnierz, doskonały łacinnik użyteczniejszy (Pot.Ig.) 'Полезность изучения латинского языка вполне очевидна: государственный муж, юрист ... принесут больше пользы, будучи хорошими знатоками латыни'.

Утраченное или устаревшее значение лексемы передается в современном литературном языке иными лексическими средствами. В ряде случаев лексико-семантические сдвиги у *NAb.* на *-ość* определяются изменениями значения приставки существительного. Так, на смену слову *wyrozumiałość* в значении 'ясность' пришло слово *zrozumiałość*, вместо *zdatność* в значении 'полезность' стало употребляться *przydatność*. Ср. 'ярость, ожесточение' — *zjadłość* по словарю Линде, *zajałość* в современном литературном языке, 'противоречивость' — *zaprzeczność* у Линде, *sprzeczność* в современном языке, 'сособность, талант' — *udolność* у Линде, *zdolność* — в современном языке, 'набожность' — *zbożność* у Линде, *pobożność* в современном языке и т.п.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Czart. — Czartoryski A. Drugi list pana Doświadczyńskiego do przyjaciela swego względem edukacji córek. Warszawa, 1781; Kawa. Komedia. Warszawa, 1779. In: Ludzie Oświecenia o języku i stylu. Warszawa, 1958.
 Jezier. — Jezierski Fr. Wybór pism. Warszawa, 1952.
 Kit. — Kitowicz J. Opis obyczajów za panowania Augusta III. Wrocław, 1951.
 Książ. — Książnin Fr. Wybór poezji. Wrocław, 1948.
 Kołł. — Kołłataj II. Wybór pism politycznych. Wrocław, 1951.
 Kop. — Kopczyński O. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1817.
 Kos. — Kossakowski J. Ksiądz pleban. Warszawa, 1876.
 Kras. — Krasicki I. Dzieła. Warszawa, 1829.
 Nar. — Naruszewicz A. Historia narodu polskiego, t. I—VI. Kraków, 1859—1860.
 Pot. — Potocki Jan. Podróż do Turcji i Egiptu. Kraków, 1924.
 Pot.Ig. — Korespondencja Ignacego Potockiego w sprawach edukacyjnych. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1978.
 Stasz. — Staszic St. Wybór pism. Warszawa, 1952; Pisma i wypowiedzi pedagogiczne. Wrocław, 1956.
 Rul. — Rulikowski J. Urywek wspomnień, wydanych z obszerniejszego rękopisu (1731—1792). Warszawa, 1862.
 Trem. — Trembecki St. Pisma wszystkie. Warszawa, 1953.
 Zabł. — Zabłocki Fr. Dzieła. t. I—II. Warszawa, 1877.

ЧЕШСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ХОРВАТОВ В ЭПОХУ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Процесс заимствования чешской лексики в литературном языке хорватов¹ целиком связан с периодом национального возрождения, который был "...одним из самых конструктивных и плодотворных во всей истории хорватского языка"². Этот процесс, согласно классификации Л. Йонке, делится на три этапа: 1) после 1836 до 1848 г., 2) с 1848 по 1860 г. и 3) с 1860 по 1874 г.³

Практические начинания иллиризма оставили глубокий след в культурной жизни хорватов. Представители зарождающейся хорватской интеллигенции сумели заложить в условиях того времени основы, необходимые для формирования нации. Своей деятельностью они также приблизили хорватов к другим славянам, т.к. иллиризм развивался в тесном контакте с национально-освободительными движениями других славянских народов⁴. Особое место в этом движении отводилось чешской нации. Поскольку чешское национальное движение возникло и развивалось

¹ Здесь и далее названия "хорватский литературный язык", "язык хорватской науки и литературы", "литературный язык хорватов", употребляются как равноценные по отношению к ограниченному хронологическому периоду 30–80-х гг. XIX в.

² Brozović D. Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti. — In.: Hrvatski književni jezik u evropskom kontekstu. Zagreb, 1978, s. 64.

³ Хронологические рамки упомянутой классификации (Jonke Lj. Književni jezik u teoriji i praksi, 1. izd. Zagreb, 1964, s. 266–267) можно расширить, имея в виду как начало рассматриваемого процесса, так и его завершение. Например, на афише загребской оперы сезона 1832 г. можно было прочитать: "Nova horvatska veseloigra" (Batušić N. Povijest hrvatskog kazališta. Zagreb, 1978, s. 205).

Чешскую заимствованную лексику можно обнаружить в переписке будущих лидеров иллирийского движения (Jonke Lj. Gajevo pismo Františku Palackomu iz god. 1834. s pravopisnoga gledišta. — In: Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća. Zagreb, 1971, s. 121–128), в их дневниках. Например, в записях Л. Гая, относящихся к 1833 г., встречаем новое для него слово *dražba* с собственноручным толкованием автора: "Licitacia, vendeta, lichba, bolje horvatzki veli sze *dražba* od *dražati* (versteigern, vertheuern, Preiss erhöhen) odtud takaj *dražanje*" (Deželić V. Pisma pisana dru Ljudevitu Gaju i njeki njegovi sastavci (1828–1850). Zagreb, 1909, s. 351). — И в рукописных "Заметках к словарю и грамматике относящимся" Л. Гая фигурируют многочисленные слова-термины, такие как: *veda* — *scientia*; *činost* — *praxis*; *umenie* — *ars* и другие, которые легко соотносятся с соответствующими им чешскими: *věda*, *činnost*, *umění* и др. (Vince Z. Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1978, s. 244). На страницах загребских кайкавских изданий, таких как, например, "Даница загребская" ("Danica Zagrebečka"), издаваемая И. Кристиановичем, в первых номерах за 1834 г. встречаем такие ботемизмы, как: *chasopisz*, *knyigtizkar*, *tizkarna*, *novinu* и некоторые другие.

Конечную хронологическую границу рассматриваемого языкового явления следует передвинуть к концу 80-х гг. XIX в., имея в виду в первую очередь заимствование чешской спортивно-гимнастической терминологии, активно происходящее именно в этот период.

⁴ Лециловская И.И. Славянские связи иллиризма в области культуры. — В кн.: Югославянские культурные связи. М., 1971, с. 112–136.

хронологически ранее, лидеры иллирийского движения именно в чехах видели своих учителей.

Л. Гай и его единомышленники много и настойчиво писали о значении языка в жизни народа. Их взгляды на язык как главную отличительную черту нации во многом формировались под влиянием идей прогрессивного словацкого поэта и философа Я. Коллара. Огромное влияние на них оказывали практические меры, связанные с реформой чешского национального литературного языка, которую проводили чешские будители во главе с Й. Юнгманом. Для хорватских национальных лидеров язык становится основным средством пробуждения национального самосознания, инструментом борьбы за социальные права. Как от орудия борьбы от него требовалась отточенность, стабильность грамматических норм и богатство лексического состава, способного удовлетворять потребностям современной литературы, философии, естественных наук, а также делового общения. В создании литературного языка, отвечающего этим требованиям, большую роль сыграла опора на родственные славянские языки, в первую очередь чешский, лексические заимствования из которого в большой мере представляли собой неологизмы и в самом чешском литературном языке, развивавшимся с известным хронологическим опережением.

Исходя из объективных исторических особенностей развития литературного языка хорватов в эпоху национального возрождения, при рассмотрении проблематики, связанной с созданием хорватской научной и специальной терминологии в целом и чешских терминологических заимствований в частности, с полным правом можно говорить как об организующей и формирующей деятельности отдельных выдающихся индивидуальностей, направляющих эти процессы, так и о конкретном участии в них хорватских просветительских и научных организаций, специальных терминологических комитетов, литературных и научных изданий, массовых патриотических организаций и т.п.

Первые попытки систематизации научных знаний в Хорватии относятся к начальному периоду национального возрождения, т.е. к 30–50 гг. XIX столетия. В это время на реформированной, по существу новой языковой основе приводятся в систему определенные разделы наук. К этому же времени относятся и первые попытки построить общую, более или менее стройную систему научных понятий на основе языкового материала предшествующих столетий, диалектной лексики, неологизмов, созданных реформаторами языка, а также прямых лексических заимствований из родственных славянских языков. С этой эпохой у хорватов также связано начало процесса комплектования терминологических сфер — закрепления определенного круга слов-терминов за определенными дисциплинами и соотнесение их друг с другом.

В рассматриваемый период отдельные науки не получили еще столь характерной для современной эпохи дифференциации и специализации. В это время в языке хорватов в основном происходило накопление специальной лексики. В процессе общего развития лексической системы одним из главных аспектов являлось формирование особого номинативного фонда для обеспечения специальных названий. Это очень важный период в истории хорватского литературного языка и истории хорватской науки, т.к. сумма специальных слов, употребляемых в печатных изданиях, высту-

пает теперь как организованное целое, и в таком новом качестве становится обязательной для всех последующих научных и специальных текстов, публикуемых на этом славянском языке.

Специфической и часто встречающейся особенностью терминологических систем в стадии формирования является наличие развитой синонимии, серии аналогичных обозначений. В этом смысле хорватский литературный язык исследуемого периода не составляет исключения. Понятие "образец" в хорватских философских и математических текстах имеет, например, следующие обозначения: *figura, formular, ideal, model, original, primjer (primjerak), vrsta* (в их числе три бегемизма: *obrazac, uzor, uzorak*). Понятия "круг; окружность" в геометрии и "окружение" в философии и логике выражаются словами *domena, kolo, kolut, krug, okolica, okrug, okružnost, sfera* (здесь же и бегемизмы *opseg и kružnica*). На возникновение множественности обозначений влиял целый ряд причин, главной из которых можно считать целенаправленную установку хорватских терминоведов (во многом совпадающую с установкой чешских будителей) на расширение синонимии как одного из путей обогащения словарного состава, облегчающее якобы отбор лексики для различных дифференциальных сфер языковой коммуникации. В тенденции к увеличению синонимических рядов в этот период отражается также столкновение терминов разных эпох, различных языковых школ. Так, например, понятие "объем" наряду с исконными хорватскими словами *objetje, obod, obuzetje, okrug, prostor, prostegnutje, veličina, zapremina* передавалось также с помощью латинизма *volumen*, русизмов *objam (obujam), prostranstvo* и бегемизма *opseg*. Подобное варьирование слов в синонимическом ряду в первую очередь говорит о неорганизованности и слабой оформленности всей хорватской терминологической системы в рассматриваемый период, т.к. в принципе терминологическая система всегда стремится к идеальному построению, где одному понятию должен соответствовать один знак⁵. Однако наряду с указанными явлениями, сопровождающими процесс формирования языка хорватской науки, уже в начальный период национально-го возрождения начинает также проявляться и тенденция к созданию строгих терминологических систем, к закреплению за отдельными вариантами терминов дифференцированных значений. Это стремление к общему упорядочению терминологического употребления уже к концу 50-х — началу 60-х гг. прошлого века ясно проявляется в терминотворчестве Б. Шулека — крупнейшего хорватского лексикографа XIX в. Бывший иллириец Б. Шулек всегда оставался сторонником определенной концепции хорватского литературного языка, которая заключалась в том, что его основой должен служить народный язык на новоштокавской основе, дополненный неологизмами, словами из других диалектов и славянских языков⁶. Его точку зрения на славянские заимствования из области научной терминологии поддерживали Й. Торбар (1824—1900 гг.), Ж. Вукасович (1829—1874 гг.) и другие хорватские ученые нового поколения. Развернутое

описание принципов обогащения хорватской научной терминологии и номенклатуры, во многих пунктах совпадающих с точкой зрения Б. Шулека, предлагает С. Брусина⁷, который пишет: "Необходимо собирать народные названия во всем их многообразии, а то, чего нет в нашем языке, создавать или заимствовать, как это уже до нас делали. Как Шулек, Торбар, Вукасович заложили основы новой хорватской терминологии, так мы должны создавать и обрабатывать номенклатуру"⁸.

Научные труды братьев С.Я. и К.Б. Преслов, А. Марека, В. Седлачека, Ф. Палацкого, К. Американа и многих других чешских ученых, словари Й. Юнгмана и П.И. Шафарика, чешские научные печатные органы "Крок", "Журнал чешского музея", "Светозор", "Жива" и многочисленные другие, заложившие основы чешской научной и специальной терминологии и номенклатуры, и в 60—80-е годы XIX в. продолжают оставаться в Хорватии образцом, достойным подражания. Например, при подготовке новых хорватских научных журналов со стороны некоторых видных хорватских ученых поступали предложения заимствовать не только структуру популярных чешских научных изданий, но даже само их название: "Godišnjak, koji bi mogli nazvati "Svemiroм" (to je istovjetno sa češkim "Vesmirom")"⁹, imao bi se sastojati ponajprije iz služebnoga diela zoologičkoga i mineralogičkogeologičkoga muzeja..."¹⁰ "Ежегодник, который мы бы могли назвать "Свемиром" (что идентично чешскому "Всемиру"), прежде всего должен иметь отдел зоологического и минералогическо-геологического музея..."

Первыми хорватскими печатными изданиями, на страницах которых появляется сразу в значительном количестве чешская заимствованная лексика, стали издаваемые в Загребе с 1835 г. органы иллирийцев: газета "Новине хорватске" и ее литературное приложение "Даница хорватска, славонска и далматинска" (впоследствии "Даница иллирска")¹¹. Уже в первый год издания "Даницы" (№ 51—52 за 1835 г.), когда она еще выходила на кайкавском диалекте, в ней появляется анонимная статья: "Sbirka nje kojih gječih koje su ili u gornjoj ili u dolnjoj Ilirii pomanje poznate".

В этой статье-списке в числе прочих "иллирийских" слов помещено 72 бегемизма, также "рекомендованных к широкому употреблению среди образованных хорватов"¹². Ср. некоторые слова из "Списка", распро-

⁷ Спиро Брусина (1845—1908 гг.) — известный естествоиспытатель, зоолог, основатель "Хорватского общества натуралистов", академик, автор более 100 научных трудов.

⁸ Brusina S. Prirodopisne znanosti, osobito zoologičke, u obće i kod nas. — Rad JAZU, knj. XXXVI, Zagreb, 1876, s. 86—87.

⁹ "Vesmiř" — Časopis pro šifeni vědy přirodopisné, zeme- a národopisné — издавался в Праге с 1872 г.

¹⁰ Brusina S. Jedan decenium naše zoologičke literature (1867—1877). — Rad JAZU, knj. LII, Zagreb, 1880, s. 214.

¹¹ Моисеенко В.Е. К вопросу о чешской заимствованной лексике в журнале "Даница иллирска". — Славянская филология, IV. Л., 1979, с. 93—100.

¹² Некоторые исследователи предполагают, что автором этого своеобразного словаря-списка мог быть старший из братьев Мажуричей Антун, сотрудничавший в "Данице" с первых дней ее основания (Dukat V. Rječnik Mažuranića i Užarevića. — Rad JAZU, knj. 257, Zagreb, 1937, s. 92). А. Барац так пишет об А. Мажуриче: "...в первую очередь он был лингвистом; став в 1835 г. редактором "Даницы", придавал ей вместе с Гае и Раковцем соответствующее направление, помещая оригинальный или переводной материал, чаще всего анонимно" (Barac A. Hrvatska književnost. Knj. 1. Književnost ilirizma. Zagreb, 1954, s. 275).

⁵ Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970, с. 86—87.

⁶ Dukat V. Crtica o Šulekovu Njemačko-hrvatskom rječniku. — Ljetopis JAZU, sv. 52, Zagreb, 1940, s. 209—214.

страненные в литературном языке хорватов и в наше время: *časopis, dopis, dvojoj, narječje, obsag (obseg), okolnost, općinstvo, opetovati, parobrod, podmet, podnebjje, prvotan, upliv, uzajamnost, smjer, zasada, zavod, životopis* и др. Слова чешского происхождения из "Списка" сразу же получили широкое распространение в илирийских изданиях, полностью вошли в "Немецко-илирийский словарь" И. Мажуранича и Я. Ужаревича.

В начальный период национального возрождения заимствуются преимущественно термины книжного и издательского дела, журналистики, т.е. всего того, что на хорватской языковой почве возникло впервые. Ср. в этой связи следующие бегемизмы: *čitanka, dopisnik, danik, predplata, predplatnik, priloga, proslov, naklada, nakladnik, naslov, spis, svezak, tisak, tiskarna, tiskarnik, uvod, vezba* и др. В "Данице" и других хорватских изданиях 40–50-х годов XIX в., таких как "Коло", "Искра", "Невен", находим также слова, обозначающие абстрактные понятия: *dosljednost, geslo, nazor, pojam, prednost, pozornost, prevaga*. Среди научных терминов, обозначающих названия отдельных наук, разделов наук, приемы и методы научного исследования, доля бегемизмов также значительна: *bajoslovlje, lučba (luga, ludžba), narodopis, pokus, stupanj, sustav(a), zemljopis* и некоторые другие.

Словари, терминологические справочники и другие лексикографические издания, выпущенные в Хорватии в исследуемый период, содержат огромное количество чешских лексических заимствований. Признавая чрезвычайно важную роль нелекxicoграфических источников в распространении чешских заимствований, в данной проблеме мы все же на передний план склонны выдвинуть словари, учитывая специфические стороны исследуемого процесса. Его своеобразие, заключающееся в том, что значительная часть заимствованных чехизмов фиксировалась в первую очередь в словарях, минуя апробацию на страницах научных и любых других хорватских изданий, дает, как нам кажется, основания для этого¹³.

В работах Л. Йонке освещены основные проблемы литературного языка хорватов в XIX в. Отражены в них и достижения хорватской лексикографии в 60–70-е годы прошлого столетия. Однако весь ее начальный период, следующий сразу после реформы Л. Гая, оставался практически неизученным. Историк хорватского литературного языка З. Винце считает, что более или менее верную и полную картину лексических заимствований из родственных славянских языков можно представить лишь после детального изучения не только самых крупных и известных хорватских лексикографических изданий, но и малых, и редких словарей и грамматик начального периода национального возрождения, лексический фонд которых мало исследован¹⁴.

Уже в первом хорватском лексикографическом издании, вышедшем после реформы литературного языка, "Немецко-илирийском словаре" И. Мажуранича и Я. Ужаревича (*Němačko-ilirski slovar. Agram, 1842*), ставшим, по словам В. Ягича, "для своего времени очень полезным пособием, подобного которому не имела ни сербская, ни хорватская литература"¹⁵,

в результате лексического анализа нами было выявлено более 150 (без производных) бегемизмов¹⁶, большинство из которых и ныне является составной частью лексического фонда сербохорватского литературного языка¹⁷. Назовем некоторые из них: *bitan, cestomjer, čin* (der Akt im Schauspiel), *dotičan, drugotan, gorljivost, gustomjer, kiselina, kisikomjer, količnik* (Quotient), *ljekarna* (Apotheke), *nebotičan, pobočnik* (Adlatum), *posada* (posadka), *predočiti, pritomnost, promjer* (Durchmesser), *protunožac, stranka* (Fraktion), *trpni, zamjer, zvjezdarna* и др. К началу 60-х годов XIX в. большая часть бегемизмов, помещенная впервые в этот словарь, настолько "одомашнилась", что воспринималась составителями последующих хорватских терминологических словарей уже как исконная лексика¹⁸.

В 1-й половине XIX в. хорватская наука еще не имела ученых европейского уровня. Процесс вовлечения в сферу научных исследований крупнейших представителей хорватского национального возрождения, равно как и попытки привлечь их к созданию учебной и научно-популярной литературы на родном языке, происходил медленно¹⁹. Исключение в этом плане составляли, пожалуй, лишь В. Бабукич, А. Мажуранич, молодые Б. Шулек и Л. Вукотинович²⁰.

¹⁶ Предшествующие исследователи называют не более тридцати бегемизмов в этом словаре. См.: *Jonke Lj. Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća. Zagreb, 1971, s. 170–171.*

¹⁷ Среди чешских лексических заимствований в литературном языке хорватов имеется значительное количество слов русского происхождения, усвоенных в разное время чешским литературным языком. Подобная лексика, прошедшая в чешском языке процессы фонетической или морфологической адаптации, рассматривается нами в качестве полноценных бегемизмов. Ср., например, русск. *морж*, чешск. *mrož*, хорв. *mrož* или русск. *мамонт*, чешск. *tamut*, хорв. *tamut*.

По поводу русизмов в литературном языке хорватов Б. Шулек писал следующее: "Наши литераторы и лексикографы обычно никогда не заимствовали лексику из русских книг и словарей, т.к. последние у нас всегда были большой редкостью, а заимствовали ее из сербских книг и газет... многие русские слова проникли к нам через чешский язык" (*Izviščaj tajnika dra B. Šuleka. – Ljetopis JAZU za god. 1891. Zagreb, 1892, s. 99*).

¹⁸ *Jonke Lj. Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb, 1964, s. 267.*

¹⁹ С середины 30-х годов прошлого века до 1866 г., т.е. времени, предшествующего основанию Югославянской академии наук и искусств, в Хорватии развивались главным образом гуманитарные науки: филология и лингвистика, история языка и письменности, этнография и фольклористика, нумизматика и история. Тогда же появляются первые, небольшие по объему статьи хорватских авторов по педагогике, демографии, этике, эстетике и другим новым для хорватского читателя отраслям знания. Некоторые из перечисленных дисциплин, в первую очередь филология и исторические науки, за три десятилетия, предшествующие созданию национальной академии наук, поднялись до уровня, отвечающего требованиям европейской науки того времени (*Brandt M. Društvene nauke u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. – Kolo, br. 17, Zagreb, 1966, s. 398*).

Среди чешских лексических заимствований начального периода преобладают слова-термины, относящиеся главным образом к перечисленным гуманитарным наукам. Лишь позднее, в 60-е и последующие годы XIX в., после создания нескольких хорватских терминологических словарей и основания академических печатных органов, среди чешских заимствований в научном обиходе преобладающими станут термины физики, математики, оптики, физиологии, химии.

²⁰ Людевит Вукотинович (1813–1893 гг.) – в юности один из ближайших соратников Л. Гая. Будучи энциклопедически образованным человеком, увлекался поэзией, драматургией, публицистикой; писал научные работы по археологии, экономике, географии, геологии, минералогии, ботанике.

¹³ Моисеенко В.Ю. Про деякі шляхи та джерела запозичення чеської наукової термінології в літературній мові хорватів періоду національного відродження. – Проблеми слов'язнознавства, вип. 23. Львів, 1981, с. 115–122.

¹⁴ Vince Z. Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1978, s. 546.

¹⁵ Ягич И.В. История славянской филологии. Вып. 1. СПб, 1910, с. 429.

С начала 40-х годов XIX в. в общественной и экономической жизни хорватского общества наблюдается оживление²¹. Этому в немалой степени способствует основание первых хорватских экономических обществ с собственными печатными информативными органами, такими как, например, газета "Господарски лист". В эти же годы закладываются основы первых хорватских научных обществ — основываются минералогическая, зоологическая и ботаническая коллекции (1843–1846 гг.), ставшие впоследствии самостоятельными научными учреждениями в составе Югославянской академии²²; открываются "Югославянская сельскохозяйственная опытная станция" (1847 г.) и метеорологическая обсерватория (1853 г.).

К этому же периоду относится и создание первых хорватских оригинальных научных и научно-популярных изданий. Одной из первых таких работ стала выпущенная в Загребе в 1843 г. отдельной книгой "География иллирийских земель" ("Zemljopis pokrajina ilirskih") Д. Селяна, представляющая собой попытку научного описания австрийской части югославянских провинций. В книге встречаются следующие географические термины чешского происхождения: *mjestopis*, *pobrežje*, *podneban*, *podnebjje*, *razvodje*, *sníženost obzoru*, *sugorje*, *zemljopisje*, *zemljopisac*, *zemljopisni*, *vodopis* и др.²³

Лингвистические термины чешского происхождения, такие как: *podmet*, *predmet*, *pridavak* (*pridavno ime*), *prislovo* (*prislovce*), *samostavnik* (*samostavno ime*), *skladnja*, *spojka*, *zaima* (*zaimeno*, *zaimenik*), *izkriknik*, обнаруживаем в школьных грамматиках и хрестоматиях: в "Иллирийской грамматике" (Ilirska slovnica, 1854) В. Бабукича; "Хрестоматии для старших классов гимназии" (Citanka za gornje gimnazije. I dio. U Beču, 1856) А. Мажуранича, А. Вебера, М. Месича; "Грамматике..." (Pismovnik ili naputak dr. Stjepana Pliševica. U Beču, 1859) С. Илиашевича и других.

Терминологическая лексика из области искусства, а также этнографии и истории находится в изобилии на страницах научного периодического издания "Архив истории южных славян" (Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. Zagreb, 1851–1875), основанного и издаваемого И. Кукулевицем. Для нашей темы интерес в этом издании представляют в первую очередь такие работы самого И. Кукулевица, как: "Югославянские первопечатники XV и XVI века" (Tiskari jugoslaver ski XV i XVI vieka. — Arkiv I. Zagreb, 1851), "Искусство и литература" (Umjetnost i književnost. — Arkiv II. Zagreb, 1852), а также четыре тетради его капитального, но не законченного "Словаря югославянских художников" (Slovník umjetnikah jugoslavenskih. Zagreb, 1858–1860). Ср. лишь некоторые богемизмы из этих его работ: *buditelj*, *gudba*, *hvalospjev*, *knjigopis*, *ličiti*, *ljepenka*, *medjuigra*, *nabožan*, *obred*, *osoba*, *poprsje*, *predočiti*, *prvopis*, *pud* (*Instinkt*), *rodopis*, *slovesnost*, *spjevoigra*, *upozoriti*, *velebnost*, *žalospjev* и другие.

²¹ Karaman J. Ekonomske prilike u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. — Kolo, br. 7, Zagreb, 1966, s. 180–193.

²² Ravlić J. Matica hrvatska 1842–1962. Zagreb, 1963, s. 58–59.

²³ Географическая терминология и номенклатура чешского происхождения содержится также в "Географии и истории Боснии" (Zemljopis i povjestnica Bosne od Slavoľjuba Bošnjaka, 1851), "Топографическом словаре Далмации, Хорватии, Славонии" (Miestopisni riečnik kraljevinah Dalmacije, Hrvatske, Slavonije) В. Сабляра и некоторых других, изданных в Загребе в этот период книгах.

После отмены латыни и немецкого как языков официального делопроизводства, с 1848 г. в хорватских школах вводится преподавание ряда дисциплин на родном языке²⁴. С этого момента особенно ошутимым становится отсутствие написанных на хорватском языке книг, в первую очередь школьных учебников. Со стороны передовой части хорватской интеллигенции возрастает интерес к проблемам школьного образования, созданию учебной литературы для нужд хорватской школы.

Издание хорватских оригинальных школьных учебников и пособий открывают методические наставления, написанные Л. Вукотиновичем (Nješto o školah pučkih. Rieč u pravo vrijeme. Zagreb, 1844). В последующие годы создано несколько школьных учебников и хрестоматий. Часть из них составили анонимные издания. Это, например, Ilirsko-njemačka citanka za mladež. Zagreb, 1850, в которой помимо подборки текстов помещены описания простейших химических и физических опытов, некоторых явлений природы. Среди богемизмов в этой книге встречаются и такие, которые в литературном языке хорватов в дальнейшем не прижились: *gmota*, *latka*, *pijestovati*, *prospjeh*, *prednašati*, *zagnjuvati*, *žegnati* и некоторые другие. В 50-е годы XIX в. несколько своих учебников издает И. Парташ. Это его "Pravopis ilirskoga jezika", "Početno nazivoslovlje za porabu nižih zavoda i za samouke", "Početno nazivoslovlje iliti fizika", на страницах которых встречаем новые заимствованные из чешского слова, такие как: *članit* (*nečlanit*), *dojam*, *dokaz*, *dvojnost*, *imenovatelj* (*imenitelj*), *iznimka*, *kutomjer*, *mimozor*, *možan*, *objem*, *obratnik*, *paromjer*, *povrh*, *pronicati*, *protučinost*, *sitnozor*, *surednost*, *toplomjer*, *živalj* и др.

Несмотря на предпринимаемые хорватской интеллигенцией усилия по созданию учебной литературы на родном языке, ее все еще не хватало. Поэтому наряду с оригинальными работами хорватских авторов, в Загребе и Вене издавалось значительное количество переводной учебной литературы, главным образом с чешского и немецкого языков²⁵.

Большую работу, связанную с переводом литературы, осуществлял образованный в 1842 г. по образцу других славянских просветительских центров издательский фонд "Матица хорватска" (с момента образования и до начала 70-х годов XIX в. — "Матица иллирска"), который главной своей целью ставил "распространение на родном языке среди молодежи достижений современной науки"²⁶. "Матица" поощряет деятельность переводчиков. По предложению ее вице-президента И. Кукулевица учреждаются две денежные премии "за хорошие переводы полезных книг по естествознанию"²⁷. Историк "Матицы" Т. Смичиклас писал в то время о состоянии переводческого дела в Хорватии: "Кто умел, переводами не занимался, а кто не умел, — работа того награды не заслуживала... Из-за отсутствия

²⁴ Jonke Lj. Književni jezik u teoriji i praksi. s. 265.

²⁵ О высокой репутации чешских учебников, широко используемых в хорватских школах на протяжении нескольких десятилетий, неоднократно упоминает Ф. Рачки, занимавший в начале 60-х годов XIX в. пост инспектора хорватских школ в австрийском министерстве просвещения (Rački F. Akademik Mato Mesić. — Rad JAZU, knj. XLVII. Zagreb. 1879, s. 232–235).

²⁶ Blašković V. Prirodne nauke u doba hrvatskog narodnog preporoda. — Kolo, br. 18, Zagreb, s. 393.

²⁷ Там же, с. 393.

единых правил в языке у нас хороших переводчиков трудно найти. Наши литераторы эту проблему усугубили еще тем, что по примеру братьев чехов стали увлекаться пуризмом, почти каждое чужое слово переводя на свой язык"²⁸.

К переводам чешской учебной литературы удалось привлечь некоторых известных деятелей хорватской науки и просвещения. Среди них был обучавшийся некоторое время в Карловом университете и свободно владевший чешским языком будущий академик М. Месиц²⁹. Он перевел несколько чешских учебников: "Основы географии" (Počátkové zeměpisu) Беллингера, "Историю Австрийской империи" (Děje mocnářství rakouského) Томака и другие. Общеизвестен и вклад Б. Шулека, словака по происхождению, переведившего с чешского на протяжении всей своей многолетней научной деятельности³⁰. Первой книгой, изданной целиком на средства "Матицы", была "Флора" (Cvjetana, 1848) Б. Шулека — первая часть его же учебника естествознания для гимназий. Эта книга, представляющая собой переработанный вариант "Флоры чешской" (Květena česká) Я.С. Пресла, имела широкое хождение не только среди гимназической молодежи, но и в более широком кругу хорватского читателя, и по праву заняла почетное место в истории развития естественных наук и популяризации их основ в Хорватии³¹. Во "Флоре" Б. Шулека имеются чешские заимствованные термины ботаники, многие из которых являются неологизмами чешских будителей. Ср. такие как: *cvjetana, leken, lekura, objev, pel(lud), pestić, očas, strom* и др. Чешская заимствованная терминология и номенклатура из этой книги была затем перенесена Б. Шулеком в изданный 20 лет спустя под эгидой Югославянской академии *Jugoslavenski imenik bilja* (Zagreb, 1879), по мнению специалистов не потерявший научной ценности до сего дня.

Анализ доступных хорватских изданий, оригинальных и переводных, охватывающих различные отрасли знания, с точки зрения наличия в них чешских лексических элементов, позволяет сделать вывод о том, что чешская заимствованная лексика проникает практически во все функциональные сферы литературного языка, распределяется по тем же лексико-семантическим разрядам, что и исконный хорватский словарный фонд. Отсутствие терминологических сфер, непроницаемых для богемизмов, говорит о большом функциональном разнообразии последних.

Одним из интересных специфических социолингвистических факторов, существенно повлиявшим на формирование языка хорватской науки и просвещения, явилась деятельность в хорватских землях многочисленных чешских переселенцев³². По мнению Д. Брозовича, "они (т.е. чехи-

иммигранты. — В.М.) оставили на славянском юге следы своего языка от Словении до Болгарии"³³. Испытывая у себя на родине давление и конкуренцию со стороны немецких специалистов, чешские учителя, инженеры, агрономы и т.п. с конца XVIII в. переселялись в те провинции Австрийской империи, где находили приемлемые для себя условия. Многие из числа чешских переселенцев в Хорватии занимались педагогической деятельностью, заслужив признание на этом поприще.³⁴ Среди них был, например, почетный гражданин Загреба В. Маржик, несколько десятилетий преподававший в гимназиях Вараждина, Триеста, Загреба и написавший несколько школьных учебников по естествознанию и географии³⁵. Он сотрудничал в загребском журнале "Наприед" (Naprijed), освещавшем вопросы педагогики и школьного образования, был в числе организаторов "Хорватского педагогического литературного кружка" (Hrvatski pedagogijski književni zbor), членами которого являлись и другие чешские переселенцы: преподаватели загребских гимназий Шах и Пескидер, их коллега из реального училища Старк, преподаватель Вараждинской гимназии Вольпрехт и другие³⁶. При непосредственном участии преподавателей — чехов по линии "Матицы чешской" и частных благотворительных обществ в 40–60-е годы прошлого века в хорватских учебных заведениях было укомплектовано более 20 библиотек с учебной и художественной литературой на чешском языке³⁷. Первый президент Югославянской академии наук Ф. Рачки, например, изучил чешский язык в молодые годы, пользуясь чешской библиотекой, организованной при гимназии в Сене³⁸.

Чешская интеллигенция, проживающая в Хорватии, тесно сотрудничала с известными общественными деятелями, представителями хорватской науки и культуры, в том числе в учреждении академии наук и университета. Ф.Б. Коржинек — высококвалифицированный педагог и талантливый журналист, стал одним из первых сотрудников издаваемого В. Ягичем журнала "Книжевник", в течение многих лет осуществлял посредничество между "Матицей хорватской" и пражской редакцией "Научного словаря" (Slovník naučný, Praha, 1860–1896) Ф.Л. Ригера, явившегося для хорватских лексикографов важным источником новейшей инфор-

Окончание сноски

Венгрии) колония чешских переселенцев, насчитывающая более 120 тыс. человек (Auerhan J., Turčin R. Češi a Slováci za hranicemi. — Československá vlastivěda, díl 5. Praha, 1931, s. 498–499).

³³ Brozović D. Češki standardni jezik kao etalon u doba slavenskih narodnih preporoda. — In: Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Praha, 1974, s. 46.

³⁴ В хорватской столице и провинциальных городах, где в 1-й половине XIX в. функционировало всего несколько гимназий, реальное училище и частные пансионы, к 70-м годам прошлого века были основаны университет, лесотехническая академия, др. специальные учебные заведения.

³⁵ Šimčík A. Václav Zábaj Mařík. — Československo-jugoslávská revue, 1. Praha, 1931, s. 110–111.

³⁶ Češi a jihoslovani v minulosti. Praha, 1975, s. 425.

³⁷ В Вараждинской гимназии, например, многие годы функционировала чешская библиотека, основанная и укомплектованная при непосредственном участии Вац. Ганки (Pražské noviny, 13.8.1856, s. 191).

³⁸ Rački F., Pavlinović M., Nodilo N., Lorković B. Izbori iz djela. Zagreb, 1969, s. 7.

²⁸ Smeđiklas T., Marković F. Matica hrvatska za god. 1842–1892. Zagreb, 1892, s. 28.

²⁹ Rački F. Akademik Mato Mesić. — Rad JAZU, knj. XLVII, Zagreb, 1879, s. 222–229.

³⁰ Maixner R., Esih J. Bibliografija radova dra B. Šuleka. — In: Šulek B. Izabrani članci. Zagreb, 1952, s. 34–43.

³¹ Предлагаю учебник "Матице", Б. Шулек не хотел переводить его на немецкий язык, объясняя это тем, что "ботаника — такая наука, которую наша молодежь должна и может выучить на родном языке, т.к. все остальные науки преподаются на чужом языке" (Цит. по статье: Blažković V. Prirodne nauke u doba hrvatskog narodnog preporoda, s. 394).

³² Еще в начале 20-х годов нынешнего столетия на территории Югославии (преимущественно в Хорватии) проживала третья по численности (после Австрии и

мации по различным отраслям знания. Велики заслуги Коржинека и в создании учебной литературы для хорватских школ³⁹.

Являясь авторами школьных учебников, научно-популярных и других изданий, осуществляемых в Загребе и провинциальных городах Хорватии, чешские переселенцы вместе с тем оказывались и проводниками чешского языкового влияния. Многие из их числа специальное образование получили в чешских университетах, хорватским языком до конца своих дней владели недостаточно свободно и невольно приносили черты своего родного языка в выходящие из-под их пера работы⁴⁰. С точки зрения содержания в них чешских языковых элементов (фонетических, словообразовательных, синтаксических), наиболее интересны, по нашему мнению, следующие такого рода издания: 1) подготовленные В. Маржином вольные переложения нескольких чешских школьных учебников (Ivana Kopeckoga prirodoslovije za pučke, obrtničke i više djevojačke škole, Zagreb, 1856; Alojzija Pokornoga pouka u botaniku, Zagreb, 1871 и др.); 2) созданный им же "Kratki prirodopis," 1873; 3) изданная в Карловце учителем Й. Житкой брошюра "O brojnim znacima i brojevima", 1862; 4) две брошюры преподавателя гимназии из Винковиц О. Кучеры под общим названием "Istraživanja o vjetrovih", 1871; 5) его же Опажке o fizikalnoj obuki u gimnaziji; 6) Meteorologijska opažanja (1879) учителя из Раковца Й. Емницкого; 7) серия отдельных книжек школьного учителя А. Ласки, которые выходили в 70-е годы прошлого века в Загребе, Осиеке, Пожеге: O novoj fizikalnoj teoriji, Prilog k fizikalnim teorijam, Edlindova teorija munjevnih pojava, Kosmologija и другие.

Опираясь на результаты собственных наблюдений и прибавив к ним некоторые библиографические данные из статьи Б. Шулека "Наш прогресс в естественных науках"⁴¹, можем сделать вывод о том, что количество хорватских книг, переведенных с чешских оригиналов, а также работ чешских переселенцев, которые были опубликованы в исследуемый период, превышает сто наименований. Причем, если в гуманитарных науках

³⁹ Klaić Vj. I. B. Kořínek. – Nastavni vjesnik. Zagreb, 1921, s. 208.

⁴⁰ Примером, наглядно иллюстрирующим проникновение чешских языковых элементов в хорватский печатный текст, может служить выборка из статьи чешского переселенца, профессора славистики Загребского университета Л. Гейтлера "O parasitskih gutturalih iza dentalah u litavskih i slavenskih jezicih (Rad JAZU, knj. XLIV. Zagreb, 1878, s. 122–149). Здесь встречаются непривычные для хорватского, но свойственные чешскому правописанию особенности написания в словах греко-латинского происхождения, перенесенные в текст: а) на месте полагающей в хорватском слове буквы *i* находится *y* (*etymolog* вместо *etimolog*); б) *x* вместо *ks* (*suffix* вместо *sufiks*); в) частое написание удвоенных согласных, для хорватского правописания совершенно нехарактерное (*guttural*, *process* и др.); г) характерное для чешского языка написание *s* на месте узаконенного хорватского *z* (*parasitski*, *musej* вместо *parazitski*, *muzej*). Очевиден перенос фонетико-морфологических особенностей чешского языка в корни и суффиксы хорватских слов: *česki* вместо *češki*; *etymologicki* вместо *etimologijski* или *etimološki*. Особенно много в тексте статьи чешской лексики, которая отсутствует даже в изобилующем некритически заимствованными ботемизмами "Словаре научной терминологии" Б. Шулека. Ср. лишь следующие: *iskriknik*, *lotiščina*, *litavština*, *sustavnost*, *visuvka* и некоторые другие.

⁴¹ Šulek B. Naš napredak u prirodnih znanostih. – Rad JAZU, knj. 80. Zagreb, 1885, s. 126–145.

имена чешских авторов встречаются сравнительно редко, то в точных и естественных науках число их несколько значительнее.

С именами видных чешских ученых связано основание первой на славянском юге академии наук, преподавание в Загребском университете – первом у южных славян. Почетными членами Югославянской академии наук и искусств являлись известные всей Европе чешские ученые и мыслители: Ф. Палацкий, К.Я. Эрбен, Я.Е. Пуркине, действительными членами – преподававшие в Загребском университете математик К. Заградник, химик и физиолог Г. Янечек, физик В. Дворжак, славист Л. Гейтлер, историк и юрист Й. Ганел и другие. С Загребским университетом поддерживали контакты такие известные чешские ученые, как проф. права Карлова университета А. Ранда, проф. математики пражской Политехники Е. Вейр, проф. В. Кржижек, К. Худоба, Й. Эмлер и другие⁴². Кроме университета ученые-чехи преподавали в других хорватских высших учебных заведениях. Так, например, ведущим специалистом Загребской лесотехнической академии на протяжении многих лет оставался проф. В. Главинка⁴³.

В академическом печатном органе "Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti" публиковали свои труды видные чешские ученые: слависты М. Гаттала и Й. Полипка, математик Ф. Студничка, ботаник Л. Челаковский, геолог Я. Крейчи, топограф Ц. Коржистка, зоологи Е. Барта, А. Славик, Е. Локай, историк В. Томек и другие⁴⁴. Свои статьи, обзоры, рецензии в этот печатный орган посылали и другие чешские корреспонденты: Й. Вала, Е. Боржишки, Г. Лаубе, Ф. Росицки и т.д.⁴⁵

В распространении чешского языка не последнюю роль сыграли разбросанные по территории всей Хорватии чешские землячества и клубы. Они занимались распространением чешского печатного слова среди хорватской интеллигенции, проведением чешских национальных вечеров. Самыми известными среди них были основанные в Загребе в 1874 г. общество любителей чешского языка "Чешская беседа" под председательством профессионального литератора И.В. Фрича и клуб с тем же названием⁴⁶.

В обмене научной информацией между Прагой и Загребом и в 60–80-е годы XIX в. продолжали участвовать многочисленные представители чешской науки и культуры: Ф.Л. Ригер, А. Шембера, Ч. Зибрт, А. Патера, Й. Эмлер, А. Врятко, Я. Крейчи, К. Сладковски и многие другие⁴⁷.

Спортивно-гимнастическая лексика является последней в ряду чешских терминологических заимствований в XIX в. В процессе ее заимствования важное место принадлежит первой хорватской спортивно-патриотической организации "Хорватский сокол", образованной в 1874 г.⁴⁸, а также орга-

⁴² Spomenica na svetčano otvaranje Kraljevskog sveučilišta. Zagreb, 1874, s. 1–201.

⁴³ Nenadić D. Djelovanje prof. ing. V. Hlavinke u Hrvatskoj. – Československo-jugoslávská revue, 4. Praha, 1934, s. 32–34.

⁴⁴ Ljetopis JAZU za god. 1877–1887. Zagreb, 1887, s. 1–54.

⁴⁵ Ljetopis JAZU za god. 1891. Zagreb, 1892, s. 55–62.

⁴⁶ Češi a jihoslované v minulosti. Praha, 1975, s. 445.

⁴⁷ Eših J. Co daly Češi a Slováci Hrvatům. – Československo-jugoslávská revue 9, 1939, s. 147–156; а также: Ratković M. Croatika iz pražkih arhivů. – Gradja za povijest književnosti hrvatske, knj. XIII, 1938, s. 152–168.

⁴⁸ Bučar F. Povijest Hrvatskog Sokola–Matice u Zagrebu 1874–1885. Zagreb, 1925, s. 68.

низованным в последующие годы по образцу пражского "Сокола" клубам в Вараджине, Бьеловаре, Задаре и других городах Хорватии⁴⁹.

О влиянии чешского языка на процесс становления спортивной терминологии в некоторых славянских языках, в том числе хорватском, писали Б. Гавранек и другие исследователи⁵⁰. Говоря о хорватской спортивной терминологии, можно смело утверждать, что главная заслуга в создании ее основ принадлежит целому поколению в большинстве своем безымянных хорватских студентов, обучавшихся на рубеже двух веков в университетах Праги, Брно, Оломоуца и глубоко воспринявших идеи сокольского движения. Именно они во главе с пионером хорватского физкультурного движения М. Зоричем организовали первый "Хорватский академический спортивный клуб". По мнению хорватского исследователя В. Анича, стремление этого поколения создать спортивную терминологию на родном языке в своей основе опиралось на чешский образец, который состоял в замене как можно большего количества слов иностранного происхождения хорватскими неологизмами или заимствованиями из других славянских языков⁵¹.

Первые спортивно-гимнастические термины, созданные под чешским влиянием (например, *Tjelovježba* и его производные — из чешск. *těloví*⁵²), зафиксированы уже в издании "Юридическая и политическая терминология" (1853 г.). Основной массив чешских заимствований, таких как: *bod*, *igrište*, *Sokol*, *sokolana*, *slet* и другие, относится к 70–80-м годам прошлого столетия⁵³.

Объединив весь разрозненный материал, касающийся чешских лексических заимствований в литературном языке хорватов, можно прийти к заключению, что в 30–80-е годы XIX в. на страницах хорватских печатных изданий происходит своеобразный смотр всех имеющихся в наличии лексических ресурсов, в числе которых и многочисленные бжемы, которыми располагает литературный язык для выражения тех или иных научных или специальных понятий. Хотя язык упомянутых в статье печатных хорватских изданий периода национального возрождения не является самым совершенным и обработанным среди прочих типов литературного выражения, он дает разнообразный материал для дальнейших лингвистических наблюдений как в плане формирования стилистических разновидностей складывающегося национального литературного языка, так и в плане формирования его лексического состава.

⁴⁹ С 1877 г., когда сокольское движение в Загребе возглавил квалифицированный чешский тренер Ф. Гохман, оно пускает в Хорватии глубокие корни, насчитывая к началу 90-х годов прошлого века около 10 тыс. членов (*Scheiner J. Sokolstvo*. — In: *Slovanstvo. Obraz jeho minulosti a přítomnosti*. Praha, 1912, s. 47).

⁵⁰ *Havránek B. Studie o spisovném jazyce*. — Praha, 1963, s. 326; а также: *Мельников Е.И.* К вопросу о чешских элементах в современном русском языке (Спортивно-гимнастическая лексика). — *Ceskoslovenská rusistika* 3, 1961, с. 140 и след.

⁵¹ *Anić V. Naša najstarija pravila i terminologija Association Football*. — In: *Zadarska revija* (Zadar), 1977, knj. 21, sv. 3–4, s. 249–253.

⁵² *Maretić T. Gramatika i stilistika*. I izd. Zagreb, 1899, s. 687.

⁵³ Случаи спорадического заимствования отдельных чешских спортивных терминов для обозначения названий новых видов спорта, спортивного инвентаря, таких как: *kopačke*, *košarka*, *odbojka*, *petoboj*, *troškok* и другие, наблюдаются также в первые десятилетия нынешнего столетия, когда чешские заимствования из других терминологических сфер уже давно и окончательно прекратились.

ИЗ ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ГЕРМАНИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Процесс формирования и развития славянских литературных языков в эпоху национального возрождения характеризуется стремительным слиянием литературно-книжных и народно-разговорных стихий. Показательно при этом, что хотя в начале этого процесса исходом литературного языка могла стать и книжно-письменная традиция (как это было в чешском языке), народно-разговорная стихия в конце концов становилась доминантой его развития. Поэтому историко-лингвистический анализ славянской лексики эпохи национального возрождения — это прежде всего изучение роли народно-разговорного фонда в процессе становления литературного языка и взаимодействие этого фонда с другими лексическими пластами.

При исследовании лексики разграничение народно-разговорных, исконных элементов и книжно-письменных или заимствованных в большинстве случаев не представляет принципиальных трудностей: его объективность определяется чаще всего надежным фактическим материалом, имеющим четкую хронологическую фиксацию. Даже такие проблематичные вопросы, как диагностика межславянского заимствования, осложненная близким родством славянских языков, решаются весьма объективно, ибо опираются на хорошо документированные факты¹.

Иное дело — такое разграничение в области фразеологии. В славистике почти нет работ, где бы даже ставился вопрос о подобном разграничении. И эта лакуна связана не только с общей неразработанностью проблем диахронической фразеологии². Она обусловлена прежде всего объективными свойствами фразеологии как особого структурно-семантического уровня языка — свойствами, создавшими большие трудности диахронической интерпретации фразеологизмов.

Фразеологические единицы в стилистическом отношении резко отличаются от лексем. Если лексика в основной своей массе стилистически нейтральна, то фразеология — всегда характеристична и экспрессивна. Для нее нейтральное — это и есть разговорное: не случайно большинство фразеологических словарей, изданных в последнее десятилетие, либо не сопровождают разговорно окрашенные фразеологизмы стилистическими пометами, либо почти для каждого из них дают помету *разг.* Все остальные стилистические регистры — просторечный, диалектный, сленговый, книжно-литературный, публицистический (в рамках которых можно дифференцировать и функционально-стилистические типа грубый, неодобритель-

¹ Ср. некоторые работы по данной проблематике: *Арашонкава А.У.* Аб так званых паланізмах у беларускай мове. — Весті АН БССР. Сер. грамад. навук, Мінск, 1963, № 2, с. 85–95; *Лилич Г.А.* Роль русского языка в становлении словарного состава чешского национального литературного языка (конец XVIII — начало XIX века). Автореф. докт. дисс. Л., 1977; *Мельников Е.М.* К вопросу о чешских элементах в современном русском языке (спортивно-гимнастическая лексика). — *Ceskoslovenská rusistika*, 1961, N 3, s. 140–148.

² О методах диахронического и сопоставительного анализа славянской фразеологии подробнее см.: *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1980.

низованным в последующие годы по образцу пражского "Сокола" клубам в Вараджине, Бьеловаре, Задаре и других городах Хорватии⁴⁹.

О влиянии чешского языка на процесс становления спортивной терминологии в некоторых славянских языках, в том числе хорватском, писали Б. Гавранек и другие исследователи⁵⁰. Говоря о хорватской спортивной терминологии, можно смело утверждать, что главная заслуга в создании ее основ принадлежит целому поколению в большинстве своем безымянных хорватских студентов, обучавшихся на рубеже двух веков в университетах Праги, Брно, Оломоуца и глубоко воспринявших идеи сокольского движения. Именно они во главе с пионером хорватского физического движения М. Зоричем организовали первый "Хорватский академический спортивный клуб". По мнению хорватского исследователя В. Анича, стремление этого поколения создать спортивную терминологию на родном языке в своей основе опиралось на чешский образец, который состоял в замене как можно большего количества слов иностранного происхождения хорватскими неологизмами или заимствованиями из других славянских языков⁵¹.

Первые спортивно-гимнастические термины, созданные под чешским влиянием (например, *Tjelovježba* и его производные — из чешск. *tělovčik*⁵²), зафиксированы уже в издании "Юридическая и политическая терминология" (1853 г.). Основной массив чешских заимствований, таких как: *bod*, *igrište*, *Sokol*, *sokolana*, *slet* и другие, относится к 70–80-м годам прошлого столетия⁵³.

Объединив весь разрозненный материал, касающийся чешских лексических заимствований в литературном языке хорватов, можно прийти к заключению, что в 30–80-е годы XIX в. на страницах хорватских печатных изданий происходит своеобразный смотр всех имеющихся в наличии лексических ресурсов, в числе которых и многочисленные бегимизмы, которыми располагает литературный язык для выражения тех или иных научных или специальных понятий. Хотя язык упомянутых в статье печатных хорватских изданий периода национального возрождения не является самым совершенным и обработанным среди прочих типов литературного выражения, он дает разнообразный материал для дальнейших лингвистических наблюдений как в плане формирования стилистических разновидностей складывающегося национального литературного языка, так и в плане формирования его лексического состава.

⁴⁹ С 1877 г., когда сокольское движение в Загребе возглавил квалифицированный чешский тренер Ф. Гохман, оно пускает в Хорватии глубокие корни, насчитывая к началу 90-х годов прошлого века около 10 тыс. членов (*Scheiner J. Sokolstvo*. — In: *Slovanstvo. Obraz jeho minulosti a přítomnosti*. Praha, 1912, s. 47).

⁵⁰ *Havránek B. Studie o spisovném jazyce*. — Praha, 1963, s. 326; а также: *Мельников Е.И.* К вопросу о чешских элементах в современном русском языке (Спортивно-гимнастическая лексика). — *Ceskoslovenská rusistika* 3, 1961, с. 140 и след.

⁵¹ *Anić V. Naša najstarija pravila i terminologija Association f'ootball*. — In: *Zadarska revija (Zadar)*, 1977, knj. 21, sv. 3–4, s. 249–253.

⁵² *Maretić T. Gramatika i stilistika*. I izd. Zagreb, 1899, s. 687.

⁵³ Случаи sporadического заимствования отдельных чешских спортивных терминов для обозначения названий новых видов спорта, спортивного инвентаря, таких как: *kopačke*, *košarka*, *odbojka*, *petoboj*, *troškok* и другие, наблюдаются также в первые десятилетия нынешнего столетия, когда чешские заимствования из других терминологических сфер уже давно и окончательно прекратились.

ИЗ ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ГЕРМАНИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Процесс формирования и развития славянских литературных языков в эпоху национального возрождения характеризуется стремительным слиянием литературно-книжных и народно-разговорных стихий. Показательно при этом, что хотя в начале этого процесса исходом литературного языка могла стать и книжно-письменная традиция (как это было в чешском языке), народно-разговорная стихия в конце концов становилась доминантой его развития. Поэтому историко-лингвистический анализ славянской лексики эпохи национального возрождения — это прежде всего изучение роли народно-разговорного фонда в процессе становления литературного языка и взаимодействие этого фонда с другими лексическими пластами.

При исследовании лексики разграничение народно-разговорных, исконных элементов и книжно-письменных или заимствованных в большинстве случаев не представляет принципиальных трудностей: его объективность определяется чаще всего надежным фактическим материалом, имеющим четкую хронологическую фиксацию. Даже такие проблематичные вопросы, как диагностика межславянского заимствования, осложненная близким родством славянских языков, решаются весьма объективно, ибо опираются на хорошо документированные факты¹.

Иное дело — такое разграничение в области фразеологии. В славистике почти нет работ, где бы даже ставился вопрос о подобном разграничении. И эта лакуна связана не только с общей неразработанностью проблем диахронической фразеологии². Она обусловлена прежде всего объективными свойствами фразеологии как особого структурно-семантического уровня языка — свойствами, создавшими большие трудности диахронической интерпретации фразеологизмов.

Фразеологические единицы в стилистическом отношении резко отличаются от лексем. Если лексика в основной своей массе стилистически нейтральна, то фразеология — всегда характеристична и экспрессивна. Для нее нейтральное — это и есть разговорное: не случайно большинство фразеологических словарей, изданных в последнее десятилетие, либо не сопровождают разговорно окрашенные фразеологизмы стилистическими пометами, либо почти для каждого из них дают помету *разг.* Все остальные стилистические регистры — просторечный, диалектный, сленговый, книжно-литературный, публицистический (в рамках которых можно дифференцировать и функционально-стилистические типа грубый, неодобритель-

¹ Ср. некоторые работы по данной проблематике: *Арашонкава А.У.* Аб так званных паланізмах у беларускай мове. — *Весті АН БССР. Сер. грамад. навук*, Мінск, 1963, № 2, с. 85–95; *Лилич Г.А.* Роль русского языка в становлении словарного состава чешского национального литературного языка (конец XVIII — начало XIX века). Автореф. докт. дисс. Л., 1977; *Мельников Е.М.* К вопросу о чешских элементах в современном русском языке (спортивно-гимнастическая лексика). — *Ceskoslovenská rusistika*, 1961, N 3, s. 140–148.

² О методах диахронического и сопоставительного анализа славянской фразеологии подробнее см.: *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1980.

ный, вульгарный и под.) — в количественном отношении значительно уступают разговорному и в то же время являются постоянными его источниками. Известно, что многие диалектизмы типа рус. *бить баклуши*, польск. *zbijać bąki*, чеш. *nechat koho na holičkách*, болг. *да не ти е уроки* органически вписались в фразеологическую систему соответствующих литературных языков и стали разговорно-нейтральными.

Активный пласт разговорной фразеологии столь же ограничено впитывает в себя и заимствованные словосочетания. Спецификой фразеологических заимствований является почти исключительное предпочтение калькирования прямому заимствованию, стремление к дословной передаче образа и структуры фразеологического источника средствами родного языка³. Такая передача способствует органическому вращению иноязычного оборота в язык-рецептор и приводит к быстрому освоению его не только в литературной речи, но и в живой разговорной стихии. Этот специфичный для фразеологии факт пронизательно подчеркивал В.В. Виноградов, иллюстрируя его историей заимствованного выражения *стих нашел* в русском языке: "Когда говорят о народной или простонародной, "фольклорной" лексике, то обычно имеют в виду прежде всего исконный (пра-славянский или общевосточнославянский) морфологический инвентарь словаря. Такое ограничение материала отчасти оправдывается этимологической точкой зрения на состав лексики. Но было бы ошибочно отрицать глубокое проникновение в народную русскую стихию и в ее семантический строй лексических элементов, заимствованных русским языком извне. В некоторых пластах иноязычных заимствований вся семантическая структура овеяна русским народным духом, народным миропониманием, естественно, иногда отражающим духовную культуру далекого прошлого"⁴.

Яркость образа, экспрессия переносного значения, популярность выражения в художественной литературе и публицистике — вот причины, обуславливающие обычно активное внедрение фразеологических заимствований в тот или иной язык. Такие кальки из французского как, например рус. *не в своей тарелке*, *заморить червячка*, *ехать зайцем* или чеш. *mít smůlu*, *holka pro všechno*, *vypálit komu rybník*, органично вошли в идиоматическую систему соответствующих языков. Многие подобные кальки нередко трактуются историками фразеологии как национально-самобытные обороты с большим лингвострановедческим подтекстом.

К идиомам такого рода относится и русское выражение *отложить в долгий ящик*, национальная самобытность которого издавна подчеркивается и лексикографами, и этимологами, и популяризаторами науки о языках. Так, в предисловии к популярной книге Э.А. Вартаньяна писатель Л.В. Успенский пишет, что "поговорки, вроде *на всю Ивановскую кричать*,

погибоща, *аки обре* или *зарубить на носу*, возникли, разумеется, у нас дома: никто из иностранцев и не слыхал ни про коломенские верстовые столбы (смотри *коломенская верста*) ни про долгие ящики (смотри *в долгий ящик положить*); если они о них и знают, то только от нас"⁵.

Столь уверенное отнесение фразеологизма о долгом ящике к исконно русской идиоматике обусловлено в первую очередь традиционной этимологической интерпретацией, связывающей его с конкретным периодом русской истории — правлением царя Алексея Михайловича (1645—1676 гг.). По этой версии, царь велел прибить долгий, т.е. длинный ящик на столбе у своего дворца в Коломенском. В этот ящик опускались челобитные, которые Алексей Михайлович ежедневно прочитывал (до его правления челобитные на имя царя обычно оставались на гробницах царских предков в Архангельском соборе). Ящик был длинным якобы из-за вытянутых в длину свитков, на которых писались все документы до Петра Первого, заменившего их листами голландского формата. Ответы царских волокитечиков на челобитные и рассмотрение ими жалоб были очень нескороными, что будто бы и обусловило переносный смысл выражения — "надолго задержать решение какого-либо дела", "дать делу неопределенно длительную отсрочку".

Такое "историческое" толкование фразеологизма в качестве единственного давно уже отражено словарем В.И. Даля: "при Алексее Михайловиче был долгий ящик для опускания в него просьб"⁶. Не сомневаются в тесной исторической связи выражения *отложить в долгий ящик* с обычаем, установленным Алексеем Михайловичем, и такие крупные историки русского языка и русской этнографии, как Ф.И. Буслаев, М.И. Михельсон, С.В. Максимов⁷. Из современных лингвистов или популяризаторов языкознания эту трактовку принимают, например, М.М. Покровский, А.Г. Руднев, Г.А. Молочко и др.⁸

Другая группа паремистов и историков русского языка, подчеркивая исконность этого выражения и не отвергая его связи с "долгим ящиком" Алексея Михайловича, приводят одновременно и второе объяснение. Оно возводит фразеологизм к некоторым деталям судебной делопроизводства, якобы бытовавшего в допетровской Руси. Вот как, например, толкует оборот один из паремистов прошлого века Н.Я. Ермаков: "Долгий, продолговатый ящик был устроен царем Алексеем Михайловичем при дворце в Коломенском, в этот ящик желающие могли опускать челобитные на имя царя, который ежедневно сам прочитывал их. Хотя из царских теремов решение по таким челобитным выходило скорее, но, пройдя через руки бояр и дьяков, дело *волочилося*, и слухи про московскую волокиту, несмотря на устройство этого ящика, остались

⁵ Вартаньян Э.А. Из жизни слов. М., 1960, с. 10.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1955, с. 683.

⁷ Буслаев Ф. Русские пословицы и поговорки. — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, кн. 2. М., 1854, с. 144; Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии. Свое и чужое, т. II СПб., с. 77; Максимов С.В. Крылатые слова. М., 1955, с. 105—106.

⁸ Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 41; Руднев А.Г. Проблема фразеологии. Изд. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1960, с. 31; Молочко Г.А. Лексика и фразеология русского языка. Минск, 1974, с. 100.

³ См.: Talgren-Tuulio O.J. Locutions figurées calquées et non calquées. — In: Mémoires de la Société néo-philologique de Helsingfors, IX, 1932; Wade T.L.B. Indirect loans in German and Russian. — The Incorporated Linguist. (London), 1980, vol. 19, N 2, p. 43—48; Акуленко А.А. Интернациональность фразеологизма и интернациональность слова. — Вопросы фразеологии, вып. 5. Самарканд, 1972, с. 139—143; Солодухо Э.М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань, 1977 и др.

⁴ Виноградов В.В. Историко-этимологические заметки. V. — Этимология 1968. М., 1971, с. 164.

те же, а самый ящик из длинного превратился в долгий. Но вероятнее под долгим ящиком разумеется *рундук*, служивший в старинных приказах одновременно и скамьей для сидения, и архивным помещением, в котором дьяки сохраняли все бумаги. В последнем смысле *положить в долгий ящик* — соответствует нынешнему выражению: *положить под сукно*⁹. К сутяжническим традициям прежнего судопроизводства относит выражение *положить в долгий ящик* и И.И. Иллюстров¹⁰.

Примерно такого же мнения придерживается и Э.А. Вартаньян. Подвергая сомнению связь фразеологизма *отложить в долгий ящик* с рассмотрением челобитных Алексеем Михайловичем 300 лет назад, он пишет: "Трудно, однако, поручиться за точность этого объяснения: ведь говорим мы не "опустить" или не "положить", а "отложить в долгий ящик". Можно думать, что выражение наше скорее могло родиться позднее, в "присутствиях" — учреждениях XIX века. Тогдашние чиновники, принимая разные просьбы, жалобы и ходатайства, несомненно, сортировали их, раскладывая по разным ящикам. "Долгим" мог называться тот, куда откладывались самые неспешные дела. Понятно, что такого ящика просители боялись"¹¹.

Критическое отношение Э.А. Вартаньяна к традиционной этимологии кажется логически оправданным. Лингвистическая аргументация предлагаемого толкования, однако, недостаточно корректна. Уже в прошлом веке выражение могло употребляться и с глаголом *положить*, и с глаголами *попасть* или *пойти*: "Владыко может прислать свое благословение через две недели или через месяц, или еще положить бумагу Ялutorовского протопопа в длинный ящик" (И.Д. Якушкин, М.А. Фонвизину, апрель—июнь 1846 г.); "Вероятно, дело это (об убийстве. — В.М.) попало бы в очень длинный ящик, если бы где-то в Ишимском округе не попался какой-то пьяный целовальник, ...который признал, что... (И.Д. Якушкин И.И. Пушкину, 28 августа 1841 г.); "А потом за тем да за сем — и пошлю дело в длинный ящик" (М.Е. Салтыков-Щедрин, Благонамеренные речи)¹².

Подобные употребления, в том числе и с глаголом *положить* вместо *отложить*, можно найти и в современной публицистике: "В Америке немало дальновидных людей, которые представляют себе, к каким тяжелым последствиям может привести возврат к политике, не совместимой с разрядкой. Характерна в этом отношении реакция в США на попытки положить в долгий ящик Договор ОСВ-2" (Правда, 1980, 8 января, с. 5).

Следовательно, опираться при критике традиционной версии лишь на отрицание возможности варьирования глагольного компонента *отложить* — действительно, наиболее употребительного для данного выражения — все-таки нельзя.

Показательно, что и сторонники второй интерпретации подчеркивают национальную специфичность и исконный характер оборота *отложить в долгий ящик*. Более того, у Э.А. Вартаньяна, как мы видели, рождение этого фразеологизма именно на основании критического подхода к этимологии предшественников датируется уже XIX, а не XVII в., что делает

его русскую паспортизацию еще более уверенной. Не случайно и последний научно-популярный справочник по этимологии русских фразеологизмов, признавая одинаковую возможность двух вышеназванных толкований, квалифицирует выражение *отложить в долгий ящик* как "собственно русское"¹³.

Обращение к материалу других славянских языков, однако, показывает ошибочность этой констатации, принятой в русской исторической паремииологии и фразеологии. Для восточно-славянской зоны, правда, можно предполагать заимствование непосредственно из русского.

В украинском языке этот оборот известен в двух лексических вариациях: *відкласти (відкласти) в довгий ящик* и *відкласти (відкласти) у довгу шухляду*¹⁴. В белорусском языке выражение неизвестно в литературном употреблении, но зафиксировано в зоне, граничащей с русской: *адкладаць у доўгі яшчык*, *адклад* (*адкладанне, дакладыванне*) *у доўгі яшчык*¹⁵. Уже само тождество структуры и значения при отсутствии активной вариативности может стать, как убедительно показал Н.И. Толстой, свидетельством заимствованного характера фразеологии¹⁶, — в данном случае заимствования из русского языка. Для белорусского аргументом в пользу этого является и отсутствие в основном языковом массиве слова *яшчык*, с которым зафиксировано это выражение в народных говорах Мстиславщины. Для украинского таким свидетельством является несколько фактов. Во-первых, выражение *відкласти в довгий ящик* (*у довгу шухляду*) не отражено словарем Б.Д. Гринченко. Во-вторых, одно из первых употреблений этого оборота в украинском литературном языке принадлежит И.П. Котляревскому (1769—1838 гг.), причем в форме, весьма близкой именно русскому фразеологизму — *одкладовати в довгий ящик*: "Наталка. Так я сказала уже, що все для тебе (матері. — В.М.) зроблю, тільки щоб не спішили з весіллям. Вибірний. А нащо ж одкладовати в довгий ящик; адже ми не судді"¹⁷. Видимо, указанные выше варианты были следствием все более органичной адаптации русского выражения в украинском языке.

Показательно, что и украинские историки языка, вслед за С.В. Максимовым, прямо связывают выражение *відкласти в довгий ящик* (*у довгу шухляду*) с русскими бюрократическими порядками рассмотрения челобитных во времена Алексея Михайловича¹⁸.

Правда, при сопоставлении русского и украинского фразеологизмов в историческом плане возникают некоторые трудности. Они связаны с

⁹ Ермаков Н.Я. Пословицы русского народа. СПб., 1894, с. 26.

¹⁰ Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. СПб., 1910, с. 293.

¹¹ Вартаньян Э.А. Указ. соч., с. 37.

¹² Иллюстрации взяты из кн.: Гуссейнов Ф.Г. Русская фразеология. Баку, 1977, с. 97.

¹³ Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии. — Русский язык в школе, 1979, № 1, с. 49—50.

¹⁴ Удовиченко Г.М. Словник українських ідіом. Київ, 1968, с. 52; Олійник І.С., Сидоренко М.М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник. Київ, 1978, с. 363.

¹⁵ Юрчанка Г.Ф. 1 коціца і валішца. Устойливія словазлучэнні у гаворцы Мстислаўшчаны. Мінск, 1972, с. 31—32.

¹⁶ Толстой Н.И. К реконструкции праславянской фразеологии. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международного съезда славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 272—293.

¹⁷ Котляревський І.П. Повне зібрання творів, т. II. Киев, 1953, с. 22.

¹⁸ Скрипник Л.Г. Фразеологія української мови. Киев, 1973, с. 157; Медведев Ф.П. Українська фразеологія. Чому ми так говоримо. Харків, 1977, с. 94.

наличием лексического варианта в *довгий ящик* — у *довгу шухляду*. Первое существительное сейчас семантически соответствует русскому *ящик*, хотя в народной украинской речи оно имело иные значения 'кузов телеги', 'жестянка, кружка'¹⁹. Поэтому оно в какой-то мере соответствует представлениям о длинном ящике для челобитных. Значение же слова *шухляда* весьма точно и специализированно: оно обозначает не ящик вообще, а 'выдвижной ящик стола'. Тем самым украинский материал дает большие возможности для опровержения традиционной этимологии, связывающей выражение о долгом ящике с царствованием Алексея Михайловича: слово *шухляда* показывает, что речь идет, возможно, о канцелярских столах, куда откладывались на длительный период бумаги, не требующие оперативного решения.

Быть может, тем не менее, украинское *відкладати у довгу шухляду* — случайный, национально специфичный вариант, не имеющий отношения к истории выражения?

Объективно ответить на этот вопрос помогают западнославянские соответствия. В польском языке есть обороты *zatrzymać w szufladzie* 'оставить без движения, отложить (например, рукопись)' и *pisać do szuflady* 'писать для себя'²⁰, внутренняя форма которых близка к украинскому варианту фразеологизма о долгом ящике, хотя и не идентична ему.

Большее структурно-семантическое и образное сходство с украинским фразеологизмом обнаруживают словацкие и чешские обороты со словами *šupľík, šuple*: словацк. *leží v šupľíku* 'лежит под сукном', *dať odložiť do šupľíka* 'положить в долгий ящик', 'положить под сукно'²¹; чеш. *ležet v šupľíku v šupletí* 'лежать под сукном (о деле, не пущенном в ход)', *psát do šupľíku, pro šuple* 'писать для себя'²², *uváznot v [ministerském] šupľíku* 'застрять в министерском долгом ящике'²³, *to si můžeš dát (strčit) do šupľíku* 'это можешь оставить себе', 'это ничего не стоит'²⁴, *držet v šupletí co* 'держат под сукном что-л.' и под. Весь этот материал не только подтверждает независимость фразеологизма *отложить в долгий ящик* от рассмотрения челобитных при Алексее Михайловиче, но и расширяет зону его употребления до восточно- и западно-славянской.

Вместе с тем, более детальное сопоставление ряда западнославянских выражений с укр. *відкладати у довгу шухляду* обнаруживает и одно существенное компонентное различие. Во всех западнославянских оборотах слова *szuflada* — *šupľík* — *šuple* употребляются без определения "долгий", характерного для украинского языка. Это свидетельствует скорее всего о "модернизации" структуры и семантики этого оборота в западнославянских языках, ибо имплицитность, конденсация словосочетаний — один из структурно-семантических путей их развития²⁵.

Поиски полного структурно-семантического соответствия приводят к устаревшему чешскому выражению *do dlouhé truhly něco založit* 'забыть что-л.; отложить что-л. до другого случая'²⁶. Слово *truhla* здесь значит 'сундук', 'ларь', т.е. абсолютно то же, что и восточнославянское *ящик* в приведенных выше выражениях. Собственно говоря, ст.-чешское и современное русское и украинское выражения — абсолютно фразеологические эквиваленты, ибо и их семантика, и внутренняя форма, и структура полностью совпадают. В словацком и в польском, несмотря на наличие слов *truhla, truhlica* и *truhta, trugla*, таких фразеологизмов не зафиксировано.

Ареальный отрыв русско-украинского оборота от чешского мог бы означать типологическое сходство, если бы не их исключительное структурно-семантическое тождество. Причины последнего можно вскрыть лишь более детальным историческим и лингвистическим анализом.

В первую очередь важна хронологическая фиксация русского и чешского выражений в соответствующих источниках.

Для русского оборота первой фиксацией можно считать пока лишь середину XVIII в.: в рукописном сборнике пословиц А.М. Богданова, составленном в 1741 г., он отмечен в форме *в долгий ящик* без семантической характеристики²⁷. В русских лексикографических источниках он фиксируется лишь в начале XIX в.: "Словарь Академии Российской" толкует сочетание *откладывать дело в долгий ящик* как "откладывать, отсрочивать, медлить с исполнением по делу какому"²⁸. Это же определение и форма повторяются и в других словарях XIX в.

Уже первая фиксация выражения свидетельствует о том, что сочетание с глаголом еще недостаточно нормировано. Не было в XVIII–XIX в. и строгой кодификации прилагательного, характеризующего компонент *ящик*. В литературе XVIII в., например в пьесе А.Княжнина "Жених трех невест", выражение употребляется в форме *откладывать в длинный ящик*: "Любомысл. Не я, слава богу! все дела как кочки переломал; а чтобы сговором не мешкать и не откладывать в длинный ящик; так я могу ехать и привезти сюда невесту"²⁹. В XIX в. известен как вариант *в длинный ящик*, так и *в дальний ящик*: А потом за тем да за сем — и пошло дело в длинный ящик (М.Е. Салтыков-Щедрин, Современная идиллия), Он только день отъезда откладывал в дальний ящик (А.Ф. Писемский, Тюфяк).

Показательно, что выражение *откладывать в долгий (длинный, дальний) ящик* почти не фиксируется русскими диалектными источниками. Из локально привязанных сборников пословиц и поговорок находим его лишь в записях А. Бутурлина (1849–1865 гг.), которые делались в Нижегородской губернии: *не для чего откладывать дело в дальний ящик*³⁰. Важно при этом отметить, что в данном сборнике немало паре-

¹⁹ Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка, т. IV, Киев, 1909, с. 546.

²⁰ Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Pod red. akad. J. Krzyżanowskiego, t. V. Warszawa, 1970, s. 940.

²¹ Коллар Д., Доротьякова В. и др. Словацко-русский словарь. М. — Братислава, 1976, с. 528.

²² Slovník spisovného jazyka českého, d. III. Praha, 1966, s. 744.

²³ Příruční slovník jazyka českého, d. IV. Praha, 1948–1951, s. 1201.

²⁴ Zaorálek J. Lidová řeč. 2-e vyd. Praha, 1963, s. 390.

²⁵ См.: Мокшенок В.М. Способы имплицитирования фразеологических единиц. — В кн.: Studia Rossica Poznaniensia, zesz. VII. Poznań, 1976, s. 89–106.

²⁶ Čelakovský Fr. Lad. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Praha, 1949, s. 625.

²⁷ Сборник пословиц А.И. Богданова. — В кн.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.—Л., 1961, с. 73.

²⁸ Словарь Академии Российской, т. VI. СПб., 1822, стлб. 1474.

²⁹ Цит по: Палевская М.Ф. Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. Кишинев, 1972, с. 175.

³⁰ Пословицы и поговорки Нижегородской губернии. — В кн.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.—Л., 1961, с. 144.

миологического материала литературного происхождения. В современных диалектных источниках оборот о долгом ящике также почти не встречается. Единственная запись в картотеке "Псковского Областного словаря с историческими данными" (Ленинград, Университет, Межкафедральный кабинет им. Б.А. Ларина), например, отражает его контаминированный, семантически искаженный вариант *пускаться в долгие ящики*: "Я не буду пускаться в долгие ящики" (Плюсский район, д. Должицы). Значение этого варианта — "много говорить, тратить время на долгие разговоры" — очень резко отличается от семантики литературного фразеологизма.

Примерно такова же сфера употребления выражения *відкладати в довгий ящик* (у довгу шухляду) и в украинском языке. Начиная с первой половины XIX в. оно фиксируется лишь в художественной литературе и почти не отражено паремиологическими и диалектными источниками. Все это свидетельствует о книжно-литературных источниках этих оборотов в восточнославянской зоне, скорее всего — о заимствовании.

Заимствованный, инославянский характер оборотов этой же мотивировки подтверждается и западнославянским материалом. Для серии выражений с лексемами *szuflada, šuplik, šuple* факт заимствования прозрачен уже потому, что все эти лексемы — как и украинское *шухляда* — восходят к немецкому слову *Schublade* 'выдвижной ящик стола'³¹.

Сложнее обстоит дело с рус. и укр. *откладывать в долгий ящик, відкладати в довгий ящик* и др.—чеш. *do dluhé truhly založiti*. Последнее выражение фиксируется чешскими памятниками уже с XVI в. в разнообразных лексических и морфологических вариациях: *do dlouhé truhly založiti* 'положить в длинный сундук', *v dlouhé truhle zůstat* 'остаться в длинном сундуке', *do dluhé truhlice klásti* 'класть в долгий ящик', *do dlouhé truhlice zamíkat* 'замыкать в долгий ящик'³². Переносный смысл этих оборотов — тот же, что и рус. *отложить в долгий ящик*. В XVII в. эти выражения уже исчезают из чешского литературного употребления, что связано с общим упадком чешского литературного языка.

По происхождению, как верно отмечает В. Флайшганс, древнечешские фразеологизмы являются кальками из нем. *etwas in die lange Truhe legen* (буквально 'положить что-либо в долгий сундук') — откладывать решение какого-либо дела на неопределенный срок³³. Это немецкое выражение, зафиксированное старыми немецкими сборниками пословиц и поговорок (например, сборником И. Агриколы), также является сейчас устаревшим и в современном языке не употребляется. Толковый словарь Якоба и Вильгельма Гриммов фиксирует его в различных глагольных вариациях — *in die lange Truhe legen (spielen, schießen, bringen)* — и подчеркивает, что оно было употребительным лишь до начала XVIII в., являясь абсолютным синонимом широко известного и в современном языке оборота *etwas auf die lange Bank schieben*³⁴. Первые контексты, в которых это выражение употребляется, зафиксированы словарем Гриммов с 1482 г. Здесь же дается и историко-этимологическое толкование внутренней формы фразео-

логизма, основанное на значении слова *die Truhe* 'хранилище для писем и документов, обычно небольшой ящик, шкатулка'. Такие ящики, рундуки в средневековом германском судопроизводстве обычно использовались для хранения дел и актов, которые не решались сразу, а откладывались на неопределенное время.

У некоторых немецких исследователей значение слова *Truhe* правда, объясняется несколько иначе. Так, известный паремиолог Ф. Зайлер подчеркивает, что оно значило не небольшой ящик или шкатулку, а "сундук для сидения" (*Sitztruhen*)³⁵. Такой интерпретацией этот ученый пытается логически связать выражение *etwas in die lange Truhe legen* с оборотом *etwas auf die lange Bank schieben*.

Последний фразеологизм, где слово *Bank* значит 'скамья, лавка', также возводят к средневековому немецкому судопроизводству. За судьями и судебными заседателями обычно располагались длинные скамьи в виде больших сундуков. На них раскладывались папки с судебными делами, причем те из дел, которые были не важны и не требовали незамедлительного решения, откладывались, "отталкивались" (*schieben* 'толкать, подвигать') на самый конец этой скамьи³⁶.

Выражение *etwas auf die lange Bank schieben* также имеет достаточно древнюю фиксацию в немецкой литературе: толковые словари фиксируют его примерно с 1500 г.³⁷ Кроме того, это выражение имело и свой фразеологический антоним *etwas durch die Bank schnellen* (буквально 'бросать что-л. через скамью') 'отделяться от чего-л.'

Чешские паремиологи, как мы видели, уверенно относят древнечешский оборот *do dluhé truhly založiti* к германизмам. В русской же паремиологической традиции, наоборот, усиленно подчеркивалась национальная специфичность и самобытность выражения *отложить в долгий ящик*. Лишь один источник — словарь М.И. Михельсона — приводит немецкий эквивалент *etwas auf die lange Bank schieben*, объясняя смысл русского оборота о долгом ящике³⁸. При этом немецкое и русское выражение трактуются как самостоятельные фразеологические параллели, история которых никак не связана друг с другом. Об этом свидетельствует прежде всего историческая интерпретация М.И. Михельсона русского оборота в духе предшествующей "национальной" традиции: "У дворца царя Алексея Михайловича, в Коломенском селе, был сделан в столбе длинный ящик, куда клались челобитные, царем быстро рассматривавшиеся, но остававшиеся без движения, благодаря волоките в канцеляриях".

Проведенный анализ славянского материала позволяет, однако, с уверенностью признать и русский фразеологизм, как и чешский, калькой с немецкого. Относительно поздняя фиксация (XVIII в.) по сравнению с немецким источником (XV в.), исключительно литературно-книжное употребле-

³¹ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970, s. 557; Holub J., Lyer S. Stručný etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968, s. 474.

³² Flajšhans V. Česká přísloví. Praha, 1912, d. II, s. 681.

³³ Там же, с. 681.

³⁴ Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Bd. XI. Leipzig, 1932, s. 1327.

³⁵ Seiler F. Deutsche Sprichwörterkunde. München, 1922, S. 251.

³⁶ Borchardt — Wustmann — Schoppe. Die sprichwörtlichen Redensarten in deutschen Volksmund, 7 Auflage. Leipzig, 1954, S. 51; Seiler F. Op. cit., s. 251; Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 4 Auflage. Bd. 1. Hamburg, 1963, s. 89.

³⁷ Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Bd. 1. Leipzig, 1854, S. 1108.

³⁸ Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, т. II. СПб., 1902, с. 77–78.

ние (особенно на раннем этапе), отсутствие большого числа вариантов в живой речи, строгая ригидность семантики и структуры — все это признаки фразеологической кальки.

Судьба этого германизма у восточных и западных славян, однако, различна. В чешском языке оборот *do dlúhé truhly založit* активно распространенный в XVI в., в дальнейшем полностью исчез из употребления: возродить его не помогло даже включение в словарь Й. Юнгмана и в славянский паремиологический сборник Ф. Челаковского. В этом процессе сыграл свою роль прежде всего общий упадок чешского литературного языка, сфера употребления которого резко сужается после поражения чехов в битве на Белой горе 1620 г.³⁹ В период же национального возрождения этот германизм не мог активизироваться уже потому, что сам немецкий прототип к тому времени стал архаизмом и не мог быть источником или стимулятором калькирования. Зато позднее, в конце XIX в., когда пуристические тенденции в чешском литературном языке несколько смягчились, стало возможным употребление значительно осовремененных и трансформированных выражений с компонентом *šuplík*, прямо заимствованным из немецкого языка.

Русский фразеологизм *отложить в долгий ящик*, как показывает внутренняя форма и предположное управление, также имел своим источником не современный немецкий оборот *etwas auf die lange Bank schieben*, а бытовавшее вплоть до XVIII в. выражение *etwas in die lange Truhe legen*. Характерно, что в русский язык он вошел именно в 1-й половине XVIII в., в период активного возрождения литературного языка на национальной основе. Благодаря реформам Петра I этот период вместе с тем сопровождался и "бурным процессом освоения "внешних" лексических заимствований из западно-европейских языков, политехнизацией языка, осложнением функций содержания деловой, официально-канцелярской речи"⁴⁰. Наряду с такими лексическими заимствованиями-канцеляризмами в русский, а позднее и в украинский язык попал и фразеологизм о долгом ящике, символизировавший медлительную чиновничье-бюрократическую процедуру средневекового немецкого судопроизводства. Этот символ был вскоре переосмыслен в русских традициях допетровской эпохи и стал трактоваться как реликт волокитства при рассмотрении челобитных во времена Алексея Михайловича. Именно это переосмысление по "бюрократической смежности" двух столь разных эпох русской истории и сделало этот фразеологизм ярко национальной идиомой.

История рассмотренных выражений — частный факт истории восточно- и западославянских языков. В этом факте, однако, весьма ярко отражается и общность, и специфика развития фразеологического фонда этих языков в период национального возрождения, прежде всего — их различная реакция на заимствованные элементы. Чешский язык в этот период во многом развивался в рамках весьма сложной оппозиции "свое": "чужое", которая не могла всегда быть разрешена в пользу первого полюса:

чешский национальный язык не мог развиваться одновременно во всех сферах, ибо с ним в некоторых из этих сфер конкурировали иностранные языки — немецкий и латынь⁴¹. Спецификой этого периода было и то, что круг активных носителей чешского языка был весьма узок, а их билингвизм (как правило, чешско-немецкий) стимулировал проникновение в него инородных элементов⁴². Этот билингвизм, вероятно, и стал препятствием активизации древнечешского германизма *do dlúhé truhly založit* в возрождаемом Й. Добровским, Й. Юнгманом и другими будителями национальном языке: к началу XIX в. его немецкий прототип *in die lange Truhe legen* уже вышел из употребления и потому не мог быть основой калькирования, как это было со многими фразеологическими германизмами того времени.

Для русского же языка в послепетровский период возрождения оппозиция "свое": "чужое" была менее непримирима, несмотря на все усилия пуристов шишковского толка. Новые иноязычные элементы активно усваивались вместе с новыми реалиями и понятиями. Острой борьбы между "своим" и "чужим" быть не могло, ибо первое было уже достаточно конкурентноспособным, чтобы органически впитывать второе без опасности раствориться в нем. Хотя билингвизм и был характерен для образованного сословия России этого периода, однако он не был обязательным условием заимствования лексики и фразеологии, а главное — условием активизации процесса заимствования. Поэтому фразеологическая калька с немецкого *in die lange Truhe legen* к XVIII в. уже устаревающего, могла восприниматься и без лингвистического фона. Буквально переведенный русскими словами, этот оборот быстро утратил связь со своим прототипом и зажил новой, "русской" жизнью. Именно этим можно объяснить устойчивую привязку этого выражения и В.И. Далем, и всеми русскими паремиологами и историками фразеологии к челобитным в адрес Алексея Михайловича: такое этимологически неверное толкование ярко отражает национальное, небилингвистическое восприятие фразеологического заимствования. Подобно многим лексическим германизмам петровских времен (типа *парикмахер*, *вахтер*, *почтмейстер*) этот фразеологический архаизм, утраченный немецким языком, продолжает активно жить в русском.

Корни большинства фразеологических заимствований в славянских языках уходят в почву национального возрождения XVII—XVIII вв. Чтобы обнажить эти корни, необходимо не только установить относительно надежную фиксацию фразеологизмов во времени или отыскать их конкретный иноязычный прототип, но и понять специфику взаимодействия "своего" и "чужого" в конкретных культурно-исторических условиях развития литературного языка.

³⁹ См.: Широкова А.Г., Нецименко Г.П. Становление литературного языка чешской нации. — В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 9–16.

⁴⁰ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв. М., 1938, с. 91.

⁴¹ Jedlička A. Spisovný jazyk, jeho teorie a praxe, v pojetí Josefa Jungmanna. — In: Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Praha, 1974, s. 150–151.

⁴² Чешско-немецкий билингвизм имел вообще широкий диапазон как в письменной, так и в устной традиции. Он связан с исторически обусловленными чешско-немецкими контактами, нашедшими свое выражение в языке. См.: Bělic J. Poznámky o postavení německých přejatých slov. — In: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. Berlin, 1969, s. 7.

ЭТЮДЫ ПО СЕМАНТИКЕ СЛАВЯНСКИХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

(дрезга, рудина, раменье)

Предлагаемые вниманию читателя этюды не вошли в мою книгу "Славянская географическая терминология" (М., 1969), но были включены в диссертацию на аналогичную тему (Л., 1972) вместе с рядом других еще не опубликованных разделов и статей. За прошедшее после их написания десятилетие вышло несколько томов "Этимологического словаря славянских языков" О.Н. Трубачева и "Праславянского словаря" под ред. Ф. Славского, в которых анализировались слова **dręga*/**dręgzь*, **dręgati* и производные. В то же время была опубликована статья Г.П. Клепиковой "Карпатская лексика и ее отношение к лексике иных зон славянского мира. 2–4", где подробно рассматривалось слово *ruda*. Тем не менее особенности жанра этимологического словаря, равно как и специфические цели анализа, преследовавшиеся Г.П. Клепиковой, определили характер исследований, отличных от нашего, которое ставит ряд дополнительных семасиологических проблем. Этюды публикуются с небольшими дополнениями к тексту 1972 г.

Дрезга

Проф. Б.А. Ларин в его "Инструкции Псковского областного словаря" обратил внимание на один важный факт. "Составители областных словарей, — отмечал он, — предпочитают расчленение на "ряд омонимов", избегая громоздких статей с развернутой полисемией, в которых необходимо бывает проявить и проницательность при раскрытии семантической филиации (всегда сколько-нибудь исторической), и сочетать точность формулировки каждого значения с единой пронизывающей смысловой доминантой, образующей логический стержень статьи. Это куда трудней, чем разбить полисемантическое слово на два, три, четыре "омонима", не задумываясь над взаимообусловленностью и преемственной связью значений мнимых омонимов. Необходимо строго держаться правила: разбивать материал одного фонетического слова на несколько статей как слова-омонимы только при наличии: 1) этимологических указаний на разное происхождение слов, совпавших в одной звуковой форме, или 2) при полной (проверенной) несводимости к единству, невозможности обнаружить какие бы то ни было следы семантического сдвига, обособляющего группу словоупотреблений"¹. После приведенной цитаты непосредственно были даны примеры слов, не сводимых, по мнению автора, к одному этимону. В числе первых было следующее. "Без колебания, — писал Б.А. Ларин, — мы разделим на две статьи: *Гай*¹, я, м. Гомон, крик *Δ* на весь *гай* — во весь голос. Ср. *гайнуть* — "крикнуть". Это слово имеет индоевропейские параллели (санскр. *gāyati* "поет", лит. *gaida* — "мелодия, напев", *gaidys* — "петух").

¹ См.: Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961, с. 15; то же в кн.: Псковские говоры, I. Псков, 1962, с. 264–265.

*Гай*², я, м. 1. "Отходы льна при сортировке". 2. "Мятая, трепаная, сорная солома". Ср. *гайна* — "мятая солома".

Не имея никаких славянских и индоевропейских параллелей, это слово может быть соотнесено с финским *haja*: *menna haja* — *lle* "рассеиваться, разбиваться", *haja* — *annus* — "разлом, раздробление". Ср. эстонское *hajali* — "врассыпную, вразброс", *hajuta* — "рассеиваться, развеиваться"².

С критикой Б.А. Ларина в адрес составителей многих областных словарей трудно не солидаризироваться. Особенно плодотворными являются идея выявления смысловой доминанты, организующей объяснительную часть словарной статьи, и требование "разбивать материал одного фонетического слова" лишь при полной несводимости семантики слова к единой семантической цепи. Оба эти вопроса требуют отдельного обсуждения. Поэтому, не вступая в полемику о том, можно ли в областном словаре давать в виде омонимов слова, явно восходящие к одному этимону, но значительно разошедшиеся в семантическом плане, отметим лишь, что именно руководствуясь вышеизложенным принципом и идеями Б.А. Ларина, два "разных" слова *гай*, на наш взгляд, вопреки предположению Б.А. Ларина о финском происхождении *гай*², можно отнести к одному этимону. Это допустимо потому, что в данном случае нет "полной несводимости к единству" этих двух слов.

К такому выводу, нам кажется, могут привести имеющиеся данные по слову *гай* и по другим лексемам, обладающим сходной семантической амплитудой колебания. Обращаясь к Псковщине, материал которой был привлечен Б.А. Лариным, мы видим, что лишь на ее территории, по данным картотеки ПОС, *гай* означает не только 'лес, молодой лес' (вероятно, также иногда и 'ветки деревьев') и 'шум, крик', но и 'куча хворосту', 'хворост, ломаные ветки', 'мусор, отбросы при сортировке соломы при обработке льна', 'мусор на гумне', 'мятая, сорная солома', 'плохой лен'. Ср. псковск. *гай* 'лес': за зрём у нас гай (д. Мошарино, Великолукск. р-н); 'роща': рассёт гайком, кучачкай, вот эта гай (д. Але, Новоскольск. р-н); 'молодой лес': гай, где выжгли лес, там другой растёт (д. Пахомово, Великолукск. р-н); 'ветки деревьев': Пойду, выйду за ворота, поломаю гаю (в народн. песне, Копаневич 1906, с. 59); 'хворост, ломаные ветки': 'гай, хварас разный, вот эта гай (д. Лямены, Красногородск. р-н), весь лес загадили, бессовестные, кругом гай (д. Рыбиха, Карамышевск. р-н); 'мятая, сорная солома': добрую салому вытрясут и гай остаётся (д. Б. Толбицы, Псковск. р-н), в маньны саломы мелкая фся згайтца, гаим и называйтца (д. Троицкие, Островск. р-н); 'отходы льна при сортировке': атхот ата льна — эта гай, ён проц идёт (д. Капошино, Островск. р-н, карт. ПОС); 'лен плохого качества': патом привязли гаю и заладили кролю (д. Ольгино Поле, Псковск. р-н, сообщил А.И. Корнев). Ср. также *гайна*, *гайна*: 1. 'отходы льна', 2. 'плохая, ржаная солома', *гайно*, *гайнец*, *гайница*, *гайша* 'отходы льна', *гайница*: 1. 'отходы льна', 2. 'плохая, ржаная солома', 3. 'спутанные нитки' (карт. ПОС)³.

² См.: Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961, с. 15; то же в кн.: Псковские говоры, I. Псков, 1962, с. 265.

³ См. перечень, разбор и компонентный анализ значений слова **gajь* во всех славянских языках: Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 348–352.

Для решения вопроса о возможности заимствования из финского существительные данные о географии слова *gai* в значении 'мусор, отбросы' и т.п. Показательно, что на Брянщине, на территории, применительно к которой говорить о финском влиянии значительно труднее, чем в отношении Псковщины, зафиксированы те же значения — *gai*, 'мусор, отбросы', 'мусор на гумне' (карт. БОС). Кроме того, *gai* 'солома, идущая на подстилку свиньям', 'место, где спят свиньи', встречается и на белорусской территории, близкой к псковской (район Витебска, к юго-востоку и юго-западу от Витебска). Не меньшее значение для определения этимона псковск. *gai* 'отходы льна при сортировке', 'мятая, трепаная, сорная солома' имеет география слов, обладающих близкой амплитудой колебания, например лексемы ⁺*šuma*. И для слова ⁺*gaij*, и для слова ⁺*šuma* характерна определенная и притом во многом совпадающая география семантики слова, география семем⁴. Чем больше будет выявлено случаев аналогичных семантических переходов на примере разных слов (лексем), тем убедительнее окажется предлагаемая этимология. Эта убедительность возрастает при изоморфности ряда семантических изоглосс (изосем).

В связи с этим интересно рассмотреть развитие значений славянского географического термина ⁺*dręzga* (⁺*dręzgъ*, ⁺*dręzna*).

Н.П. Гринкова посвятила русскому слову *дряг* отдельную статью в монографии "Вопросы исторической лексикологии русского языка" (Грин. ВИЛРЯ, 173–178). Это освобождает нас от изложения всей совокупности фактов русского языка и позволяет сосредоточить внимание на основных моментах семантической эволюции слова в разных славянских языках и диалектах, учитывая при этом и различные эпохи их развития.

В современном русском языке слово *дряг* означает 'мусор, отбросы, хлам' (ССРЛЯ, то же в толковом словаре под редакцией Д. Ушакова — 'сор, мусор, хлам' с пометой *обл.*), а в древнерусском языке ДРАЗГА, ДРАЗНА, ДРАЗДА значило 'лес' (Срезн. МСДРЯ). Такое значение известно и современным русским ярославским говорам — *дрязга* 'лесистая болотистая местность' (Мельн. КЯЭС). Именно эта же семема 'лес' (иногда 'кустарник') сохраняется и поныне в болгарском языке в сочетании с лексемами *дрездак*, *дрздак* (Млад. БТР), входящими в один словообразовательно-семантический "лесной" ряд — *гвстак*, *дребак*, *шума*, *шибак* и т.д. В западноболгарском орханийском говоре (с. Краево, район Ботевграда, на сев.-восток от Софии) Ст. Илчев зафиксировал термин *дреза* 'мелкий, густой лес' (БД II, 190), известный также в районе около г. Своге (западнее Ботевграда, 40 км севернее Софии, БЕР VI). В районе Калофера термин *дреза* 'густой лес' записал Ст. Стойков⁵. В тех же приблизительно пределах, как можно судить по имеющимся данным, распространен и диалектный термин *дрездак* 'лес, кустарник' (БЕР VI, сведения взяты из описания орханийского говора Г. Попиванова). Относительно же географии диалектного *дрздак* 'лес, густой лес, мелкий лес' (Гер БРЯ),

⁴ Ср. показательную в этом отношении эволюцию значений заимствованного в восточнославянских говорах из балтийского слова *пелька*: последовательное удаление первоначального значения слова по мере его географического отдаления от эпицентра. См.: Толстой Н.И. Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — *пелька*. — В кн.: Этимология 1967. М., 1969.

⁵ См.: Стойков Ст. Болгарска диалектология. София, 1968, с. 11.

лексема которого является фонетическим вариантом формы *дрездак*, точных сведений не имеется. Формы *дрездак* и т.п. возникли, как полагают, в результате ассимиляции из **дрезгак*. Еще в старославянском тексте восточноболгарского происхождения (Супрасльская рукопись) встречается ДРАЗГА 'лес'⁶. Ср. макед. диал. *дрезги* 'низкий, густой лес' (Тиквешко, МЈ, 1951, II, № 8, 190); возможно и *дрска* 'густой лес' (район Жупы, МЈ, 1953, IV, № 8, 190); макед. литер. *дрезга* 'поточник, *Sium latifolium*' (РМЈ), с.-хорв. *дрѣзга* (и *дрѣзга*): 1. разные виды водорослей и других болотных растений, как то: а) 'вид мха, *Fontinalis antipyretica*', б) 'ряска, *Lemna*', в) 'головчатая плесень, *Mucor*', г) 'уруть, *Myriophyllum spicatum*', д) 'жеруха, режуха, *Nasturtium officinale*', е) 'поточник, *Sium latifolium*'; 2. диалектн. ресавск. 'тина, ничатка'; 3. диалектн. переносн. сремск. 'сильная и толстая женщина' (РСХКНЈ, Сим. БР). Из южнославянского источника и арумьнск. *drîzgâ* 'чаща леса' (Рар. DDA). Ср. также польск. диал. *dręzg* 'щепка, небольшой кусочек дерева' (SP IV, 226).

Сведения о том, что в сербскохорватском языке существует географический апеллятив *дрѣзга* 'лес, Wald', не подтверждаются существующими источниками. Известен лишь топоним *Дрѣзга* (Черногория, Пинери — РСХКНЈ) "семантика" которого, естественно, точно не определима⁷ и апеллятив *дрездак* (реже *дрездак*) 'мелкий лес (ореховый, кизилковый, грабовый и под.)' в тимочко-лужничком — враньском диалекте (Злат. НГТВК, 131–132). Ср. выше болг. *дрездак*. Что касается терминов водорослей, тины, ряски и т.п. в сербскохорватском и македонском, то здесь возможен перенос 'мелкий лес' → 'подводная мелкая растительность' при дополнительной микронизации и конкретизации (отнесенности к видовому референту) семемы.

О более широком, чем указанное, распространении термина *дрезга* на болгарской территории косвенно свидетельствуют не только данные топонимики (главным образом западноболгарской), но и часто встречающиеся в болгарских диалектах (и литературном языке) дериваты *дрезгав*, *дрезгавина*, *одрезгавей* и т.п.

Прилагательные *дрѣзгав* 'хриплый, сиплый (о голосе)' и *дрѣзгав* 'тусклый, сумеречный (о свете)' (БТР, РСБКЕ, БЕР) подаются в "Болгарском этимологическом словаре" (БЕР) как омонимы⁸. Между тем есть все

⁶ См. подробнее: Дуриданов И. Географската лексика на старобългарския език с оглед на праславянски. — В кн.: Хиляда и сто години славянска писменост. 863–1963. София, 1963, с. 206.

⁷ Заблуждение некоторых исследователей относительно того, что существует сербскохорватский географический термин *дрѣзга* (см., например, цитируемый выше труд И. Дуриданова "Географската лексика...", с. 206), возникло потому, что И. Шютц (Schütz GTSK, 14, 58) невнимательно отнесся к одному месту из университетского курса проф. А. Белича (*Белић А.* Српски језик. Фонетика. Београд (Бг.), с. 97; то же: *Белић А.* Основи историје српскохрватског језика. I. Фонетика. Београд, 1960, с. 72), где сказано дословно следующее: "А(с) = е... *дрезга* (назив *дрѣзга* — шума)". Здесь привлечен прежде всего исторический и к тому же топонимический (о чем свидетельствует пояснение: *назив* 'название') материал. Недоразумение возникло, вероятно, оттого, что в упомянутых трудах А. Белича интересующее нас слово не написано с прописной буквы. П. Скок справедливо отмечает: "*dręzga* ... Не подтверждено в значении 'лес', как в староцерковнославянском и болгарском" (Skok ERHSJ).

⁸ Как два значения одного слова они представлены в РСБКЕ и БТР; не разделяет их и Млад. ЕПРБКЕ.

основания сводить их к одному этимону и видеть в их семантике одно инвариантное значение, употребляемое под разными регистрами (регистр звука и регистр света). Третий, обычно всегда наличествующий в подобных случаях регистр движения выявляется на сербскохорватском диалектном материале: *дрѣзгати*, — *ѣм*: 1. 'дрожать, стучать зубами' (Средний Тимок), 2. 'с трудом работать, выбиваться из сил, разрываться' (Косово и Метохия). Елез. РКМД, РСХКНЈ). Того же характера словенск. *drēzgatī* 'мять, стискивать' (Plet. SNS), польск. диал. *drzęzgać* 'разбивать, ломать' (SW), русск. диал. уральск. *дрязгаться* 'брыкаться, лягаться', 'дергать, переступать ногами (о животном)' (СРНГ), болг. диал. ихтиманск. *дрезгувам* 'изнемогать, мучиться' (БД III, 60). Труднее объяснимы сербскохорватские диалектные дериваты *дрѣзгон* а 'здоровый и крупный человек, мужчина', *дрѣзгула* 'здоровая и крепкая женщина' (Левач и Темнич. РСХКНЈ).

Почти все известные неславянские соответствия, правда, на корневом уровне, славянскому ⁺*dręzъ* свидетельствуют об ономастическом значении 'шум, и т.п.' (т.е. 'звучание'): др.-индийск. *dhṛāpati* 'звучит', лат.-кельтск. *drēnsō* 'о крике лебедей', средн.-ирландск. *drēsacht* 'треск, шум', нижне-немецк. *drunsen* 'тихо мычать', ново-верхн.-немецк. *trensen* 'протяжно мычать', голландск. *drensen* 'стонать', греч. *δρῖνος* 'оплакивание покойника', готск. *drunjus* 'звук', ново-верхн.-немецк. *dröhnen* (из *drönen*) 'гудеть, греметь' и др. (см. Фасм. ЭСРЯ со ссылкой на Вальде—Гофмана, Бузака, Траутмана; а также см. Рок. IEW).

Таким образом, семантика болг. *дрѣзгав* 'хриплый, сиплый (т.е. 'слабый, ослабленный'. — Н.Т.) — о голосе' восходит непосредственно к древнему общиндоевропейскому значению корня *dhṛēn*: 'звучать, гудеть'⁹, подобно тому как псковск. *гай* 'шум, гомон' соотносится с др.-индийск. *gāyati*, *gātī* 'поет'. Дальнейшее семантическое развитие 'шум' → 'лес' уже не должно вызывать недоумения. Поэтому едва ли правомерно представлять в виде омонимов *дрязг*¹ 'шум, ссора' и *дрязг*² 'бурелом, валежник, сплавной лес', как это делает М.Р. Фасмер на русском материале (Фасм. ЭСРЯ).

Относительно др.-рус. ДРАЗГА 'лес', приведенного в словаре И.И. Срезневского в ряду примеров, взятых из переводных памятников (списков), может возникнуть сомнение, не является ли это слово заимствованием из южнославянского (церковнославянизмом). Однако примеры, приводимые Н.П. Гринковой из старорусских текстов более позднего периода, свидетельствуют о том, что слово *дрязга* в отмеченном значении могло существовать в русском языке. Ср.: "... дорогу замѣтали великимъ дрязгомъ"; "... где чищено дрова в сажени, а дрязг в валы и велеть жечь"; "... проѣхали городок Нижній Михалевъ, огороженъ дрязгомъ" (XVII в., Грин. ВИЛРЯ, 175), где *дрязг* означает, вероятно, 'хворост, хворост для изгороди', 'сушь, ветки, древесный сор'.

В великорусских диалектах зафиксировано: курск. *дрязг* 'хворост, сушняк, хлам в лесу, валежник, бурелом, сушь' (Даль СЖВЯ), пензенск. *дрязг* 'сушник, мелкий хворост, загложший в чаще леса' (Опыт 1852), уральск. *дрязг* собир. 'мелкие хозяйственные домашние вещи, предметы

обихода' (Туринск. р-н, ССУ), калужск. *дря(с)зга́* 'песчаная жидкая грязь' (Даль СЖВЯ), *дрязга* 'песчаная грязь' (б. Медынский уезд. Калужск. губ., Данилевский 1849) и *дрязга* 'студень без мяса и костей' (б. Медынский уезд, Калужск. губ., Косоголов 1916). Ср. примеры *дрыгва́* 'болото' и 'студень' и т.п. В.И. Даль без указания на место распространения дает *дрязг* м. 'сор, хлам, дрянь', 'дром, сушь, сушник, хворост, дрызг', 'нанос, прутья, листва, тростник, наносимые водою' (Даль СЖВЯ) и переносно *дрязг* 'сплетни, пересуды и переносы, или пустые ссоры и перекоры' (Даль СЖВЯ), наконец, *дрязга́* 'калега, хижина, рянда, дряпня, мокрый снег сверху' (Даль СЖВЯ), знаменующее переход интересующего нас термина в сферу метеорологической терминологии.

Есть основание вслед за В.М. Мокиенко (ЛАМГТ, 363) к изложенному выше материалу причислить также псковск. *дрызель* (с очевидным упрощением группы *зг*) 'вязкое болото' или 'грязь' (? Мок. ЛАМГТ, 363) — *дризель*, *грясь*, да как пражрина *тая балота*, как *кисель* (д. Жидилов Бор, Псковск. р-н; более вероятно, судя по единственному примеру, что значение слова *дризель* только 'грязь'). Семантическая связь, или скорее тождество — *дрязга́* 'мокрый снег, калега' и **дрызгель* (с типичным для определенной семантической группы суффиксом *-ель*: *капель*, *мокрель*, *жидель*, *кисель* и т.п.) 'грязь, слякоть' весьма показательна.

Допуская возможность отнесения великорусских диалектных форм *дрюзг* и т.п. к тому же корню, что и *дрязг*, и признавая наличие вариантов с чередующимися *ę* и *q* — *dręzъ*: *drqzъ* (*dręzga*: *drqzga*), как и в терминах *gręzъ*: *grqzъ*, пополняем серию приведенных примеров смоленск. *друзга* 'вообще все рыхлое и сухое, сор, сухой лист и прутья под ногами' (Даль СЖВЯ), вологодск. *друзгъ* 'хмель из пива' (Макаров, 1848), вологодск., тотемск. *друзгъ* м. мн. 'хмель, выжатый из пива' (Опыт 1852; отсюда Даль СЖВЯ), хотя М. Фасмер, на наш взгляд, напрасно, определяет *друзг* 'хворост, бурелом', *друзга́* ж. 'опавшая листва, ветки' от слова *дрязг*, не соглашаясь с Э. Бернекером, возводившим в.-рус. *друзг* к **drqzъ* и сближая с др.-польск. *druzgać* 'крошить на мелкие куски', литов. *drūzdū*, *drūžėti* 'крошиться' и т.п. Ср. чеш. диал. карловицк. *drúžgat* 'ломать (хвойные ветки и т.п.)' (SV. KN).

Семантическое сближение *друзг* 'хворост, бурелом' с *дрязг* 'сушник, мелкий хворост', по нашему мнению, предпочтительнее сближения с *druzgać* 'крошить на мелкие куски'. Не исключается при этом общее этимологическое родство **dręzъ*, **drqzъ* и польск. *druzgać*¹⁰.

Из западнославянского материала, бесспорно относящегося к восточнославянскому *дрязг*, *дрязги* и южнославянскому *дрезга*, следует отметить др.-польск. *dręzqg*, *dręzqdzę* 'гибкие прутья, венки' (Sław. SEJP I 173), польск. диал. *dręzqg* 'щепка, чурка' (SW).

В этом этюде подробно не рассматривается вопрос о дальнейших этимологических связях славянск. **dręzъ*. Помимо вполне очевидной связи со славянск. **drqzъ* (чередование *ę/q*), не обнаруживается родство со славянск. **dręzga* (возможно и **tręska*), при допустимости признания чередования *ę* : *q* (и пары звонкий/глухой типа *брызгать/прыскать*). Ср.

⁹ Ю. Покорный вопреки своему обыкновению не дает толкования для корня *dhṛēn* (Рок. IEW 255–256), но оно довольно ясно выводится из приводимых им индоевропейских примеров.

¹⁰ См. например: Sławski F. Oboczność *q* : *u* w językach słowiańskich. — *Slavia Occidentalis*, t. 18. Poznań, 1947.

польск. *drzazga, trzaska* 'щепка', польск. диал. *drzyzga* 'то же' (SW), чховск. *dryzga* 'щепочка' (Kos. SoCz), южноукр. *drzazga, drzazgownica, drzazgownik* 'тонкая дощечка, привязываемая к сети для устрешения рыб' (Pr. GŚI, 108), кашуб. *drāzga*, 'щепка, лучина', *drāzgovník, drāzgovńica* 'канат в сети рыболовецкой с привязанными к нему дощечками' (Sych. SGK), чеш. диал. *drízka* 'то же' (PSJC). Однако привлечение этого материала тоже не внесло бы принципиальных изменений, добавлений или опровержений характера семантической цепи, образуемой мутацией значений интересующего нас слова, в то время как характер его этимологического тождества с термином ⁺*dręzgz* (⁺*dręzga*) требует специального рассмотрения.

Таким образом, и на примере лексемы ⁺*dręzgz* устанавливается семантическая цепь 'шум' → 'лес' → 'хворост, валежник' → 'сор, мусор'. Дальнейшая эволюция конкретизирует и модифицирует в ряде случаев семему 'сор, мусор' в направлении 'хлам, мелкие вещи' или 'песчаная, жидкая грязь' и т.п.

Некоторых пояснений требуют болгарские данные. Вопреки мнению составителей "Болгарского этимологического словаря" (БЕР), диалектн. *дрезгач* 'каменистое или песчаное поле (пахотное), или местность' (с. Тишаново. Кюстендилск. околии, БЕР) следует, имея в виду последовательность семантических процессов, объединять не с *дрезгав* 'о свете: неясный, полутемный', а выводить непосредственно из *дрезгак* 'лес, кустарник'. Не исключена возможность, что при этом произошла перемена суффикса из-за утери признака "лесистость" (*ак/ач*). Характерно, что термин *дрезгач* относится так же, как и *дрезгак*, к западноболгарскому ареалу. Примеры подобных семантических переходов 'лес' → 'каменистое поле', 'лес' → 'поле' столь многочисленны, что данный случай не требует специального объяснения (см. ⁺*gozdz*, ⁺*gajb*, Тол. СГТ, 61–64, 48–56). Неправильное объяснение семантического процесса, на наш взгляд, дано в БЕР применительно к прилагательному *дрезгав* 'о свете: неясный, полутемный' (диалектные значения см. ниже), происходящему, по мнению авторов словаря, от *дрезга* 'мелкий лес'. Для объяснения такого перехода предлагается следующая мотивация: "который видим как через лес, т.е. 'без очертаний, сумрачным, полутемным'" (БЕР, VI, 424).

Более убедительным нам кажется объяснение, согласно которому *дрезгав* 'о свете: неясный, полутемный' связано непосредственно с *дрезгав* 'о голосе: хриплый, дрожащий'. Притом здесь лексема *дрезгав* выступает под разными семантическими регистрами (в разных семантических сферах), в которых она могла появиться одновременно, и трудно утверждать, что, например, значение звука первично, а света — вторично. Любопытно, что в том и другом случае достаточно четко выступает признак "ослабленности качества". Его можно усмотреть, как отмечалось выше, и в семеме "мелкий лес" в отличие от семемы 'лес вообще' (старославянские и древнеболгарские примеры, вероятно, также связаны со значением 'мелкий лес').

На возможность подобного параллельного употребления термина в двух или трех регистрах (в данном случае 'звук' ↔ 'свет' → 'движение') указывает многочисленные примеры¹¹. Приведем один из них, основанный на

значениях восточнославянского глагола *ягати*. Семантика глагола *ягати* отражает два момента: 1. 'интенсивность говорения (звука)' и 2. 'интенсивность пламени (света)'. Ср. вологодск. кадниковск. *ягати*: 1. 'громко кричать, браниться': Ей уже не унется *ягати* с бабам, 2. 'сильно пылать (об огне)': пристав к печке-то горшки-то — смотри, как там уж *ягати* (карт. СРНГ, под. 1866 г.), *ягати* 'сильно или громко кричать (в брани)' (с. Пролово, Попов 1855), *ягати* 'орать, шуметь, бранить, вздорить' (Дилакторский 1902), вологодск. *ягати, ягати* 'высоко выкидывает' (интенсивно горит, светит'. — Н.Т.): как огонь-то *ягати*, сколь высоко (Грязовецкий и Вологодский уезды, Обнорский, б/г), тверск. не *яжи* 'не кричи' (Дурново 1904–1914), новгородск. *ягати* 'кричать' (Н.Соколов 1911), пермск. *ягал* 'кричал (с ругательством)' (Огарев 1848), пермск., оханск., соликамск. *ягати* 'кричать, бранить' (Волегов б/г), сибирск. *ягати* 'кричать, шуметь' (Опыт 1852), барнаульск., томск. *ягати* 'кричать' (Оловяников 1851), южносибирск. *ягати* 'кричать, шуметь, размахивая руками' (Гуляев 1847, 1848), нерчинск., забайкальск. *ягати* 'гневаться, сердиться' (Боголюбовский б/г). Примеры с дальнейшим развитием значения от 'кричать, громко говорить' немногочисленны: ёнисейск., красноярск. *ягати* 'капризничать, быть сварливой (применительно только к женщинам)': Ой, не *ягай*, Марья, — худо будет! (Анучин 1904), нижегородск. *ягати* 'сильно противиться, настаивать на своем': — Ну, батюшки, *заягалися*, никто не хочет слушать! (с. Сурадево, Нижегородск. уезд, Бутурлин 1852, отсюда и Второе Доп. 1905–1921).

Таким образом, для славянского ⁺*dręzga* и т.п. можно предложить следующую этимологию. Индоевропейский корень *dhren-* 'звучать, гудеть' пережил на славянской почве в семантическом отношении определенную эволюцию, имеющую достаточное число аналогий. Он выступал не только в семантической сфере (регистре) "звучания", но и в сфере "света" и даже "движения", имея, видимо, в трех случаях ослабленную степень качества ('хриплый, слабый' — о голосе, 'брезжащий, слабый' — о свете, 'дрожать, стучать зубами' — движение). По модели *šuměti* — *šuma* 'шуметь' (ср. русск. просторечн. *шуметь* 'говорить') → *šuma* 'лес' → 'листва' → 'мусор' ⁺*dręzga* (⁺*dręzgz*), видимо, также получило значение 'лес' (часто с дифференциальным признаком "мелкий, слабый"), а затем и "сор, мусор", 'хлам' и т.д.

Рудина

В связи с известным славянским географическим термином ^{*}*polnina* несомненный интерес представляет и термин ^{*}*rudina* (^{*}*rōdina*?). В книге "Славянская географическая терминология" приводился зафиксированный в Центральной Сербии, в Груже, пример, в котором объяснялись слова *планина* 'довольно значительное пространство с лесом и пастбищем в третьем самом возвышенном хозяйственном поясе', *утрине* 'луга с травой' (очевидно, в первом поясе. — Н.Т.) и *рудина* 'луг с травой, эпаленный

¹¹ См. значительное число примеров только из верхнелужицкого и притом лишь слов с суф. *-ot*, выступающих под семантическими регистрами: 'звук' — 'свет' —

'движение', в статье: С.М. Толстая. Фонетические наблюдения над ономастическими образования с суффиксом *-ot* в верхнелужицком. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

солнцем' (видимо, во втором поясе. — Н.Т.)¹². Эта важная запись этнографа П.Ж. Петровича, где все три термина даны в их взаимоотношении, к сожалению, пока в научной литературе остается единственной. Другие записи и свидетельства этнографов и лингвистов рассматривают термин *рудина* в общем изолированно от иных терминов, хотя и такое рассмотрение имеет несомненную ценность. Так, в сравнительно близкой к центрально-сербской — черногорской зоне П. Ровинский отметил следующее значение интересующего нас апеллятива. "Очень распространено в Черногории, — писал П. Ровинский, — название *рудина*, что означает местность наверху полого возвышения, не загроможденную скалами, хотя и усеянную камнями, хотя и покрытую мелкой травой (*чина*), которую не косят; а зато она служит хорошим пастбищем... В Подгорице так называют лужайку, покрытую травой, и говорят 'Ајдемо, да сједнемо на рудину' (Ров. Черн. 1905, с. 605). Загребский академический словарь объясняет термин *рудина* через ряд синонимов — *тратина*, *утрина*, *поље*, *пољана*, *ливада* 'невспаханная земля, луг, лужайка, открытое, поросшее травой и свободное от деревьев и кустарников место' с пометой 'смотря как в каком примере' (RHSJ) и приводит ряд толкований из других словарей — 'луг', 'участок земли, поросший мелкой травой' (по Поповичу и Ивековичу и Брозю). Из иллюстративных примеров видно, что *рудина* обычно покрыта травой — клевером, а иногда *рудина* может означать и 'мелкую луговую траву' (RHSJ). Ср. аналогичные случаи общего названия травы и места, где она растет, приведенные в моей книге (Тол. СГТ., 247—249).

Географическое распространение слова *рудина*, судя по цитатам из разных источников, достаточно широкое на сербскохорватской диалектной территории (RHSJ). Термин известен и в Сербии, и в Хорватии, и в Боснии, и в Далмации, и в Истрии (во мн. числе *rudini*). К сербскохорватскому ареалу термина и формы лексемы *рудина* примыкает довольно обширная болгарская зона, где известны *рудина*, *рудинява*, *рудинак*. Территория распространения этих терминов — в основном Западная и отчасти Центральная Болгария. Словенск. *rodina* 'плодородная земля', *rodina* 'осок, очеретник' — 'Humuscrde', 'Riedgras' (Plet.SNS) относится некоторыми учеными к тому же корню и образованию, что и с.-хорв. *рудина* (предполагается с.-хорв. рефлекс $\varphi > u$ и словенск. рефлекс $\varphi > o$), хотя не исключена возможность, что словенск. *rodina* восходит к корню *rod-*. Ср. словенск. *roditi* 'родить', с.-хорв. *родна земља* 'плодородная почва' и т.п.

Болгарск. *рудина*, по свидетельству И. Странского, "значит место, очищенное от зарослей, и соответствует подсеке (требеж), хотя означает горное пастбище, ровное место на горе с хорошим лугом, а также и почву на таком лугу" (Стран. БННП 1957, 355—356). Определение И. Странского не вызывает никаких сомнений во второй его части — "горное пастбище и т.д."; что же касается первой части, то и такое значение возможно, хотя оно требует проверки. Проверка желательна потому, что возникает опасение, что первая часть дефиниции заимствована из словаря С. Младенова,

где она могла возникнуть из соображений этимологического характера. С. Младенов, на наш взгляд, несколько отвлекаясь от наиболее распространенного значения термина *рудина*, известного в современных говорах, и сближая его с индоевропейским корнем **reu-dh* 'корчевать, теревить, очищать почву от деревьев или кустов'¹³, заявил, что "руди́на́ может означать и место, очищенное от зарослей" (Млад. ЕПРБКЕ). И хотя другие источники, кроме монографии Н. Странского, не отмечают для термина *рудина* семы "выкорчеванный", присутствие ее (возможно, еще не выявленное достаточно четко) в болгарских диалектах предположить можно, так как существует польск. диал. *rudowina*, *rudowizna*, *rudowisko*, *wyrudowisko*, *noworudowisko* 'новина, выкорчеванное из-под леса поле', *рудо̀żisko* то же (Ольштын), *rudować* 'корчевать', синонимы *karczować*, *nowinować* (все примеры из Мазовецкого Поморья, Jud. NPLP. 77—78). Не исключена возможность, что новые диалектные разыскания подтвердят материал И. Странского. Что же касается польск. диалектн. *rudovina* и т.п. 'новина, выкорчеванное поле', то следует учитывать, что значение локально, и на польской диалектной территории шире распространены термины *rudowina*, *rudawina*, *rudowizna*, *rudowisko* 'болото с болотной рудой, с окраской руды' (SW). Очевидно, значение 'новина' возникло в результате семант. мутации 'болото, болотная почва' → 'непахотная земля' → 'непаханная земля'.

Обращаясь вновь к болгарскому материалу, отметим, что Н. Геров без указания сферы распространения термина толкует слово *рудина* как 'ровная поверхность в горах с хорошим пастбищем', 'горное пастбище, луг' (Гер. РБЯ). И. Странский отмечает, что термин *рудина* преимущественно применительно к почве) зафиксирован в Кульской округе (села Чичил, Цар Петрово, Бояново и Пседуры), а также в округах Ловчанской (села Катунец и Драгана) и Белослатинской (с. Габаре), где иногда он относится к каменистой и даже к заросшей кустарниками почве. В с. Горна Бешовица (Врачанско) такая почва носит название *рудинява*, а в с. Радомири (Луковитско) — *рудария* 'каменистая почва, используемая под пастбище'. И. Странский приводит также значительное число примеров употребления прилагательного *рудинява* по отношению к почве в тех же округах — Кульской, Ловчанской, Белослатинской, Плевенской, Врачанской. В с. Косталево (Врачанско) говорят *руднява*, а в с. Враняк (Белослатинско) — *рудава*. Наблюдения И. Странского подтверждаются другими источниками, свидетельствующими о том, что *рудина* 'голая вершина горы, горная вершина, покрытая камнями без какой бы то ни было растительности' (гор. Видин, СБНУ, V, 226), *рудина* 'ровная поверхность в горах, поросшая низкой травой' (софийск. БД I, 266), *рудинъ* 'местность с красной ("рудава") почвой' (белослатинск. ИИБЕ IV, 166), *рудина* 'возвышенное, довольно ровное и обширное место в горах, поросшее травой, где есть выпасные луга' (с. Бобошино, Кюстендилск. окр., запись Андоновой, Григ. БГТ), *рудина* 'холм, возвышение' (с. Годеч, Григ. БГТ)¹⁴. В македонских говорах *рудина* 'горная равнина

¹³ Ф. Славский, однако, для этого же корня **reudh-* предполагает значение 'красный' (см. ниже сноску 15).

¹⁴ Н.П. Ковачев в книге "Местные названия от Севлиево" (София, 1961) приводит ряд топонимов: *Рудинъ* — каменистое пастбище; лес, пастбище; пастбище с низкой травой; обширное каменистое пастбище (с. 251) и отмечает, что они возникли

¹² Петровић П.Ж. Живот и обичаји народни у Грузи. — СЕЗБ. LVIII, Београд, 1943, с. 31.

(ровное пространство), покрытая травой и лишенная леса' (Прилеп. СбНУ II, 196), *рудина* 'горное пространство, поросшее кудреватой травой' (Разлог, СбНУ XLVIII, 519). Последняя форма и значение характерны и для македонского литературного языка (РМЈ).

Фонетическим вариантом лексемы *рудина* в северо-западных болгарских говорах в районе городов Враца, Оряхово и Луковит выступает *родина* (с. Ыглен, Луковитско), прилагательн. *родинява* (с. Чирен и с. Царевец, Врачанско), *родинява земя* (г. Оряхово, Стран. БННП 1957, 356). Термин *родина* имеет то же значение, что и *рудина*.

Происхождение этих форм не совсем ясно и в связи с ними возникает естественный вопрос об этимологии сербскохорватского и болгарского слова *рудина*. Совершенно очевидно, что от характера корня зависит и объем привлекаемого для сопоставления материала, равно как и наоборот — объемом привлекаемого материала может определяться выбор корня, так как семантика почти во всех случаях сходна или достаточно близка.

В научной литературе интересующий нас вопрос решается по-разному. Й. Шютц видит в слове *рудина* корень **rqd*, на что, по его мнению, указывает и словенск. *rodina* 'Humuserde', 'Riedras' ('гумусовая почва, плодородная почва'), 'осока') и польск. *rdzina* 'карбонатная почва', 'выветрившийся гипсовый миоценовый мегрель, весьма урожайная, но трудная для обработки почва, так как после дождя она вязкая, а высохшая — твердая, как камень' (SW), а также с.-хорв. *rd* 'курчавый, кудрявый' и *rdast* то же (RHSJ) и словенск. *rd* 'шершавый, курчавый (о волосах)', 'необработанный' (Plet. SNS, Schütz GTSK, 56). Польск. *rdzina* и с.-хорв. *рудина* сближают А. Брюкнер (Brück. SEJP), Й. Едвай (RHSJ) и др. (см. литературу вопроса у Nitsche GTP, 101). Существует, однако, и польск. *rudowina* 'болото с болотной рудой', 'новина, выкорчеванное из-под леса поле' (см. выше), до недавнего времени не привлекавшееся для этимологических штудий. С. Младенов, как уже указывалось, склонен видеть в корне рассматриваемого слова не носовой велярный, а праславянск. **u*, поэтому польский (форма *rudawina* ему была неизвестна) и словенский материал им не приводится. Кажущееся противоречие между частью польских данных и словенскими данными, с одной стороны (где, как будто, отражены рефлекс *q > ɣ* и *q > o*), и болгарскими, с другой (где на основной болгарской территории следовало бы ожидать *q > ɔ*), попытался снять Ф. Славский, допускавший возможность дублетного корня *rqd-rud*¹⁵.

Недостаток подробного материала, прежде всего по болгарским, македонским и словенским диалектам, а также почти полное игнорирование исследователями восточнославянских данных, затрудняло и затрудняет

окончательное решение вопроса. Поэтому все предложенные этимологии оставались, а во многом остаются и сейчас на уровне гипотез.

В общем таких гипотез три: а) формы с *rud-* (словенск. *rod-*, польск. *rd-*) восходят к корню **rqd-*; б) формы с *rud-* исконны, т.е. восходят к праслав. **rud-*; в) формы с *rud-* и с другим гласным корня — результат рефлексов дублетного корня *rqd-rud*.

Прежде чем склониться к одной из них, целесообразно рассмотреть аргументы в пользу каждой гипотезы отдельно. При этом существенна оценка материала и выяснение вопроса, выводим ли весь обозреваемый материал из одного этимона.

Что касается восточнославянских данных, то они приведены довольно подробно в нашей книге "Славянская географическая терминология". В общих чертах они сводятся к следующему: западнополесск. *рудина* 'болотное пастбище', восточнополесск. *рудá* 'ржавое болото', житомирск. *рудá* 'болотистый луг или берег', проскуровск. *рудá* 'заболоченная низменность', б.-рус. *рудá* 'ржавое болото', в.-рус., архангельск. *рудá* 'болотная ржавчина' (см. Тол. СГТ, 188—189, а также Jurk. UTH, 159, 160). С этими терминами можно соотнести и н.-луж. *ruda, rudawa, ru dawica* 'болото, земля с ржавой водой', 'торфяная почва', 'железистая вода' (Muka SDSR) в.-луж. *rudowizna* то же (Jak. HSNS, Pful ŁSS), польск. *ruda, rudawa, rudawina, rudawizna, rudowina, rudowizna, rudowaczna, rudowisko, rudka, rudnia* 'болото с болотной рудой, с окраской руды' (SW, Nitsche GTP, Jurk. UTH, 159—160), наконец и словенск. *rdnica* 'минеральный источник' (Plet. SNS, Badj. LjG...). Семантическая связь 'болото' ↔ 'источник' хорошо прослеживается на ряде других лексем.

Если склониться к первой гипотезе о происхождении форм с *rud-* от корня **rqd-*, то окажутся объяснимыми восточнославянские, сербскохорватские, лужицкие, некоторые диалектные болгарские, некоторые словенские (кроме *rdnica*) и некоторые польские (кроме *rudowina, rudowisko* и т.п.) формы. Затруднения возникнут при обосновании некоторых болгарских и македонских форм, так как рефлекс *q > u* известен лишь в сравнительно ограниченных — западноболгарской и северномакедонской зонах, примыкающих к более обширному сербскохорватскому массиву. В остальных болгарских и македонских ареалах известны рефлекс *q > ɔ*, *q > a* и др.¹⁶ Это препятствие может быть снято, если признать возможным предположение, что интересующий нас термин известен в основном в Западной Болгарии, несколько шире зоны так называемых "переходных" говоров, где *q > u*, и в соседних с ними говорах северозападных, часть из которых знает рефлекс *q > a* (именно здесь встречаются и формы *родина*). Затем следует также учесть, что множество примеров по македонским говорам так же, как и по говорам софийским, самоковским и т.п., взяты исследователями из фольклора (см., РМЈ, Стран. БННП 1957, 357—358). Поэтому может оказаться вероятным предположение, что лексема *рудина* проникала из сербскохорватских, македонских и болгарских говоров с рефлексом *q > u* на юг и восток непосредственно в связи с миграцией скотоводческого, полукочевоего населения (ср. также и другие случаи

¹⁵ См.: F. Stawski. Oboczność *q : u* w językach słowiańskich, с. 267.
¹⁶ См.: Стойков С. Българска диалектология, с. 131—132; см. также: Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965, с. 36—37.

от географического термина *рудина* 'пастбище со слабой растительностью, которая быстро выгорает летом из-за каменистой почвы' (с. 19), к сожалению, не указывая, бытует этот термин в Севлиевской округе (западная часть Габровской зоны — Центральная Болгария) или нет. Например, К. Пеев в своих "Заметках по лексике и фразеологии из области Струмы" для *рудина* отмечает, что этот термин "вымер" и встречается только в топонимии (Пеев БЛФС, 208).

¹⁵ См.: F. Stawski. Oboczność *q : u* w językach słowiańskich, с. 267.

широкого распространения слов с $q > u$), либо (возможно, и одновременно) с народными песнями, с фольклором из северомакедонского, западно-болгарского и южносербского эпицентра.

Если не считать форму *rodina* не совсем точной записью из зоны диалектов с рефлексом $q > a$ (что мало вероятно), то следует учитывать возможность контаминации с группой слов с корнем **rod-* 'рожать', 'быть плодородным', хотя такая возможность трудно доказуема. Тем не менее отметим, что в с. Кытина (Софийская округа) микротопоним *Родината* воспринимается как производное от *раждам* 'рожаю', т.е. как "родовита местность" — 'плодородное место' (Стран. БННП 1957, 356). Ср. приведенное выше словенск. *rodina*, а также *rōden* 'плодородный' (Plet. SNS, SSS).

Многие семантические сдвиги и контаминации, ведущие к сближению со словами другого корня, могли произойти в относительно поздний период времени и затемнить более раннее состояние. Что же касается предположения о возможности заимствования форм с *-и* на болгарской территории, то оно может быть достаточно обоснованным лишь в результате специального лингвогеографического исследования. Аналогичная картина как будто бы наблюдалась на польской диалектной территории с дублетами *tąg (tęg) — tąg*, где последняя форма на первый взгляд чаще распространена на восточной окраине, граничащей с восточнославянскими диалектами. Однако ее присутствие в силезских, западномаłopольских, серадских и велунских говорах (см. MAGP, XI, 1968, карта № 520) снимает вопрос о возможности заимствования из древнерусских или белорусско-украинских говоров.

Даже если преодолеть трудности обоснования ряда болгарских и македонских форм, то на базе первой гипотезы останутся необъяснимыми словенск. *rūdница* и польск. *rudowina* и т.п. В таком случае их придется отнести к другому этимону. Значительные осложнения возникнут и при толковании восточнославянского материала. Западнополесск. ровенск. *рудина* 'болотное пастбище' будет чрезвычайно трудно отделить от полесского же житомирск. *рудá* 'болотный луг или берег' и тем более последнее — от б.-рус. *рудá* 'ржавое болото', в.-рус. архангельск. *рудá* 'болотная ржавчина'. Едва ли ровенск. *рудина* следует относить к корню *rqd-*, а остальные формы к корню *rud-* и т.п. Все восточнославянские формы связаны, надо полагать, с корнем *rud-* 'красный', на что довольно красноречиво указывает семантика приведенных терминов, которая близка к семантике терминов южнославянских.

Если склониться ко второй гипотезе об исконности форм с *rud-* (от корня **rud-*), то не возникает осложнений при этимологизировании восточнославянских форм, сербскохорватских, болгарских (кроме форм *родина*), польских (кроме форм *rdzina*), лужицких и части словенских (*řidnica*, но не *rodina*). Рассуждения о возможности проникновения форм с *-и* на болгарской диалектной территории из зоны говоров с рефлексом $q > u$ окажутся лишними основания. Формы с *-o* в болгарском и словенском можно будет объяснить как возникшие под влиянием слов с корнем **rod-* 'рожать, быть плодородным' (в словенском, возможно, происхождение — непосредственно от этого корня). Особого объяснения потребует только южномаłopольская форма *rdzina*.

Третья гипотеза о древней вариативности корней *rqd-/rud-*¹⁷ облегчает объяснение многих форм, кроме болгарских форм с *o* (*родина*), которые можно толковать так же, как это было сделано применительно ко второй гипотезе. Однако, если допустить такую вариативность, нужно учитывать, что она возникла давно, и еще в праславянскую эпоху эти корни могли восприниматься как разные, хотя и близкие по семантике.

Наконец, независимо от того, принимается вторая или третья гипотеза (или даже в крайнем случае — первая) в качестве этимологически приемлемой, нельзя не обратить внимания на тот факт, что вост.-слав., зап.-полесск. *рудина* 'болотное пастбище' имеет довольно четкое соответствие в южнославянском *рудина* 'каменистое пастбище', так же как полесск. *полонь* 'чистое, свободное для пастбища или сенокоса место' соответствует диал. с.-хорв. и болг. *планина* 'выпасной луг, пастбище', карп.-укр. *полонина* то же польск. *ptonina* 'лужайка в лесу' (см. подробнее Тол. СГТ, с. 260–261). И в Полесье и у южных славян **polnina* — пастбище более высокого качества, чем **rudina*. В Полесье эта сниженная, "вторая" степень качества на уровне референта выражается "болотистостью", на Балканах в условиях горного ландшафта "каменистостью". Свойство референта в результате миграции славян изменилось, но семантический дифференциальный признак в общей системе терминов в ряде восточно- и южнославянских диалектов, видимо, сохранился, как сохранилось отчасти и место в общей дистрибуции терминов (см. приведенную классификацию П.Ж. Петровича для Центральной Сербии — Груза). Было бы чрезвычайно важно продолжить поиск материала в других славянских зонах и прежде всего в Карпатской.

В связи с этим уместно сказать несколько слов по этимологическому вопросу, который остался нерешенным до конца. В тех славянских зонах, где рефлекс q совпал с исконным *и* (из **ou*, **eu*), лишь семантика в какой-то мере может навести на предположение о причастности слова к варианту

¹⁷ Применительно к рассматриваемому термину Ф. Славский писал следующее: "*rqd-*; *rud-* (польск. *rdzina* 'тяжелая, но урожайная почва *rudu* Brückner KZ 42, 368; Sl. et. [= Brück. SEJP. — H.T.] 458, 455 под знаком вопроса). Праслав. *rqd-* с носовым инфиксом от индоевр. **reudh* 'красный' (**ru-n-dh*). Форму **rud-* репрезентируют серб. *rudina* 'поле', болг. *рудина* 'горная равнина с хорошим пастбищем, горное пастбище'. В том же значении выступает и болг. *рудина*, отчасти указывающее на первоначальное прилагательное *rudънъ* от общеслав. *ruda*; ср. болг. *рудá*, польск. *ruda*. Польск. *rdzina*, как явствует из любезно предоставленной мне проф. Ничем рукописной статьи, — маłopольское слово, употребляемое в значении 'тяжелая почва' (глинистая, известковая), всегда, однако, урожайная'. Семантической основой мог бы быть в таком случае цвет почвы (ср. польск. *bielica*, *popielatka*), откуда далее 'хороший, красивый'; ср. в.-рус. *красный* 'красный', 'прекрасный', польск. *krasny*. Заслуживает особого внимания болг. *руд* также 'хороший, прекрасный' как определение почвы (у Герова два примера на *руда лядина* 'поле'). Совершенно в ином направлении пошло развитие значения в словен. *řod* 'шероховатый, шершавый', между прочим у Плетершника *rodi lasje* 'кудрявые волосы', *roda zemlja*, *rodo maslo* 'твердое', *roda njiva* 'истощенная, изнуренная'. Что касается различия в значении, то ср. польск. *gizdawu* 'уродливый, отвратительный' и болг. *гиздав* 'красивый, нарядный'. Иначе I. H. Petersson Asl Ph 36, 142–3 сближает с в.-рус. *рямá* 'низкие заросли над рекой, лсц', **rq(d)mtъ* ≤ ин.-евр. **urend-mo-*; 2. Млад. 564 сопоставляет болг. *рудина* с ин.-евр. **reudh-* 'корчевать' (о польск. и сербск. не упоминает)" (Sławski F. Oboczność q u ..., с. 267–268).

rqd- или *rud-*, но этот критерий в данном случае (как и во многих других) достаточно шаткий. Такое предположение строится на том, что корень **rud-* сохранил семантический признак "красный" наряду с дополнительно появившимися семами, в то время как корень **rqd-* в результате транс-семантизации получил значения 'шершавый, кучерявый' (**rqd-*, **rqdъjъ*), 'черствый (о земле, хлебе), постный', наконец 'сырой, необработанный'. Все эти значения выражает словенск. прилагат. *ród* (Plet. SNS, SSS). Корень **rqd-*, вероятно, в славянском мире более локален, чем корень **rud-*.

При таком подходе как бы примиряются третья и вторая гипотеза (а также становится допустимой и первая), но не во всем их объеме. Ибо, по-видимому, все дело в хронологии. В раннем периоде развития праславянского языка, как отмечалось, корень *rqd-/rud-* был вариативным, позже эти варианты уже могли восприниматься как отдельные корни.

Раменье

Зафиксированное в Полесье значение для термина *лядо* 'вообще большое поле' в отличие от 'вспаханного большого поля' — *пал'етка* (Бд.), затем *лядо* 'большое открытое поле' (Кн. Дв.) отражает достаточно древнее значение термина **lēdo*, который согласно данным индоевропейских языков, в том числе и южно- и западославянских, по преимуществу означал 'целина', 'невозделанная земля', 'поле обширной площади' и т.п., т.е. 'земля еще не обработанная, но пригодная к обработке, к земледелию'. Такое значение, помимо Полесья, отмечалось и в других восточнославянских зонах, в частности в Олонецкой зоне, где *ледины* 'места в лесу, удобные для хлебопашества' (Куликовский 1898). Этот вопрос достаточно подробно разработан О.Г. Пороховой (см. Пор. Слова). Важно отметить только, что у восточных славян, особенно на русском Севере, где система обработки земли на базе подсеки сохранялась особенно долго¹⁸, термин **lēdo* из земледельческого термина 'невспаханная земля большой площади для обработки' превратился в термин подсечного земледелия (с разными значениями, связанными с циклом подсечных работ), а затем в географический термин, вернее в географические термины разных видов (Тол. СГТ, 134–143). В связи с этим интересно проследить судьбу другой лексемы, связанной с земледельческой и подсечно-земледельческой терминологией и перешедшей позже в сферу географических апеллятивов — термина *раменье*.

Честь установления надежной этимологии для слова *рамень*, *раменье* принадлежит Ю.В. Откупщикову, который справедливо видел неудачу своих предшественников (А. Матценауера, В. Ягича, Г.А. Ильинского, М. Фасмера) в невнимании к анализу словообразовательной стороны термина (наличие ряда других слов с суф. **-men-*) и стороны семантической. "Направление семантического анализа, — отмечал Ю.В. Откупщиков, — было определено заранее"¹⁹, этимологи обращали внимание лишь на позд-

нее значение термина, связанное с лесом. Анализируя слово *рамень* 'край пашни у леса' (Даль СЖВЯ) и устанавливая его связь с такими словами, как *ра-ло* 'рало', *ра-тай* 'пахарь', *ра-ль* 'нива', др.-рус. *ра-тва* 'пахота', наконец *орать* 'пахать', Ю.В. Откупщиков довольно точно устанавливает первоначальную семантику слова — *рамень* 'пашня', 'пашня по соседству с лесом'. Далее, видя в семантических сдвигах термина *рамень* "наглядное отражение подсечной системы земледелия"²⁰, он считает еще более вероятным семантическое изменение 'пашня' → 'пашня, заросшая лесом' → 'лес на заброшенной пашне' → 'лес'. Такую последовательность подтверждает и записанный Н.А. Мещерским в Карелии термин *сурамень* 'мелкий лес, растущий на запущенной пашне' (приставка *су-*, вероятно, выражает здесь сему "мелкий") и множество других значений слова *рамень*, почерпнутых автором новой этимологии из словаря В. Даля и толковых словарей XIX–XX в.

Приводим материал, использованный Ю.В. Откупщиковым: «*ра́ма* [ж] стар. межа, граница, обвод, обход участка земли по владению; *рама* ныне *обра́мьне*, край, предел, конец пашни, которая упирается в лес, либо расчищена среди леса, как встарь, большею частью, и ныне тоже нередко на севере и востоке Руси, отсюда *за́ра́мьне* или *ра́мьне* ж. и *ра́мьне*. Ср. лес соседний с полями с пашней. Да по край Федоровы пашни (идет межа *ра́ма*) на ручей да на угол Гридина — мху, да на раменье на пихтовое. Акты юридические (историч. материал. — Н.Т.). Ниже *ра́мьне* и *ра́мьне* кстр., ряз. мешаное чернолесье, ель, пихта, липа, береза, осина, болес по суглинку с моховиной; кстр. прм. вят. влд. густой дремучий темный лес; большие казенные леса, где есть распахка; глушь лесная непроезжая, без дорог, где только по опушке есть починки и рощистки, *ра́мьне* влд. деревня, селенье под лесом. *Рамень* у промышленников, бревно в 5–7 сажень. В лесу да в раменье кипит, да взваривает? (муравейник)» (Даль, СЖВЯ). Далее следует объяснение-этимология В. Даля: «*ра́ми*, *ра́мка* от *ра́мо*, *рамена́*; *обра́мьне* окраина пашни, рощисть в лесу; *за́ра́мьне* или просто *ра́мьне* лес, окружающий поле, пашню, чащобу: так в кал. губ. лес нередко зовется *краем*, т.е. закраиною поля, раменьем, а *край* и *рама* одно и то же» (Даль СЖВЯ); *ра́мьне* 'лес по краю пашни' (Срезн. МСДРЯ); *раме́нь*, *-мя* 'строительный, годный на строение лес' (Словарь Академии Российской, изд. 2. СПб., 1806; Общий церковно-славяно-русский словарь, СПб., 1834); *ра́мьне*, *рамя́* 'лесная поросль на запущенной пашне' (Словарь церковно-славянского и русского языка. Имп. Акад. Наук, изд. 2. СПб., 1868); *ра́мьне*, *ра́мьне* обл. 'густой, дремучий лес (обычно еловый)' (ССРЛЯ).

Обращаясь к вопросу этимологии и последовательности основных семантических сдвигов, Ю.В. Откупщиков не ставил своей задачей выяснение относительно второстепенных и подчиненных вопросов — более точного определения географии интересовавшего его термина и всей широты семантической амплитуды колебания лексемы *раменье* в великорусских говорах. Вероятно, и нам следовало бы признать материал и выводы Ю.В. Откупщикова вполне достаточными, если бы не один факт, требующий полно-

¹⁸ См. об этом подробнее в итоговой монографии: Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

¹⁹ См.: Откупщиков Ю.В. О происхождении слов *рамень* и *раменье*. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, с. 88.

²⁰ См. там же, с. 93.

го изложения имеющихся данных: довольно четкий параллелизм семантических переходов термина * *lędo* и других терминов подсечного земледелия с термином * *отеньје*.

Помимо приведенных выше значений из словаря В. Даля и словарей литературного языка, преимущественно XIX в., которые отражают то или иное диалектное значение без указания на географическое распространение термина, отметим следующее. В Череповецкой, Вологодской и Северно-Двинской зонах *рамень* 'свободное от леса, но окруженное лесом пространство': сев.-двинск. *рамень* 'пустошь' (с. Устьянско-Дмитриевское, Романов 1928), череповецк. — *рамени* 'луговые сенокосные пространства среди леса' (Герасимов, 1893, Герасимов 1910), вологодск. *рамень* 'чищение в лесу' (Кадниковск. у. Дилакторский 1898). Отсюда, вероятно, и значение, отмеченное для Верховажья б. Вологодской губернии А. Шайтановым в 1849 г.: "*рамень* — так во многих местах зовутся деревни, стоящие в полу-угоре (далее следует ложная этимологизация — *Н.Т.*), как будто на раменах гор, или как будто горы им служат рамами" (отсюда и Опыт 1852 и позже Даль СЖВЯ и Дилакторский 1902). В архангельских, вологодских и новгородских говорах отмечено еще мезенск. *рамень* 'опушка дремучего хвойного леса' (Подвысоцкий 1885), прионежск. *рамень* 'пустошь' (Шайжин 1922), *рамень* 'опушка леса' (Опеченск. р-н, б. Новгородск. губ. и Шольск. р-н Вологодск. губ., Гарновский 1920), а также архангельск. *раменьё*, -я 'густой лиственный лес по топкому месту': ево поле за раменем (пример показывает, что здесь возможно и значение 'опушка леса'. — *Н.Т.*) (с. Раменьё, Вельск. р-н, Архангельск. обл. Зимин 1953) и вологодск. *рамень* 'строевой лес' (Втор. Доп. 1905–1921). В зоне костромских, владимирских и особенно расположенных на северо-восток от них вятских и пермских говоров *рамень* 'большой, дремучий лес', кинешемск., костромск. *рамень* 'большой казенный лес' (Леонов 1846, отсюда Опыт 1852), *рамень*, -и ж. 'густой дремучий лес': Ходили в рамень за грибами (г. Ветлуга, Марков 1919), владимирск, муромск. *рамень* 'старинное место, где растет дремучий (большой) лес, годный на строение', "например, говорится: мы ехали такой раменью, что инда страшно" (Яковлев 1847–1848, отсюда Опыт 1852), владимирск. *рамень* — "этим словом называют большой березовый лес (сосновый лес известен под названием *бору*)" (б. Гороховский, у. Борисоглебский 1854), *раменьё* 'место, где растет дремучий, большой лес, годный на строение' (б. Покровск. у., Опыт 1852), хотя зафиксировано и значение *рамень* 'лиственный лес, по коему есть покосы' (Меленковск. уезд, Добрынкин 1878). Наибольшее число примеров собрано в Вятской и Пермской зоне. Для этих зон "Опыт" отмечает *раменьё* 'крупный, дремучий лес' (вятск., пермск., шадринск. Опыт 1852). Ср. также вятск. *рамень* 'лесистое место' (Боричевский 1842–1847), *рамень* 'лесистое место, через которое нет проезжей дороги' (б. Вятск. уезд. запись 1847, карт. СРНГ), *рамень* то же (б. Слободск. и Котельническ. у., Тиховидов 1848), *рамень* 'густой лес' (б. Слободской у. Шишкин 1881), *рамень* то же (Лавренев 1890), *рамень* 'хвойный лес (чаще ель и пихта без сосны)' (Кузьмодемьянск, Зеленин 1903, с. 135), *рамень*, *рамень* 'глухой лес, по коему нет дороги' (Зеленин 1915), *рамень* м, *рамень*, -я ср. 'большой дремучий лес' — "преимущественно казенный лес" (Васнецов 1907), *рамень* 'большой дремучий лес': рамен'йо — л'ес бол'шой, глухой, пустын-

нойо место, — в рамен'йе кос'ат, до кол'ен'ей воды (Вожгальск. р-н, Горева 1950), рамен'йо — ето йеловой л'ес, глухойо м'есто; рамен'йо — л'ес др'емуч'ой (Медянск. р-н, Прозорова 1952–1954); пермск. оханьск., соликамск. *рамень* 'черный или темный лес, где водятся звери' (Волегов, б/г), пермск. *раменьё* 'густой, черный и темный лес' (Огарев 1848), *рамень* 'крупный дремучий лес' (Луканин 1856, Муллов 1863), — *рамень* 'густой еловый лес' (Александров 1895 и 1898), пермск. чердынск. *рамень* 'глухой, непроходимый лес' (Муллов 1863), пермск. *рамень* 'слишком густой и высокий лес' (Пономарев 1861), пермск. соликамск. *раменьё* 'труднопроходимое место в лесу' (Старцева 1962), уральск. *рамень* 'глухой лес' (Пашковский 1965), зауральск. *рамень* 'сплошной лес, соседний с полями, пашнями' (Тимофеев 1962). То же значение наблюдается в ряде пунктов Поволжья, где *рамень* "такое в лесу место или иначе мычуженник, в котором растут всякого рода деревья: осина, береза, ольха" (г. Чебоксары, б. Казанск. губ. Кроновский б/г), *рамень* 'густой лес, чаща' (нижегородск. Второе Доп. 1905–1921), *рамень* 'середина рамежки, где глухо', *рамежка* 'лес около полей и лугов' (с. Верхозим, б. Петровск. у. Саратовск. губ., Наумов 1959)²¹. Из сибирских материалов известна лишь запись из Новосибирск. обл. *рамень*, -еня м. 'подрост в лесу' (с. Новый Сузун 1962, Карт. СРНГ).

Особо следует отметить рязанский материал — единственный из южно-русской зоны: *рамень* 'луг на поемной местности' (д. Дубровичи, б. Рязанск. у. Городцов 1902), *рамень* 'мешанное чернолесье...' (см. выше Даль СЖВЯ; В. Даль дал объединенно с костромск.). В переходной великорусско-белорусской смоленской зоне отмечено прилагательное *раминный*: *раминныя грядовыя миста* 'места, в коих скоро вырастет лес' (с. Лукьяново, б. Бельск. у. Добровольский 1914).

Наконец, В. Бурнашев в качестве профессионального лесопромышленного термина (без указания места распространения) дает *рамень* 'обыкновенное строевое дерево толщиной от 5 до 8 вершков в отрубе и длиною от 5 до 7 сажень' (Бурнашев 1843, отсюда Даль СЖВЯ), что естественно отражает переход названия леса определенного вида и качества на название материала, получаемого из этого леса.

Производные *раменный*, *раменской* зафиксированы в меньшем числе примеров, но все они имеют значение 'лесной' и т.п. Ср. вятск., пермск., шадринск., *раменской* 'относящийся к раменью': медведь *раменской* (Муллов 1863), пермск. *раменской* 'о медведе: живущий, водящийся в раменьё' — "слово раменский прилагается к медведю как будто фамилия" (Луканин 1856), нижегородск. *раменский*: "так зовут медведя потому, что это житель чащи" (Второе Доп. 1905–1921) (здесь не исключено и появление "подставного имени", т.е. табуирование), рязанск., касимовск. *раменный* 'относящийся к раменью, боровой': *раменные дрова* 'дрова из бору' (Дмитриевский 1824, отсюда Опыт 1852).

Из изложенного материала становится ясно, что словари литературного языка по-разному отражали диалектные значения интересующего нас тер-

²¹ В последних двух случаях, вероятно, толкование не совсем удачное, так как из сопровождающих толкование примеров становится ясно, что *раменьё* 'глухой лес', а уменьш. *рамежка* 'опушка', 'подлесок' — более молодой край леса'.

мина, притом последний словарь — ССРЛЯ — принял наиболее распространенную диалектную семему 'густой дремучий лес'.

В географической терминологии, когда речь идет об историческом или фольклорном материале, о памятниках письменности, былинах или народных песнях, контекст дает возможность достаточно точно определить значение лишь в редких случаях. Обычно толкователи редких слов просто обращаются к известным им диалектным значениям и на основании последних определяют значение слова, встречающегося в памятнике или в фольклорной записи. Так, например, для одного и того же отрывка текста "... скакал по темным по лесам и по раменью..." в сборнике Кириши Данилова дается пояснение — *рамень* 'густой лес, лес соседний с полями' (толкование А.П. Евгеньевой)²², а в сборнике П.Н. Рыбникова *рамень* ср.: 'место, где растет большой строевой лес' ('Песни, собранные П.Н. Рыбниковым', ч. 1. Петрозаводск, 1864). Именно поэтому, отметим еще раз, историческими и фольклорными текстами при определении семантики слова нужно пользоваться весьма осторожно, и лишь при достаточной диагностичности контекста считать значение точно установленным.

География семантики термина *рамень*, *рамень* позволяет выделить в основном две сферы: западную часть северной зоны, где известны 'пустошь', 'луговые сенокосные пространства среди леса', 'чищение в лесу' (здесь четко прослеживается связь с подсечным земледелием), и восточную часть северной зоны, особенно вятско-пермскую, где преобладает 'большой дремучий лес'. В этой зоне любопытно отметить появление дифференциального семантического признака "отсутствие дороги": *рамень* 'лесистое место, через которое нет проезжей дороги; в то время как *волок* означает 'большой лес не менее верст пятнадцати, по которому протекает дорога' (д. Епихова, б. Нолинск. у. д. Чепца и Шиховская б. Вятск, у. Вятск. губ. Колосов 1877, с. 232). Это — один из достаточно ярких примеров связи географической терминологии с терминологией коммуникаций, точнее их синкретизм в соприкасающихся сферах. Однако корреляция лесного термина *рамень* с другими терминами может быть построена и на основе признака породы деревьев (ср. владимирск. *рамень* 'большой березовый лес' в отличие от *бора* 'большого соснового леса', Борисоглебский 1854), но чаще всего она возникает на основе признака "величины" и "дремучести". Последний признак объединяет термин *рамень* с такими севернорусскими лесными терминами, как *волок*, *бор*, *лядина*. Ср. великолукск., красногородск. *лядина* 'большой лес', олонецк., новгородск., псковск., великолукск., тверск. *лядина* 'густой лес'. Однако для термина *ляда*, *лядина* отмечены и признаки "молодой", "редкий" и т.п. В связи с этим следует учитывать и момент различной изученности двух терминов: если термин *ляда* счастливо попал в вопросники трех восточнославянских атласов, то материал по термину *рамень* специально не собирался. Не исключено, что он бы выявил более значительную семантическую амплитуду колебания лексемы **ortenyje*, чем та, которая нам известна. Тем не менее и в имеющемся довольно обильном материале для термина *рамень* выделяется

²² См.: Евгеньева А.П. Словарь устарелых, диалектных и других малопонятных слов, встречающихся в сборнике Кириши Данилова. — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киришю Даниловым. М. — Л., 1958, с. 65.

достаточно четко противопоставление 'ограниченное лесное пространство': 'ограниченное безлесное пространство (чаще) среди леса' (ср. случаи с терминами **gajъ*, **lędo*, **polnina* и др.). Такое противопоставление может выявляться даже в одной зоне, например рязанской.

Наконец, следует отметить, что география слова *рамень* свидетельствует в пользу этимологии Ю.В. Откупщикова, если ее сопоставить с ареалом слова *орать* (территориально противопоставленному *пахати*). Изоглосса *орать*: *пахать* очень подробно с привлечением большого материала изложена Ф.П. Филиным (Фил. ИЛРГ), наблюдения которого подтвердились позднее при сборе данных для Диалектологического атласа русского языка. "Термин *орать* фиксируется в псковских, новгородских, олонецких, вологодских, архангельских и костромских говорах. В вятско-пермской группе он отсутствует почти полностью. Отсутствует этот термин и в верховьях р. Волги, как и во владимирских говорах (зафиксирован только в одном пункте)" (Фил. ИЛРГ, 103—104). Таким образом, "первоначально термин *пахать* был достоянием исключительно южновеликорусских говоров, *орать* — северновеликорусских" (Фил. ИЛРГ, 102), хотя кое-где на Рязанщине встречается производное слово *оралка*, *оранка* 'соха', что можно объяснить известными переселениями северновеликоруссов в эти районы (Фил. ИЛРГ, 102—103).

Что касается термина *рамень*, то он тоже распространен почти исключительно в северновеликорусских говорах и лишь рязанская зона, как и в случае с *орать*, спорадически его отражает. Любопытно отметить, что значение 'большой дремучий лес', значение максимально удалившееся от первоначального — 'вспаханное поле' или 'поле, пригодное для пашни', устойчиво сохраняется именно в Вятско-Пермской и отчасти Владимирской зоне.

В Вятско-Пермской зоне зафиксирован и один пример, дающий еще одно свидетельство в пользу этимологии Ю.В. Откупщикова: пермск. соликамск. *ралина* 'чаща' (Старцева 1962).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БД — Българска диалектология. София, кн. I—X, София, 1962—1968.
БЕР — Български етимологичен речник. София, 1962 и сл.
БТР — Андрейчин Л., Георгиев В., Илчев Ст., Костов Н., Леков Ив., Стойков Ст., Тодоров Цв. Български тълковен речник. София, 1955.
Гер. РБЯ — Геров Н. Речник на българският език. ч. I—V. Пловдив, 1895—1904.
Григ. СМГТ — Григорян Э.А. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
Грин. ВИЛРЯ — Гринкова Н.П. Вопросы исторической лексикологии русского языка. — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. т. 23. Л., 1962.
Даль СЖВЯ — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV, изд. 4-ое. СПб. — М., 1904—1912.
Елез. РКМД — Елезовић Гл. Речник косовско-метохиног дијалекта. књ. I—II. Београд, 1932—1935.
Злат. НГТВК — Златановић М. Називи географских термина у Врањској котлини. — Ономастолошки прилози. I. Београд, 1979, с. 129—140.
ИИБЕ — Известия на Института за български език. София, 1952 и сл.
Карт. БОС — Картотека Брянского областного словаря. Хранится на кафедре русского языка Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена.
Карт. ПОС — Картотека Псковского областного словаря. Хранится в словарном кабинете Филологического фак-та ЛГУ.

Карт СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Хранится в словарном секторе Ин-та языкознания АН СССР. Л.

МЈ — Македонски јазик, Скопје, 1950 и сл.

Млад. БТР — *Младенов Ст.* Български тълковен речник с оглед към народните говори. т. 1. София, 1951.

Млад ЕПРБКЕ — *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.

Мок. ЛАМГТ — *Мокиенко В.М.* Лингвистический анализ местной географической терминологии. Л., 1969 (канд. дис.).

Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Пеев БЛФС — *Пеев К.* Белешки за лексиката и фразеологијата од Струмишко. — МЈ, ч. XIX, Скопје, 1968, с. 201–225.

Пор Слова — *Порохова О.Г.* Слова ляда, лядина и нива в русских народных говорах. — Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, с. 175–191.

РМЈ — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I–III. Скопје 1961–1966.

РСБКЕ — Речник на съвремения български книжовен език, I–III. София, 1955–1959.

РСХКНЈ — Речник српскохрватског книжевног и народног језика, књ I–X. Београд 1959 и сл.

Ров. Черн. 1905 — *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. — Сб. ОРЯС, т. LXXX, № 2. СПб., 1905.

СБНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1883 и сл.

Сим. БР — *Симоновић Д.* Ботанички речник научних и народних имена биљака. Београд, 1959.

Срезн. МС—ДРЯ — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I–III. СПб., 1893–1912.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. I–XVII. М.—Л., 1950–1965.

ССУ — Словарь русских народных говоров среднего Урала, т. I. Свердловск, 1964.

Стран. БННП 1957 — *Странски И.* Български народни названия на почвата по разни признаци. — Изв. на Почвения ин-т. кн. 4. София, 1957, с. 307–409.

Тол. СГТ — *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология. М., 1969.

Фасм. ЭСРЯ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I–IV. М., 1964–1973.

Фил. ИЛРГ — *Филин Ф.П.* Исследование о лексике русских говоров. М.—Л., 1936.

AslPh — Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1876–1929.

Badj. LJG — *Badjura R.* Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953.

Brück. SEJP — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

Jak. HSNS — *Jakubaš F.* Hornjo-serbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.

Jud. NPLP — *Judycka I.* Nazwy pól, łąk i pastwisk oraz gleb i mokradeł w gwarach Pomorza Mazowieckiego. — Studia z dziejów osadnictwa, t. 1. Warszawa, 1963.

Jurk. UTH — *Jurkowski M.* Ukraińska terminologia hydrograficzna. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1971.

Kos. SoCz. — *Kosiński W.* Słownik okolicy Czchowa. Kraków, 1914.

MAGP — Mały atlas gwar polskich, t. I–XII. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1957–1969.

Muka SDR — *Muka E.* Słownik dolnosersbskeje rěcy. I. Pr., 1921 II. Praha, 1928.

Nitsche GTP — *Nitsche P.* Geographische Terminologie des Polnischen. Köln, 1964.

Pful. ŁSS — *Pful. Łużiski serbski słownik.* Budyšin, 1866.

Plet. SNS — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–1899.

Pok. IEW — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949.

Pr. GSI. — *Pracki W.* Gwara ślesieńska. — Lud, t. XIV, zes. 1 i 2. Lwów, 1908.

PSJC — Příruční slovník jazyka českého. Díl I–VIII. Praha, 1935–1957.

RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio I–XXIII, Zagreb, 1880–1976.

Schütz GTSK — *Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Staw. SEJP — *Stawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I–IV, Kraków, 1952 и сл.

SP — Słownik prastawiański. Pod red. F. Stawskiego, t. I–IV. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974–1981.

SSS — *Skrelić S., Aleksić R., Latković V.* Slovensko-srpskohrvatski slovar. Ljubljana-Beograd, 1964.

SW — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. t. I–VIII. Warszawa, 1900–1927.

Sych. SGK — Słownik gwar kaszubskich, t. I–VII. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967–1976.

Сокращения типа "Мулов 1863", относящиеся к материалам великорусских говоров, отдельным списком не приводятся и не раскрываются, т.к. их можно найти в "Словаре русских народных говоров" (вып. 1, М.—Л., 1965). Сокращения населенных пунктов Полесья: Бд. — Буда, Дв. — Довляды, Кн. — Конотоп.

Л.А. ГИНДИН

ИЗ ДРЕВНЕЙ ЭТНОНИМИКИ ПРИКАРПАТЯ

Коотѡѡко, Саѡѡко

Надо полагать, нет необходимости говорить о первостепенном значении для этнолингвистической проблематики Европы и особенно славянского мира географического ареала древнейшего (индоевропейского, античного) и последующих периодов, в центре которого позднеаримские и византийские авторы помещали Карпаты, служащие им конкретным ориентиром при построении карты, как, например, "География" Птолемея, являющаяся в настоящей работе одним из основных источников; относительно особой роли Карпатских гор с прилегающими областями в этногенетических процессах средневропейской зоны см.: *Трубачев* 1973; 1974, *Иванов-Топоров*.

Древняя этнонимика собственно Прикарпатья, включая пространства, примыкающие к Карпатам с севера и северо-востока (Европейская Сарматия), состоит из довольно значительного числа лексем, дошедших в крайне скудных, отрывочных и подчас совершенно случайных свидетельствах письменных памятников первых веков нашей эры. Подобное состояние источников обусловлено тем обстоятельством, что в глазах римских правителей до той эпохи, когда Римская империя вплотную соприкоснулась с народами, населявшими Прикарпатские территории (последние годы правления Нерона, войны Домициана и Траяна с даками, Маркоманские войны, т.е. со 2 половины I в. н.э.), эти области не имели существенного значения, так как лежали до определенного времени вне экспансионистских интересов Рима. Ученые же того времени, даже такой глубокий, как Полибий, и вслед за ним Страбон, понимали географию в соответствии с требованиями эпохи в качестве науки, "большая часть которой имеет отношение к жизни и нуждам правителей" (Τὸ μὲν δὲ πλεόν ... πρὸς τοὺς ἡγεμονικοῦς βίους καὶ τὰς χρείας ἐστὶ — Strab. I, 1, 18), другими словами помогать управлять страной, предоставляя необходимые конкретные знания о своих и соседних владениях. При этом, по мысли Страбона, подробнее следует описывать области, ближе расположенные к метрополии, "ибо они имеют более непосредственное отношение к нуждам [правителей]" (*ταῦτα*

γὰρ καὶ τῆς χρείας ἐγγυτέρω ἔστιν — Strab. I, 1, 16). Отсюда и проистекают трудно восполнимые лакуны в истории и этно-географии Прикарпатья, особенно областей к северу и северо-востоку от Карпат в интересующий нас до-византийский или предславянский период. В то же время великие географы-мыслители классического периода — Эратосфен, Гиппарх, Посидоний и даже Гекатей, понимавшие задачи своей науки достаточно широко, ничего не сообщают о данных территориях, так как они лежали вне их представления об ойкумене. Между прочим, как выяснилось, термин *Καρπάτης ὄρος* в письменных греческих памятниках встречается впервые, если не только у Птолемея (см. ниже) и с θ у Марциана Гераклеяского (Marc. Her. reg. m. ext. 2, 38).

Другой важный момент, характеризующий фактическую базу этнонимических и — шире — этнологических исследований в интересующем нас районе, заключается в усугублении скудости сведений их противоречивостью, ср. различную этническую атрибуцию племени *Βαοτάρναι* (*Βαοτέρναι*) в историографии эпохи римской империи, например, у Плиния, Страбона и Тацита, а также обилием разночтений, в части своей восходящих к ошибкам переписчиков, ср. форму этнонима костобоков, фиксированную Птолемеем, дошедшую по различным кодексам в следующих вариантах: *Κοιστοβῶκοι* (ее реальность подтверждается засвидетельствованным в надписи адъективом *Coistobocensis* — см. ниже), *Κοιστάβωκοι* X, *Κιστάβωκοι* FN, *Κιστοβῶκοι* ΣΦΨ Arg. Это в главе о Европейской Сарматии (Ptol. III, 5, 9), в главе о Дакии (Ptol. III, 8, 5) большая часть кодексов дает *Κιστῶκοι*. Последняя запись, вероятно, связана с монофтонгизацией *oi* в греческой вульгаре византийского периода и стремлением переписчиков разграничить тождественные этнонимы, упомянутые по разную сторону Карпат; закономерные варианты приводятся ниже (подробнее о разночтениях в имени костобоков см. Кудрявцев, с. 74 и сл.). Еще один пример. Цитируемое Дечевым и принятое нами чтение *Saboces* из *Scriptores Historicae Augustae*, Iulius Capitolinus (IV, 22, 1) основано на конъектуре Мюлленгофа (*Müllenhoff*, S. 83 ff), предложенной не без влияния формы *Σαβῶκοι*, приведенной Птолемеем, в рукописных списках это место безнадежно испорчено, в связи с чем имеют ся чтения *Sicobotes* и *Cobotes*.

В решении этно-лингвистических проблем карпато-балканского пространства предславянского периода, в значительной мере опирающихся на ономастические факты, в том числе этнонимические, сохранные античными памятниками, и на связанные с ними этнологические и географические представления древних авторов (историков, географов, лексикографов), такое состояние исследовательской базы обуславливает необходимость тщательной филологической, в традиционном понимании этого понятия, обработки исходного материала в качестве предварительной процедуры лингвистического, в данном случае этимологического анализа.

Применительно к отрывкам Птолемея, где упоминаются костобоки и сабоки, это выглядит не только как выбор среди разночтений оригинальной протоформы, но и как реконструкция этнического ландшафта на реальной географической карте данного района (здесь имеется в виду Европейская Сарматия) в зависимости от основных ориентиров Птолемея, а именно: *Ὀβενεδικός κόλπος* — совр. Балтийское море, *Ὀβιστοῦλας ποταμός* — совр. Висла и *Καρπάτης ὄρος* — Карпатские горы, а также в зависимости от семан-

тических соотношений предлогов *παρά*: *ὑπό* и союзов *εἴτα*: *καί* и т.п., которыми пользуется Птолемей для определения реального пространственного положения этносов и относительно друг друга. Следует указать, в тексте Птолемея, судя по спискам, каждому этнониму и т.п. в таблицах (*πίνακες*) отведена отдельная строчка; это производит впечатление, что Птолемей располагал их в пространстве одно под другим в ряду, идущем с севера на юг (ср. карты *Niederle*, s. 376–377; *Łowmiański*, s. 40–41).

Однако текст обоих специально интересующих нас 8 и 9 параграфов позволяет, или даже обуславливает, иную конфигурацию этнических единиц внутри этно-географической картины птолемеевой Европейской Сарматии. Автор читает в широтном направлении список этнонимов на группы, за единичным исключением, с помощью *ὑπό*, помещая этнонимы друг под другом, и привязывает к географическому ландшафту посредством предлога *παρά*. Полисемантизм аккузативных конструкций с *παρά* и, еще меньшая пространственная маркированность наречия *εἴτα*, к сожалению, весьма затрудняет однозначное понимание географической схемы Птолемея.

Рассмотрим с этой точки зрения указанные параграфы.

III, 5, 8: *Ἐλάττονα δὲ ἔθνη νέμεται τὴν Σαρματίαν ἢ παρὰ μὲν τὸν Οὐιστοῦλαν ποταμὸν ὑπὸ τοὺς Ὀβενέδας, ἢ Γύθωνες, ἢ εἴτα Φίννοι, ἢ εἴτα Σούλωνες ἢ ὑφ' οὓς Φρουγονδῖωνες, ἢ εἴτα Ἀβάρνοι παρὰ τὴν κεφαλὴν ἢ τοῦ Οὐιστοῦλα ποταμοῦ ἢ ὑφ' οὓς Ὀμβρωνες, ἢ εἴτα Ἀνατορράκτοι, ἢ εἴτα Βουργῖωνες, ἢ εἴτα Ἀροῖται, ἢ εἴτα Σαβῶκοι, ἢ εἴτα Πιενγῖται ἢ καὶ Βίεσσοι παρὰ τὸν Καρπάτην τὸ ὄρος. Ἦз меньших народов Сарматию населяют (букв. существуют, кормятся) ἢ вдоль реки Вистула [совр. Висла] (или около, или в районе, примыкающем к) ἢ под венедами ἢ гютоны (готы), потом финны, ἢ потом сулоны, ἢ под ними фругундионы, ἢ потом аварины у истока (или в верховьях) ἢ реки Вистула, под ними омброны, ἢ потом анаторфракты, ἢ потом бургионы, ἢ потом арситы, ἢ потом сабоки, ἢ потом пиенгиты, ἢ и биессы у (или вдоль) Карпатских гор' (из предыдущего параграфа известно, что венеда — северная точка отсчета, в качестве одного из "великих народов" "занимают Сарматия вдоль всего Венетского залива" — совр. Балтийское море. При предлагаемой интерпретации: горизонтальное расположение ярусами хотя бы части групп этнонимов, финны и сулоны, ставящие под сомнение аутентичность приведенного списка Птолемея, оказываются смещенными к востоку от венедедов-славян, а наши сабоки в северо-западном Прикарпатье рядом с какими-то Пиен-γῖται, т.е. возможно гетами, ср. MH *Timo-gittia* (правильнее *Timo-Getia* — D. S. 506) и бессами, ср. фрак. *Βησσοί*, *Βῆσσοι* (ie в *Βίεσσοι* вместо *ῆ* — долгого *i* или *e*).*

В следующем параграфе читаем: (III, 5, 9=21) *Τῶν δὲ εἰρημένων εἰς τὴν ἀνατολικώτερον ὑπὸ μὲν τοὺς Ὀβενέδας (πάλιν) ἢ Γαλίνδαι ἢ καὶ Σουδῖνοι ἢ καὶ Στανανοὶ μέχρι τῶν Ἀλανῶν ἢ ὑφ' οὓς Ἰγυλλῖωνες, ἢ εἴτα Κοιστοβῶκοι ἢ καὶ Τρανσμοντανοὶ μέχρι τῶν Πεκκινῶν ὄρεων* 'Восточнее же упомянутых [народов] под венедами (снова) галинды (балт. голядь) ἢ судины ἢ и ставаны до аланов под ними игиллионы, ἢ потом койстобоки ἢ и трансмонтаны до Певкинских гор'. Не вдаваясь в подробности, для дальнейшего изложения целесообразно отметить следующее. Певкинские горы — это, вероятно, северо-восточные (или восточные) отроги Карпат, в непосредственной близости к которым помещены на таблице Птолемея наши костобоки. Кроме венедедов — славян в этой таблице упомянуты еще ставаны по распростра-

ненному и, думается, справедливому мнению, тоже славяне — Σταυανοί — некорректная запись незасвидетельствованного *Στλαυανοί (ср. позднее Σθαυανοί), являющегося одной из возможных, наряду с Σκλαβηνοί, греческих передач славянского туземного этнонима *Slověne (ср. Слово в Повесть временных лет и других памятниках — Срезневский III, с. 421) в условиях недопустимости в греческом языке сочетания *sl*. Весьма вероятно, Σουοβηνοί, помещенные Птолемеем в Азиатской Сарматии (Ptol. VI, 14, 9), представляют собой другой способ передачи греческими средствами того же названия славян, располагавшихся в районах, более продвинутых к северо-западу России, в обоих случаях близ алан (подробнее на основе Шафарика, см.: Niederle, s. 398–400; однако Svavi (Iord. Get., 250, 273 и др. с последними никоим образом идентифицироваться не могут, так как везде (см. особенно § 176) упоминаются Иорданом среди германских племен; вопреки Нидерле, с. 41, Иванов–Топоров, с. 14, их почти определенно следует связать с др.-в.-нем. Swabā (герм. swēba-) 'швабы' (Schwarz, S. 156, ср. Скржинская, с. 414 и др. авторы).

Еще раз костобоки упомянуты Птолемеем в III, 8, 5 при описании Дакии в тексте (таблице), построенном совершенно аналогичным образом, с той лишь разницей, что точкой отсчета служат Карпатские горы и перечисление внутри групп, образуемых чисто соединительным союзом καί, ведется с запада на восток тройками в 4 ряда, отражая в общем виде реальную этническую карту: Κατέχουσι δὲ τὴν Δακίαν ἀρκτικώτατοι μὲν ἀρχομένους ἀπὸ δυσμῶν || Ἀναρτοι, || καὶ Τευρίοκοι, || καὶ Κοιστοβῶκοι || ὑπὸ δὲ τούτους Πρε(ν)-δαυήνσιοι, || καὶ Ῥατακῆνσιοι, || καὶ Καυκοῆνσιοι || ὑφ' οὓς ὁμοίως Βίηφοι, || καὶ Βουριδ(ε)ῆνσιοι (ἢ Βου(ρ)ρήδαυήνσιοι), || καὶ Κοτήνσιοι, || καὶ Ἐπι ὑπὸ τούτους Ἀλβοκῆνσιοι, καὶ Πουτλατήνσιοι, || καὶ Σίνσιοι (ἢ Σήνσιοι) || ὑφ' οὓς μεσημβρινώτατοι Σαλδῆνσιοι, || καὶ Κειάγειοι (ἢ Κιαγίνιοι), || καὶ Πιέφριοι (ἢ Πιέφειριοι) 'Занимают же Дакию на самом севере, начиная с запада || анарты, || и тевриски, || и костобоки; || под ними же .пре(н)дауэнсии || и ратакенсии, || и кауккоэнсии, || под которыми равным образом биэфи, || и буриденсии (или бур(р)едайэнсии), || и котенсии, || и затем под ними албокенсии, и потюлатенсии, || и синсии (или сенсии), || под которыми на самом юге салденсии, || и кеягейсии (или киагинсии), || и пизфиги (или пизфейги)'. Судя по данной таблице здесь костобоки локализуются в северо-восточном углу Дакии, непосредственно в Южном Прикарпатье. Кстати, это свидетельство Птолемея, помимо личных имен из римской эпитафии (о них ниже), одно из самых важных аргументов в пользу дако-фракийского происхождения костобоков, живших, таким образом, в первых веках нашей эры по обе стороны Карпат.

Следует подчеркнуть, у нас нет существенных оснований не доверять Птолемею в том, что касается Дакии. Давно доказано, что Птолемей пользовался при описании Сарматии Европейской и Дакии какими-то латинскими источниками, возможно, официальными документами, ср. греческую передачу латинского проготида Τραγοποντανοί (Сарматия) и латинский формант этникон — образований *-ensis*, в греч. передаче *-ήνσιοι*, в большинстве перечисленных дакийских этнонимов.

Такова филологическая сторона древней этнонимии Прикарпатского ареала с примыкающими территориями в весьма эскизном изложении.

Перейдем к конкретно этимологической интерпретации вынесенных в заглавие этнонимов.

Costoboci (Plin. VI, 19; Script. hist. Aug. (Marc. Aur.) IV, 22, 1 — I в. н.э.), *Costobocae* (Amm. Marc. XXII, 8 42 — IV в. н.э.), *Κοιστοβῶκοι* (Paus-X, 34, 5 — II в. н.э.), *Κόστοβοι* (Suid. s.v. *ἁρῆται*), *Κοιστοβῶκοι* (Ptol. III, 5, 9; 8, 3 — II в. н.э.), ср. адъектив *Coissto-bocensis* (CIL, VI, 1801), *Κοιστοβῶκοι* (Dio LXXI, 12, 1), *Castabocae* (CIL III 14214, 12, Адамклиси в Добрудже: VI 31855, между 176–180 г. н.э.); в латинских надписях фиксируется также форма с *o* в первом слоге, ср. CIL, VIII 14667, Африка, где в *сoгnoпen Costob[oci]e* и этнониме *Cos[t]o[boc]* этот слог хорошо сохранился; кстати, последняя надпись содержит мотивацию данного фамильного имени: **[d.] m. [Sall]ustius C.f.Q. For[tun]atianus Costob[oci]o quod inter Cos[t]o[boc] n[utritus] sit* (D., с. 256, ср. *Tomaschek* I, 107; *Кудрявцев* 1957, 40 сл.):

Существует огромная литература относительно этих, на первый взгляд, взаимоисключающих друг друга сообщений Птолемея, как, впрочем, и вообще о месте обитания костобоков, их этнической принадлежности и соответственно происхождения данного этнонима (фракийская, сарматская, славянская, кельтская, фракийско-кельтская и, наконец, 'алародическая' теории). Между тем костобоки, оставившие заметный след в истории балканских провинций Рима, не только принимали участие в антиримском союзе варварских племен во время Германской и Сарматской войны 166–175 г.г., но и прошли летом 170 г. сквозь все балканские провинции вплоть до Элевсина. Не имея возможности углубляться в подробности во многом, с точки зрения лингвистической, поверхностной дискуссии, да в этом нет и необходимости (см. *Кудрявцев*, ср. *Russu* с подробной литературой), укажем лишь следующее: лингвистический материал (сохранившиеся в надписи из Рима личные имена представителей царского рода костобоков) говорит в пользу чисто фракийской теории, что, во всяком случае, не противоречит большинству письменных источников, а с некоторыми находится в прямом согласии (например, цитированное сообщение Птолемея при описании Дакии). Костобоки были, несомненно, одним из самых северных окраинных дакийских племен, обитавших, как мы уже писали выше в связи со свидетельствами Птолемея по разные стороны Карпат, часть у южных предгорий (северо-восточная Дакия), часть у восточного края Карпат, на внешней стороне карпатской дуги (ср. *Premierstein* RE XI, 2, S. 1505, ср. *Russu*, p. 343; см. *Кудрявцев*, с. 28, сл. с обзором различных мнений). В таком географическом положении костобоков содержится два интересных момента: во-первых, из южного Прикарпатья, согласно историко-археологическим и некоторым лингвистическим данным (*Tomaschek* 1, S. 7; *Kretschmer* Einl. S. 173, сл. и др. авторы) многочисленные фракийские племена начали заселение Балканского п-ова; во-вторых, именно в районе к северо-востоку от Балкан, где мы постулируем преданатоллийский ареал распространения хетто-лувийских племен (см. *Гиндин* 1971, с. 49 сл.; 1974, особенно с. 52 сл.; 1981, с. 29), могли осуществляться наиболее интенсивные фрако-хетто-лувийские контакты древнейшей поры. В силу последнего обстоятельства предлагаемое здесь истолкование этнонима костобоков в свете фактов хетто-лувийских языков приобретает особую весомость.

Сам Кудрявцев главным образом вслед за Нидерле (*Niederle*, 1904, S. 400–416) и др., откуда он заимствовал основные языковые аргументы, в указанной работе придерживается славянской гипотезы, которая нам не представляется приемлемой прежде всего с лингвистической стороны: столь привлекательное с точки зрения славянских языков разбиение, подлежащего исследованию этнонима на **kosto-boki* (слав. *kostъ* + *bokъ*, пом. pl.); букв. 'костяные бока', по Кудрявцеву (с. 50), который считает, что данный этноним возник якобы из-за костяных панцирей, заимствованных костобоками у сарматов, хотя подобные боевые доспехи у славян не засвидетельствованы, а панцирь, хранившийся в храме Асклепия в Афинах и описанный Павсанием как сарматский за несколько лет до вторжения костобоков в Аттику, лишь с помощью весьма хитроумных конъектур может быть приписан последним, или "крепкобокие" в смысле "сильные" (согласно *Niederle* 1904, S. 408). Однако эта гипотеза, настораживая своей этимологической прозрачностью, не затемненной иноязычными передачами, противоречит — и это главное в нашей контраверзе — морфемно-словообразовательному членению в пределах фракийского языкового наследия, обусловленному комбинаторным анализом (см. ниже). Далее, помимо славянских топонимических и антропонимических созвучий, см. о них *Niederle* 1904, S. 407 сл.; Кудрявцев, с. 44 сл., 47 сл.), омофонические образования I части имеются и в других индоевропейских языках, ср. кельт. ЛИ *Castus*, *Castilla*, МН *Castulofn*) и др. (*Holder* I, S. 836), ЛИ *Costiniacus* (*Holder*, I, S. 1140), *Каотобрѣ* — синоним *Ceto-briga* (*Holder* I, S. 1002), лат. ЛИ *Castenus*, *Casticus* (*Schulze*, S. 289); относительно II части *-βῶκοι* в *Коотобрῶκοι* и *Σαβῶκοι* Томашек указывает на газльск. *bocce(ot)*- 'выпуклость' и слав. *bokъ* 'сторона', 'горный склон', (*Tomaschek* I, S. 107). Кроме того, славянская этническая атрибуция костобоков, кажется, плохо вяжется с археологическими и историческими данными о южных границах расселения славян, по крайней мере, в I–III в. н.э. (ср. *Гиндин* 1981а).

Из новых интерпретаций, базирующихся на расчленении *Costa-boci* и пр., следует упомянуть недавнюю этимологию Георгиева (*Georgiev*, 1965, S. 104 f.): из герм. **kūasta-bōk-(i)ja-* < и.-е. **gʷosdo-bhagʷ(i)yo-* в качестве этникон-образования на *-(i)jo-* от незасвидетельствованного **kūasta-boca* < и.-е. **gʷosdo-bhāgʷo-* 'Wald-buche' или 'Quast-buche'; безукоризненная с формальной стороны, эта гипотеза тем не менее представляет собой лишь одну из возможных формально-умозрительных этимологий.

Излагаемое ниже этимологическое истолкование ЭН *Costoboci* и пр. целиком находится в рамках фракийской (resp. дакийской) принадлежности костобоков и базируется на данных комбинаторного анализа и сопоставимых целнлексемных фактах хетто-лувийских языков. За исконную принимается форма *Costoboci*, *Коотобрῶκοι* (с *o* в первом слоге), как самая древняя и наиболее распространенная, включая надписи.

Если проводить морфемно-словообразовательный анализ *Коотобрῶκοι* etc. с конца, как того требует методика словообразовательно-этимологического исследования, мы получим парадигматическое *-ko-*, наличествующее, кроме интересующего нас, еще в 4 несомненно фракийских этнонимах, дошедших в греческих передачах: **Арта-кои* — племя в районе Хэмуса (D. 28), *Δᾱ-кои* < **ΔαF-кои* — племя даков, известное со II в. н.э. на территории к северу от Дуная до предгорий Карпат (D. 144), *Δόλου-кои* — племя внутри

Фракийского Херсонеса (D. 148), *Σαβῶ-кои* дакийское племя (D. 406; подробнее см. ниже) и это не считая многочисленных антропонимических этника на *-ko-* с различным предшествующим гласным, например: *Μοι-ακός*, **Артаκος* и т.д. (см. *Vlahov* 1963, S. 138 f.) в латинской передаче *-cus-*, например, *Moesiacus*, *Thracus*, *Moesicus*, *Thracicus* и т.д. (см. *Vlahov* 1963, S. 364). Выявленное *-ko-* (*-cu-*) — регулярный фракийский рефлекс продуктивного в и.-е. языках деминутивно-пейоративного суффикса **-ko-*, повсеместно используемого в качестве этникон словообразовательной морфемы (*Schwyzer* I, S. 496, сл.; *Brugmann*, *Grundriss* II, S. 238 сл.).

Вопреки общепринятому членению (D. 73; прочую литературу см. выше), за вычетом фрак. морфемы *-ko-* получается основа *Коотω-*, лат. передача *Costobo-/Castabo-*, целиком совпадающая с основой, хорошо представленной в позднешетто-лувийской ономастике, как то: название святого места в Лидии *Каотаβος*, город в Киликии *Каотаβαλ(λ)α*, кар. МН *Κωστοβαλον* (*Sundwall*, S. 98), которые в свою очередь включены в ономастический малоазийский ряд, содержащий непроезжую основу *Каот(a)-*: кар. топоним и демотикон *Хаотai*, *Каотaiος*, килик.-догреч. (анат.) *Каоталиа*, лид. МН *Каотωλλως*, кар. демотикон *Каотωλιος*, лик. демотикон *Каотавевς* (*Sundwall*, S. 98).

Обе позднешетто-лувийские основы, производная и непроезжая, четко соотнесены с раннешеттскими лексическими единицами как на ономастическом, так и апеллативном уровне. Нам уже приходилось в другом месте (см. *Гиндин* 1967, с. 148 сл.) подробно рассматривать в связи с догреч.-анат. тождественным названием *Каоталиа* морфемно-словообразовательные и семантические деривационные отношения перечисленных малоазийских имен собственных с ранне-анатолийской апеллативной и ономастической лексикой, так что здесь мы укажем лишь самые необходимые факты.

Хеттская клинопись сохранила и.-е. название кости (греч. *ὀστέον* 'кость', др.-инд. *ásthi* 'нога', 'кость', лат. *os*, *ossis* то же, алб. *asht*, *ashitë* 'кость' и т.д. *Pokorny*, S. 793) в форме с четко фиксированным начальным ларингальным, отраженной хетт. *ḫaštai* 'кость', — 'сила, выносливость'; так же 'кости, в смысле останки', лув. *hašša* 'кость' (*Friedrich*, S. 63; *Laroche*, *Dict.*, p. 43) и его производными с адъективным суффиксом *-(a)li-* (лув. *-alli-*, лид. *-li* и пр.), **ḫaštali* 'героический', букв. 'костистый', восстановленным на базе хетт. *ḫaštaliyata* = 'Heldenhaftigkeit' и глагола *ḫaštaleš* 'heldenhaft (stark) werden'; данное значение **ḫaštali-* подтверждается идеограммой UR.SAG (L., p. 336; *Friedrich* HW, S. 63; 299) и более косвенно наличием в староассирийских табличках хетт. ЛИ *Ḫaštali-*; сюда же капп. URU *ḫa-aš-tu-wa* [**Hast(a)-uwa*], определенно содержащее распространенный в раннешетто-лувийской топонимии элемент *-uwa*, ср. URU *Išharuwa* при *Išhara* (гора), *Ḫiṣarluwa* при *Ḫiṣarla* и др. (*Laroche* 1958, p. 267). Наличие имен собственных с интересующей нас основой в клинописных текстах начала II тысячелетия является важным показателем продуктивности этой основы в древнейших времен. В совокупности с индоевропейским происхождением это обстоятельство с большой долей вероятности дает возможность предположить существование ономастического **Hasta-* = п.-хетт.-лув. *Каотa-* в хеттском языке доанатолийского периода.

Морфемно-деривационный элемент греко-римских передач фрак. этнонима: *-βω-* / *-βο-* (лат. *-bo-*) = м.-аз. *-βo-* / *-βα-* также получает на хеттской почве

вполне удовлетворительное истолкование, отражая, наряду с позднесанатолийским элементом раннехетто-лувийский адъективный суффикс *-wa-*, продуктивный при образовании различных притяжательных конструкций, в том числе многих этника (и.-е. **-uo-* в **patr-uo-*: **patr-uo-*, ср. др.-инд. *pátrv-ya-*; греч. *pátrōs* < **patrō-Fo-* и т.д.; первичное *-uo-* в **ek'uo-*, **dei-uo-* — Brugmann. Grundriss II, S. 126). В малоазийской ономастике ему чаще всего сопутствует, как и в данном случае, адъективно-притяжательный суффикс **(a)l(l)-*; относительно варьирования а:о (:ω) в греко-римских передачах малоазийских и фракийских лексем, распространяющегося, по нашему мнению, и на мену а:о в первом слоге фракийского этнонима — см. Гиндин 1981, с. 35. В этой связи кажется достаточно обоснованным восстановить протоформу фракийских и малоазийских лексем, включающих суффиксальный элемент *-ba/-bo-*, в виде **Hasta-ua-*, ср. полно адекватные проявления последней в пределах Анатолии: цитированное выше капп.

URU *Haštuwa*, лид. *Каотафо-с*, диахронически совпадающие по основе с формой фрак. ЭН *Κοστοβοι* (реконструируется по ген. пл. *Κοστοβών*), засвидетельствованной в словаре Свида и обычно считаемой искаженным повторением Павсания, но которая в указанных условиях может оказаться реальным синонимом, представляющим собой производное образования I порядка по отношению к прочим вариантам (*Κοστοβῶκοι* и т.д.) — производным II порядка; об отражении начального ларингала через *κ/γ/χ*, лат. *k/g/h* в фракийском и позднехетто-лувийских языках (см. Гиндин, 1981, с. 41, 79): к словообразованию ср. фрак. ЭН *Σκαυοί*, вар. *Σκαυβ-αι* (специально см.: Гиндин, 1981, с. 119).

Итак, круг замкнулся, и мы вернулись к семантической интерпретации Нидерле: *Κοστοβῶκοι* и пр. '(племя) сильных, могучих людей', однако на совершенно ином языковом материале, включаемом в иной историко-этнографический контекст.

Между тем, мы далеки, как и во многих других подобных случаях, от мысли настаивать на непосредственном выведении рассмотренного фракийского этнонима из языков преданатолийского периода, когда их носители могли тесно контактировать с фракийскими племенами в пределах центральной Европы: фракийский, будучи языком ареально близким хетто-лувийскому, мог обладать своим исконным апеллативом, равным хетт. *haštai* и т.д. Впрочем, следует учесть, что во фракийском ономастике данный этноним отличает лексическая исключительность и очень большая вариативность форм греко-римских передач (см. выше), что в совокупности вполне может корениться в его иноязычном происхождении — сам по себе факт, наблюдаемый в этнонимике довольно часто.

Омофонические этнониму дакийские личные имена или формы одного имени *Costas* (CIL VI, 2495), *Castaus* (CIL III, 1565; Добруджа), *Casta* f. (CIL III, 2757; X, 3408) либо проникли из латинского (*Costas* — искаженное *Constans* от причастия *constans*), либо оно возникло вторично в качестве Kurznamen от полной формы этнонима *Costobocae*: *Costabocae* (D. 255 сл.), ср. типологическую параллель *Ἀλέξανδρος* → *Ἀλεξᾶς* (Fick — Bechtel, S. 35).

Вместе с тем, несмотря на возможно иноязычный (хетто-лувийский) генезис этнонима *Κοστοβῶκοι* и др., о принадлежности к дакийской (геср. фракийской) племенной общности самого племени костобоксов, недвусмысленно свидетельствуют личные имена в римской империи CIL VI,

1801, составленной костобоками; подлинность второй надписи из Рима, с именем *Sabituus*, названного в ней даком, царем костобокским, подвергается сомнению (см. *Premierstein* RE XI, 2, S. 1504; видимо, поэтому Дечев не включил ее в свой тезаурус) и здесь не рассматривается. В упомянутой определенно костобокской надписи: *d.m. Ziai Tiati fil. Dacae uxori Piepori regis Coisstobocenais Natoporus et Drigisa aviae cariss, b.m. fecer* 'богам Манам, Зие, Тиата дочери, дакийке, супруге Пиепора, царя Койстобокского, Натопора и Дрилгиса бабке, дражайшей очень достойной сделали' — 4 антропонима имеют определенно дакийско-фракийский облик, из них три этимологически прозрачны: *Zia* (D., S. 186; ср. *Tomaschek* I, S. 40 — менее убедительно), *Pieporus* (D., S. 366), *Natoporus* (D., S. 328; об исконно фракийском элементе *-poros* = *poris* и пр. к и.-е. **per-*: *pr-* в лат. *pario* 'рождать' см. D., S. 374), четвертое *Drigisa* (*Tomaschek* I, S. 35; ср. D., S. 157), ср. муж. ЛИ *Drigis(s)a* в двух балкано-латинских надписях (D., S. 157) все еще без этимологии. Пятое ЛИ *Tiatus* (D., S. 503), вероятно, принадлежит к разряду имен с основой **Tiu-*, соотнесенной с лув. *Tiw(-at-)* (Гиндин, 1981, с. 49) и является тематическим вариантом к атематическому фрак. ЛИ муж. р. *Tiow-ta* при условии частого, но нерегулярного выпадения туземного *u* между гласными и сохранения в позиции после гласного перед согласным.

Надпись датируется 2 половиной II в. н.э.; о разногласиях по поводу датировки, в данном случае не существенных, см. *Кудрявцев* с. 52 сл.

Наличие за пределами фракийского созвучных ономастических образований рассмотренным личным именам, в частности в славянских (см. о них *Niederle* 1904, s. 410 сл.; *Кудрявцев*, с. 51 сл.), особой роли не играет, так как, помимо моментов культурно-исторического порядка, их отождествление противоречит одному из наиболее важных процедурных правил процесса этимологизации, к сожалению, нередко предаваемому забвению при истолковании ономастических лексем: не обращаться к иноязычным сопоставлениям, пока не использованы все возможности, содержащиеся в исконных языковых фактах.

Saboces — Script. hist. Aug. (Iul. Capitolinus) IV, 22, 1, где они упомянуты вместе с певкинами и костобоками; *Σαβῶκοι* Ptol. III, 5, 8, видимо, дакийское племя (ср. D., S. 406), хотя прямых указаний на это пока не существует. Согласно описанию, в упомянутом месте Птолемея малых народов, населявших Европейскую Сарматия, сабоки локализируются где-то в северо-западном Прикарпатье (см. выше).

Из-за омофонии следования *-ῶκοι* обычно объединяют с этнонимом *Κοστοβῶκοι* и т.д. В аспекте фракийской комбинаторики членение на *Σα-βῶ-κοι* не оправдано, поскольку основа *Σα-* в фракийских остатках не отмечена; относительно эфемерности основы *-ῶκοι* см. выше, ср. *Russu* 1959a, p. 348 — о корне **sab-*. Славянская этимология Нидерле, базирующаяся на традиционном членении, из **Zaboki* 'живущие за горами, v záboči hor', послужившим, по его мысли, прототипом через лат. *Transmontani* для транскрипции Птолемея *Τρανσμοντανοί* (Ptol. III, 5, 9), ср. *Zagóra* и пр., этникон *Zahorani*, *Zagorci* и пр. (*Niederle* 1904, S. 392 сл. 402; ср. 416) — малоубедительно уже по той причине, что в греко-римских источниках туземное [z] регулярно передается посредством *ζ/z*, но не *σ/s*.

Аналогично *Castaboci* и пр., Георгиев, противоречиво члена лат. передачу *Sa-boces* при греч. *Σαβῶκοι*, выводит данный этноним из герм. **sa-*

bōk-(i)ja < и.-е. *soyo-bhag'-(i)jo- 'Saftbuche, feuchte Buche' (Georgiev 1965, S. 105); будучи формальной, эта этимология нам представляется малоубедительной с семантической стороны.

Осуществленное выше выделение фрак. этнонимического -ko- морфемы, а также отсутствие корневого элемента *sa-* в фракийских языковых остатках побуждает принять (вопреки Tomaszek I, S. 107; D.S. 73; Georgiev 1965, S. 105 и др. авторы) за единицу исследования нерасчлененную основу, в лат. передаче *Saua*, греч. *Σαῶ*- из туземного **Saua-*; об отражении *a* через греч. *ω*, лат. *o* см. Гиндин 1981, с. 35; относительно передачи фрак. *υ* посредством лат. *b*, греч. *β* там же, с. 55.

Подобно этнонимическому морфемному комплексу *Κοοτοῦ*- и пр., основа **Saua-*, скрытая в фракийском названии племени *Σαῶκοι*, имеет прямые формальные аналогии, допускающие и удовлетворительное семантическое обоснование, в позднеанатолийской ономастической и апеллативной лексике. В указанном же плане особенно важно лик. туземное *LI Ssewa* = билингв. *Ση* (*Sundwall*, S. 192, ср. Zg. § 1413), одновременно показывающее, что в малоазийских греческих передачах интервокальное *u* могло выпадать в соответствии с правилами ионийско-аттического диалекта и позднего литературного койнэ, хотя и не исключало окказиональных случаев передачи через *ou*, *υ*, *β* (см. варианты приведенного ниже лкн. МН *Σοατρα*); затем "фриг."-писид. *Σαους* (Zg. § 1343–2), несмотря на колебания Сундвала, лкн. МН *Σοατρα*, с вариантами *Σοαυατρα*, *Σαυατρα*, *Σαῶατρα*; возможно, исавр. ЛИ *Σα f.* (Zg. § 1343–1); "фриг."-лик. ЛИ *Σαεττας*, лид. МН *Σαίττα* (Zg. § 1355). Данный ономастический малоазийский слой может быть соотнесен с апеллативной позднехеттской именной и глагольной основой **sav-*, хорошо представленной лидийской лексикой, см. *savēn-* 'расти, урождаться', возможно, 'gut haben'; *savv*, употребленное в неясном контексте, которому приписывают вслед за Бранденштайном адъективное значение 'хороший' (*Brandenstein*, S. 30; ср. *Gusmani* Wb. s.v.); несмотря на сомнения Гусмани (*Gusmani* Wb., S. 191 сл.), необходимо считать с реальностью сближения лид. префикса *sav-* 'gut, wohl' с упомянутыми лид. лексемами, предложенного Бранденштайном и принятого многими (*Brandenstein*, S. 41); ср. др.-инд. *su-* 'хорошо, благо', от слав. СЪ- (СЪДРАВЪ и пр.) и т.д.

Семантика позднехеттской апеллативно-ономастической основы **Saw(a)-* разрешает истолковать, при условии весьма вероятного тождества, название дако-фракийского племени *Σαῶκοι* как 'многочисленные; процветающие; мощные', или нечто в этом роде; ср. семантико-типологическую параллель в фрак. этнониме *Βι-θυροι*, к и.-е. **ti-* 'быть сильным, мощным и пр.'. Таким образом, генезис слога -βω-(bo-) в *Κοοτο-βῶκοι* и *Σαῶ-κοι* различен.

Далее, если в первом этнониме, стоящем внутри фракийского ономастического особняка (см. выше), можно предположить хетто-лувийский генезис, то в случае с *Σαῶκοι* такой вывод, видимо, неправомерен, поскольку основа *Σαῶ*-, *Sabo-* (< **Saua-*) встречается в ряде топонимов и мифологических личных имен (возможно, теофорных) на о. Самофракия и один раз в антропониме континентальной Фракии. Это обстоятельство скорее говорит в пользу реконструкции соответствующей оригинальной фракийской апеллативной основы в значении, близком к лидийской.

В первую очередь имеется в виду название горы на Самофракии — *Σάος* с весьма симптоматичными разнохронологическими вариантами *Σάουος*,

Σάρος, свидетельствующими об исконном интервокальном *u*; также другое название о. Самос и приток Дуная в Паннии (?) (Р.-В. II, S. 1340); сохранились, кроме того, синонимы самофракийской горы: *Σάον* (Р.-В. II, 1945), *Σαῶκη/-ης* (Р.-В. II, S. 1355) и самого о. *Σαμοθρακη*: *Σαβινηος* (Р.-В. II, S. 1940), *Σαωκис* (Р.-В. II, S. 1355); среди последних особенно характерны формы с этникон-суффиксом -k- — *Σαῶκη* и пр. из **Saua-ko-*, аналогично нашему этнониму *Σαῶκοι*; далее *Σάων*, *resp.* *Σάος* — мифологический герой — сын Гермеса и Рены или Зевса и нимфы, первый житель и эпикон острова Самофракии (Самоса). В некоторых источниках именуемый *Σάμων*, видимо, по аналогии с названиями упомянутых островов (Р.-В. II, S. 1338), первооткрыватель культового места (святилища) с оракулом Трофония в беотийской Лебадии (одного из хтонических персонажей греческой мифологии, ср. *περὶ τῆς εἰς Τροφωνίου καταβάσεως*) (Р.-В. II, S. 1355, 1340, 1558). Отсюда вытекает, что *Σάων* был мифологическим существом, наделенным атрибутами божества, к тому же основавшим, согласно *Hemberg*, S. 293, вкупе с другим сыном Зевса *Ἰασιῶν* мистерии в честь кабиров на Самофракии; с семантико-функциональной стороны и в плане реконструкции *υ* в *Σάος* и пр. интересна ссылка Хемберга на мнение Гралло о связи *Saos* с *Sabazios* (*Hemberg*, S. 120, прим. 3).

Хемберг, объединивший значительную часть приведенных выше самофракийских, т.е. фракийских, имен собственных, в разделе о слое жрецов на Самофракии, игравшем в жизни острова огромную роль, идентифицировал теоним (в реконструкции) *Σάων* = *Σάος* *resp.* название горы *Σάος*, *Σαῶκη* и пр. с одним жреческим титулом на Самофракии — *Sai*, *antisiites*, *penatium*, которые по античной традиции будто бы занесли салические танцы в Италию (*Schol. Dan. Verg. Aen. II*, 325). Эти *Sai* (< **Saii*. — Л.Г.) названы по имени своего божества (*Σάων* < **Sauo-n/s*. — Л.Г.), как *Σάροι* по *Σάρος* (синоним *Σαβάσιος*), *Βάκχοι* — по *Βάκχος*, *Kybeboi* — по *Kybebe*, *κόης* (< **koβης*) по *Κάβ(ε)ροι* (< **Kauir-oi*. — Л.Г.) (*Hemberg*, S. 118 f.); о данной словообразовательной модели см. Гиндин 1981, с. 55. Название божества *Σάων* и пр. < **Saua-*, подобно этнониму, вполне укладывается в семантику апеллативно-семантической основы **saw(a)-* 'благо, добро, произрастать, процветать', засвидетельствованной в позднехеттских языках и реконструируемой нами для фракийского; см. семантическую параллель в *Πρίαπος* и пр., там же, с. 00.

В континентальной Фракии ту же основу, согласно Дечеву, содержит личное имя *Καμ-σαος* (D. S. 421, 225).

Итак, в свете изложенного рассмотренный прикарпатский этноним *Σαῶκοι* < **Saua-ko-* представляется нам исконно фракийским образованием.

ЛИТЕРАТУРА

- Гиндин 1967 — Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского п-ова. М., 1967.
Гиндин 1971 — Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности "пеласгского" догреческого слоя. — ВЯ, 1971, 1.
Гиндин 1974 — Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского II (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период). — В кн.: Этимология 1972. М., 1974.
Гиндин 1981а — Гиндин Л.А. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным). 1. — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. 1981.

ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА (Балканские этимологии. 6–13)

- Гиндин 1981 – Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан, Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы. София, 1981.
- Иванов-Топоров – Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы). – В кн.: Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.
- Кудрявцев – Костобоки, их расселение и этническая принадлежность (из истории племен Европы во II в. н.э.). – В кн.: Кудрявцев О.В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
- Скржинская – Скржинская Е.Ч. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960.
- Срезневский – Срезневский И.А. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. М., 1903.
- Трубачев 1973 – Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы. 1. Славяне и Карпаты. – Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973.
- Трубачев 1974 – Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян. – ВЯ, 1974, 6.
- Brandenstein 1931 – Brandenstein W. Die lydische Sprache II. – WZKM 38, 1931.
- Brugmann. Grundriss – Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen I–. Strassburg, 1886–1900.
- D. – Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.
- Fick – Bechtel – Die griechischen Personennamen, nach ihrer Bildung erklärt und systematisch geordnet von Fick A. 2. Aufl. bearbeitet von Bechtel Fr. und Fick A. Göttingen, 1894.
- Friedrich H.W. – Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter. Heidelberg, 1952–1954.
- Georgiev 1965 – Georgiev V. Zum Dakisch. – ZfB III, 1965.
- Gusmani Wb – Gusmani R. Lydisches Wörterbuch. Mit grammatischer Skizze und Inschriftensammlung. Heidelberg, 1964.
- Hemberg – Hemberg B.H. Die Kabiren. Uppsala, 1950.
- Holder I–III – Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz, I–III. Graz, 1961–1962 (Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.)
- Kretschmer. Einl. – Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- Laroche 1958 – Laroche E. Études sur les hiéroglyphes hittites. II. – Syria, 35, 1958.
- L. – Laroche E. Les noms des hittites. Paris, 1966.
- Laroche. Dict. – Laroche E. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959.
- Łowmiański – Łowmiański H. Początki polski, II. Warszawa, 1964.
- Müllenhoff – Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde, II². Berlin, 1906.
- Niederle – Niederle L. Slovanské starožitnosti, díl. I, sv. II. Praha, 1904.
- P.–B. – Pape W.–Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, I–II. Nachdruck der 3. Aufl. Graz, 1959.
- Pokorny – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern – München, 1959.
- Premereur RE XI, 2 – Premereur A. Kostoboken. – RE XI, 2.
- Ptol. – Claudii Ptolemaei Geographia. Ed. C. Müller, C.T. Fischer, v. I–II. Paris, 1883–1901.
- Russu – Russu I.I. Les Costoboces, Dacia, nouvelle serie, III. Bucarest, 1959.
- Schwarz – Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956.
- Sundwall – Sundwall J. Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme. – Klio, 11, Beiheft. Leipzig, 1913.
- Schulze – Schulze W. Zur Geschichte lateinischen Eigennamen. – Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. N.F., V., 5. Berlin, 1904.
- Schwyzler I – Schwyzler E. Griechische Grammatik, I. München, 1939.
- Tomaschek I; II, 1; II, 2 – Tomaschek W. Die alten Thraker. I. Übersicht der Stämme – SBWA CXXVIII, 4, Wien, 1893; II. Die Sprachreste, 1. Die Glossen. – SBWA CXXX, 2, Wien, 1894; II, 2. Die Sprachreste. 2. Hälfte. Personen und Ortsnamen. – SBWA, CXXX, 1. Wien, 1894.
- Vlahov 1963 – Vlahov K. Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. – ГСУФ LVII, 2, 1963.
- Zg. – Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.

Настоящая работа является продолжением серии заметок "Балканские этимологии"¹. В ней речь пойдет о сохранности исконной индоевропейской лексики в албанском словаре. Вряд ли есть необходимость обстоятельно разъяснять всю важность эксплицитного этимологического описания и анализа исконной албанской лексики для определения места албанского в кругу других индоевропейских языков, для обогащения наших сведений о реконструируемом индоевропейском состоянии. Впрочем, как хорошо известно, албанский, один из центральных индоевропейских диалектов, пока почти не привлекался в этих целях, хотя потенциальное значение его для сравнительно-исторической грамматики и индоевропейской лингвогеографии представляется очевидным. Полное решение указанных проблем в настоящее время остается лишь весьма отдаленной перспективой, поскольку этимологическая разработка албанской лексики еще не достигла должного уровня и не имеет достаточного лексикологического и диалектологического охвата. По нашему мнению, пока речь может идти только об этимологическом анализе отдельных албанских лексем, уточняющем или дополняющем отдельные фундаментальные труды по албанской этимологии, в том числе два албанских этимологических словаря². Несколько этимологий предлагаются и в настоящей работе.

Алб. *e*, *edhë*, *dhe*

Все три приведенные албанские формы *e*, *edhë*, *dhe* синонимичны и выступают в функции сочинительного союза 'и'. Старая точка зрения на соотношение этих форм представлена Г. Мейером, который исходил из первичности *e* и *dhe*³, причем *e* он объяснял как заимствование из лат. *et* то же (с чем соглашается и Э. Чабей⁴), *dhe* – как заимствование из тур. *de* то же, а *edhë* – как поздний результат объединения *e* и *dhe*. В недавнее время это объяснение было оспорено Э. Чабеем, исходившим из староалбанских данных. Согласно Э. Чабее, исходными являются формы *e* и *edhë*; что же касается *dhe*, то оно является результатом более позднего переразложения *edhë* под влиянием *e*. Однако саму форму *edhë* Э. Чабей оставляет без этимологического истолкования⁵.

В то время как история сочинительных союзов в албанском языке детально и весьма убедительно очерчена Э. Чабеем, этимологическая основа

¹ См.: Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1980, с. 46–47; Славянское и балканское языкознание. М., 1982; Общеславянский лингвистический атлас. Исследования и материалы. 1980. М., 1982.

² Meyer G. Etymologisches Wörterbuch des albanesischen Sprache. Strassburg, 1891; Čabëj E. Studime rreth etimologjise së gjuhës shqipe. – In: Čabëj E. Studime gjuhësore. Prishtinë, 1976, t. 1–2.

³ Meyer G. Op. cit., S. 83, 93.

⁴ Čabëj E. Op. cit., t. 1, f. 46.

⁵ Там же.

этой истории, мысль о заимствовании алб. *e* (из лат. *et*) представляется все же недостаточно аргументированной, поскольку для объяснения алб. *e* не исчерпаны, как нам кажется, собственно албанские ресурсы. Нет сомнения в том, что заимствование союзов и других служебных слов — возможный факт, однако мы встречаемся с ним достаточно редко, чтобы попытаться найти альтернативную этимологию, толкующую алб. *e* на исконном албанском материале.

В связи с этим мы считаем необходимым обратить внимание на возможность сопоставления алб. *e* со слав. **a*, выступающим как в противительной, так и в присоединительной функции, и с его литовским соответствием *ẽ*, имеющим то же значение (если только литовский союз сам не является, как иногда считают, заимствованием из славянского⁶). Оставляя в стороне сложный вопрос о характере отношений между лит. *ẽ* и слав. **a*, возможно, по-видимому, отождествить последнее с алб. *e*, которое фонетически удовлетворяет общепринятой реконструкции источника слав. **a* в виде аблатива местоименной основы **e/*o*: **õd*⁷. Здесь налицо полное материальное и смысловое тождество.

Аргументация в пользу предлагаемой этимологии может быть дополнительно усилена сходством албанского и славянского союзов, наблюдаемым на синтаксическом уровне. Для слав. **a* реконструируется целый ряд устойчивых сочетаний, выступающих в функции союзов или наречий, в том числе, например, **a bo*, **a by*, **a ěe*, **a le*, **a li*, **a ni*, **a si*, **a to*, **a ěe*⁸. Это позволяет по-новому взглянуть на алб. *edhẽ*, в котором можно выделить, с одной стороны, *e* < **õd*, а с другой стороны — *dhe*, проделывающее индоевропейскую энклитическую частицу **ge*, ср. аналогичную (но не полностью тождественную) структуру слав. **a ěe*, лит. *õgi* 'ведь'⁹. Этот синтаксический параллелизм и дает право говорить о специальной близости алб. *e* к слав. **a* (несмотря на наличие также и индоиранских параллелей, не вступающих, впрочем, в сочетания с частицей указанного типа), которую можно выделить в качестве особой изоглоссы.

Алб. *fjalẽ*

Алб. *fjalẽ* 'слово, речь' объясняется Г. Мейером как заимствование из лат. *fābella* 'небольшой рассказ, сказочка, басня', а соответствующий глагол *flas*, аор. *fōla* — как отражение лат. *fābulārĩ* 'говорить'¹⁰. В семантическом плане это сопоставление не может вызвать серьезных возражений; оно вполне удовлетворительно и с лингвогеографической точки зрения, поскольку для балканской латыни как раз засвидетельствованы продолжения лат. *fābulārĩ*, а именно, велиот. *faular* в том же значении¹¹. И все же, несмотря на указанные достоинства, этимология Г. Мейера не может

быть принята как окончательная: против нее говорит высокая словообразовательная активность албанской основы, трудности в объяснении стяжения лат. *-āu-* в алб. *-ja-* и, главное, самый факт аблаутиного чередования в албанском глаголе (нулевая ступень в презенсе и продленная в аористе) и в производном от него имени (ступень **e*). Наличие метатонии в исследуемом слове с необходимостью требует объяснения алб. *fjalẽ*, *flas* как исконных элементов индоевропейского фонда в албанском словаре.

Для подобного истолкования алб. *fjalẽ* представляется уместным привлечь гипотезу о развитии инициального и.-е. **sp-* в алб. *f-*, в свое время развивавшуюся Ст. Манном¹². Насколько нам известно, эта мысль впоследствии не получила развития, что объясняется, вероятно, как недостаточной убедительностью собранного Ст. Манном материала, так и хорошо засвидетельствованным для албанского языка переходом и.-е. **sp-* > алб. *shp-*. Не пытаясь дать здесь окончательное решение этой сложной историко-фонетической проблемы, отметим, что вытекающая из вышесказанного возможность двоякой рефлексии и.-е. **sp-* в албанском (*shp-* и *f-*) не является изолированным фактом, но должна быть поставлена в более широкий сравнительно-исторический контекст. Действительно, сходные трудности возникают и при объяснении рефлексии и.-е. **st-*, **sk-*, где также, наряду с "обычными" отражениями *sht-*, *shk-* возникают (хотя и существенно реже) продолжения *th* и *h*¹³. В частности, для развития **sp* > *f* можно привести такие относительно надежные примеры, как алб. *fār* (*r*)ẽ 'семя, сорт, вид, род', которое может быть истолковано не как германизм¹⁴, но как слово, родственное греч. *σπεῖρω* 'сеять', *σπέρμα* 'семя' и т.п.; алб. *ferrẽ* 'колючее растение', которое можно связать с др.-англ. *spir* 'росток, побег' и под.

То обстоятельство, что условия подобного развития **sp-* > *f-* не выяснены, делает особенно острой необходимость в накоплении достоверного этимологического материала. Представляется, что полезно будет привлечь сюда алб. *fjalẽ*, которое мы возводим к и.-е. **spelā*. Аналогично *flas* < *splo-tiō*, аор. *fōla* < **spelom/spelm* (в презенсе можно допустить существование первоначальной формы с кратким вокализмом **e*, впоследствии перестроенной по морфонологической модели *shklas* ~ *shkela*), *fall* 'гадание' < **spolnos*. Мы предполагаем, что эти формы являются соответствиями герм. **spellan* (с германской геминатой¹⁵), гот. *spill* 'рассказ, басня', др.-исл. *spjall* 'рассказ, речь', др.-англ. *spell* то же, др.-сакс., д.-в.-н. *spel* (*l*) то же. Сюда же, как известно, примыкает и арм. *araspel* 'басня'¹⁶. Вся совокупность приведенных слов восходит к и.-е. **spel-*, образуя армяно-албанско-германскую изоглоссу. При этом нельзя не отметить другой важной ал-

⁶ См.: Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.—Gottingen, 1955, Bd. 1, S. 514f.; сочувственно об этом О.Н. Трубачев в кн.: Этимологический словарь славянских языков. М., 1974, вып. 1, с. 34 (далее — ЭССЯ, с указанием выпуска). Против этого говорят, однако, некоторые факты синтаксического порядка, как например, постулируемое в ЭССЯ I, с. 41 тождество слав. **a ěe* и лит. *õgi*.

⁷ См., например: Meje A. Общеславянский язык. М., 1951, с. 389.
⁸ См. ЭССЯ I, с. 34—41.
⁹ См. там же, с. 41.
¹⁰ См.: Meyer G. Op. cit., S. 106.
¹¹ Там же.

¹² См.: Mann S.E. The Indo-European consonants in Albanian. — Language, v. 28, 1952, p. 39.

¹³ Проблема рефлексии **sk-* дополнительно осложняется необходимостью так или иначе отличать соответствующие случаи от отражений **sk-*. Более подробно этот вопрос мы рассмотрим в другом месте.

¹⁴ Ср. лангобард. *fara* и его балканославянские продолжения.

¹⁵ Подробно о формировании геминат в германском см.: Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, с. 118 сл.

¹⁶ См.: Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern—München, 1959, Bd. 1, S.

бано-германской параллели из той же семантической сферы: алб. *shpreh* 'выражать, высказывать' ~ др.-англ. *sprecan* 'говорить', др.-сакс. *sprekan*, д.-в.-н. *sprehhan* то же¹⁷. Вместе с тем важно подчеркнуть возможность реконструкции сочетания морфем **per-* & **spel-*, основанной на арм. *araspel*, где *a*(a)*- так или иначе продолжает и.-е. **per-*, и алб. *përflás* 'клеветать, насмехаться'.

Алб. *bánë*

Алб. *bánë* 'жилье, жилище' было истолковано Н. Йоклем¹⁸ как продолжение и.-е. **bhōuono-*, тождественное др.-инд. *bhavana-* 'жилище, дом, дворец' и в конечном счете связанное с и.-е. **bhū-*. Оспаривая этимологию Н. Йокля и основываясь при этом на ряде семантических параллелей, Э. Чабей принял попытку связать эту албанскую лексему с алб. *běj* 'делать, совершать'¹⁹. Обе этимологии представляются фонетически и морфологически допустимыми, обе основаны на определенных закономерностях в формировании названий жилища, однако само существование такой альтернативы позволяет нам предложить еще одно объяснение.

Если рассматривать *bánë* в синхронном плане, его трудно будет отделить от наречия и предлога *mbánë* 'около, вблизи, близ'. Сопоставляя *bánë* и *mbánë* и принимая одну из указанных выше этимологий, мы должны были бы рассматривать *mbánë* как сложение префиксального *m-* < **en-* и полнозначного *bánë*. Такое предположение, однако, противоречит фактам: в наречии *mbánë* значительно более вероятно усматривать сложение *mb-* и *anë* 'сторона', которые продолжают, соответственно, и.-е. **ambhi* и **anti*²⁰. Следовательно, предполагаемое членение *m-bánë*, вытекающее из этимологий Н. Йокля и Э. Чабей, следует отклонить. В таком случае, в алб. *bánë* естественно видеть лексикализированный фонетический вариант *mbánë*, образовавшийся в результате упрощения начальной группы *mb-*, или благодаря перераспределению под влиянием имен с приставкой *m-*, и возводить его к последовательности морфем **ambhi* и **anti*.

Алб. *dēt*.

Для алб. *dēt* 'море' уже давно предложено достоверное этимологическое толкование — к и.-е. **dheubheto*²¹. Действительно, закономерное развитие интервокального звонкого **bh* перед ударным гласным в ноль должно было привести к форме типа **deet*²² и далее, с контракцией — *det*, что, кстати, подтверждается и более близкой к предполагаемой исходной итал-алб. формой *deit*²³. Таким образом, связь алб. *dēt* с *t*-расширением и.-е. **dheubh-*²⁴

можно считать твердо установленной. Некоторые детали реконструкции, однако, могут быть уточнены.

Обращает на себя внимание отсутствие в литературе целнотекстурных соответствий алб. *dēt*, взамен которых приводятся семантически близкие, но весьма далекие словообразовательные примеры типа иллир. *δύβρις* = *θαλασσα* 'море' (Hes.), лит. *dubrà* 'болото' и под., то есть несомненные продолжения и.-е. **dhubh-r-*. Поскольку приводимые параллели этого типа совпадают с алб. *dēt* лишь в корневой части, они не могут служить достаточным подтверждением этимологии Н. Йокля. С другой стороны, в реконструкции Н. Йокля не все элементы могут быть признаны равно обязательными: это относится, в частности, к тому, как восстанавливать корневую и суффиксальную огласовку. Как в корне, так и в суффиксе можно было бы предполагать и иные гласные, что никак не повлияло бы на конечный результат, поскольку после падения срединного согласного вокализм слова подвергся контракции.

В действительности, *t*-суффиксальные образования от и.-е. **dheubh-* существуют (примером могут служить, в частности, германские формы, ср. англ. *depth* 'глубина'), хотя их и намного меньше, чем *r*-производных. В некотором количестве формы с суффиксальным *-t* обнаруживаются в балтийской топонимике, ср. лит. *Duobāite*, *Duobýte*, лтш. *Daubīte*, *Dūobītes-kakts* и т.п. (здесь они также теряются среди многочисленных производных на *-r*)²⁵. Насколько нам известно, аналогичных образований на *-t* нет в балтийской апеллативной лексике, связанной с географической терминологией²⁶. Вместе с тем, редкие балтийские топонимы указанного типа могут восходить к балт. **daubū-* < и.-е. **dhoubhūt-*, **dhoubheit-*, причем именно реконструированные формы этого рода вполне могли развиться в алб. *dēt*. Такая реконструкция, подкрепленная внешними балтийскими данными, и представляется предпочтительной. Алб. *dēt* является не единичным словообразовательным гапаксом, а частью балто-албанской изоглоссы (с важной германской параллелью).

Алб. *mos*

Как давно установлено, алб. *mos* 'не' (+ императив) восходит к и.-е. **mē* с прохибитивным значением и ярко выраженной ареальной характеристикой, ср. др.-инд. *mā*, авест. *mā*, арм. *mí*, греч. *μή*, тох. А, В *ma*²⁷. Что касается конечного *-s* в *mos*, то Г. Мейер в свое время пытался объяснить его как рефлекс заимствованного из лагыни (*dī*)²⁸. Позднее эта труднодоказуемая точка зрения была оставлена, а *-s* (безусловно, более целесообразно) было объяснено как отражение албанского местоименного *s* (*ē*)²⁹. Такое истолкование предполагает, однако, более или менее позднее сращение *mo-* и *s* (*ē*) в синтаксически благоприятных условиях. Думается, что образование *mos* может быть отнесено к более ранней эпохе и целиком сопостав-

¹⁷ См.: Porzig W. Die Gliederung des indogermanisches Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, S. 139.

¹⁸ См.: Jokl N. Studien zur albanischen Etymologie und Wortbildung. Wien, 1911, S. 6 f.

¹⁹ См.: Čabey E. Op. cit., t. 1, p. 54.

²⁰ Этимологию *anë* см.: там же, p. 22.

²¹ См. Jokl N. Studien..., S. 14.

²² См.: Mann S.E. Op. cit., p. 32; Орел В.Э. Вопросы сравнительно-исторической фонетики албанского языка. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1982.

²³ См.: Čabey E. Op. cit., f. 118.

²⁴ См.: Pokorny J. Op. cit., S. 174.

²⁵ См.: Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А — D. М., 1975, с. 357—358.

²⁶ См.: Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. М., 1977.

²⁷ См.: Pokorny J. Op. cit., S. 703.

²⁸ См.: Meyer G. Op. cit., S. 287.

²⁹ См.: Čabey E. Op. cit., t. 1, f. 326.

лено с индоевропейской последовательностью морфем **mē kʷe* (ауслут которой закономерно должен был развиваться в *-s*). Существование такой свободной последовательности в индоевропейском доказывается наличием в греческом формы *μητε* 'и не' (или, чаще, в двойном отрицании *μητε...μητε* 'ни ... ни'), восходящей к тому же источнику, что и алб. *mos*.

Алб. *nga*

Наличие у албанского предлога *nga* 'из, от' параллельной формы *ka* с тем же значением позволяет с большой степенью вероятности предполагать для раннеалбанского состояния **enka* и **ka*. Первая компонента **enka* безусловно восходит к индоевропейскому предлогу **en*; что касается морфемы **ka*, то имеющееся объяснение из греч. *κατά*³⁰ (тем более в духе генетической связи!) трудно признать удовлетворительным³¹. Более приемлемым представляется сопоставление раннеалб. **ka* со слав. **kъ* (последнее восходит, вероятно, к и.-е. **kom*, хотя дальнейшие его связи остаются не до конца ясными³²). В этом случае алб. *nga* продолжает и.-е. **en-kom*, и его небезынтересно сопоставить с продолжающими модель **vъn-kъ*, славянскими формами типа адвербиализованных чеш. *venku*, укр. *вонка* и под.³³.

Формальное совпадение раннеалб. **ka* и слав. **kъ*, само по себе заслуживающее внимания, требует еще и дополнительного семантического обоснования, поскольку значения албанского и славянского предлогов по сути дела антонимичны. Однако именно эта антонимия может служить основой для объяснения, поскольку в данном случае речь идет о пространственных предлогах, изменение значений которых непосредственно зависит от переориентации системы координат относительно субъекта или объекта высказывания³⁴. Процесс такого типа и должен был привнести к семантической эволюции раннеалб. **ka*, **enka*, тем более мотивированной, что "место", занятое исконным и.-е. **eghs* 'из' оказалось пустым, так как продолжение последнего, алб. *ith* (до многом напоминающее славянские и балтийские рефлексy и.-е. **eghs*, пережившие сходную редукцию гласного) приобрело значение 'позади, за'³⁵. Любопытно заметить, что семантическая история алб. *ith* также может быть интерпретирована в указанном выше ключе.

Таким образом, наряду с известным параллелизмом алб. *ith*, слав. **jъz-*, лит. *įs*, можно указать на тождество алб. *ka*, *nga* и слав. **kъ*.

³⁰ См.: Meyer G. Op. cit., S. 304–305.

³¹ О генетических связях греч. *κατά* см.: Топоров В.Н. К семье анатолийск. *kat(a)*, др.-греч. *κατά*. – В кн.: Этимология 1971. М., 1973, с. 286–297.

³² Краткую этимологическую сводку см.: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Praha, 1973, s. 105–106.

³³ Там же, с. 266.

³⁴ Подробно об этом см.: Иванов В.В. Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. – В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 51–60. Литературу см.: Орел В.Э. Слав. **udъ*. – В кн.: Этимология 1977. М., 1979, с. 55–59.

³⁵ Обращает на себя внимание также глухой исход слова, одинаковый для албанского и балтийского (прус. *is*, лит. *įs*).

Алб. *pa*

Такая же глубокая семантическая перестройка, как и в случае с алб. *nga*, наблюдается в алб. *pa* 'без'. Несмотря на значительное смысловое расхождение, Г. Мейер отождествил этот предлог с др.-инд. *apa-* (префикс), греч. *ἀπό* 'от', лит. *pa-* (префикс), слав. **po*³⁶. Эта, безусловно правильная, идентификация представляет большой интерес с семантической и типологической точки зрения, иллюстрируя возможность эволюции предложных значений от собственно пространственных к абстрактным: привативным и даже отрицательным. В качестве другого примера того же рода можно было бы напомнить о судьбе слав. **и*, выражающего в качестве глагольного префикса разнообразные оттенки привативности; ср. еще слав. **ubog*. ~ **nebogъ*³⁷. Собственно, отдельные этапы семантического развития хорошо засвидетельствованы приведенными выше формами, родственными алб. *pa*³⁸.

В материальном плане алб. *pa*³⁹ обнаруживает особую близость к тох. А, В *pa-* (префикс в формах императива), осет. *foe* — 'по' (префикс), лит. *pa-*, слав. **po* и к некоторым редким образованиям в других индоевропейских языках⁴⁰. Алб. *pa* весьма активно словообразовательно; в этом плане приставочное *pa-* сопоставимо со славянским и балтийским префиксом. Есть, однако, и различие, коренным образом отграничивающее, на первый взгляд, алб. *pa* от его балто-славянских соответствий: в албанском *pa* стоит вне апофонии типа **po* : *po*, наблюдаемой в балтийском и славянском. Если бы хотя бы один факт такого чередования обнаружился в албанском, близость алб. *pa*, слав. **po*, лит. *pa-* приобрела бы статус очень важной изоглоссы.

Отражение этого чередования мы видим (на правах пока единичного примера) в алб. *perëndi* 'бог', *perëndim* 'запад', 'закат', *perëndoj* 'заходить' (о солнце). Популярной этимологии, связывающей эту основу с лат. *impe-rantem*⁴¹, присущ существенный недостаток: алб. *mbret* < лат. *imperator* фонетически исключает возможность выводить из *imperantem* и основу *perënd-*. На месте *perënd-* ожидалось бы **mbrënd*.

Первоначально именная основа *perënd-* имеет, по всей видимости, значение 'заход, запад'. Этимология ее может быть подсказана структурой ее

³⁶ См.: Meyer G. Op. cit., S. 317.

³⁷ Большой интерес в связи с этой проблемой представляет незаслуженно забытая работа: Musić A. Komparacija i negacija. — Rad, 1920, N 222, s. 270–280, автор которой видит источник привативного значения у некоторых предлогов с исходно пространственной семантикой в реконструируемых им сравнительных оборотах.

³⁸ Это наблюдение и явилось основой для этимологии Г. Мейера.

³⁹ Алб. *pa*, вероятно, родственно и албанской частице *po*. О сращениях *pa* с другими энклитиками: см. Орел В.Э. Личные местоимения в албанском языке в сопоставлении с личными местоимениями в славянских и других индоевропейских языках. — Советское славяноведение, 1980, № 5, с. 87–88.

⁴⁰ Из литературы см.: Benveniste E. Etudes sur la langue ossète, Paris, 1959, p. 98 f.; Абаев В.И. Провербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 90–99. — В свете сказанного выше о развитии пространственных значений в привативные и отрицательные интересно поставить вопрос о возможной связи и.-е. **ne* с префиксально-предложным и.-е. **en*. Представляется, что нельзя исключать возможности их родства, затемненного древним апофоническим чередованием, само наличие которого следует из факта существования ступени **n* у обоих слов.

⁴¹ См.: Meyer G. Op. cit., S. 328; Čadež E. Op. cit., t. 2, f. 225.

русских переводов (*за-ход, за-пад*) и наличием алб. *rëndóĵ* 'весить, быть тяжелым', соотносительного с *rëndë* 'тяжелый'. Таким образом, *perëndóĵ* – это, в сущности, *pe-rëndóĵ* 'за-падать', а основа *perënd-* распадается на *rënd-* и префиксальное *pe-*, ступень продления и.-е. **pō*⁴². Единичный факт наличия **pō* в албанской именной основе позволяет говорить об особой близости албанских данных к аналогичным явлениям в балто-славянском. Алб. *pe-* сохраняет при этом исходную пространственную семантику.

Алб. *gat*

Для алб. *gat* 'готов', *gatiĵaj* 'готовить' остается неясным характер отношения к слав. **gotovъ*, толкуемому О.Н. Трубачевым как супин **g^watu-* от и.-е. **g^wa-* 'идти'⁴³. Препятствием для истолкования алб. *gat* была изолированность его на албанской почве. Однако в албанском существует глагол *ngas*, значения которого 'трогать, касаться, приводить в движение (о транспортном средстве), быстро бежать, спешить, дразнить' и т.п. можно возвести к единому источнику – 'двигаться', первоначально – 'ходить пешком', что следует из сопоставления раннеалб. **en-gatiĵō* с и.-е. **g^wa-*. Более точно, алб. *ngas* мы рассматриваем как производное от и.-е. **g^wat(u)-*, то есть той же формы, которая лежит у истоков слав. **gotovъ*⁴⁴. Таким образом, в албанском и славянском сохранены те же семантические отношения, в то время как отношения словообразовательные претерпели в албанском изменения. Алб. *gat* образует со слав. **gotovъ* особую албано-славянскую изоглоссу.

И.А. КАЛУЖСКАЯ

ИЗ АЛБАНО-РУМЫНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

1. Алб. *buzë* ~ рум. *buză*

Задачей настоящей работы является уточнение этимологии балканской лексемы, указанной в заглавии, а также попытка проследить ее историю в языках карпато-балканского ареала.

Алб. *buzë*, -a, f., Pl, -ë, 'губа; конец, край, берег; обломок скалы; вершина; горлышко; рыло, морда; шов, рубец; кайма; диалект'¹, рум. *buză*

⁴² Основа *rënd-* < раннеалб. **rand-* может быть объяснена также как именное производное с корневым -o- от алб. *rend* 'бежать' (последнее, вероятно, связано с герм. **rinnan* то же).

⁴³ См. Трубачев О.Н. Славянские этимологии. 40. Слав. **gotovъ* – Prace filologiczne, t. 17, cz. 2, 1964, s. 153 f.

⁴⁴ Ср. ЭССЯ 7, с. 71. Данная этимология предполагает отделение *ngas* от близкого по значению *kas* < **kotiĵō* (вероятно, родственного русск. *катить*). Не исключено, что в формировании значения *ngas* сыграла свою роль и семантика *kas*, более того – что *ngas* продолжает рано совпавшие **en-gatiĵō* и **en-kotiĵō*.

¹ Cipo K., e.a. Fjalor e gjuhës shqipe. Tiranë, 1954, f. 53; Buchgolz O., e.a. Wörterbuch Albanisch-Deutsch. Leipzig, 1977. S. 73; Mann S. An Historical Albanian-English Dictionary. London–New-York–Toronto, 1948, p. 44–45.

'губа; край (раны, сосуда); острие, кромка режущего инструмента; вершина горы, скалы'², арум. *budză* 'губа; край'³ традиционно включаются в списки албано-румынских лексических соответствий, которым приписывается субстратное, древнебалканское происхождение⁴.

С названными лексемами связывают также болг. *буза* 'щека, пашека'⁵, макед. диал. *буза* 'губа'⁶, вост.-серб. диал. *бўдза* '(бранное) рот, губа', *бўза* 'рот, губа; поцелуй'⁷ и кос.-мет. *бўза* 'горловина котла'⁸. Сюда же часто относят польск. *buzia* [busia] 'ротик; личико, мордашка', *buziak* [busiak] 'личико, мордочка; поцелуй'⁹, укр. *бузя* '(детск.) уста, рот, ротик, лицо'¹⁰.

Большинство этимологических словарей возводит перечисленные лексемы к звукоподражательному и.-е. корню **bu-*: перс. *bōsīdan* 'целовать', ср.-ирл. *bus*, *pus* 'губа', *busók*, *pusók* 'поцелуй', нем. *Buss* 'поцелуй', *Busserl* то же, *bussen* 'целовать', англ. *buss* 'поцелуй', швед. *puss* то же, лит. *bučytioti* 'целовать', *buč* 'звук поцелуя'¹¹.

Г. Мейер¹² реконструировал для албанского *buzë* праформу **bus-zë* (-zë – деминутивный суффикс) и возводил ее к **buk-*: лат. *bucca* 'щека' также звукоподражательного происхождения¹³.

² Dicționarul limbii române, publicat de Academia Română. I. București, 1913, p. 714–715; Dicționarul limbii române literare contemporane. I. București, 1956, p. 306–307.

³ Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1974², p. 224.

⁴ См. в частности: Rosetti A. Istoria limbii române, v. II. București, 1961³, p. 110; Russu I.I. Elemente autohtone în limba română. Substratul comun româno-albanez. București, 1970, p. 146; Poghire C. Influența autohtonă. – In: Istoria limbii române, v. II. București, 1969, p. 329.

⁵ Геров Н. Речник на българския език, I. Пловдив, 1895, с. 82.

⁶ Димитровски Т., Корубин Б., Стаматоски Т. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I. Скопје, 1961, с. 49.

⁷ Речник српскохрватског књижевнoг и народног језика, II. Београд, 1960, с. 249, 255.

⁸ Елезовић Г. Речник косовско-метохийског дијалекта, I. Београд, 1932, с. 64.

⁹ Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego, I. Warszawa, 1900, s. 242.

¹⁰ Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка, I. Киев, 1907, с. 108.

¹¹ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern–München, 1959. S. 103; Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. I. Kraków, 1952, s.52; Этимологический словарь славянских языков, вып. 3. М., 1976, с.103; Russu I.I. Op. cit., с. 329; Георгиев В. и др. Български етимологичен речник, т. I. София, 1971, с. 87 (считает болг. *буза* заимствованием из албанского или же наследием балканского (дакомизийского) субстрата, в конечном счете, также звукоподражательным, сравнивая с лат. *bucca*, нем. *Buss*, лит. *buc*).

¹² Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891, S. 57.

¹³ Pokorny J., s. 98; следует отметить, что реконструкция палатального в данной лексеме, с одной стороны, не подтверждается примерами из других языков, а с другой – не имеет достаточных оснований и на албанской почве, поскольку и.-е. **k' >* алб. *th*: *thom* 'говорю' < **k'ēns-mi*: лат. *cēnseo* и пр., примеры же типа *vise* 'место' (< **ueik-*) и *sorrë* 'ворона' (< **k'orn-*) имеют и другие, более удовлетворительные объяснения, см.: Jokl N. Beiträge zur albanesischen Grammatik. – Indogermanische Forschungen, 1912. Bd. 30, S. 192 f.; Pedersen H. Die Gutturale in Albanesischen. – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1900, Bd. 36, S. 337; Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipërisë. – In: Çabej E. Studime gjuhësore. II. Prishtinë, 1976, f. 293–294.

Попытки содержательных этимологий интересующих нас слов исходят, в основном, от албанистов¹⁴.

Н. Йокль¹⁵ сопоставил алб. *buzë* с лит. *burnà* 'рот', болг. *бърна* 'губа', арм. *beran* 'рот', лат. *forāmen* 'отверстие, дыра' (все к и.-е. **bher-* 'обрабатывать острым инструментом; царапать; резать; тереть; колоть'¹⁶), высказав предположение, что *buzë* < **brzë* < **bhr-djā* через промежуточную ступень **burzë*. Эта этимология не очень убедительна по двум причинам: 1) **j*, на которое указывают литовская и болгарская формы не могло дать алб. *ur*¹⁷ (нулевая ступень **bher-* правильно отражена в алб. *brime* 'отверстие' < **bhr-mā*¹⁸); 2) вопрос о возможности падения *-r-* не вполне ясен, поскольку подтверждается немногочисленными примерами, к тому же допускающими иные интерпретации: *bjeshkë* 'летнее высокогорное пастбище' < **bhe(r)skā* — производное от алб. глагола *bie* 'падать'¹⁹; *pjeshkë* 'персик' < лат. *persica* (здесь, однако, форма без *-r-* могла существовать уже в народной латыни, ср. ит. *pesca*, фр. *pêche* то же). Если приведенные примеры и верны, то падение *-r-* имело место перед сочетанием *s+* согласный, если же за *-r-* следовал согласный, то оно сохранялось, ср. *gardh* 'ограда' < **ghordho-*, *gjarpër* 'змея' < **serpono-*, *urdhër* 'приказ' < лат. *ordinem*.

Другое этимологическое решение было предложено Э. Чабеем²⁰. На основании обнаруженного им в архаичном албанском диалекте на территории Италии устойчивого словосочетания *buza e gojs* 'губа' букв. 'край рта' он пришел к выводу, что первоначальным значением алб. *buzë* было 'край, берег'²¹ и сопоставил его с фрак. топонимом *Βυζάντιον*, интерпретировав

¹⁴ Этимологии рум. *buza* на романской почве малоубедительны, так S. Pușcariu (*Pușcariu S. Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache. I. Lateinisches Element. Heidelberg, 1905, S. 242*) рассматривает его как рефлекс романской основы **bud-*, ср. франц. *bouder* 'дуться, сердиться'; A. Cioranescu (*Cioranescu A. Dicționar Etimologic Român, I. 1958, p. 119*) видит здесь отражение лат. *botum* 'холм, галька; толстая губа' с суф. *-zā*, упуская из виду, что суф. *-zā* в румынском албанского происхождения, см.: *Pascu G. Sufixelexe românești. București, 1916, p. 378–379*.

¹⁵ Jokl N. Studien zur albanischen Etymologie und Wortbildung. — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften, Wien (philosophisch-historische Klasse), 1911, N 168, s. 11; *Idem. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin–Leipzig, 1923, S. 143, 278*.

¹⁶ Pokorny J., S. 134–135.

¹⁷ См. об этом специально: Калужская И.А., Орел В.Э. Наблюдения над отражением индоевропейских слоговых сонантов (*ŕ, ǵ, ǵ̃, ǵ̃̃*) в албанском языке. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1982, с. 17–22, где в частности, показано, что и.-е. **r* > алб. *ri*, а и.-е. **ŕ* > алб. *ur, ru*.

¹⁸ Pokorny J., S. 134–135.

¹⁹ Jokl N. Linguistisch-kulturhistorischen Untersuchungen..., S. 165 ff., вслед за ним: Čabej E. Studime gjuhësore, I, f. 68.

²⁰ Čabej E. Mundartliches aus Italien. — Glotta, 1937, Bd. 25, H. 1–2, S. 53–54.

²¹ Несмотря на то, что такое предположение несколько противоречит фактам семантического развития аналогичных слов в других языках, ср., например, лат. *ōra* 'край, берег' и под. (см.: Buck C. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago & London, 1971, p. 32, 860), оно, на наш взгляд, может быть принято, ср. в противовес описания губы как 'края рта' в: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, I. СПб., 1903, с. 404: 'губа — край рта у человека и животного...'; также: Onions C.T. (ed.). The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford, 1966, p. 530: 'lip — edge of the mouth'.

последний как 'город на берегу моря'. Впоследствии Э. Чабей менее удачно связал алб. *buzë* (< **bh_o rdja*) с нем. *Bord* 'борт корабля', *Borte* 'край, кайма', англ. *board* 'доска, борт'²².

Импульсом для нашего исследования происхождения алб. *buzë* послужила гипотеза, высказанная и обоснованная недавно В.Н. Топоровым²³, о принадлежности фрак. *Βυζάντιον*, др.-инд. *Āhi Budhnya* 'Змей Глубин', др.-греч. *Πύθων* 'змея, убитый Аполлоном', с.-хорв. *бадняк* 'дубовое полено, колода или ветки, сжигаемые в сочельник' к и.-е. корню **bhudh-* 'дно, низ, основание'²⁴ в широком мифологическом и культурно-историческом контексте. Знаменательно, что сюда же было отнесено и алб. *buzm. -i, buzëm* 'толстый кусок дерева, который сжигают в огне на рождество', формально и содержательно близкое с.-хорв. *бадняк*²⁵. Само *buzm*, согласно указанию Н. Йокля, является производным на *-m-* от *buzë*²⁶. В плане семантики ср. особенно такие значения *buzm*, как 'камень (один из двух), лежащий на к р а ю очага'²⁷ и 'к р а й' (*në buzëm të gropës = në buzë të varrit* 'на краю могилы')²⁸. Заслуживает особого внимания название горного пика *Buzmi* (о. Андрос в Эгейском море с албанским населением)²⁹. Таким образом, алб. *buzë* фонетически безупречно отражает и.-е. **bhudh-i-*, которое содержится в *Βυζάντιον* (< **budh-i-ant-*), а также в некоторых других формах с *-i, -i*³⁰.

Больше сомнений возникает при рассмотрении семантической стороны данного сближения, а именно: возможность связи значений 'дно, основание' и 'край, конец'. Здесь, однако, мы можем указать полную аналогию такого семантического развития в самом албанском: алб. *fund, -i* (из лат. *fundus* 'дно и пр.', из того же и.-е. **bhudh-*), развило широкий спектр значений, связанных с идеей предела ('дно, как нижний предел' → 'предел вообще') — *në fund të rrugës* 'в конце пути', *në fund të muajit* 'в конце месяца', *fundi fundit* 'в крайнем случае, наконец', *më së fundi, më në fundi* 'наконец, в конце концов', *tani së fundi* 'в последнее время, недавно', *deri në fund* 'до конца', *në fund* 'в конце' *mori fundi* 'закончилось', *fundor* 'последний, конечный, крайний' и пр.³¹

²² Čabej E. Studime etimologjike..., I, f. 86.

²³ Топоров В.Н. Πύθων, Āhi Budhnya, бадняк и др. — В кн.: Этимология 1974. М., 1976, с. 3–31; Он же. Еще раз об и.-е. **budh-* (: **bheudh-*). Фрак. *Βυζάντιον* в индоевропейской перспективе. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 135–150.

²⁴ Pokorny J., S. 174: др.-инд. *budhnā* 'дно; основание; опора; нижняя часть; корень', авест. *būna* 'основа; дно; опора; глубина', др.-греч. *πυθίων* 'дно; основание; низ; нижняя часть; стебель; ствол; род; порождение', лат. *fundus* 'дно; основание; земля; предел', др.-в.-нем. *bodam*, нем. *Boden* 'земля; пол; дно' и пр.

²⁵ В плане сопоставления ритуалов, связанных с *бадняк* и *buzm* интересна их временная приуроченность к пограничью Старого и Нового года.

²⁶ Подробное изложение этой мысли, высказанной Н. Йоклем, содержится в работе: Scheeweis E. Die Weihnachtsbräuche der Serbokroaten. Wien, 1975, S. 174–176, правда, Йокль включает указанные слова в иной круг и.-е. соответствий — см. выше о *buzë*; иначе: Čabej E. Studime etimologjike..., I, f. 86–87.

²⁷ Čipo K., е. а. Fjalor..., f. 53.

²⁸ Čabej E. Studime etimologjike..., I, f. 86–87.

²⁹ Там же, со ссылкой на: Paschalis D. Τοπωνυμικὸν τῆς νήσου Ἀνδρου. 1933, p. 52.

³⁰ Топоров В.Н. Еще раз об и.-е. **budh-*..., с. 147 сл.

³¹ Čipo K., е. а. Fjalor, f. 131; Wörterbuch Albanisch-Deutsch..., s. 148.

Таким образом, поскольку *buzē* этимологизируется в качестве исконного слова на албанской почве, нам представляется наиболее вероятным видеть эпицентр его дальнейшего распространения в раннеалбанском, генетически близком фракийскому (фрако-дакийскому). К этому источнику восходят, видимо, рум. *buză*³² и болг. *буза*³³.

Отражение основы **bhudh-i-* во фрак. *Βυζάντιον* позволяет нам также высказать очень осторожное предположение о возможности собственно фракийского наследия в румынском и болгарском³⁴. Особенно показательно в этом плане диалектное распространение болг. *буза*: центральная, южная и лого-восточная Болгария³⁵, в частности, родопские говоры, считающиеся наиболее перспективными на предмет поиска фракийских вкраплений в болгарском. При объяснении семантики болгарского слова можно, на наш взгляд, указать на филиацию значений 'щека' и 'край, берег', например, в русск. диал. *щека* 'крутой скалистый берег реки', 'крутые утесы, сжимающие с обеих сторон течение реки'³⁶.

С известной осторожностью раннеалбанское происхождение можно предположить и для кос.-мет. *бўза* 'горловина котла', если это не новое заимствование из албанского³⁷, как и макед. *буза* 'губа'. Вост.-серб. формы *бўдза*, *бўза* (область Баната) заимствованы из румынского. Отсюда же венг. диал. *buza* 'верхняя губа' и сакс. *buze* 'отвислые толстые губы'³⁸.

В заключение рассмотрим польск. *buzia* [busia], *buziak* [busiak]³⁹, которые, как нам представляется, нет особых оснований соотносить с рассмотренными выше балканскими лексемами. В силу своей эмоциональной окрашенности они скорее тяготеют к звукоподражательным словам типа нем. *Buss* и под. (см. выше). Кроме того, ни в одном из балканских приме-

ров не наблюдается смягчения конечного согласного основы. На возможность разграничения польских и балканских лексем указывает и география первых: *buzia*, *buziak* засвидетельствованы достаточно равномерно по всей территории Польши, вплоть до балтийского побережья⁴⁰, что делает мысль о заимствовании из балканского ареала еще менее вероятной.

Е.Н. ОВЧИННИКОВА

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛЕКСЕМЫ *koliba* В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

В связи с активизацией работ над Общекарпатским диалектологическим атласом неоднократно подчеркивалась важность привлечения словацкого диалектного материала для исследований по карпатистике¹, поэтому мы не будем подробно останавливаться на обосновании этого положения. Но этот вопрос имеет и другую сторону. Дело в том, что словацкая диалектная лексикология и лексикография не имеют длительной истории, их интенсивное развитие началось лишь в тридцатые годы, а основные достижения относятся уже к послевоенному периоду². Были опубликованы первые словари отдельных словацких диалектов³, в последнее десятилетие завершены такие значительные начинания, как создание Словаря словацких говоров⁴ и сбор материала для лексического тома Атласа словацкого языка⁵, а также частичная подготовка их к печати. Однако ни лексический том атласа, ни словарь еще не опубликованы (вышел в свет лишь пробный выпуск словаря⁶). В сущности, степень изученности словацкой диалектной лексики не может сравниться с положением в диалектологии других

³² В отличие от ряда авторов, видевших в нем позднее заимствование из албанского: *Capidan Th. Raporturile albano-române*. — Dacoromania, 1922. II. p. 322; *Pascu G. Dictionnaire étymologique macédo-roumain*. I. Bucuresti, 1925, p. 218, 15; *Philippide A. Originea românilor*, v. II. Ce spun limbile româna și albaneza. Iași, 1928, p. 702.

³³ О других раннеалбанских заимствованиях в болгарский см.: *Орел В.Э.* К гипотезе о фракийских реликтах в болгарской аппеллативной лексике. — *Этимология* 1980. М., 1982, с. 56—64.

³⁴ Ср. *Български етимологичен речник*, I. с. 87.

³⁵ *Български диалектен атлас*, т. I. София, № 244; т. II, № 248; т. III, № 274. К аналогичным выводам относительно происхождения болг. *буза* на основании рассмотрения диалектного материала приходит и К. Штейнке (*Steinke K. Zur Frage der thrakischen Sprachreste in der bulgarischen Lexik*. — In: *Le monde thrace. II-e Congrès International de Thracologie*. Bucarest, 1976. Volume sélectif. Paris—Roma, 1982, p. 340—345), с работой которого мы ознакомились, когда данная статья уже находилась в печати.

³⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 499.

³⁷ Скок (*Skok P.* *Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika*, I. Zagreb, 1971, s. 246) допускает оба решения, говоря, правда, в первом случае об илирийском наследии.

³⁸ *Russu I.I.* Op. cit., p. 146 со ссылками на: *Blédy G.* *Influența limbii române asupra limbii române asupra limbii maghiare*. Studiu lexicologic. Sibiu, 1941, p. 31; *Wichmann Y.* *Wörterbuch der ungarischen Moldauer Nordesingó- und des Héftaluer Csángó-dialektes*. Helsinki, 1936, S. 17; *Brenndörfer János.* *Román (oláh) elemek az erdélyi szász nyelvben*. Budapest, 1902, p. 14, 75.

³⁹ Укр. *бузя*, будучи крайне скупо документировано, производит впечатление локального полонизма, см.: *Гринченко Б.Д.* Указ. соч., с. 108 со ссылкой на: *Головацкий Я.О.* Народные песни галицкой и угорской Руси. М., 1878.

⁴⁰ См. в частности: *Karłowicz J.* *Słownik gwar polskich*, I. Kraków, 1900, s. 144; *Górnowicz H.* *Dialekt Malborski*. II. Gdansk, 1973, s. 30. *Pawłowski E.* *Gwara Poдеgrajska*. Wrocław-Kraków, 1955, s. 168; *Sychta B.* *Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej*. I. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980, s. 57; *Szymczak M.* *Słownik gwary domaniowska w powiecie łeczekim*, I. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1962, s. 61; *Zdaniukiewicz A.* *Gwara Łopatowszczyzny*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972, s. 126.

¹ *Ивић П.* Рец.: Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П. и др. *Карпатский диалектологический атлас*. — *Зборник за филологију и лингвистику*. Нови Сад, 1970, № XIII, с. 35; *Бернштейн С.Б.* Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. — В кн.: *Славянское языкознание*. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 28; *Ондрус П.* Словацкие диалекты и карпатская языковая область. — *Советское славяноведение*, 1974, № 3, с. 82; *Ripka I.* *Poznámky o výskume slovenských nářečí a ich atlasovom spracovaní*. — In: *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského*. Philologica. CKDA. R. XXVI, 1976, Bratislava, 5.

² См.: *Овчинникова Е.Н.* Обзор словацкой диалектной лексикологии и лексикографии последних десятилетий. — *Советское славяноведение*, 1977, № 6, с. 79—87.

³ *Matejčík J.* *Lexika Novohradu (večný slovník)*. Martin, 1975; *Ripka I.* *Vecný slovník dolnotrenčianskych nářečí*. Bratislava, 1981.

⁴ См.: *Punka H.* О некоторых вопросах концепции "Словаря словацких говоров". — *Общеславянский лингвистический атлас*. Материалы и исследования. 1979. М., 1981, с. 92—105.

⁵ *Габовиц А.* Проблема происхождения словацкого языка с точки зрения лексики. — *Советское славяноведение*, 1981, № 5, с. 61—71.

⁶ *Slovník slovenských nářečí. Ukázkový svazek*. Bratislava, 1980.

языков карпатской зоны, например польского или болгарского, хотя словацкий язык — один из наиболее дифференцированных в диалектном отношении среди славянских языков вообще. Иллюстрацией сравнительно малой изученности словацкой лексики может служить тот факт, что этнографические работы, привлечение которых давно вошло в практику исследований в области диалектной лексики, связанной с народной терминологией, ремеслами, в карпатистике — с пастушеством, при изучении словацкой диалектной лексики зачастую превращаются в главный источник материала. Поэтому "контакт" карпатистики и словакистики может иметь двойную ценность: если данные словацких диалектов необходимы для изучения карпатской проблематики, то результаты работы над ОКДА, представляющие интерес для всех языков карпатского ареала, могут, в свою очередь, сыграть особую роль при изучении лексики словацкого языка, восполняя собой недостаток других источников.

Ниже мы рассматриваем один из так называемых карпатизмов — пастушеский строительный термин *koliba*, привлекая данные первого выпуска ОКДА.

Лексема *koliba*, по-видимому, может быть охарактеризована как принадлежащая к лексическому составу современного словацкого литературного языка. Об этом свидетельствует ее наличие в таком авторитетном труде, как шеститомный толковый "Словарь словацкого языка", без каких-либо специальных помет, ср.: *koliba* 'примитивный деревянный дом, деревянная хижина, будка'; *pastierska kolibka*, *koliba na salaši* 'жилище старшего пастуха ("бачи") и пастухов'; *pustovnícka koliba*, *zbojnícka koliba*, *koliba na seno*; *kolibka*, *kolibčeka*⁷. Сходные значения отмечают и двуязычные словари: *koliba* 'шалаш'; *pastierska koliba* 'пастушеский шалаш в горах', *zbojnícka koliba* 'шалаш разбойников'⁸; 'хибара, пастушья хижина, пастушеский шалаш'⁹; 'шалаш, рыбачий шалаш, шалаш из еловых веток'¹⁰. Правда, в словацко-русском словаре 1950 г. находим указание на функционально ограниченное употребление этой лексемы в качестве овцеводческого термина: *koliba* 'пастушья хибарка (в овцеводстве)'¹¹. Из ранних словарных фиксаций следует упомянуть присутствие лексемы *koliba* в словаре К. и М. Калалов¹², отмечавших еще одно, по сравнению с цитированными выше, значение, а также много производных: *koliba* 'хижина на пастбище, у цыган и др.', *kolibár*, *kolibník*, *kolibársky*, *kolibný* etc.

Вместе с тем в разговорной речи современных словаков, владеющих литературным языком, *koliba* выступает также как название 'домика в горах, убежища для туристов', 'небольшого кафе (за городом), оборудованного в национальном духе в стиле традиционной пастушеской *koliby*'.

⁷ Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959, I, s. 718.

⁸ Dorotjaková V., Fífiková E., Filkusová M., Kothaj J., Spanková A. Vel'ky slovensko-ruský slovník. Bratislava, I. 1979, s. 865.

⁹ Коллар Д., Доротьякова В. и др. Словацко-русский словарь. М. — Братислава, 1976, с. 152.

¹⁰ Доротьякова В., Филкусова М. и др. Большой русско-словацкий словарь, т.5. Братислава, 1970, с. 663.

¹¹ Slovensko-ruský prekladový slovník. Bratislava, 1950, I, s. 283.

¹² Kálal K., Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nářečí. Banská Bystrica, 1923, s. 251.

Это связано с определенными явлениями в жизни общества, характерными для последнего двадцатилетия (развитием туризма, увлечением национальными мотивами в архитектуре, в прикладном искусстве и т.д.), предопределившими появление подобной реалии. Несколько "расширительное" употребление лексемы *koliba* в данном смысле не было до недавнего времени зафиксировано ни в словарях, ни в лингвистических работах, однако в 1-м томе Большого академического словацко-русского словаря наряду с традиционным значением 'шалаш' приводится также и значение 'вид ресторана "колиба" для туристов, где подают словацкие национальные блюда'¹³, что свидетельствует о том, что указанное новое значение слова *koliba* уже вошло в словацкий литературный язык. Подобное развитие значения можно считать примером семантического неологизма, возникшего, вероятно, на базе одного из значений лексемы *koliba*, известных словацким диалектам (см. ниже).

В говорах, по данным лингвистических и этнографических описаний, эта лексема представлена широко, почти повсеместно: это прежде всего весь север, а также восток и центральная часть Словакии (область Западных и Восточных Бескид, Высоких Татр) и примыкающие к ним с юга районы; отсутствие ее, по-видимому, может быть констатировано для некоторых западных и юго-западных говоров¹⁴. Вместе с тем словацкие говоры составляют лишь часть обширного ареала, где на севернославянской территории представлена лексема *koliba*, ареала, включающего восточночешские (моравские), а также южномалопольские и западоевропейские говоры¹⁵.

При этом большинство исследователей фиксирует прежде всего использование лексемы в качестве строительного термина, обозначающего тот или иной вид пастушеских построек (или их частей) на горном пастбище. Рассмотрим ее географическое распространение на территории Словакии с запада на восток (из этнографических и не специально лексикологических работ, где интересующая нас лексема приводится без пояснений, мы приводим ее фиксации на словацком языке с минимальным контекстом).

Так, например, *koliba* 'летнее (переносное) деревянное убежище бачи, в котором изготовлялся сыр; жилище пастуха на горном пастбище'¹⁶; 'жилище пастуха на пастбище, где также производятся молочные продукты'¹⁷ (р-н Тренчина), 'жилище пастуха на пастбище с односкатной или двухскатной крышей до земли без стен' (р-н Чадца);¹⁸ в области Оравы *koliba* 'жилище для пастухов рогатого скота' или же 'жилище пастухов

¹³ Velký slovensko-ruský slovník, s. 865.

¹⁴ По данным ОКДА (вып. I, вопрос № 47), эта лексема в различных фонетических вариантах (*koliba*, *kol'iba*) отмечена во всех восточнословацких и центральнословацких пунктах, но отсутствует в трех западнословацких (из пяти обследованных): в п. 28 (Гаяри, р-н Малацки), 29 (Блатне, р-н Братислава), 34 (Жемберовце, р-н Левиче). Вместе с тем в р-не Нитра (не вошедшем в сетку пунктов ОКДА) отмечается топоним Pod "Kolibu" (*Bodnár J. Myjava. Myjava*, 1911, s. 21).

¹⁵ См.: Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974, с. 207–217, карта на с. 240.

¹⁶ Ripka I. Op. cit., s. 242.

¹⁷ Štika J. Salašnícke koliby v západokarpatské oblasti. — In: Zborník Slovenského Národného múzea, t. 62, 1968. Etnographica 9, s. 77.

¹⁸ Там же, с. 113.

вообще¹⁹ (верхняя Орава), 'постоянное жилище пастухов на пастбище в виде сруба'²⁰, *valaská koliba*, *koliba be zrubu*; *bača si stal pret kolibu*, *zohna ctatki ku kolibe* (южн. Трстена)²¹; *do kol'ibi prisieu bača*, *valasi, išli dojit, žinčicu varili*; *f kol'ibe kotala už nebolo* (р-н Липтова)²²; *valach má kolibienku* (р-н Зволена)²³; *bača do kolibi* (р-н Банска Бистрица)²⁴; *kol'iba* 'помещение, где живет бача, приготавливается сыр и хранятся молочные продукты', *pasterská koliba* 'небольшая постройка для пастухов' (р-н Горегрогня)²⁵; *kolibuocku pri potuocku* (р-н Ружомберок)²⁶; *kol'iba* 'деревянная постройка пастухов овец, в которой сосредоточено производство сыра, служащая также временным убежищем для "бачи"²¹; 'место, где перерабатывается молоко и хранится сыр, жилище "бачи" и младших пастухов', *kolibka* 'переносное ложе пастуха на ножках, будка' (р-н Гемегра)²⁸; *koliba* 'временное жилище пастухов овец', *kolibka* 'переносной домик для членов семьи "бачи", которые пасут рогатый скот' (р-н Попрад)²; *kol'iba* 'для пастухов овец', *kol'ibka* 'навес, защищающий от дождя при дойке овец'³⁰ (р-н Новограда); в области Высоких Татр: *valaská koliba*, *bačovská koliba* 'главная постройка на пастушеской стоянке в горах'³⁷; 'пастушеское строение, переносное или постоянное, для пастухов овец или коров', *kolibka* 'маленькое переносное убежище для "валахов" поблизости от кошары', *kolibisko* 'место, где стоит koliba'³², *kolibár* 'пастух, который остается в kolibe и помогает "баче"³³; 'жилище "бачи" и пастухов, дощатое складное или постоянное, в виде сруба'³⁴ (сруб может также перевозиться на бревнах, служащих фундаментом и изогнутых в форме саней, при помощи конной тяги или трактора, р-н Спишска Бела³⁵; а также *koliba* 'передняя часть kolibu, где расположен очаг, котел для сыроварения и лавки, на которых спят пастухи', *podkolibka* 'сторожка (переносная), в которой спят пастухи, в форме будки на ножках и с ручками наподобие носилок'³⁶; *juhas kolo kolibu* (Спишска Магура)³⁷; *pod kôšarem kolibečku* (р-н Прешов)³⁸. Упомянем здесь также *koliba* 'домик на двух колесах для пастуха' (словацкие говоры в Югославии, р-н Нови Сад)³⁹.

¹⁹ *Haboštiak A.* O výskume pastierskej terminológie. — *Slovenský národopis*, 1961, 4, s. 653.

²⁰ *Štika J.* Op. cit., s. 112.

²¹ *Haboštiak A.* Oravské nárečia. Bratislava, 1965.

²² *Stanislav J.* Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin, 1932, s. 125, 499.

²³ *Horák J., Plicka K.* Zbojnícke piesne slovenského ľudu. Bratislava, 1965, s. 135.

²⁴ *Poloczec F.* Slovenské ľudové piesne. Bratislava, 1964, III, s. 273.

²⁵ *Horchronie.* Bratislava, 1969, I, s. 105, 108.

²⁶ *Poloczec F.* Op. cit., s. 159.

²⁷ *Banická dedina Žakarovce.* Bratislava, 1956, s. 651.

²⁸ Там же, с. 111.

²⁹ *Vařeka J.* Koliby zvané kram. — *Slovenský národopis*, 1961, 4, s. 628.

³⁰ *Matejčík J.* Op. cit., s. 145.

³¹ *Podolák J.* Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier. Bratislava, 1967, s. 81.

³² Там же, с. 200, 201.

³³ Там же, с. 104.

³⁴ *Podolák J.* Prvé výsledky výskumu pastierstva v oblasti Vysokých Tatier. — *Slovenský národopis*, 1962, I, s. 130.

³⁵ Там же, с. 129.

³⁶ Там же, с. 130.

³⁷ *Horák J., Plicka K.* Op. cit., s. 155.

³⁸ *Poloczec F.* Op. cit., III, s. 388.

³⁹ *Bednárik J.* Slováci v Juhoslávii. Materiály k ich hmotnej a duchovnej kultúre. Bratislava, 1964, s. 80.

Особенности устройства и исторические видоизменения *koliby* рассматриваются в нескольких работах по народному строительству, в частности, И. Штики⁴⁰; мы же не будем останавливаться на особенностях конструкций *koliby* постольку, поскольку эти признаки, релевантные для этнографических исследований, не получают заметного отражения в языке⁴¹.

Вместе с тем во многих диалектах *koliba* известна и как единица терминологического разряда, связанного с работами в лесу, с трудом лесорубов. Это отмечал еще В. Махек: *koliba* (слвц., валашск.) — не только "bouda pro pastevce (na salaši)", но и "bouda pro drevorubce"⁴². Упомянем фиксации лексемы *koliba* в значении 'жилище лесорубов' (в отдельных случаях — в значении 'жилище угольщиков в лесу'): *rubárska koliba* 'жилище лесорубов' (Высокие Татры)⁴³; *koliba* 'название временных летних жилищ угольщиков и лесных рабочих' (Гемегра)⁴⁴; *kolibu* 'жилища из досок, которые строили для себя лесные рабочие, углежог, лесорубы' (Кошице)⁴⁵; 'жилище лесорубов и углежогов' (там же)⁴⁶; *koliba* 'постройка для лесорубов' (Земплин)⁴⁷; *koliba* 'где ночевали лесорубы' (Сланские горы)⁴⁸; ср. также *kolibár* 'член группы лесорубов, который оставался в kolibe и приготовлял еду на всю группу' (Липтов)⁴⁹.

Как видно из приведенного материала, это значение встречается лишь sporadически, в отдельных районах. Но данные, полученные в результате сбора материала для ОКДА, позволили существенно уточнить ареал, в котором фиксируются подобные значения: *koliba* в обобщенном значении 'помещение для лесорубов' отмечается более чем в половине обследованных пунктов — почти во всей Восточной Словакии (районы Спишска Нова Вес, Стара Любовня, Бардеев, Свидник, Гуменне), в части центральной Словакии (районы Чадца, Дольны Кубин, Брезно, Липтовски Микулаш). В западнословацких пунктах это значение не зафиксировано (равно как и в наших материалах). Сходное значение слова *koliba* отмечается также в некоторых подкарпатских польских говорах и в карпатоукраинских говорах⁵⁰.

Из единичных (по крайней мере, среди зафиксированных в литературе)

⁴⁰ *Štika J.* Op. cit.; *Jdem.* O stavebním vývoji západokarpatské koliby. — In: *Ľudová kultúra v Karpatoch. Etnographia Carpatica*. Bratislava, 1972, s. 121–128; см. также: *Szafer T.P.* Pastierske staviteľstvo v Tatrách. — In: *Pamiatky a múzeá*, 1956, s. 174; *Podolák J.* Letné salašníctvo oviec v oblasti horného Hrona. — *Zborník Slovenského Národného múzea*, r. 55, 1961, s. 5–76; *Jdem.* Pastierske sezónne obydlia. — *Slovenský národopis*, 1962, 3, 352; *Langer J.* Ľudové staviteľstvo severnej časti Oravy. — *Zborník Slovenského Národného múzea*, r. 59, 1965. *Etnographica*, s. 23–58; *Prekop J. Z.* Historie salašníctva, ovčieho mliekarstva a bryndziarstva na Slovensku. — *Vlastivedný časopis*, r. 16, 1967, s. 167.

⁴¹ *Бернштейн С.Б.* Итоги работы над "Общекарпатским диалектологическим атласом" и задачи VI международной конференции по ОКДА. — Справочно-информационные материалы по ОКДА. М., 1978, с. 6.

⁴² *Mahek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971, s. 269.

⁴³ *Podolák J.* Pastierstvo v oblasti... s. 200.

⁴⁴ *Banická dedina Žakarovce...* s. 651.

⁴⁵ *Latta V.* Uhlárstvo v Hámroch pri Snine. — *Slovenský národopis*, 1958, 6, s. 591.

⁴⁶ *Slovenský národopis*, 1961, 4, s. 632.

⁴⁷ *Lipták S.* Slovná zásoba zemplinských a užských nárečí. Bratislava, 1973.

⁴⁸ *Koma J.* K otázke rozšírenia pálenia dreveného uhlia na Východnom Slovensku. — *Nové obzory*, VII. Presov, 1965, s. 360.

⁴⁹ *Michálek J.* Liptovská Teplica. Poprad, 1973, s. 234.

⁵⁰ *Бернштейн С.Б.* и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, карта № 124, комментарии с. 185–187; см. также: *Кленикова Г.П.* Указ. соч., стр. 207–217.

примеров упомянем существование *koliba* в значении 'постройка, где укрываются ночью косари на горных лугах' (р-н Гореграбня)⁵¹; 'место ночлега косцов на лугу' (р-н Важец, область Высоких Татр)⁵²; далее 'шалаш, убежище полевого сторожа' (р-н Липтовски Микулаш)⁵³; 'шалаш на винограднике' (словацкие говоры в Югославии, р-н Нови Сад⁵⁴); наконец, *kol'ipka* 'помещение для домашней птицы' (р-н Земплин)⁵⁵.

Особого упоминания заслуживает значение, не упоминавшееся ранее, но зафиксированное при сборе материалов для ОЖДА в шести пунктах Средней и Восточной Словакии — значение 'старый, бедный дом' (р-ны Дольны Кубин, Бистрица, Липтовски Микулаш, Бардеев), иногда с пейоративным оттенком.

Наконец, может быть указана следующая ступень семантического развития данной лексемы, зафиксированная, например, в говорах области Гемер и позволяющая рассматривать слово *koliba* как элемент терминологического разряда "сельское хозяйство". Это *koliba* 'druh ostrvy', т.е. 'вид остожья, сушилки для сена'⁵⁶.

Как видно, если в литературном языке лексема *koliba* выступает в значении 'примитивный деревянный дом, шалаш (пастушеский, рыбацкий, шалаш отшельника, разбойников и т.д.)', в последние годы появилось также значение 'ресторан в национальном стиле для туристов', то в диалектах семантика этой лексемы гораздо более дифференцирована. Существующие в словацких диалектах значения можно объединить в следующие группы (расположенные по степени их частотности):

1. Жилище пастуха на горном пастбище (переносное или постоянное, дощатое или в виде сруба)

а. жилище "бачи", где также изготавливаются и хранятся молочные продукты

б. жилище пастухов овец

в. жилище пастуха вообще

г. жилище пастуха коров, рогатого скота

д. передняя часть жилища пастухов овец

е. домик на двух колесах для пастуха

2. Жилище лесорубов или угольщиков в лесу

3. Старый, бедный дом

4. Постройка для ночлега косцов на горных лугах

5. Шалаш, убежище полевого сторожа

6. Шалаш на винограднике

7. Помещение для домашней птицы

8. Остожье, вид сушилки для сена.

Основные из этих значений вошли в ОЖДА:

1. жилище пастуха на горном пастбище

2. помещение для овец (на словацкой диалектной территории не зафиксированное)

⁵¹ Podolák J. Pasienskove a lúčne hospodárenie na hornom Horehroní. — Slovenský národopis, 1961, 1, s. 549.

⁵² Rysul'a J. Život a pieseň Podtatranského Važca. Bratislava, 1960, s. 22.

⁵³ ОЖДА, вып. 1, вопрос № 47, п. 41.

⁵⁴ Bednárik J. Op. cit., s. 122.

⁵⁵ Lipták S. Op. cit., s. 56.

⁵⁶ Baníčka dedina..., s. 651, 111.

3. жилище лесорубов

4. жилище, шалаш полевого сторожа

5. старый, бедный дом.

Таким образом, рассмотренные выше факты, относящиеся к сфере диалектной речи, позволяют констатировать преимущественное употребление лексемы *koliba* в словацких диалектах в качестве названия построек различного назначения (как производственного — т.е. связанного с пастушеством, лесным делом и т.д., так и бытового и под.), обнаруживающих вследствие этого известную специфику конструктивных элементов⁵⁷. Значения, в которых связь со сферой народного строительства ощущается в незначительной степени, должны, по-видимому, трактоваться как более поздние.

Вместе с тем пока невозможно дать точную временную стратификацию значений, объединяемых общим семантическим признаком 'вид постройки'. Можно лишь предположить, что значение 'пастушеская постройка', 'жилище пастуха на горном пастбище', 'помещение, где живет "бача"', 'переносное или постоянное строение для пастухов овец' (см. выше) явилось исходной точкой для развития таких значений, как 'постройка для лесорубов', 'временное летнее жилище углежогов' и под., с одной стороны, и 'старый, бедный дом' — с другой. Такое допущение правомерно, если иметь в виду принадлежность лексемы *koliba* к пласту лексики, вошедшей в словацкий язык (и некоторые другие языки карпатской зоны) в результате "валахской колонизации" и содержащей прямые (или опосредованные) заимствования из восточнороманских языков⁵⁸. Как следует из словарей и диалектологических работ, рум. *coliba* означает 'укрытие для людей (реже животных)', а также 'маленький и бедный дом'⁵⁹: ср. также молд. *coliba* 'хижина, шалаш'⁶⁰. В дальнейшем, в результате привлечения памятников письменности, начиная, по крайней мере, с XVII в., в сочетании с использованием достижений современной лингвистической географии, можно будет дать ответ относительно путей семантической эволюции лексемы *koliba* в словацких диалектах, о том, какие значения следует считать более ранними, а какие — позднейшими.

⁵⁷ На причинах, определивших возникновение различных типов *koliby* (в основном пастушеской), подробно останавливается в своих статьях Й. Штика. К важнейшим факторам он относит характер "салашного" производства, необходимость (или ее отсутствие) перенесения стоянки на пастбище и способы этого перенесения (что относится также к жилищам лесорубов и углежогов), географические и климатические условия и связь с традицией (см. напр.: Štika J. Salasnícke koliby... с. 103–110). О новых типах *koliby*, как существующих, так и перспективных, см.: Podolák J. Prvé výsledky... с. 129–130; Он же. Рец. на кн.: Ovcíarstvo a salasníctvo. Bratislava, 1958. — In.: Slovenský národopis, 1962, 1.

⁵⁸ Ср. у В. Махека: У нас это слово карпатское, оно пришло к нам, очевидно, от румынских пастухов: (Machek V. Op. cit.); подробнее об этом см.: Кленикова Г.П. Указ. соч., с. 217.

⁵⁹ Dicționarul limbii române literare și contemporane. București, 1955–1957; Dicționarul limbii române, v. 1, 11. București, 1913–1939, 1934–1948.

⁶⁰ Дикционар молдованск – русск. Кишинэу, 1961.

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ПРОНИКНОВЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ В НЕКОТОРЫЕ ЗАПАДНО-УКРАИНСКИЕ ГОВОРЫ. 1

Данная работа представляет собой попытку проследить пути проникновения ряда общих тюркских элементов в языках карпатского ареала в некоторые западно-украинские говоры. Источником материалов послужили диалектные записи, сделанные по программе Общекарпатского диалектологического атласа в следующих населенных пунктах: Ивано-Франковская область — Вышков, Кропивник Долинского района, Илинцы Снятинского района, Голоскив Коломыйского района, Манява Богородчанского района, Яблуница Надворнянского района, Нижний Струтень Рожнятовского района; Закарпатская область — Турятка Глыбоцкого района, Ридковцы Новоселицкого района, Василив Заставловеского района, Ясиня — Раховского района¹. Эти населенные пункты располагаются на территории наднестрянских, покутских гуцульских и буковинских говоров.

Большинство тюркизмов в указанные говоры проникло опосредованно, чем и объясняется их географическое распространение: северо-запад — польское, запад, юго-запад — венгерское, юго-запад — румынское посредство. Целый ряд тюркизмов является результатом непосредственных контактов украинского языка с тюркскими, а некоторые из них относятся к праславянскому наследию. Контакты с различными тюркскими языками, наличие многочисленных посредников, разнообразие диалектной огласовки — все это объясняет многообразие фонетических вариантов и особенности семантики рассматриваемых слов.

бахур

бахур 1. 'мальчик, паренек' (Ябл., Ман.); 2. 'плохо воспитанный мальчик' (Вас.), 'озорник, сорванец' (Рид.); 3. 'любовник, ухажер' (Яс.); 4. 'хромая овца' (Ябл.).

бахурѣ (Яс.). *бахурѣ* (Ман.) (pl.) 'парни, мальчики'; *бахури* 1. 'дети' (Рид., Тур.); 2. 'озорники' (Рид.); 'внебрачные дети' (Рид.). Ср. также: польск. *bachur* 'парень' (AZ); словац. *bachor* 1. 'передняя часть желудка жвачных животных, сычуг'; 'внутренности животных'; 2. (экспр.) 'что-либо надутое, округлое; внутренности чего-либо' (SSJ, I, 65). Приведенные формы соотносятся с тюрк.: *баур/баур* (кирг., каз., казан.) 'родственник, кровный родственник, родственник; родные братья и сестры, родня; друг; милый мой, сердечко мое (тат.)'. Указанные тюркские слова восходят к общетюркскому *bağır* 1. 'печень', 2. 'сердце', 3. 'грудь', 4. 'живот', 5. 'передняя часть предмета'; 6. 'бок'; 7. 'родственник' и т.д. (подробнее см. Сев. II, 17–20). Поскольку некоторые значения рассматриваемых украинских и тюркских слов достаточно близки, можно сделать вывод о возможности непосредственного заимствования рассматриваемого слова из тюркских

языков кыпчакского типа в украинский. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы все же не позволяют достоверно судить о путях проникновения данного слова в юго-западные украинские говоры.

баг'ар

баг'ар (К.) 'гуляка'; *баг'а'р* (В.) 'гуляка, старый холостяк'; *баг'ір* (Ябл.) 'разбойник'; *бакир* (Вас.) 'гуляка, пустой никчемный человек'; *бакар* (Ман.) 'непослушный, никчемный человек, бродяга'; *бег'ар* (Яс.) 'драчун, забияка'; Ср. также польск. *baciár, baciarz, batiar* 'озорник'; словац. *bet'ar, betar* 'озорник', 'венгерский пастух'; 'женатый человек' (Одран, ТЗСЯ), считающиеся заимствованиями из венгерского *betvár* А. 1. 'молодой человек или девушка, нанимающиеся на поденную, временную или сезонную работу'; 2. 'уличный разбойник'; 3. 'пастух свиней'; 4. 'нарядный парень'; 5. 'бездельник, шалопай'; 6. 'господский слуга'; 7. 'буриак'; 8. 'батрак'; 9. 'усыновленный ребенок'; В. 1. 'необузданный'; 2. 'грубый, невоспитанный'; 3. 'едва переносимый, плохой'; С. 'очень'. Из тур. *bekâr* 1. 'холостяк'; 2. 'мужчина, бросивший семью'; 3. 'ученик интерната, лишенный праздничных дней, каникул'. К тур. восходят также: серб.-хорв. *běcar* 1. 'холостяк'; 2. 'разбойник, хулиган, мостовик'; 3. 'наемный солдат'; 4. 'доброволец в 1-ом Сербском восстании'; 5. 'пьяница, бездельник'; 6. 'весельчак'; болг. *бекяр, бекярин* то же, что и в турецком; мак. *бекър* 'бездельник, гуляка'; н.-гр. *μπακαρης* 'холостяк'; алб. *beqâr* то же; рум. *beche'r* то же (MNTESz, I, 291–292; SK, 68; Šk, 127; Одран, ТЗСЯ; SSJ, 99; TPC, 105). Из изложенного видно, что большинство приведенных украинских форм в фонетическом отношении близки к польским, имеющим характерную мазовецкую огласовку, т.е. переход *é > a*.

Форма *бег'ар*, зафиксированная в с. Ясиня, близка к венгерским, поскольку население данного села смешанное, украинско-венгерское. Таким образом, посредниками в передаче тур. *bekâr* были польские и венгерские говоры. Остальные фонетические особенности приведенных украинских форм отражают некоторые диалектные черты юго-западных украинских говоров: *е > а, а', і, и, ә* (в безударной позиции); сильно смягчение *к*, приводящее к переходу *к'' > г''*.

босорка

босорка (Ябл., Яс.) 'обманщица'; 'ведьма, которая ворожит, чтобы молоко от коровы соседей перешло к ее корове'; *босоркун* (К.) 'мужчина, обладающий, по поверьям, нечистой силой'. Ср. также: укр. *босорка* 1. 'ведьма, колдунья'; 2. 'лягушка, жаба'; *босорканя* 'ведьма, колдунья', *босоркун* 'упырь' (Грин. I, 90; Zel. I, 41); польск. *bosorka* 'прозвище женщины' (Karł., 193); словац. *bosorka* 1. 'дурная женщина'; 2. 'баба-яга'; 3. 'ведьма, колдунья', 4. 'divá lesná panna'; 5. 'название бабочки' (Blanár; Одран, ТЗСЯ; Macher, 38; Kálal, 35); чешск. *bosorka, bosorkyně, bošorice* 'колдунья' (SSJC, I, 154); рум. диал. *bosorcaie* (Mold.-LT), *bosarcaie* (Maram. — LT), *borsocaie* (Ugocea, Maram. — LT), *borcocaie* (LT). Все приведенные формы восходят к венгерскому *boszorkány*, диал. *baszorkán* (Orseg), *bosorka* (Békes), *baszorka* (Heves), *bosorkán* 1. 'ведьма, колдунья'; 2. 'приведение'; 3. 'мертвая голова (название бабочки)'; 4. 'упырь', являющемуся древнетюркским заимство-

¹ Далее в сокращениях соответственно: В., К., Ил., Гол., Ман., Ябл., Н. Ст., Тур., Рид., Вас., Яс.

ванием: др.-тюрк. *basıŋqan* 'ведьма', узб. диал. *basıŋyan* 'ведьма', чагат. *basıŋyan* 'приходить в себя после тяжелого сна', 'видеть страшные сны', являющиеся производными от общетюркского корня **bas-* 'давить, душить' (Сев., II, 74–78; MNTESz, I, 351). Ср. русск. *бустурган* 'домовой', вят., первонач. 'кошмар' < удм. *busturgan* то же < тат. *basturyan* (Фас., I, 251).

вал'йу, улук

вал'йу 1. 'долбленная или сбита из досок кормушка для скота' (К., Гол., Ябл., Яс.); 2. 'долбленное корыто для кормления свиней' (Яс., Н. Ст., Ман., Вас.); 3. 'деревянное корыто или желоб, в котором дают соль овцам' (Яс., В., Ябл.); 4. 'желоб или корыто, куда наливают воду для скота' (Ябл., Яс.); 5. 'кормушка для оленей в лесу' (Ман.); *улук* (Тур.) — 'долбленная кормушка'. Ср. также: укр. зак. *валбви* 'коньки на кровле дома' (Лиз.); словац. *valov, valuv* 'корыто для кормления скота, кормушка, поилка' (Блашк.), 'приспособление для трепки льна' (диал.) (SSJ, V, 18); рум. *valau* (LT) то же. Источником приведенных словацких и румынских форм, а также укр. *вал'йу* является венгерский: *valúy* 1. 'удлиненный в виде лодки сосуд для кормления скота, кормушка, поилка'; 2. 'канавка, канал'; 3. 'небольшая ступка', относящееся к древнетюркским заимствованиям (MNTESz, III, 1084).

Украинская форма *улук*, по всей вероятности, представляет собой прямое заимствование из тюркских языков: *олук/oluk* тур., тур. диал., ктат., кар. к.; *валак/valak* — чув.; *вулак/vulak* чув. диал.; 1. 'желобок, борозда' (тур.), 'желоб, желобок' (ктат., кар. к., чув.), 'носик кувшина или другого сосуда для воды' (тур. диал.), 'деревянный кровельный желоб' (тур. диал.), 'желоб, подающий воду из водопровода в корытце' (для водопоя скота) (тур. диал.), 'желоб, лоток (на мельнице)' (тур. диал.); 2. 'выдолбленное дерево' (тур. диал., ДТС, 366), 'колода для водопоя' (тур. диал.), 'ясли в хлеве' (тур. диал.); 3. 'канал' (тур. диал.), 'ручей' (тур. диал.), 'узкое место в течении' (тур. диал.), 'источник', 'река' (тур. диал.), 'русло' (тур. диал.), 'ров' (кар. к.), 'проток' (кар. к.). (Сев., I, 451).

джерга

джерга (Виж.) 'черно-белое покрывало из шерсти с начесом, с простым геометрическим рисунком', Ср.: укр. *джерга* 'шерстяное покрывало' (Мак.); 'то же, что и запаска, но из неокрашенной шерстяной материи'; 'род подушки' (Грин., 417); *дерга* 1. 'дерюга, толстая и грубая ткань'; 2. 'попона'; 3. 'женская шерстяная одежда, носимая старыми женщинами вместо плахты, от которой отличается черным цветом' (Грин., 410); *джерда, джерьда, джерга* 'шерстяное домотканное покрывало' (МБГ, II, 23) < рум. *cerga* 1. 'покрывало на кровать у крестьян'; 3. 'попона, полость в экипаже' (Sain, 119; Scr., 260); серб.-хорв. *čerга, čerга* 1. 'цыганский шатер', 2. 'небольшая палатка' (Sk., 172) < тур. *serge* 1. 'палатка, навес на двух столбах; маленькая мастерская'; 2. 'шатер, юрта'; 'цыганский шатер' (TPC, 181; Ag., 170). Из тур. и венг. *cserge* 1. 'грубое шерстяное одеяло, ковер'; 2. 'палатка'; 3. 'покрывало'; болг. *черга* 1. 'домотканное шерстяное одеяло', 2. 'половик' (БРС, 711, MNTbSz, I, 510).

д'ил'

д'ил' (Ябл., Яс.) название горы; *д'йу* (В.) 1. 'название сенокоса в горах (находится на вершине горы)'; 2. 'название небольшого поселка в лесу'; 3. 'название урочища'. Ср. также укр. *dil* пригорок (зап.-гуц.) *giu* (гуц.) 'горный хребет' (вост.-гуц.) (Нр.) < венг. *dél* 1. 'полдень', 2. 'юг', 3. (фиг.) 'полдень (жизнь)'; 4. 'дневной свет, откровенность'; 5. 'обед', по-видимому, древнечувашского происхождения, с исходной формой **dül*, которая в современном чувашском не сохранилась и близка к монг. *dül* 'полдень, юг' (MNTESz, I, 606–607). В пользу подобной реконструкции говорит восстанавливаемая А.М. Щербакон пратюркская форма *tūsh/tūsh* (?) 'полдень'². Причем, если принять во внимание наличие долготы в венгерском, форма с долготой является наиболее вероятной. Что касается наличия *i* на месте этимологического *e* в украинской форме, то это является закономерным переходом *e* > *i* после палатализованного согласного, который встречается в ряде юго-западных украинских говоров.

дулап

дулап (Тур.) 'шкаф для одежды' < рум. *duláb, duláp* (рег.) 'мостик, толстая доска'; 'шкаф'; 'карусели' (DLRLC, I, 84; PPC, 462), тур. *dolap, dulap* 1. 'шкаф'; 'тумбочка, камод'; 2. 'водяное колесо'; 'ворот, колесо (у колодца)'; 3. 'турникет'; 4. 'коробка часового механизма (у больших часов)'; 5. 'футляр (для музыкальных инструментов)'; 6. 'лавка, прилавок, палатка (на крытом рынке)'; 7. 'карусель'; 8. разг. 'ловушка, западня, хитрость, интрига, козни' (Ag., 225; TPC, 241). Из тур. также: венг. *duláb* 1. 'плот', 2. 'шкаф'; серб.-хорв. *dolaf, dölāp* 1. 'настенный или встроенный в стену шкаф'; 2. 'приспособление для орошения в виде колеса'; болг. *долāп* 'шкаф'; греч. *ιτουλαπ*; абл. *dollar* то же (MNTESz, I, 686; Sk., 222).

гордан, гердан

гердан (тур., Вас., Ман.), *гордан, гордан* (Тур.); *герданик, йорданик* (Рид.) 1. украшение из бисера, которое одевается на шею; 2. лента, одеваемая на голову; 3. платок на шее. Ср. также бук. *дьордан, дердан, дирдан, дирданик* то же (МБГ, I) < рум. *gherdan, ghordan* (Cior., Scr., 552; Sain., 214) < тур. *gerdan* 1. 'шея', 2. 'двойной подбородок', 3. 'затылок'; *gerdanlik* 'ожерелье, колье' < перс. *gerdan* 'шея' (Ag., 302; TPC, 329, 330; Sk. 249; Crân.). Ср. также: серб.-хорв. *đerdān, gerdān, gerdan* 1. 'ожерелье', 2. 'шея заколотого ягненка'; болг. *гердан* 'ожерелье, ошейник' (БРС, 88).

каз'ма

каз'ма (Тур.) 'кирка' < рум. *cazmă* 'кирка, лопата, заступ' (DLRLC, I, 352) < тур. *kazma* 1. 'земляные работы', 2. 'кирка'; > болг. диал. *казма* 'кирка'; серб.-хорв. *kazma* 'кирка' (Ag., 448; TPC, 528; БРС, 245; Sk., 404).

² Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 198.

ка́лфа (Рид.) 'старший среди колядующих' < рум. *cálfa* 'подмастерье' (DLRLC, I, 317) < тур. *kalfa* 1. 'подмастерье, подручный, помощник', 2. 'экономка, прислуга', 3. 'надзирательница' < ар. *halifā* 'заместитель'. Из тур.: серб.-хорв. *kālfa* 1. 'помощник ремесленника', 2. 'помощник хаджи в мектебе'; болг. *калфа* 'подмастерье' (TPC, 500; Аг., 417; БРС, 246; Шк., 387).

канта́р'

канта́р' (Ман.) 'ременная узда'; канта́рка 'ременная узда без удил' (В.), 'ременная узда с удилами' (Н.Ст.); канта́рок (К.) 'ременная узда с удилами'. Ср. также: укр. *кантар* 1. 'узда, недоуздок' (Грин., 751; Мак. 9); канта́рь, канта́рок 'узда' (МБГ, IV); венг. *kantár* 1. 'узда'; 2. 'сетка для переюса грузов, плетеная из ремней или шпагата'; 3. 'лента, завязка, пестля'; 4. 'Vorhautbändchen'; из венг. словац. *kantár* 1. 'узда'; 2. 'сделанное по принципу уздечки полотняное седло для переноски грузов (Blanař); 'вид уздечки' (Machek, 191); польск. *kantar* 'узда' (Karł., 247; Br., 216; MNTEsz, II, 350). Заимствованием из венгерского считается и рум. *cantár* 'узда' (LT), однако румынские и украинские формы имеют ударение на конечном слоге, что не характерно для заимствования из венгерского, в котором ударение приходится на 1-й слог. Можно предположить, что формы с конечным ударением проникли в украинский, а также в румынский, из какого-либо тюркского языка непосредственно. Ср.: чагат. *qantar* 'короткие поводья', *qantau-* 'понукаль лошадь, натянув удила'; син. уйг. *qantar-* 'тянуть за уздечку, натягивать удила'; ср. тур. *kantarma* 'удила, трензель'; *kantarmak* 'натягивать удила'. (MNTEsz, II, 350).

коп'я́рш'ю

коп'я́рш'ю (Яс.) 'гроб' < венг. *kororso* 1. 'могила', 2. 'гроб', 3. 'смерть (как противопоставление "колыбель" в перен. знач. "детство")', 4. 'защитная крышка для корабельного каната', 5. 'причальная тумба' < др.-тюрк.: *qabırcaq* 'ящик, гроб'; *qabırçıq* 'ящик'; чагат. *qubqrcaq* 'небольшой ящик', *qorırjuq* 'ящик', тел. *qabırcah* 'футляр, чехол, кожура'; кыпч. *qabırcaqlı* 'черепаша' (MNTEsz, II, 566).

лоша́, лошук

лош'е (Ябл., Гол., Ман.), ло́ша (К.), ло́ша'е (В.) 'жеребенок до года'; лош'е (Гол., Н. Ст.) 'жеребенок от 1 г. до 2-х лет'; лошук (Ман.), лош'ак (Яс.), лошук (Н.Ст.) 'жеребенок от 1 до 2-х лет'; лош'ак (Яс.) 'жеребенок до года', Ср. также: укр. *лоша, лошук* 'жеребенок' (Мак.); *лоша, лошак* 'жеребенок' (Žel., 4, 14); *лоша* 'жеребенок', *лошак* 'двух- или трехлетний жеребенок, кастрированный' (Грин., II 377); польск. *łoś, łoszek* 'жеребенок' < русск. *лоша, лошак* (Br., 312); *łośzak* — кони, которые татары зовут *łośzakami* 'небольшие, неказистые, но сильные и выносливые' (Linde, II, 660); русск. *лошадь*, др.-русс. *лаша*; *лошак* 'животное помеси осла и кобылы' (Шип. 224; Фас., II, 525). Все приведенные формы восходят к тюркскому: чув. *лаша* 'мерин, лошадь'; *алаша* 1. 'мерин, лошадь, конь'

(турк., ктат., кум., кбал., ног., тат., баш.); 'кляча' (каз.); 'маленькая низкорослая лошадь' (уз. диал.); 'худая невзрачная лошадь' (тур. диал.); 2. 'лошадь' (кар. к., кум., кбал., тат. диал.); 'конь' (кум. поэт., кбал.); 'невысокая неуклюжая лошадь' (баш. диал.) (Сев., I, 136–137; Фас., II, 525–526; Шип. 223–224). Ср. также: серб.-хорв. *alaša* 1. 'стадо коней'; 'кони, свободно пасущиеся летом, когда они не нужны для работы'; 2. 'толпа, сброд' < тур. диал. *alaša* 'худая невзрачная лошадь'; 'животное, приученное к седлу; норовистый (о коне), разбушевавшийся'; 'овца, кормящая любого ягненка' (Шк., 85; Сев., I, 136–137). Рассматриваемое слово, несомненно, относится к непосредственным заимствованиям из тюркских языков.

минта́н

минта́н (Рид.) 'вид одежды (длиной до колен, с рукавами, с запахом)'; мунта́н (Вас.) 'меховая безрукавка, расшитая цветными нитками' < рум. *mintean, mindan, mintan* 1. 'род жилета, который носили албанцы и бояре'; 2. 'род крестьянской одежды из грубого сукна, подбитой или отороченной мехом и украшенной вышивкой' (Scr., 811; Cior.) < тур. *mintan* < перс. *nemten* 1. 'род жилета'; 2. 'верхняя рубашка' (Аг., 553; ТРС, 630).

ота́ра

ота́ра (Н.Ст.) 'стадо овец на горном пастбище'. Ср. русск. *отара* 'стадо овец' (новорос.), *атара* то же (Фас., III, 169); обл. новорос. 'овечье стадо, гурт овец'; 'толпа, ватага народа' (Шип., 253). Из тюрк.: *отара* (каз., ног.) 'стадо баранов, перегоняемое на разные пастбища' (ках., ног.) (Сев., I, 487–488). По-видимому, рассматриваемое слово относится к непосредственным заимствованиям из тюркских языков.

очку́р

очку́р (Ябл.), уч'кур (Ман.), о'уч'кур (Тур.), о'учкур (Тур., Гол.) 1. 'шнурок в поясе штанов из домотканного полотна'; 2. 'веревка, которой завязывают мешок' (Тур.). Ср. русск. *очкур* обл. 'пояс, стягивающий штаны или шаровары'; 'рубец с продернутой завязкой'; 'продернутая в штанах завязка'; 'гашник'; *учкур* 'рубец, в который продевают тесьму', 'шнурок', 'сама воздержка, особенно у брюк (гашник)'; 'шнурок, на котором держатся штаны' (Фас., III, 178; IV, 180; Шип. 254, 353) Ср. тюрк.: ктат, тур., чагат, *учкур* 'внутренний пояс, гашник' (Радл., I., 1730).

пану́чи

пану́чи 1. 'домашние тапочки' (Яс.); 2. 'домашние тапочки из сукна' (В., Ябл.); 3. 'домашние тапочки с вязанным верхом, подшитые кожей' (Вас., Тур.); 4. 'вышитые носки' (Ман.); *панучи* (К.) 'домашние тапочки из кожи'; *пануци* 'домашние тапочки' (Ман.). Приведенные украинские формы восходят к румынским и венгерским: рум. *rapic* 1. 'легкая и удобная домашняя обувь'; бот. раст. 'венерины башмачки' < тур. *rapic* 1. 'туфли (без каблука и задника), шлепанцы, тапочки'; 2. тех. 'банмак'; 3. 'подош-

ва, основание' (TPC, 708). Венг. *parics* 1. 'домашние тапочки'; 2. 'растение или животное в форме туфельки'; 3. фиг. 'мужчина, находящийся в подчинении у жены'; 4. 'деревянный сосуд для зачерпывания воды, ковш'; 5. 'тормозной башмак' (MNTESz, III, 94) также из тур. Из вен. словац. *parics* 'домашние тапочки' (Machek, 353), *paricsa* (Odran, Blanař) то же; польск. *parisie*, *parisce* 'домашние туфли' (Вг., 359), *parisce* 'суконная мелкая крестьянская обувь', 'крепцы', 'суконные сапоги' (Маř.); серб.-хорв. *parica*, *parice* (pl.) 1. 'вид мелкой домашней обуви из кожи'; 2. 'приступок в трамвае, автомобиле' (Sk., 509); болг. *панѹци* 'домашняя обувь' (БРС., 436); мак. 'пануча', н.-греч. *παπούτσι* то же (MNTESz, III, 94) также из тур. Ср. также русск. *пануч*, др.-русс. *попуч* 'турецкая обувь' (Шип., 256).

саган'е

саган'е (Ман.), 'большой глиняный сосуд для молока, без ручки, высотой до 40 см' < рум. *sahan* 1. 'металлический поднос'. 2. 'металлическая миска' (DLELC, IV, 4) < тур. *sahan* 'медная посуда, тарелка' (TPC, 744) < ар. *sahn* то же. Из тур. также: серб.-хорв. *sahan/sân* 'медная посуда', 'тарелка'; болг. диал. *сахѹн* 'медное блюдо, поднос'; русск. *саган* (донск.) 'миска, чаша, супник' (Sk. 546; БРС, 595; Шип., 269).

сукман

сукман. 1. 'вид верхней одежды из сукна' (Н.Ст.); 2. 'вид длинной женской одежды без рукавов' (Яс.); 3. 'суконная тряпка' (Ябл.). Ср.; также: укр. *сукман* 'суконная верхняя одежда, суконный кафтан; *сукмана* 1. 'сукман', 2. 'род свитки в Холмщине' (Грин, 1872); польск. *sukman(a)* 'сермяга' (Вг., 525; Z.); ст.-белорус. *сукмань* 'сермяга' (Стб.); болг. *сукман* 'шерстяная юбка' (Боев); рум. *sucman*, *suman* (Mold., Munt.) 1. 'грубое, белое шерстяное сукно'; 2. 'вид крестьянской одежды, украшенной тесьмой, шнуром'; 3. 'вид крестьянской одежды из регионов Jalonica, Vasca, Buzan (Sain., 620; Scr., 261; Wendt 51); русск. *сукман* (суконный кафтан'; др.-русс. *сукъман* 'суконный кафтан' (Фас., III, 798, 799; Шип., 290); венг. *szokmány* 1. 'вид верхней одежды из грубого сукна'; 2. 'бекеша' (MNTESz, II, 777–778); Ср. тюрк.: чув. *sakman*, *saxman* 'кафтан'; тоб. *šukmān*, *čikmān* 1. 'сукно'; 2. 'длинный кафтан'; 3. 'суконное пальто' (Рад., IV, 799).

торба

торба 1. 'пастушья сумка из грубого полотна или кожи (В., К., Тур., Рид., Гол., Ман.); торбина (dem.) (Н.Ст.), торбѹна (dem.) (Ябл.) пастушья сумка. Ср.: польск. *torba* 'сумка, пастушья сумка' (Z.); рум. *turba*, *tobra* 1. 'дорожный мешок', 2. 'пастушья сумка' (Sain., 653; Scr., 1331); русск. *торба* (обл.) южн., зап. 'мешок, сумка'; 'мешок с овсом, одеваемый на морду лошади' (Фас., IV, 91; Шип., 326); венг. *turba* 'ранец, сумка' (MNTESz, II, 100); серб.-хорв. *törba*, *törba*, болг. *торба*, уст. *турба*; мак. *торба*; абл. *torba* то же (Sk., 620; MNTESz, III, 1002). Ср. тюрк.: ктат., азерб. *торба*, *тобра* 'мешок, ранец' (Рад., III, 1189; Дмитр., 32).

товар

товар (К.) 'скот'. Ср. также: укр. карп. *товар* 'крупный рогатый скот' (КДА); ст.-белорус. *товар*. 'скот' (Стб.); польск. *towar*, *towor* 'вьючное животное' (Вг., 574; Z.); чешск., словац. *tovar*, *tovar* 'вьюк, кладь' (Mach., 533; Одран, ТЗСЯ; Блашк.); рум. *tovar* 'груз, ноша' < серб.-хорв. *tòvar* 'груз' (Scr., I, 1333); макед. *товар* 'груз, вьюк'; др.-русс. *товар* 'стан', 'обоз', 'имущество', 'добро'; *товар* 'деньги'; русск. *товар* 'предмет торговли, купли-продажи'; стар. 'именье', 'имущество', 'добро', 'нажитое'; 'походный военный обоз'; (южн.) 'гурт рогатого скота'. Ср. тюрк.: др.-тюрк. *табор*, *тавар*; уйг., алт., тел., леб., тат.; *тавар*, *табар* 1. 'товар, имущество'; 2. (тат.) 'светлая шелковая материя с цветами'; *тавар*, *табар* (уйг., тур., чагат.) 1. 'товар, имущество', 2. (тур., чагат.) 'домашние животные', 'скот, преимущ. овцы' (ВК, 812; БРС, 569, Фас., IV, 68; Шип., 322; Рад., III, 985; Дмитр., 32); *tovar* 1. 'добро', 'имущество'; 'богатство'; 2. 'товар' (ДТС, 542).

тут'ун

тут'ун 1. 'табак (вообще)' (К., В., Ман., Рид., Вас., Гол., Тур.); 2. 'курительный табак' (К., В., Ман., Рид., Виж., Вас., Гол., Тур.); 3. 'табак для трубки' (Гол., Ябл., Н. Ст.). Ср.: польск. *tytoń*, *tytuń*; *tiutun*, *tutuń* (Маř, Вг., 590) 'курительный табак'; 'табак для трубки', чеш. *tutuiň*, *tutoň*, *tutom* 'курительный табак, табак для трубки' (Machek, 546); русск. *тютюн* (уст.) 'табак (обычно низкого сорта)' (Шип., 341); серб.-хорв. *titun* 'табак' (Sk. 626); болг. *тютюн* 'табак' (БРС, 671). Ср. тюрк.: тур., ктат., каз. *түтүн* 'курительный табак' (Радл., III 1809).

чобан

чобан (Вас., Рид.), ч'обан (Тур.), чабан (ред.) (К., Н. Ст.), ч'эбан (Ман.), ч'обан (Виж.), 1. 'пастух овец'; 2. 'главный пастух на горном пастбище' (Н.Ст.). Ср. также: укр. *чабан*, *чобан* 1. 'пастух овец'; 2. 'название вола', 3. 'бык' (Zel., II, 1059, 1974; Грин, 2057;); 4. 'мастер-брынзодел' (КДА); польск. *czaban* 'вол подольский' (Вг., 71); словац., чеш. *čoban*, *čaban* 'пастух' (Macher, 16); ст.-белорус. *чобан*, *чабан* 'пастух' (Стб.); русск. *чабан* (обл., южн.) 'пастух, пасущий стада овец, овчар' (Фас., IV, 308; Шип., 369); венг. *csoban* 'пастух овец' (Sk., 100); рум. *cioban* 1. 'овечий пастух', 2. 'название планеты "Венера"', 3. 'назв. раст. *Dipsacus silvestris*' (Sain 130, Wendt 133); серб.-хорв. *čoban*, *čobanin* 'пастух' (Sk., 178); болг.-диал. *чобан* 'пастух' (БРС, 716). Ср.: тур., ктат. *чобан* 'пастух' < перс. *šiban* то же (Рад., III, 2030).

чѹжми

чѹжми^е (К.) 1. 'вид мелкой обуви'; 2. 'некрасивая, не по ноге обувь'; чѹжм'и (Яс.) 'сапоги'; Ср.: укр. *чижми* 'сапоги' (Zel., II, 1070; Мак.), венгерские сапоги (Грин, 2076). Обычно считается прямым заимствованием из венг.: *czizma* 1. 'высокие сапоги'; 2. 'вид кувшина для пива или вина' < серб.-хорв. *čizma* 1. 'сапог'; 2. 'вид мелкой крестьянской обуви' < тур. *çizme* 'сапог' (Sk. 178; MNTESx, I, 545). Авторы MNTESz относят к заимст-

ованиям из венг. и словац. *čizma*; чеш. *čizma*, польск. *ciżma*. Того же мнения придерживается и Machek (125). Однако в венгерском формы с *ž*, представленные в перечисленных выше языках, отсутствуют. В то же время переход *z > ž* характерен для польских говоров с мазурением, поэтому в перечисленных выше языках и представлена форма с *ž*. Следовательно, источником рассматриваемого украинского слова являются мазуриющие польские говоры. Ср. также рум. *ciżma* < венг. (LT; Scr., 293).

ц'іха

ц'іха (Яс.). 1. 'наперник', 2. 'наволочка'; ц'іхва (Ябл.) 'вышитая наволочка'. Ср. также: укр. *чуга* 1. 'верхняя одежда у лемков: род суконной шинели/украшенной шнурками, с перелиной, рукава защиты и употреляются вместо сумок, так как чуга носится только внакидку'; 2. 'верхняя одежда у галицких верховинцев — род свитки без пукавов и воротника из косматого сверху сукна' (Грин., 2090); *чуга* 'вид верхней одежды с перелиной у лемков' (Žel., II, 1078); 'чуга вид верхней одежды' (Мак., 6); польск. *csuha*, *csucha*, *csuja* 'вид крестьянской одежды' (Br. 181), *суха*, *сѣха* 'вид верхней одежды с рукавами у польских горалей' (Mał.) считается заимствованием из венг. (Br., 81): *csoha*, *csuha* 1. 'сюртук, пальто'; 2. 'верхняя одежда венгерских крестьян'; 3. 'доломан', 4. 'одежда монаха' < тур. *çuha* 'сукно', уст. *çoha*, *çoka*, диал. *çoki* 'домашняя шерстяная куртка' < перс. *суха* 'вид верхней одежды из сукна' (MNTESz, I, 569; Ağ, 186; TPC, 200). Словац. *суха* 'вид куртки' считается заимствованием из польского или венгерского (Machek, 78). На первый взгляд, рассматриваемая украинская форма в фонетическом отношении ближе всего к малопольской (переход *c > c*), неясным, однако, остается появление *i* на месте этимологического *o*, *y*. В этой связи следует отметить, что указанная форма зафиксирована в с. Ясиня со смешанным украинско-венгерским населением и в соседнем с ним с. Яблунца и что одним из источников могли служить венгерские говоры Закарпатья, для которых характерен переход *o > i* и, следовательно, на украинской почве, закономерно появление *i*. На основании сказанного выше, можно предположить, что в данной украинской форме представлена контаминация двух форм, заимствованных из венгерского и польского. Ср. также: русск. *чуха* 'чапан, кафтан синего сукна'; *чыга*, *чуха* стар. 'узкий, с короткими рукавами кафтан'; *чоха*, *чуха* кавк., южн. 'верхняя одежда с широкими откидывающимися рукавами'; др.-русс. *чуга* 'узкий кафтан'; *чуга* обл. кур. 'длинный кафтан' (Шип., 404, 327, 399, 424).

унѣр

унѣр 'колдун' (К.). Ср. русск. *уныр* простореч. и нар.-поэт. 'то же, что вампир', Др.-русс. *унир*, *уныр* 'по древнему верованию, мертвец, встающий из могилы и сосущий кровь людей' (Шип., 347); польск. *upior*; чеш., словац. *upir*; болг. *взпиръ*; белорус. *унір*. Приведенные данные формы восходят к тюркским: тат., башк. *убыр* 'обжора, ведьма, злой дух'; *обур* 1. 'кормилица'; 2. 'ненасытный обжора, злой дух' (Рад., I, 1782–1783).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БРС	— Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М., 1975.
Блашк.	— Блашкович Й. Топонимы старотюркского происхождения на территории Словакии. — ВЯ, 1972, № 6.
Боев	— Боев Е. За предтурско-турско влияние в българския език. Еще няколко прабългарски думи. — Български език. 1965, XV, кн. 1.
ВК	— Караџић В.С. Српски рјечник (1818). Београд, 1966.
Дмитр.	— Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958.
ДТС	— Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Грин.	— Гринченко Б. Словарь української мови, т. I–IV. Київ, 1907–1909; 1927.
Лиз.	— Лизанец П.М. Атлас лексических мадяризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської області. УРСР. Ужгород, 1976.
Мак.	— Макарушка О. Словарь уральских выражений, пережитых в мов туркских. — Зап. наук. тов-ва им. Т.Г. Шевченка, т. V, № 2, Львів, 1895.
МБГ	— Прокопенко В.А. Матеріали по слоника буковинських говірок, вип. 1–4. Чернівці, 1971–1976.
Одран, ТЗСЯ	— Одран М. Тюркские заимствования в словацком языке. — Советская тюркология (Баку), 1974, № 4.
Рад.	— Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I–IV. СПб., 1893–1911.
РРС	— Румынско-русский словарь. М., 1980.
Сев.	— Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1–1974, II–1978, III–1980.
Стб.	— Булыко А.Н. Освоение старобелорусским языком тюркизмов на словообразовательном уровне. — В кн.: Тюркизмы в восточно-славянских языках. М., 1974.
TPC	— Турецко-русский словарь. М., 1977.
Фас.	— Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I–IV. М., 1964–1973.
Шип.	— Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов русского языка. Алма-Ата, 1976.
Аğ.	— Türkçe sözlük. Dördüncü baskı. Hazırhan Mehmet Ağakay. Ankara. Türk Dil Kurumu yayınları. 1966.
Blanár	— Blanár V. Otázky lexikálnych turcizmov v slovenčine. in.: "Jazykovedný časopis", 1962, XIII, 1.
Br.	— Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 1927.
Cior.	— Cioranescu Al. Diccionario etimológico rumano. Fasc. 1–6. Tenerife–Madride, 1958–1961.
Crân.	— Crânjălă D. Rumuske vlivy v Karpatech. Praha, 1938.
Hr.	— Hrabec S. Nazwy geograficzne huculsczyzny. Kraków, 1950.
DLRLC	— Dictionarui limbii romine literare și contemporane. t. I–IV, 1957.
Gom.	— Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — In: Suomalais-ugralaisen seuran (toimituksia), 30, 1912.
Kálal	— Kálal K. a M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Baňská Bystrica, 1923.
Karl.	— J. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia. Kraków. 1894–1905.
Linde	— Linde M. Słownik języka polskiego przez M. Samuela Bogumiła Linde wydanie drugie, poprawne i pomnożone, I–IV. Lwów, 1860–1894. (Warszawa, 1915).
LT	— Tamas L. Die ungarische Elemente in Rumänischen. București. 1966.
Machek	— Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Mał.	— Matecki M., Nitsch K. Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1931.
MNTESz	— A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I–III. Budapest, 1967–1976.
Odran	— Odran M. Turcizmy v slovenských piesňach. — In: Universitas Comeniana Philologica. Zborník filozofickej fakulty. Roč. XXI. Bratislava, 1969.

- Rich. — Richard R. Polnische Lehnwörter im Ukrainischen. Berlin, 1957.
 Scr. — Scriban A. Dicționarul limbii românești. București, 1940.
 Sain. — Săineanu L. Dicționar universal limbii române. Craiova, 1908.
 SK — Kakuk S. Reshefches sur l'histoire de la langue osmanlie de XVI-e et XVII-e siècles. Budapest, 1973.
 ✓ Sk. — Skalić A. Turcizmi u srpkohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966.
 SSJ ✓ — Slovník slovenského jazyka, I–VI. Bratislava, 1959–1968.
 SSJC — Slovník spisovného jazyka českého, Praha, 1960.
 Wendt — Wendt H. Die türkischen Elemente in Rumänischen. — In: Berliner byzantinische Arbeiten, Bd. 12. Berlin, 1960.
 YV — Y. Vichmsns Wörterbuch des ungarischen moldauer Nordcsango und Hetfaluer Csangodialektes. Helsinki, 1927.
 Z. — Zajaczkowski A. Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego. Wrocław, 1953.
 Zel. — Zelechowski E. Ruthenisch-deutsch Wörterbuch. I–II. Lviv-Lemberg, 1886.

Г.П. КЛЕПИКОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЛГАРСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ СЛАВИСТОВ

Последние 20–25 лет характеризуются большими успехами в изучении болгарской диалектной лексики¹. Так, благодаря интенсивной и систематической публикаторской деятельности Института болгарского языка БАН болгарская лексикография обогатилась значительным числом различных по объему и характеру диалектных словарей (см. прежде всего серийные издания "Българска диалектология. Проучвания и материали", "Трудове по българска диалектология")²; выполнены лексикологические описания ряда болгарских диалектов (ср. соответствующие разделы в монографиях, опубликованных в указанных сериях), изучается диалектная терминология, готовится к изданию идеографический словарь болгарский диалектов и т.д. Необходимо специально подчеркнуть достижения в области лингво-географического изучения диалектной лексики, и прежде всего отражение ее на картах "Болгарского диалектологического атласа" (т. I–III), а также

¹ Об успехах болгарской диалектологии, в том числе изучения диалектной лексики, см. в: Андрейчин Л. Научните постижения на Института за български език през годините на народната власт (1944–1974). — БФ, № 4, 1974, с. 294. Специально о состоянии и перспективах развития указанной области болгаристики см.: Стойков С. Българската диалектология по нов път. — БД, I, 1962, с. 5, 8, и сл.; Младенов М. Некоторые аспекты болгарской диалектной лексикологии. — В кн.: Проблемы лексикологии. Минск, 1973, с. 95–103.

² Вышли из печати и многочисленные монографии по болгарской топонимике, различные лексикологические и лексикографические материалы публикуются в болгарской периодике, научных сборниках. Важное значение имеют коллекции диалектной лексики, содержащиеся в этнографических трудах, таких как: Добруджа, Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974; Пирински край. София, 1980; Молерови Д. и К. Народописни материали от Разложко. — СБНУ XLVIII, 1954 и под.

статьи по географии слов. Эти большие результаты связаны с именем проф. С. Стойкова и его учеников.

Следует учитывать и большой объем ценных сведений по болгарской диалектной лексике, содержащихся в трудах советских диалектологов, изучавших под руководством С.Б. Бернштейна болгарские переселенческие говоры в СССР (ср. карты и комментарии "Атласа болгарских говоров в СССР [М., 1958], исследования и статьи, использующие данные этих говоров)³ и говоры метрополии (работы Э.А. Григоряна, Э.И. Зелениной, Г.П. Клепиковой и др.).

Таким образом, в последнее десятилетие в научный оборот введен чрезвычайно обширный и ценный материал, который наряду с материалами старых, довоенных публикаций, должен служить основой, исследовательской базой для различного рода сравнительно-исторических и сопоставительных трудов как в области болгарской, так и — шире — славянской лексики и семантики. В настоящей статье не анализируется значение новых данных по болгарской диалектной лексике в собственно болгаристических трудах советских лингвистов⁴. Следует лишь подчеркнуть, что наиболее существенной проблемой, разрабатываемой в них, наряду с синхронным описанием современного состояния лексико-семантической системы диалектов, является разработка вопросов происхождения и развития (в условиях изоляции) болгарских переселенческих говоров СССР⁵.

Ниже нами рассматриваются лексикологические (и отчасти — этимологические) работы советских славистов, посвященные проблематике сопоставительного и сравнительно-исторического изучения славянских языков, в которых материал болгарских диалектов должен быть использован и — в той или иной степени — используется. Очевидно, что в по-

³ Подробнее об этом см.: Венедиктов Г.К. Итоги изучения в СССР вопросов болгарской диалектологии. — КСИС, вып. 35, 1962, с. 76–92; Попова Т.В. Обзор работ советских диалектологов-болгаристов послевоенного периода. — ОЛА. 1981. М., 1983.

⁴ Можно привести несколько примеров, показывающих важность учета новых материалов по диалектной лексике, например, для решения вопроса о соотношении переселенческих говоров и говоров метрополии. В известных работах И.К. Буниной (Словарный состав ольшанского говора — СМБД, вып. 3, с. 3–84 [Б]) и Э.И. Зелениной (Словарный состав суворовского говора. — СМБД, вып. 7, с. 63–114 [З, I]; СМБД, вып. 8, с. 86–105 [З, II]) в ряде случаев отсутствуют параллели из говоров Болгарии к некоторым лексемам. На этом основании иногда делаются выводы об "исключительности" лексики болгарских сел на территории СССР. Ныне эти параллели могут быть указаны. Ср., например: бузи 'рот' (Б, 24; Кочев, 114, 116), вогък 'ток' (Б, 24); бтък то же (Кочев, 117, 120), лот 'нары' (Б, 32; Кочев, 171), ардѣф 'подойник' (Б, 35) : ардѣф 'сѣд за доене... без дръжка' (Кочев, 137), стубел 'улей' (Б, 68; Кочев, 136), клувѣца 'часть сновалки' (Б, 65) : клувѣ 'четвѣртита рамка с поставка, в която успоредно се пресичат железни прѣчки... в които са вкарани калмуканите' (Кочев, 113) и др.; также: боканчи (З I, 102) : буканчѣтѣ (Кочев, 98), пѣшка 'косточка от фруктоу' (З II, 94) : пѣшка 'костилка' (Родопы — БД II, 246), рогѣска (З I, 85) : рѣгѣска (Кочев, 115), шушѣлка 'носик у лейки', 'жолоб у ручной мельницы' (З I, 92) : шушѣлка 'воронка' (Банат — СТ., 279) и др.

⁵ В связи с последним аспектом см.: Бунина И.К. К истории говора с. Дермендере. — ВСЯ, вып. 7, 119–147; Клепикова Г.П., Попова Т.В. О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка. — ВЯ, 1968, № 6, с. 103.

добных работах неиспользование (resp. недостаточное использование) его может приводить авторов к выводам, которые, как будет показано далее, нуждаются в коррективах, в том числе и концепционного характера. На наш взгляд, значение получаемых результатов находится в прямой зависимости от большего или меньшего использования болгарских диалектных данных в трудах, исследующих различные аспекты дифференциации славянских языков с целью (1) выявления с и н х р о н н ы х территориально противопоставленных явлений в рамках всей Славии или отдельных ее зон (что, в частности, помогает яснее представить общеславянский лексический фонд и инвентарь локализмов, а, кроме, того, может быть основой совершенствования классификационных характеристик славянского языкового континуума); с целью (2) историко-генетической интерпретации современных лингвистических ландшафтов, реконструкции более ранних состояний, в том числе и позднеславянского, вследствие чего оказывается возможным стратифицировать лексико-семантические единицы, а на базе этого — делать выводы этногенетического свойства; с целью (3) изучения взаимодействия родственных (т.е. славянских) языков и славяно-неславянских языковых контактов, в результате которых славянские языки обогатились заимствованными элементами и возникали локальные инновации.

1. Работы сопоставительного характера немногочисленны. Это серия статей Ю.П. Чумаковой, посвященная славянской ткаческой терминологии⁶, семантический этюд В.Б. Силовой⁷, статья В.В. Усачевой⁸ и некоторые др. Диалектные данные особенно важны в сопоставительных работах, обращающих внимание и на историческую перспективу в функционировании тех или иных лексем. Именно здесь выводы общего характера, сделанные без достаточного полного учета показаний диалектов, как правило, требуют уточнений. Например, Л.В. Вяткина в статье "Об одной семантической группе в славянских языках (слова, обозначающие временные отрезки, связанные с приемом пищи)" пишет: "... в современных славянских языках слова данной группы утратили чисто временное значение, исключение составляет лишь болг. *ужина* 'вечер'". Однако в действительности болгарский язык, как свидетельствуют его диалекты, не составляет в данном отношении исключения, в нем также наблюдается утрата чисто временного значения слова, ср. зап.-болг. *йужина, ужина* 'обед към 3—4 часа през лятото' (р-н Самоков — ИИБЕ IV, 407), *йужина* 'следобедно ядене' (там же — БД III, 227); о весьма значительном распространении лексемы в указанном значении и в значении 'обед' можно судить по БДА (т. III, № 242, 243).

Новый этап в развитии сопоставительных исследований по славянской лексике наступил в последние годы, когда все в большей степени стали

использоваться данные "Общеславянского лингвистического атласа", собранные по сетке ОЛА (на территории Болгарии — свыше 30 нас. п.). Упомянем здесь статьи и сообщения К.Ф. Германа, И.А. Дзедзелевского, Т.М. Зайцевой, Я.В. Закревской, А.М. Крейтора, Ф.Д. Климчука, А.А. Кривицкого, И.А. Попова¹⁰.

2. Однако в большинстве лексико-семантических работ, в той или иной степени учитывающих диалектный материал (в данном случае — болгарский), решаются различные задачи с р а в н и т е л ь н о - и с т о р и ч е с к о г о изучения славянских языков; в работах этого типа глубина и ценность наблюдений и выводов также находится в зависимости от объема диалектного материала, привлекаемого исследователями.

Укажем в этой связи на "Очерк сравнительной грамматики славянских языков" С.Б. Бернштейна (М., 1974), прежде всего на большой раздел "Именные основы". Особенностью данного труда, в отличие от многих книг по сравнительному языкознанию, является широкое привлечение диалектного материала. Эта принципиально важная, новаторская черта "Очерков" была отмечена рецензентами¹¹, поэтому не будем останавливаться на этом подробно. Важно лишь подчеркнуть особое внимание автора к болгарским диалектным фактам (что объясняется как специальными его интересами, так и обширностью и ценностью этих данных). Важнее, на наш взгляд, имея в виду задачи настоящей работы, привести ряд примеров из болгарских диалектов, существенно дополняющих сведения и выводы, содержащиеся в упомянутом труде.

а. Рассматривая корни **drob-/dreb-* (с. 270) автор приводит последний из них для болгарского лишь в составе дериватов (*дребен* и под.), тогда как в диалектах он отмечается и в непроемных существительных: *дреп* 'отпадьи от вълна', 'най-къси влакна обработен коноп' (Банат — Ст., 71), *дреп* (собирательное) 'дребни влакна, които остават при обработване на коноп или вълна' (р-н Софии — БД I, 246; П, 76; р-н Свишова — БД III,

¹⁰ Герман К.Ф. К вопросу о развитии пастушеской терминологии в славянских языках (наименования кастрированного самца овцы). — ОЛА. 1977, с. 37—45; Она же. Существительные со значением 'кастрированный самец овцы'. — Совещание по ОЛА. 1976, с. 211—215; Дзедзелевский И.А. Названия кузнечика (*Locusta viridissima*) в говорах славянских языков. — Совещание по ОЛА. 1973, с. 201—202; Он же. Названия стрекозы (*Libellula*) в говорах славянских языков. — Совещание по ОЛА. 1974, с. 189—192; Зайцева Т.М. Названия грибов в ОЛА. — Совещание по ОЛА. 1976, с. 185—187; Закревская Я.В. Славянские названия дятла *Picus*. — Совещание по ОЛА, 1974 с. 196—199; Климчук Ф.Д., Кривицкий А.А. О лексическом членении одной микроструктуры и ее типах в диалектах славянских языков. — Совещание по ОЛА, с. 264—266; Кривицкий А.А., Климчук Ф.Д. Глаголы, обозначающие в диалектах славянских языков перемещение ползком и их семантическая классификация. — Там же, с. 267—269; Они же. Обозначение перемещений ползком в славянских диалектах (по материалам ОЛА). — ОЛА. 1981. Крейтор А.М. Названия барана в говорах славянских языков. — Совещание по ОЛА. 1975, с. 224—226; Попова И.А. О двух лексико-семантических группах в славянских языках: слова со значением 'крот' и 'кучка земли, вырытая кротом' (в связи с составлением ОЛА). — ОЛА. 1974, с. 82—92; Он же. Названия 'крота' и 'кучки земли, вырытой кротом' в славянских языках. — Совещание по ОЛА. 1973, с. 225—260.

¹¹ Eckert R. — ZfSl, 1975, N 5—6, S. 817—824; Veyrenc J. — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. 70, fasc. 2, 1975, p. 306—308; Варбот Ж.Ж. — CC, 1975, № 6, с. 118 и сл.

⁶ Чумакова Ю.П. Глагольные термины, связанные с домашней обработкой волокна в славянских языках. — ОЛА. 1969, с. 120 и сл.; Она же. О семантическом варьировании слова **krosna/krosno* у славян. — ОЛА. 1970, с. 287—298. Она же. К вопросу о семантическом варьировании слова **krosna/krosno* у славян. — Совещание по ОЛА. 1969, с. 122.

⁷ Силова В.Б. Семантическая структура словообразовательного гнезда (слова с корнем *lich-* в славянских языках). — ОЛА. 1975, с. 34—56.

⁸ Усачева В.В. Ареальная характеристика названий леща в славянских языках. — ОЛА. 1975, с. 105—123.

⁹ ОЛА. 1973, с. 42; Вяткина Л.В. Об одной семантической группе в славянских языках. — Совещание по ОЛА. 1973, с. 81—86.

298), *дреп* 'отпадьци при влачене вълна на дарак' (Странджа — БД I, 81; при: *дроп* 'изпокъсан, станал негоден' — там же), также *дреп* 'черен или бял дроб на животно' (Родопы — БД II, 154, ср. *дрем* 'най-малката частичка от нещо' — р-н Смоляна — ИИБЕ IV 221), *дреп* 'кудель' (болгарские говоры СССР — СС 1979, № 4, с. 79). Ср. и в: РСБКЕ — *дреб* 'отпадьци от вълна, лен или коноп, когато влачат', 'разбити, развлечени на вълна парцали'; также — Геров.

б. Основа **pormen-* определяется как характерная для западноболгарской зоны (с. 176), однако ее география шире, ср.: *прамен* 'стиска овлачена на ръчен дарак вълна' (Странджа — БД I, 128), 'късче вълна' (Родопы — БД II, 247)¹².

в. В отношении мнения, что болгарский не знает слов с основой **bry* (с. 231), ср.: *бървъ* 'вежда' (Банат — Ст., 47).

г. Диалектный материал позволяет более точно, чем это делается в книге, характеризовать лексему *иней* — не просто как "обл." (с. 291), а как западноболгарское, ср. *иней* (Ихтиман — БД III, 78; Ботевград — БД I, 192), сюда же и структура *ин'е* (Видин — Млад., 234; София — БД II, 83)¹³; по данным БДА (т. II, № 278), единичные фиксации лексемы — на северо-востоке Болгарии (р-н Белене); ср. также: Koseska (карта № 12)¹⁴.

д. В связи с рассмотрением основы **k^uel-* (с. 149) из болгарского приводится только *колело* (< *колесо* + *търкало*), тогда как заслуживало бы упоминания и *кóло* 'колесо', 'круг, окружность' (р-н Софии — БД II, 86; Враца — БД IX, 268)¹⁵.

е. В связи с анализом основы **rounos-* (с. 161) данные семантики соответствующих слов в славянских языках могли бы быть расширены за счет болг. диал. *руни* 'дълги къдрави косми по тялото...' (Ботевград — БД I, 201, также *рун'ас/в/ам* 'покривам с руни' — там же), *рун'а* (ж.р.) 'косми', 'окошена част на тялото...' (Враца — БД IX, 317).

ж. К списку существительных с основой на *-ъ/ь*, составленному автором (с. 290 и сл.), можно было бы добавить болг. диал. *лопей* 'сильный проливной дождь' (Пловдив — БД IV, 166; Ботевград — БД I, 194; также Враца — БД IX, 275), *лопий* то же (Карлово — БД VIII, 144) и др., сопоставляется с с.-хорв. *лопати* 'литься в больших количествах', рус. *лопань* 'колодец на болоте...' , *лопать (ся)* и т.д. (Фасмер, II, 51).

В последние годы появляется все больше работ сравнительно-исторического характера, бизирующихся на диалектных данных и включающих в качестве важнейшего компонента содержания пространственную квалификацию либо отдельной лексемы (resp. ее семантики), либо группы

лексем, объединенных близостью значений, группы лексем, составляющих определенный терминологический разряд, или же, наконец, группы лексем, объединенных общностью территории распространения. При этом анализ лексико-семантических единиц оказывается связанным с несколькими общими идеями, которые в конечном счете представляют собой формулировку известных на протяжении сравнительно-исторических исследований в области славянской лексики и семантики.

Начало одного из них положено В.М. Иллич-Свитычем, который в статье "Лексический комментарий к карпатской миграции славян" (Изв. ОЛЯ, XIX, 1961, № 3, с. 222–232) дал новое объяснение (и хронологию) многочисленным фактам лексико-семантических схождений в некоторых севернославянских (зоны Карпат) диалектах и в южнославянских языках¹⁶, связав эти схождения с распространением славян в первой половине I тыс. н.э. из области прародины через Карпаты и далее на юг, на Балканы, что явилось, как известно, важнейшим этническим и языковым сдвигом, резко нарушившим первоначальное соотношение частей древней Славии. Выказанные В.М. Иллич-Свитычем соображения о времени, условиях карпатской миграции славян, о методике изучения семантических процессов, подкрепленных анализом ряда лексем, явились, по существу, программой исследований большого масштаба — именно указанный труд послужил толчком для создания, например, "Карпатского диалектологического атласа"¹⁷ (далее — КДА), посвященного лексике и семантике карпатоукраинских говоров. КДА показал, что отношение последних к диалектам южнославянских языков, в том числе болгарским, является весьма сложным¹⁸. Атлас позволил детально изучить семантическую структуру большого числа отраженных в нем лексем, что помогло сделать новый шаг в сравнительно-исторических исследованиях по карпато-южнославянской проблематике. Он дал значительный материал (картографированный и архивный), маркированный ареально, что повышает результативность и собственно карпато-южнославянских лексико-семантических штудий, основывающихся, в частности, на широком привлечении болгарских диалектных данных, пространственно ориентированных, и исследований, где указанный аспект анализируется как элемент общеславянских отношений. Ср. некоторые

¹⁶ Впрочем, существует еще и точка зрения, согласно которой указанная общность (применительно к карпатоукраинской зоне) объясняется ролью племен уличей и тиверцев, которые считаются звеном, связывавшим южных и северных славян в XI–XII в.в. н.э. (Кобилянський Б.В. 3 історії міжслов'янських лексичних зв'язків. — Проблеми слов'язнознавства, вип. 19. Львів, 1979).

¹⁷ Бернштейн С.Б., Иллич-Свитыч В.М. и др. Карпатский диалектологический атлас, М., 1967; ср.: Бернштейн С.Б. Проблемы интерференции языков Карпато-Дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 25–41.

¹⁸ Позднее в некоторых публикациях было обращено внимание на специфический характер связей отдельных частей карпатоукраинской и южнославянской зон. Ср.: Младенов М. Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах. СБЯ, 1975, с. 220–235; Гутшиmidt К. К карпато-южнославянским лексическим параллелям. — Там же, с. 202–210; Он же. Ареалы некоторых болгарских соответствий карпатоукраинским лексемам. — В кн. Общекарпатский диалектологический атлас. Кишинев, 1976, с. 70–76; Клепикова Г.П. Лексико-семантические параллели в македонских и карпатоукраинских диалектах. — МJ XXIX, 1978, с. 117–124.

¹² Сюда не относится *прам* 'трут' (Кюстендил — БД IV, 146; Карлово — БД VIII, 155), *пран* то же (< *прахан*) (Видин — Млад., 268; Троян — БД IV, 219; Ихтиман — БД III, 135).

¹³ Данные БДА (т. III, № 298) показывают распространение лексемы в р-не Трын-София — Елин Пелин — Кюстендил — Ст. Димитрово — Благоевград — верховья р. Марица (вплоть до г. Пловдив).

¹⁴ К этимологии слова полезен был бы учет версии О.Н. Трубачева (Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря [проблемы и результаты] — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968, с. 378), который исходит из **jьlъjъ* (м.р.), **jьlъjъ* (ср.р.) < **jьlъjъ* 'один' и т.д.

¹⁵ Ср.: Вакарелска Д. Названия на колелото и неговите части в българските народни говори. — Въпроси, с. 169–178.

работы С.Б. Бернштейна¹⁹, Н.И. Толстого²⁰. Г.П. Клепиковой (терминология пастушества²¹, ландшафта²², место "карпатской" лексики в масштабах Славии²³), в последних нужно отметить учет данных неславянских языков карпато-балканского ареала, прежде всего восточнороманских, что позволяет в ряде случаев ответить на вопрос о существовании "лингвистической непрерывности" между южнобалканским (resp. южнославянским) и северославянским (resp. карпатским) пространствами.

В настоящее время проводится интенсивное изучение карпато-балканской макрозоны по специальной лексико-семантической программе в рамках "Общекарпатского диалектологического атласа"²⁴. Собранный и частично обработанный материал показывает, что этот труд, помимо решения иных задач, внесет важный вклад в ставшую уже традиционной для славистики проблематику карпато-южнославянских языковых связей.

Появление новых материалов по славянской диалектной лексике, в том числе болгарской, все более широкое привлечение их к характеристике связей и противопоставлений отдельных зон в общеславянском масштабе приводит к уточнению, корректировке конфигураций отдельных изоглосс (resp. изосем), их числа и типов. Существенным, например, является уточнение ряда карпато-южнославянских изоглосс, имеющих соответствия и в Полесье, и на русском Севере²⁵. Важно вместе с тем отметить, что накоп-

ление подобных сведений по славянской лексике приводит исследователей к противоположным выводам²⁶.

В работах Б.В. Кобылянского²⁷, В.В. Нимчука, М.И. Онышкевича, М.М. Онышкевича и др.²⁸ исследование карпатоукраинско-южнославянских соответствий в лексико-семантической сфере ведется с учетом диалектной дифференциации только украинского компонента; напротив, южнославянские корреспонденции дифференцированы лишь на уровне языков, поэтому встречающиеся в указанных работах обобщенные характеристики лексем как бытующих, например, в болгарских говорах, выглядят малоинформативными, если иметь в виду достигнутую в болгаристике степень знаний о противопоставленных диалектных явлениях, в том числе и в сфере лексики и семантики.

Второе направление исследований, базирующихся на всемерном учете пространственного параметра диалектной лексики, связано с именем Н.И. Толстого и нашло отражение в серии статей "Из географии славянских слов" (... 3. *правый* – *левый*, 4. *хорохориться*, 5. *класть*, 6. *сажа* – *чад*, 7. *пот* – *зной*, 8. *радуга*)²⁹. В первых двух этюдах автор исходя из гипотезы М. Гавацци – Б. Братанича, сделал заключение о существовании в южнославянском языковом массиве центральной и латеральной зон, при этом

¹⁹ Бернштейн С.Б. Из "Карпатского диалектологического атласа". – In: *Lingua viget*. Helsinki, 1965, s. 19–24.

²⁰ Ср., например, этюд о *чад* – *сажа* (КДО – см. ниже), о фразеологизме *як за нігтем чорне (сине)* – В кн.: *Славянское языкознание*. VII., с. 279 и сл.

²¹ Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974; *Она же*. К вопросу об изучении балкано-карпатской терминологии горного пастушества (**strunga* и родств.) – ОЛА. 1972, с. 182–202; *Она же*. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. I. **urda*. – *Этимология*. 1966. М., 1968, с. 62–80; II. **vatra*. – В кн.: *Балканское языкознание*. М., 1973, с. 149–169; *Eadem*. Die Entsprechungen von urslaw. **kъbъlъ* im Bulgarischen und in anderen slawischen Sprachen. – *ZfSl*, 1976, XXI, N 6, S. 839–846.

²² Клепикова Г.П. Болг. *бара*, *баруга* и родственные географические термины в других славянских языках. – В кн.: В памет на проф. Ст. Стойков. София, 1974, с. 595–604; *Она же*. О карпато-балканской терминологии горного ландшафта (I) – В кн.: *Вопросы географии*, вып. 81, М., 1971; II. – КДО, с. 51–117.

²³ Клепикова Г.П. Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира. I. **mapna*. – СБЯ. М., 1977, с. 3–20; 2–4 (**ruda*, **vata*[y], **pojata*). – ОЛА. 1978. М., 1980, с. 102–142; 5. (**gVIVta*). – СБЯ. М., 1981, с. 216–229; 7. (**slem*[b]=). – ОЛА. 1981. М., 1983; *Она же*. Об одной карпато-южнославянской параллели. – *Иссл.*, с. 419–427.

²⁴ Бернштейн С.Б., Клепикова Г.П. *Общекарпатский диалектологический атлас*. Принципы. Предварительные итоги. – В кн.: *Славянское языкознание*. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 29 и сл., 32; *Общекарпатский диалектологический атлас*. *Вопросник*. М., 1981, с. 7–19 и сл.

²⁵ Толстой Н.И. Об изучении полесской лексики. – В кн.: *Лексика Полесья*. М., 1968, с. 12 и сл. Следует упомянуть и ряд работ, выявляющих южнославянско-восточнославянские лексико-семантические схождения, при том, что в центре внимания исследователей оказываются их белорусские и севернорусские (диалектные) компоненты. Ср.: Толстой Н.И. О болгаро- и македоно-русских изолексах. – В кн.: *Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу*. Тезисы докладов. М., 1975, с. 9–14; *Он же*. О болгаро-русских изолексах. II. – В кн.: *Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу*. Тезисы докладов. М., 1977, с. 135–138; *Tolstoj N.I.* Zu einigen südslawisch-russischen lexikalischen Parallelen. – *ZfSl*, XXI, N 6, 1976, S. 834–838; *Цыхун Г.А.* Белоруска-паўднёваславянскія лексічныя сувязі. Некаторыя праблемы і вiнікі. – *Белоруская лiнгвiстыка*, вып. 5. Мiнск, 1974, с. 41–51, и др.

²⁶ Ср., например: "... При увеличении материала, числа изоглосс, взаимоотношения отдельных поясов и соотнесенных зон будут, надо полагать, проясняться и у п о р я д о ч и в а т ь с я (разрядка наша. – Г.К.)" (*Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии. – В кн.: *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. М., 1977, с. 54). С другой стороны, "знаком первоначальной этнолингвистической пестроты... славянской миграции к Западу, Югу и Северо-Востоку является пестрота лексических изоглосс... неслучайно мозаичных и затрудняющих восстановление древней диалектной картины, которая предвзрала языковую нивелировку новых этнолингвистических славянских конгломератов Запада, Юга и Востока. Чем дальше идет работа над "Этимологическим словарем славянских языков", тем более стойким делается впечатление о мозаичности (разрядка наша – Г.К.) внутриславянских изоглосс... Концепции, вроде карпато-полесского пояса диалектных изоглосс, возможно, увлекают воображение своей стройностью, но они, увы, просто тонут в той праславянской сложности, которую дают сплошные ряды древних соответствий славянской лексики..." (*Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян. I–III. – ВЯ, 1974, № 6, с. 64–66).

²⁷ *Кобылянский Б.В.* Діалект і літературна мова (Східнокарпатський і покутський діалекти, їх походження і відношення до української літературної мови). Київ, 1960; *Он же*. З історії міжслов'янських лексичних зв'язків. – *Проблеми слов'янознавства*, вип. 1979, с. 78 и сл.; *Он же*. Лексичні паралелізмi в говорах української і пiвденнослов'янських мов. – Праці XII респ. діал. наради. Київ, 1971, с. 429–440 и др.

²⁸ Подробнее о работах указанных и иных авторов см.: *Можалева И.Е.* Библиографический указатель работ по украинским говорам карпатского ареала, опубликованных в СССР с 1946 по 1969 г. – КДО, с. 478–576; *Она же*. Вопросы интерференции языков и диалектов карпатского ареала в освещении советских ученых. – СБЯ, с. 249 и сл.

²⁹ ОЛА., 1965, с. 133–147; КДО, с. 240–257; ОЛА. 1974, с. 22–76; этюды 1–2 (ВСЯ, вып. 6, с. 140–155), основанные исключительно на показаниях сербохорватского языка (и диалектов), здесь не рассматриваются. Исследование этимологии и семантического развития **xorxoriti se* и т.п. (в связи с **xoroxъ* и под. < слав. **(s)kor* < и-е. **(s)ker* 'резать, драть') см.: *Варбот Ж.Ж.* Славянские этимологии. – *Этимология*. 1979. М., 1981, с. 37–72; ср. мнение лишь о "возможных" связях **xorxoriti se* с **xoraxъ*, *xorostъ* (ЭССЯ, вып. 8, с. 73, также с. 79–80, 83, 21).

устанавливались следующие отношения: латеральная зона = архаическая зона, центральная зона = зона инноваций. Дальнейшие исследования показали значительно большую сложность отношений между типом ареала (=зоны) и историко-хронологической характеристикой лексического (и семантического) элемента, фиксируемого в том или ином типе ареала — не только в южнославянском, но и в общеславянском масштабе. Поэтому в последние годы Н.И. Толстой более осторожно формулирует положения, связанные с "универсализацией" понятий "центральный", "латеральный" ареалы, особенно применительно ко всей Славии, и оперирует понятиями "пояса", "поясной зоны" и под.³⁰ Что касается использования в данной серии болгарского материала, то оно должно быть признано оптимальным; каждый этюд строится на большом числе фактов, при этом для болгарской зоны они почерпнуты из печатных и архивных источников, есть ссылки и на собственные полевые наблюдения. Приводимые ниже данные из трудов по болгарской диалектологии, опубликованных позднее, чем увидели свет соответствующие этюды, интересны скорее в плане развития высказанных автором идей. Ср.: к *хорохориться* — родоп. *хорхорёва* 'загнивая, клони към разпадане, разлага се' (представляется, что это толкование недостаточно адекватно значению слова, см. пример: *коштаса йе хорхорёсала* и *ште са хумне* 'дом обветшал и [вот-вот] рухнет'), *хóхал* 'окъсан, одёрпан человек', *хóхли* 'сухи клоне за горене' (БД II, 296); к *пот* — *зной* — в юго-западных говорах фиксируется лексема *зной* (на ряду с *пот*, *вода*) и под.

Большое значение для формулировки выводов и отдельных наблюдений имеет использование болгарского диалектного материала в книге Н.И. Толстого "Славянская географическая терминология" (М., 1969), см., например, разделы *шума* (с. 65), *гора* (с. 71), *планина* (с. 81) и др., хотя принципиальная установка автора на выявление севернославянско-южнославянских параллелей не всегда эксплицирована: в данном труде анализируется большое число терминов, характерных прежде всего для севернославянских языков (диалектов), для которых, в частности, в болгарской зоне соответствия не отмечаются. Характер возможных дополнений видим на примере слов, родственных *копан*, *копанка* (с. 217): в болгарских говорах, помимо указанных автором, существуют следующие однокоренные термины: *копанина* 'сожженный лес' (Троян — Ков. Т., 56) то же и 'поле на мес-

³⁰ Толстой Н.И. О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии. — В кн.: Ареальные исследования, с. 49 и сл. Представляет интерес в этой связи следующее замечание: "Центрально-периферийная противопоставленность в общеславянском плане (масштабе) едва ли может оправдать себя при решении кардинальных диахронических и этногенетических проблем, и, видимо, правильнее для тех же целей оперировать условными понятиями "архаических" и "неархаических" зон" (с. 55). Вместе с тем некоторые лингвисты, исследующие изоглосные связи северо-западной и болгаро-македонской частей южнославянской территории, высказываются за предпочтительность истолкования понятий "центр" и "периферия" в пространственно-географическом духе. "... В интерпретации этих явлений в плане этногенетических отношений главным и определяющим, однако, был не фактор времени (ранняя — новая зона заселения), а отношение центра и периферии в ходе освоения новой территории. ... вполне определенная соотношенность окраинных областей может быть интерпретирована. ... как сохранение архаичных явлений на периферии по отношению к одному из центров славянской миграции, каким можно считать Паннонию" (Куркина Л.В. Некоторые вопросы формирования южных славян в свете паннонской теории Е. Копитара. — ВЯ, № 3, 1981, с. 93.

те выкорчеванного леса' (Севлиево — Ков. С., 16), 'поле на месте выкорчеванного леса' (Габрово — Ков. Г., 26), 'вспаханное место в лесу' (Ихтиман — БД III, 91; Пирдоп — БД IV, 113) и под.³¹

В отличие от Н.И. Толстого В.В. Мартынов, как показывает его статья "Семантические архаизмы на южнославянской языковой периферии"³², склонен более однозначно оценивать соотношение явлений "периферийность — архаичность" (и, вероятно, — соответственно — "центральность — инновационность"). Характерно для данной статьи и оперирование понятием не расчлененного "южнославянского" ареала как "архаичного", противопоставленного "севернославянскому" (= "инновационному"). Однако объективно такая расчлененность существует и, в скрытом виде, присутствует в материале автора (ср. многочисленные случаи, когда не даются болгарские соответствия для **črtъ*, **kuriti*, **lěsъ*, **gъlъ* **(sъ)kučati*, **tyti*, также **paxati*). Вместе с тем болгарские диалектные факты, к сожалению, не использованные автором, позволяют судить и о дифференциации южнославянской территории и ных типов, — когда изоглоссы лексико-семантических явлений членят самое болгарскую зону. Например: 1. В.В. Мартынов определяет **gъrdъ* 'огромный, отвратительный' как семантический южнославянизм, но в болгарском отмечается как будто лишь глагол с весьма далекой семантикой, ср. *гърда* 'карам се някому, хокам, ругая' (Банат — Ст., 64), *гърдем*, *гърдиам* 'хъркам (за человек, за куче)' (Родопы — БД II, 146, 149), *грдия* 'грухтя (за свиня)', 'имам зъб на някого, мразя го' (р-н Софии — БД II, 74), *гърде* 'ръмжа (за куче)' (Странджа — БД I, 78), также, может быть, — *гърдел* 'голям разлат дървен съд за претакане на вино' (Видин — Млад., 220); 2. По данным автора, значение 'холм, пригорок' праслав. **bъrgъ* считается характерным для южнославянского ареала, однако в самом болгарском это значение, вероятно, является (узко) диалектным, ср. фиксации: *брег* 'високо място, хълм' (Видин — Млад., 210; также Родопы — РН VII, 2, с. 35); 3. Значение 'хлеб' праслав. **žito* считается автором общеюжнославянским, но известно, что в Восточной Болгарии широко распространено значение 'пшеница' (см.: ОЛА, 1965, с. 167, карта), оно же приводится и в новых словарях (РСБКЕ и др.) и под.

Цели третьего направления лексико-семантических исследований сравнительно-исторического плана, учитывающих в той или иной мере распространение явлений на территории Славии или ее фрагментов (= изолексы, изосемы), могут быть сформулированы в общем виде как реконструкция языковой ситуации в (поздней) праславянском (например, вопросы диалектной дробности последнего и др.), что позволяет в определенных случаях делать допущения этногенетического характера — соотношение племен в праславянскую эпоху, контактирование отдельных племен (= этносов) в историческое время и т.д.

Данный круг проблем затрагивается в некоторых работах Л.В. Куркиной — "Изоглосные связи южнославянской лексики (материалы к проблемам славянского этногенеза)"³³ и "Изоглосные связи южнославянской

³¹ Ценные сведения содержатся и в рукописи: Толстой Н.И. Опыт семантического анализа славянской географической терминологии. М., 1972 (докт. дисс.).

³² В кн.: Ареальные исследования, с. 180–185.

³³ В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 129–155.

лексики. П.³⁴. В связи с поставленной нами задачей большой интерес вызывает первая из них, где анализируется противопоставленность сербохорватско-словенской зоны болгарской по принципу "наличие—отсутствие" той или иной лексемы (геср: корня). Представляется, что в некоторых случаях имеющиеся материалы по болгарской диалектной лексике, оставшиеся вне поля зрения автора, могли бы внести известные уточнения в его построения и, например, изменить численное соотношение явлений, по которым болгарский различается от сербохорватского и словенского. Ср.: 1. к **lil-* (с. 150) — родоп. *лил* (= беленик) 'младо обелено борова или слово стьбло' (БД II, 200); 2. к **zona* (с. 147) — ботевгр. *зона* 'семена от див полски синап в жито' (БД I, 270; ср. и: БЕР — р-н Тетевен, в последнее время — см. появившуюся заметку в: БЕ, 1980, № 3, с. 211–214); 3. к **rzb-* (с. 151) — ихтиман. *рѣбел* 'мършав человек' (БД III, 157), *рѣбам* 'отхапвам' (Родопы — БД II, 259), *рѣбам* 'хапя, гризя', 'предизвиквам болка', *рѣбачка* 'болеет в коремната област' (Странджа — БД I, 135); 4. к **trъ(d)s-* (с. 146) — возможно, хаск. *срѣскам съ* (< стрѣскам 'стягам се' — ИИБЕ IV, 240); 5. к **kustra/kustravъ* (с. 140) — *куштр'ава* 'вид плевел' (Странджа — БД I, 103; Троян — БД IV, 209; Карлово — БД VIII, 141), ср. и: *кустра* 'подбуждам се, подсторвам, давам лоши съвети' (Пирдоп — БД IV, 114), *кустра се* 'подбуждам се, дразням се' (Враца — БД IX, 272); 6. к **gruxъ* (с. 139) — возможно, глаголы в болгарском: *гроам*, *груам* 'разтърсвам, раздрусвам орехи, зърна...', 'бия' (Враца — БД IX, 238), *груам* 'удрям шушулки за да изкарва семена' (р-н Софии — БД I, 245; Самоков — ИИБЕ IV, 300; Б. Слатина — там же, 153), *груъм* 'оронвам люспи на жито' и 'бия някого' (Троян — БД IV, 197), ср. производное *грушник* 'хлеб от житено или царевично брашно' (Пирдоп — БД IV, 96) и т.д., также *грухам* 'вымолачивать зерно' (РСБКЕ); допущение связи **gruxati* с **grusati*, **grusa* — ЭССЯ, 7, с. 154, 156, 157.

В связи со второй статьёй можно сделать такие замечания: 1. подчеркивается семантическая противопоставленность основы **živin-* в сербохорватско-болгарской и словенской зонах (с. 29), но не упоминается достаточно близкие в словен. *živina* 'скот' болг. диал. *живинѐ* 'животни мир', 'животинка' (Родопы — БД II, 159), *живинѐ* 'живо същество, животинка' (Банат — Ст., 79), *живинѐ* то же (Враца — БД IX, 246), *живинка* 'живо същество' (р-н Софии — БД I, 248); 2. в качестве отсутствующей при глаголе **ristati/riskati* (с. 24) параллели из болгарского, может быть, следовало бы упомянуть диал. *рѣсам* 'миткам, скитосвам' (Пловдив — БД I, 214).

Вместе с тем обе работы, опирающиеся на значительный корпус лексических единиц (принадлежащих различным терминологическим разрядам) праславянского фонда, являются заметным шагом в изучении наиболее общих типов дифференциации южнославянской языковой области.

Л.В. Куркина, используя изоглосный метод и учитывая болгарские диалектные данные, описала фрагмент терминологии географического ландшафта³⁵. Приведенные в статье факты служат основой для размышлений об этногенетических отношениях на Балканах. В сравнении с последней

работой слишком общими выглядят описания, сделанные ею же, праславянского элемента в названиях болот, а также дорог и тропинок³⁶. В первой фактически не используются сведения из болгарских диалектов, например, *мочюр* [!] документируется лишь словарем Н. Герова, хотя оно хорошо представлено в диалектах (БД III, 107; ИИБЕ IV, 78, Ков. Г., 26 и др.), в то же время по другим языкам ссылки на диалектные фиксации присутствуют (вряд ли может служить объяснением оговорка автора, что статья не претендует на исчерпывающее описание терминов). Во втором этюде названия с корнем **lazъ* даны лишь как цитата из книги Ф. Безлая, при том, что они могли бы быть извлечены и из собственно болгарских диалектных источников, ср., например: *излас* 'пастбище', 'широко място край село...' (Банат — Ст., 94), ср. и топонимы: *Излаза* (Южная Добруджа — Заимов, 185, 203), *Пълаза* (р-н Севлиево — Ков. С., 237); при анализе лексемы **gazъ* желательнее было бы, помимо ссылки на И. Поповича, привести и данные болгарских диалектов, ср.: *газ'а* 'тьпча', 'ходя по вода' (Самоков — ИИБЕ IV, 299; БД III, 207), *газа* 'стыпквам' (Ихтиман — БД III, 49; Видин — Млад., 217 и др.)³⁷ и т.д. Несомненно, могут быть указаны диалектные болгарские примеры и к корню **prъt* — *прѣтина* 'тропинка в снегу' (р-н Софии — БД II, 101), *прѣтина* (Ихтиман — БД III, 150), *пъртина* 'следи по сняг от едно минаване' (Банат — Ст., 197) и др., в статье находим лишь ссылку на Н. Герова.

Некоторые суждения о славянской прародине и выводы этногенетического характера, в частности, об отношении отдельных групп славянских племен в позднепраславянский эпоху, находим и в работах В.Т. Коломиец, содержащих анализ славянских ихтионимов, в том числе и многих болгарских диалектных наименований³⁸.

В этой же части данной статьи упомянем статьи и заметки по болгарской этимологии Э. Григоряна, Л.В. Куркиной, И.П. Петлевой, О.Н. Трубачева³⁹; в соответствии со сформулированными выше задачами, оставляются в стороне статьи по истории отдельных слов в болгарском. Совершенно очевидно, однако, что анализ роли болгарских диалектных

³⁶ Куркина Л.В. Названия болот в славянских языках. — Этимология. 1967, с. 129–144; Она же. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках. — Этимология. 1968, с. 92–105.

³⁷ Кстати, данные болгарской диалектной лексики использованы О.Н. Трубачевым в заметке, посвященной этимологии **gaziti* — *gazъ* (Трубачев О.Н. Наблюдения по этимологии лексических локализмов. — Этимология. 1972, с. 21–27; ср. также: ЭССЯ, 5, с. 113–114).

³⁸ Коломиец В.Т. Ихтиологическая номенклатура славянских языков как источник для исследования межславянских этнических взаимоотношений. Киев, 1978; Она же. Роль ихтиологічних назв у визначенні найдавнішої прабатьківщини слов'ян і напрямків їх розселення. — Мовознавство, № 4, 1978.

³⁹ Григорян Э.А. За произхода на думата *джула/джуел*. — БЕ, 1973, с. 407–408; Куркина Л.В. Заметки по болгарской этимологии. — Этимология. 1978, с. 38 и сл.; Она же. Этимология болг. *рѣся*. — ОЛА, 1974, с. 132–136; Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. VII (болг. *красат*, *красаф*). — Этимология. 1976, с. 45 и сл.; VIII (болг. *вѣрне*). — Этимология. 1977, с. 33–35; Трубачев О.Н. Две болгарские этимологии. 1. *самодива*, 2 болг. *Момчил*, с.-хорв., *Момчил (о)*. — Иссл., с. 458–465; Он же. Славянские этимологии. 28. болг. *макѣ* 'скот'. — Этимологические исследования по русскому языку, вып. 1. М., 1960, с. 87–88.

³⁴ Этимология. 1976. М., 1978, с. 17–31.

³⁵ Куркина Л.В. Названия горного рельефа на материале южнославянских языков. — Этимология. 1977. М., 1979, с. 39–54.

фактов в трудах советских этимологов вообще и в "Этимологическом словаре славянских языков", выходящем под редакцией О.Н. Трубачева, в частности, — тема специального обзора⁴⁰.

Наконец, в этом же разделе статьи рассматривается ряд работ общеславянского плана, имеющих целью на основе современного территориального распределения лексико-семантических явлений, реконструировать праславянское состояние изучаемых явлений. Таковы статьи В.Ф. Конновой, исследующие лексико-семантическую группу 'скот', 'имущество', 'хлеб', 'зерновые культуры' и др. Эти статьи, базируясь на материалах ОЛА, демонстрируют принципиальную возможность восстановить лексико-семантические отношения в праславянской языковой системе и определить типы семантических изменений в ее рамках⁴¹. В этой связи упомянем и статьи Г.П. Клепиковой о славянских названиях птиц, где на основе диалектных названий, в том числе болгарских, также делается попытка представить ситуацию, существовавшую в праславянском⁴². Наконец, отметим и попытку реконструировать праславянское состояние в отношении лексем, объединяемых микрополем 'лес', предпринятую В.В. Мартыновым⁴³.

⁴⁰ Можно предположить, что в этимологических работах не всегда устанавливается прямая связь между "качеством" этимологии и объемом привлекаемого материала, в том числе и диалектного. Так, в одной из упоминавшихся статей О.Н. Трубачева (болг. *майка* — см. 39) на скудном в то время материале удается реконструировать праформу **mqka* и представить семантическое развитие, зафиксированное как пишет автор, лишь в виде "ряда расчлененных этапов": 'мука', 'труд' → 'приобретение, имущество' → 'домашний скот'. Позднее опубликованная статья Г.К. Венедиктова "К семантической характеристике болг. *майка*" (ОЛА. 1972, с. 163–181) содержит богатейший материал (данные диалектов, памятников письменности и современного литературного языка), который позволил в тонких деталях, во всей конкретности описать и с т о р ю слова в болгарском, но также и подтвердил этимологию О.Н. Трубачева.

⁴¹ Наиболее полно проблема изучена: Коннова В.Ф. Славянские лексико-семантические изоглоссы и типы изменений значений слов (на материале групп слов со значением 'имущество', 'скот', 'хлеб', 'зерновые культуры'. М., 1973 (= АКД); Она же. Несколько лексико-семантических изоглосс на славянской территории. — ВЯ, 1972, № 5, с. 82–96; в последней, кстати, содержатся поправки и дополнения (на базе соответствующей карты ОЛА, опубликованной в: ОЛА. 1971) к ранее вышедшей работе; Клепикова Г.П., Усачева В.В. Лингвогеографические аспекты семантики слова **žito* в славянских языках (ОЛА, М., 1965, с. 148 и сл.). Ряд идей, характерных для указанных статей В.Ф. Конновой, находим и в других ее работах: Коннова В.Ф. Славянские лексико-семантические изоглоссы, связанные с названиями скота. — ОЛА. 1972, с. 139–160; Она же. Об одной лексико-семантической группе в ОЛА. — ОЛА. М., 1968, с. 3–71.

⁴² Клепикова Г.П. Славянские названия птиц (*аист, ласточка, ворон*). — ВЯ, вып. 5, с. 149–185 (дополнения в отношении болгарского диалектного материала см., например: Симеонова Хр. Названия за *щъркел* в българските говори. — Славянски сборник. София, 1979, с. 229–234). Она же. Значения славянских орнитологических названий, восходящих к **žbina*. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 106–114 (дополнительный материал по географии болг. диал. *жълна* см.: Младенов М. Распространение... с. 229; об этимологии слав. **žbina* см.: Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. VI. — Этимология. 1975, с. 49).

⁴³ См.: Введение в кн.: Лексика Палесся у прасторы і часе. Мінск, 1971; с. 80 и сл.; ср. и: Мартынов В.В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. — Этимология. 1968, с. 13 и сл.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. I и сл. София, 1962.
БДР — Български диалектен атлас. I–III. София, 1964, 1968, 1978.
БЕР — Български етимологичен речник, св. 1 — София, 1962.
БЕ — Български език. София.
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания. вып. 1–7. М., 1954–1963.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
Займов — Займов К. Принос към проучването на местните имена в Южна Добруджа. — В кн.: Добруджа. Комплексна експедиция. София, 1954.
Изв.ОЛЯ — Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.
ИИБЕ — Изв. на Ин-та за български език. София.
Иссл. — Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
КДО — Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.
Ков.Г. — Ковачев Н. Местните названия в Габровско. София, 1965.
Ков.С. — Ковачев Н. Местните названия в Севлиево. София, 1961.
Ков.Т. — Ковачев Н. Топонимия на Троянско. София, 1969.
Кочев — Кочев И. Гребенският говор в Силистренско. София, 1969.
КСИС — Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. М.
МЈ — Македонски јазик. Скопје.
Млад. — Младенов М. Говорът на Ново село, Видинско. София, 1969.
ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.
РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език. I–III. София, 1954–1959.
СБЯ — Славянское и балканское языкознание. М.
СМБД — Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М., 2–10. М., 1952–1962.
Совещение по ОЛА — Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1969–1977.
СС — Советское славяноведение. М.
Ст. — Стойков С. Лексиката на банатский говор. София, 1969.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. 1–8. М., 1974–1981.
Koseska — Koseska W. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnostowiańskim. Wrocław, 1972.
ZfSl — Zeitschrift für Slawistik. Berlin.

З.М. ВОЛОЦКАЯ

ЛЕКСИКА БОЛГАРСКИХ ЗАГАДОК (ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЗАГАДОК)

В статье ставится задача описания и классификации лексического состава имен, называющих загаданный денотат. Все имена подразделяются на два множества лексем: 1) словарных или первичных номинаций загаданных денотатов, выступающих в отгадке (*X* множество) и 2) кодовых или вторичных номинаций загаданных денотатов, выступающих в образной части загадки (*K* множество).

Важность лингвистического аспекта изучения загадки отмечали разные исследователи, так, фольклорист-паремиолог В.В. Митрофанова¹ в своей монографии, посвященной русской загадке, называла в числе интересных вопросов, которые еще ждут своего изучения, лингвистические проблемы загадки, а также исследование соотношения образа загадки и символа.

¹ Митрофанова В.Р. Русские народные загадки. Л., 1978, с. 178.

В работе Ю.И. Левина², посвященной вопросам формальной структуры загадки, отмечалась важность создания семантического словаря загадок и анализа его структуры и состава.

Рассмотрению лингвистических вопросов и будет посвящена настоящая статья.

Весь корпус загадок нами рассматривается как своеобразный толковый словарь, в котором "толкования" (или образные части загадок) иносказательны, метафоричны, содержат наряду с обозначениями признаков, правильно называющих свойства и характеристики загаданного денотата, неверные обозначения, отводящие мысль отгадывающего от отгадки. В отличие от толкового словаря, в котором толкование построено так, чтобы наиболее адекватно отразить значение толкуемого слова, образная часть загадки намеренно неполно характеризует загаданный денотат, называет лишь часть его признаков и приписывает их другому объекту, названием которого обозначается загаданный. Загадка дает нам образ вещи, сотканный из намеренно неполного набора признаков.

Вся совокупность загадок представляется нам системой иносказаний с нефиксированными переименованиями (т.е. один и тот же загаданный денотат может называться в разных загадках разными именами). Опыт классификации загадок в зависимости от приемов построения образной части загадок представлен в другой нашей статье, посвященной проблемам структуры текста загадок³.

Наш подход к исследованию лексики славянских загадок определяется задачами этнолингвистической проблематики, текст изучается в семантическом аспекте с той целью, чтобы из него извлечь данные о картине мира, свойственной создателям этого текста. Загадки нами используются как источник для воссоздания картины мира, присущей тем этническим коллективам, в среде которых загадки создавались, бытовали и были живым жанром. Если в пословицах и поговорках закрепилось и сохранилось представление, видение мира отношений между людьми, нравственных ценностей и оценок, то в загадках сохранилось представление о видении окружающего материального мира. Вследствие малого объема загадка легко запоминается и воспроизводится, и передает от поколения к поколению как бы застывшие образы вещей, растений, животных и т.п. Загадки — это свидетельства о том, в сети каких предметных и признаковых ассоциаций воспринимались денотаты окружающего мира, в какие пространственно-временные соотношения они помещались, какие части (сегменты) вычленились в этих денотатах как характерные, релевантные для их опознания.

Для загадки характерно, что при переименовании денотатов, сокрытии их истинного имени, сохраняется тип отношений между денотатами, происходит перенесение отношений с одних объектов на другие, материально от них отличные, но находящиеся в том же типе отношений, что и загаданные (это является одним из факторов, помогающих нахождению отгадки). Происходит как бы экстраполяция ситуации и отношений с одних объектов

на другие; загадки, как отмечается в уже упомянутой статье Ю.И. Левина "воспроизводят на ином материале структуру загаданного, описывая объект, изоморфный в некотором смысле загаданному"⁴. Для загадки справедливо соотношение: X^1/X^2 как K^1/K^2 , где X — "скрытый термин", а K — "явный термин"⁵.

Характеризация загаданного денотата включает: а) кодовое обозначение (переименование) этого денотата и/или его частей; б) указание его признаков (атрибутов); в) перечисление его действий, которые он сам совершает или которые с ним производятся; г) вычленение релевантной для его опознания части (или частей), а также название предметов неотъемлемой принадлежности; д) помещение в пространственно-временные координаты.

В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением первого приема, а именно переименования загаданного денотата и его частей, а также установлением смысловых соответствий между первичной и вторичной номинацией загаданного денотата. Исследование проведено на материале болгарских загадок, содержащихся в сборнике Ст. Стойковой⁶.

Состав предметных областей загаданных денотатов (множество X) является относительно универсальным для различных этнических регионов; их можно представить в виде следующей последовательности тематических групп, отражающей представление о последовательности сотворения мира и его "уплотнении", так: Хаос — Небо — Солнце — Месяц — Звезды — Земля; Время — Числа (расчленение и измерение); Растительный мир — Животный мир — Человек — Дом, утварь, предметы материальной культуры⁷.

Набор номинаций, обозначающих загаданные денотаты, представляет собой набор необходимых знаний, обязательных для членов определенной этнической или социальной группы. Не случайно загадывание загадок входило в обряды, сопровождавшие переход из одного социума в другой или одного состояния в другое (так, в свадебные, похоронные, рождественские), здесь имела место как бы проверка на владение "языком" нового социума, знание его кодов и табу⁸.

Нами была проведена двухуровневая классификация совокупности первичных номинаций загаданных денотатов (множества X). Параметрами классификации 1-го уровня были.

1. Участие/неучастие человека⁹ в создании денотата, иными словами:

⁴ Левин Ю.И. Указ. соч. с. 291.

⁵ Кенгес-Маранда Э. Логика загадки. — В кн.: Паремнологический сборник. с. 258.

⁶ Стойкова Ст. Български народни гатанки, София, 1970. — Текст каждой болгарской загадки, ее фрагмента или кодового обозначения загаданного денотата приводится в той форме и огласовке, как он зафиксирован в сборнике Ст. Стойковой, при нем в круглых скобках указывается номер соответствующей загадки по сборнику Стойковой.

⁷ Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О ведийской загадке типа BRAHMODYA. — Паремнологический сборник. М., 1983.

⁸ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963; Лавонен Н.А. Карельская народная загадка. Л., 1977, с. 19; Митрофанова В.В. Указ. соч. с. 32.

⁹ Такая антропоцентрическая модель нам представляется оправданной и соответствующей восприятию окружающего мира этническими коллективами, в среде которых создавались и бытовали загадки; для них было характерно деление предметов.

² Левин Ю.И. Семантическая структура загадки. — В кн.: Паремнологический сборник. М., 1978, с. 283.

³ Волоцкая З.М. Некоторые замечания о классификации славянских загадок (на материале болгарских и польских загадок). — Советское славяноведение, 1982, № 1.

искусственности (созданности)/естественности (природности) данного загадываемого денотата. По этому признаку противопоставляются денотаты, существующие вне и независимо от человека, денотатам, созданным человеком и являющимися предметами материальной культуры.

Нахождение денотата в "своем"/"чужом" пространстве. Эта оппозиция вне/внутри по-разному реализуется в разных семантических классах номинаций загаданных денотатов. Так, применительно к конкретным предметам материальной культуры подразделение проходит по линии: место нахождения "вне" (вне дома, хозяйственного двора, в лесу, за морем, в Стамбуле и пр.) и "внутри" (внутри дома, хозяйственного двора, в поле, в огороде, в саду и пр.); применительно к названиям растений эта оппозиция вне/внутри реализуется как противопоставление культурных растений, выращиваемых человеком в "своем" пространстве (огороде, поле, саду), дикорастущим растениям, растущим в "чужом" пространстве без участия человека. Применительно к животным эта оппозиция вне/внутри реализуется как противопоставление домашних животных, выращиваемых человеком и живущих в "своем" пространстве (хозяйственном дворе, хлеву), диким животным, живущим независимо от человека в "чужом" пространстве. Естественно, что сам человек и части его тела по этому параметру попадают в область "внутри" ("свое" пространство), однако, своеобразие этого класса денотатов состоит в том, что они одновременно относятся к области естественных, не созданных человеком денотатов и к области денотатов, находящихся в "своем" пространстве.

Множество X денотатов по этим двум параметрам членится на предметные области следующим образом, см. табл. 1.

Как видно из табл. 1 предметные области денотатов "животный мир" и "мир растений" входят одновременно в зоны денотатов "своего" и "чужого" пространство, подразделяясь, с одной стороны, на "домашних" и "культурных", а, с другой — на "диких" и "дикорастущих". Они же составляют зону пересечения природных, не зависящих от человека денотатов и создаваемых человеком денотатов.

Далее каждая из предметных областей подвергается классификации 2-го уровня, проводимой по тематическому принципу. Так, названия предметов, относящихся к материальной культуре, подразделяются на такие семантические классы, как: а) лексемы, обозначающие предметы, составляющие внутреннее убранство дома; б) лексемы, обозначающие разного рода постройки (жилища, помещения хозяйственного и культового назначения); в) названия видов одежды и обуви; г) названия разного рода

существ и пространств на "свое" и "чужое", проведение грани (круга), отделяющей "свое" (доброжелательное, помогающее) от "чужого" (враждебного). Наличие в мироощущении соответствующих этнических коллективов этой грани проявляется в загадках в членении загаданных денотатов на поверхностную часть, оболочку, внешнее покрытие и внутреннее наполнение. Ср. о представлении в загадках денотата 'дом': Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок). — В кн.: Семантика культуры. Труды по знаковым системам, 10. Уч. зап. ТГУ, вып. 463. Тарту, 1978; Невская Л.Г. Дом в литовской загадке (параллели к балканским текстам). — В кн.: Balkanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Таблица 1

природное, естественное, не зависимое от человека		находящиеся в "своем" пространстве	находящиеся в "чужом" пространстве
			небесные тела, атмосферные явления, стихии
			природные, ограниченные естественными условиями пространства суши и водоемы
		человек как биологическое и социальное существо	
		части тела животных и человека	
искусственное, созданное человеком		животный мир	
		домашние животные	дикие животные
		мир растений	
		культурные	дикорастущие
		предметы материальной культуры	

посуды для приготовления и/или хранения пищевых продуктов; д) названия орудий различных промыслов (земледелия, скотоводства, рыболовства), а также домашнего хозяйства и поддержания огня для приготовления пищи и отопления; е) названия продуктов питания и кушаний; ж) названия музыкальных инструментов и т.п. Ниже (см. табл. 2–7) мы продемонстрируем конкретное лексическое наполнение некоторых из перечисленных классов и покажем распределение лексем этих классов по множествам X и K .

Большинство сборников загадок упорядочено по предметным областям отгадок и соответственно содержит ту или иную семантическую классификацию лексем множества X . Изучение лексического состава существительных, выполняющих в загадках функцию кодовых обозначений, насколько нам известно, до сих пор не проводилось.

В настоящей статье мы предлагаем опыт классификации лексем, использующихся в загадках в функции кодовых обозначений или вторичных номинаций.

Специфической особенностью лексем-кодов при их функционировании в текстах загадок является их двойная отнесенность, двунаправленность, состоящая в том, что они, с одной стороны, относятся к скрытому денотату, кодом которого они являются, а с другой — к тому объекту, который они обозначают в своем прямом, словарном значении. Эти лексемы как бы участвуют одновременно в двух ситуациях, а именно: в ситуации скрытого денотата (втором, скрытом плане загадки) и в ситуации явного денотата (первом, явном плане загадки).

Своеобразие загадок как кодовой системы в том, что, во-первых, в рамках одного связного текста сосуществуют лексемы-коды и лексемы в некодовом употреблении и, во-вторых, в функции лексем-кодов используют

ся элементы той же лексической системы, что и лексемы в прямом значении, отсюда возникает такого рода полисемия:

в кодовом употреблении является знаком скрытого денотата

лексема множества *K*

в некодовом употреблении является знаком явного денотата, участвующего в контексте образной части загадки.

Связь между кодом (вторичной номинацией, переименованием) и обозначаемым этим кодовым словом скрытым денотатом является в большей степени обусловленной, по сравнению со связью между некодовой номинацией и обозначаемым ею денотатом. Можно выделить три типа обусловленности выбора кода: 1) внелингвистическая, основанная на внешнем подобии денотата *X* и денотата *K*; 2) лингвистическая, основанная на семантическом согласовании кодовых лексем между собой в пределах текста одной загадки; 3) формальная, подчиненная требованию создания рифмы, получения звуковой аллитерации, анаграммы и т.п.¹⁰

В настоящей статье будет рассмотрен первый вид обусловленности выбора кода, а именно внелингвистическая, основанная на внешнем подобии скрытого и явного денотатов (метафорическая обусловленность) или на общности функции скрытого и явного денотатов (метонимическая обусловленность). В этом случае при употреблении лексемы в функции кода происходит абстрагирование, отвлечение от всей совокупности признаков собственного денотата и подчеркивание, акцентирование лишь одного из признаков, а именно того, который объединяет (вызывает ассоциации) собственный денотат и кодируемый. Такая внелингвистическая обусловленность выбора вторичной номинации для скрытого денотата связана со способностями человеческого мышления связывать разные предметы и явления из окружающего мира, усматривать их подобие, выделять общий объединяющий их признак, соединять, казалось бы, далекие предметы, видеть в них общее и на этом основании называть один предмет именем другого¹¹.

Двойная отнесенность лексем-кодов, одновременное обозначение ими скрытого и явного денотатов обуславливает построение для них двух независимых классификаций, соответствующих каждой одному из двух аспектов исследования лексем, используемых как в прямом значении, так и в функции кода. В соответствии первому аспекту исследования множество лексем *K* (кодов) исследуется и классифицируется как система в себе, в соответствии с собственным денотативным значением. При этом аспекте исследования на множество лексем-кодов накладывается та же классификационная сетка, что и на множество лексем *X*, а именно: подразделение первого уровня производится по параметрам (а) естественности (т.е. не созданности человеком)/искусственности (т.е. созданности человеком) обозначаемого данной лексемой денотата и (б) нахождение обозначаемого данной лексемой денотата в "своем"/"чужом" простран-

ве; подразделение второго уровня проводится по тематическому критерию. Применение единообразных параметров классификации к множествам лексем *X* и *K* показало, что множество лексем *K* распределяется по таким же семантическим классам, что и множество *X*, различие между ними состоит в конкретном наполнении каждого отдельного семантического класса, а не в составе классов.

При втором аспекте исследования множества *K* составляющие его лексемы рассматриваются не как система в себе и для себя, а как единицы, предназначенные для обозначения скрытых денотатов, т.е. замещения в образной части загадки лексем множества *X*. При таком подходе в основу классификации кладется не собственное денотативное значение лексем, а их способность обозначать другой, скрытый денотат, называя его признаки. Происходит сужение семантики лексемы-кода, сведения ее к способности обозначать атрибут, который приобретает самостоятельный статус и характеризует скрытый денотат. Этот материал наглядно показывает сближение категорий предметности с категорией признаковости.

При таком, если можно так назвать, атрибутивном подходе к множеству лексем *K*, лексемы *кратуна*, *тиква* объединяются по способности обозначать шарообразные предметы, при употреблении их в функции кода они утрачивают все свои семы, как то: "быть плодом", "расти в огороде", "быть съедобным" и пр., кроме единственной семы "быть шарообразной формы". Лексемы *взже*, *верига* объединяются по способности обозначать длинные, вытянутые в длину предметы. Т.е. при классификации лексем-кодов мы исходим не из собственного денотативного значения этих лексем, а из их способности обозначать тот или иной атрибут.

Таким образом, первый аспект исследования множества лексем *K* ставит своей целью выяснить, какие лексемы и каких семантических классов выбираются для обозначения загаданных денотатов в образной части загадки, а второй аспект исследования множества *K* ставит своей целью выяснить, чем обусловлен выбор той или иной лексемы.

Одна и та же лексема в функции прямого обозначения загаданного денотата и в функции кода включает разный набор семантических компонентов. Так, когда лексема используется в функции кода, большинство выражаемых ею сем нейтрализуется, актуализируются лишь те, которые нужны для обозначения признаков скрытых денотатов. Так, например, значение лексемы *риза*, употребленной в функции кода, сводится к обозначению внешнего слоя, оболочке, так: *лук — Едно момче с девет ризи облечено* (823), *семена перца — В една риза безброй братя* (874), *орех — Четири братя в една риза облечени* (472), *кукуруза — Брадат дядо с девет ризи* (649), *яйцо — Желчо и Белчо в една риза* (1248) и др.

'Риза' как загаданный денотат характеризуется наличием в нем отверстий, позволяющих снимать и надевать, так: *Имам си една сестрица с четири вратица* (2794), *От една врата влизам, от три излизам* (2795); способом изготовления, так: *Бита, бита, чак пребита и пак жива останала* (2797); неотъемлемой принадлежности человеку, так: *Ти седнеш и то седне с тебе* (2793).

При использовании названий разного рода плодов в функции кода актуализируется признак круглой формы, и тогда они по критерию внешнего подобия обозначают такие денотаты, как *месяц — Голямо сито с орехи*,

¹⁰ Об этом подробнее см.: *Волоцкая З.М.* Способы номинации в загадках (к вопросу о произвольности языкового знака). — Тезисы конференции по структуре текста. М., 1981.

¹¹ См.: *Языковая номинация. Общие вопросы.* М., 1977, с. 50.

по средата ябълка (22), голова — Зелена тиква с трева обрасла (1543), Една кратуна със седем дупки (1555), Една любеница със седем дупки (1557) и др. Как загаданные денотаты они описываются посредством расчленения на поверхностный слой и сердцевину, причем поверхностный, внешний слой кодируется лексемами, обозначающими разного рода вместилища или покрытия, а внутренних — названием веществ или однородной совокупности однородных предметов, так: смоковница — *Полно гърне со гниди* (457), орех — *Пълно гърненце сладко варивце* (510), Маненке гърненце, сладка чорбица (513), шиповник — *Триста яничари в кула затворени* (538), тыква — *Пълна къща с дечурлига* (692), арбуз — *У зелена паница червено вино* (734), яйцо — *Бяло буре, жълто вино* (1241) и др. Внешняя оболочка может быть обозначена также каким-нибудь видом одежды, например, стручок перца — *Бяла кадъна в червено фередже загърната* (871) или ее обозначение может быть редуцировано до названия только верхнего покрытия, так, орех — *Четирима братя под един калпак стоят* (483) или *Четирима братя под един покров живеят* (488).

Выражение оппозиции внутри/снаружи (внешнего покрытия/внутреннего содержимого), помещение одного внутрь другого, видимо, очень характерно для фольклорной модели мира, это проявляется в обозначении места нахождения кашеевой смерти, в последовательности помещения вкладывающихся друг в друга матрешек; в загадках эта особенность видения мира отразилась в тенденции описания загаданного денотата через его разъятие на поверхностный, внешний слой и внутреннее содержимое, которое обозначается такими кодовыми лексемами, как *семе* (450), *просо* (451), *мъниста* (455), *гниди* (457), *варивце* (497), *сиренце* (503), *урда* (505), *гостбица* (512), *чорбица* (513).

Кроме кодирования разного рода плодов, номинации, способные ассоциироваться по признакам формы и назначения с разного рода вместилищами, могут обозначать любой полый предмет, характеризующийся наличием внешнего слоя (покрытия, оболочки) и внутреннего пространства, в которое может быть что-то помещено; так, лексема *къща* кодирует такие денотаты, как *чулки* (2350), *коробка* (2789), *сито* (2666), *решето* (2030), *хлев* (1420), *церковь* (3390), *рот* (1686), *голова* (1676), *яйцо* (1249), *орех* (487), *гриб* (555), *тыква* (692), *дыня* (746), *улитка* 'охлюв' (1344), *черепаха* 'костенурка' (1394).

Загаданный денотат *лъжечник* может кодироваться в разных загадках посредством лексем *обор* (2746), *говедарник* (2745), *кошара* (2748), *зимник* (2750), *вир* (2753), *долап* 'стенной шкаф' (2754).

Носителем и выразителем признака "быть шарообразной формы" является лексема *кълбо*, которая в разных загадках может обозначать такие денотаты, как *солнце* (86,94), *еж* (1161); денотат *месяц* (полный) по признаку формы может обозначаться такими лексемами, как *ябълка* (22), *орех* (25, 26), *медена пита* (27), *лъжица* (71).

Загаданные денотаты могут обозначаться по признаку продолговатой, вытянутой в длину формы, так, лексема *въже* может обозначать денотат стебель тыквы или дыни (700–706,777), вереница муравьев (1421–1430),

нитка (2323). По этому же признаку загаданный денотат змея обозначается лексемами *въже* (1327), *верига* (3159), *тояга* (1313). Лексема *змия* в функции кода может обозначать такие сходные с ней по форме денотаты, как ожерелье '*гердан*' (2886) и пояс (2805).

По функции "служить покрытием" и сходству формы денотат небо обозначается лексемами *поле* (15, 67), *плоча* 'плита' (5), *таван* 'потолок' (24, 56, 64), *лист* (34), *ливада* 'луг' (61), *ток* (12); денотат снег кодируется лексемами *чаришаф* 'простыня' (294, 309), *черга* 'домотканное шерстяное одеяло' (306, 492), *покривало* (293), *ложник* (313), *веленце* (307), *покров* (301).

Признаком, объединяющим загаданный денотат и собственный денотат кодового слова, может быть состояние (вид) вещества (например, "быть жидким"), так, загаданный денотат рассол кодируется лексемами *море* (2608), *вода* (2606), *геран* 'колодец' (2607), *вир* 'омут' (2609), *тиня* (2612), *гьол* 'пруд' (2616).

Выбор кода может быть обусловлен метонимическим критерием, например общностью функций скрытого (загаданного) денотата и явного; так: *солнце* — *огън* (76), *огнище* (74), *свещ* (77), *лампа* (78); *звезды* — *свещи* (51).

Когда обозначение загаданного денотата производится по признаку цвета, в качестве кодового слова часто выступает существительное, образованное от прилагательного и с предметным значением, так, *солнце* — *желтица* (87), *яйцо* — *Желчо* и *Белчо* (1247), *зубы* и *язык* — *Белчо* и *Червенко* (1669).

Специально остановимся на обозначении в загадках частей человеческого тела, поскольку они регулярно кодируются названиями предметов, выбранных по внешнему сходству. Такие кодированные обозначения могут служить свидетельством тому, как, через призму каких предметов человек видел и осознавал свой внешний облик, с какими предметами и признаками ассоциировались части его тела, так: *голова* — *тиква* (1542), *любеница* (1553), *кратуна* (1606), *кълбо* (1554); *борода* — *метла* (1564); *усы* — *коноп* (1567); *волосы* — *трева* (1542), *лина* (1543), *гумно* (1549), *гора* (1564), *горичка* (1568), *горица* (1569), *ливада* (1565), *бахчийка* (1586); *лоб* — *поле* (1565), *полянка* (1568), *полица* (1572), *рамница* (1567), *равнище* (1574); *брови* — *два плета* (1579), *две змии* (1585), *пиявици* (1564), *гайтанки* (1568); *глаза* — *огледалца* (1571, 1609), *стъкълца* (1573), *два извора* (1565), *два кладенца* (1577, 1602), *два бунара* (1581), *чешми* (1578), *винове* (1586), *море* (1594), *две локви* (1595); *рот* — *дупка* (1729), *пещера* (1564, 1684, 1788), *яма* (1577), *къща* (1686, 1796), *изба* (1680), *дам* (1682, 1759), *стая* (1706), *църква* (1685, 1720), *конюшница* (1678), *кошара* (1730, 1790), *плевня* (1681, 1708), *подник* (1728), *кош* (1698), *кутия* (1695, 1720), *торба* (1696), *ковчедже* (1702), *долап* (1712, 1765, 1789), *сандъче* (1715), *тепсия* (1717, 1761), *фурна* (1683), *пеш* (1709), *делва* (1714) и по признаку общности функции — *жерка* (1696), *мельница* (1575), *воденица* (1564), *ламя* (1566), *зубы* — *камъни* (1682), *кокали* (1683), *костички* (1689), *бисер* (1693) и по признаку общности функции — *секири* (1696), *тесли* (1706), *дикели* (1711); *язык* — *дъска* (1797), *лопата* (1567); *нос* — *пън* (1595), *извор* — (1650), *чешма* (1651), *половин лъжица* (1654), *одая* (1655), *гърне*

¹² Денотат *месяц* в другой фазе по сходству формы обозначается как *половина погача* (131) или *половин резник* (132).

(1656); ухо — *половин симид* (1559), *половин кравайче* (1662), *половин лъжица* (1663), *половин паница* (1664), *половин каленица* (1666); уши — *две ветрила* (1674); туловище — *бук* (1564); руки — *две ветки* (1804); ноги — *два дирека* (1825).

Сопоставление лексического состава множества *X* (скрытых терминов) и множества *K* (кодовых, явных терминов) показало, что различия в их составе имеют место не на уровне семантических классов, а на уровне отдельных лексем. Каждая из лексем-существительных, использованная в загадке, может входить либо: а) только в множество *K*, т.е. использоваться только в образной части загадки; б) только в множество *X*, т.е. находиться за пределами образной части загадки, быть скрытым термином; и в) входить в пересечение множеств *K* и *X*, т.е. в одних загадках выступать в функции кода, а в других в функции загаданного денотата.

Ниже в табл. 2–6 будет продемонстрировано на примере нескольких семантических классов распределение лексем этих классов по множествам *X* и *K*. В табл. 2–5 при каждой лексеме указывается номер загадки, в которой эта лексема отмечена. При лексемах, входящих в зону пересечения множеств *X* и *K* (в табл. обозначенную как *X/K*), слева от косой черты указывается номер загадки, в которой данная лексема использована в функции скрытого термина, а справа от косой черты — номер загадки, в которой данная лексема использована в функции кода.

Как показывает табл. 3. лексемы семантического класса названий построек используются в загадках преимущественно в функции кодового слова, причем лексема *къща* в функции кодового обозначения загаданного денотата используется в 77-ми загадках и только в 7-ми загадках сама является предметом загадывания.

Названия орудий разного рода промыслов (земледелия, скотоводства, охоты, ткачества и др.), а также домашнего хозяйства в большинстве случаев выступают в функции скрытых терминов и обозначаются в образной части загадки преимущественно одушевленными именами существительными, см. табл. 6.

В табл. 6. по вертикали перечислены загаданные орудия разных промыслов, а по горизонтали — обозначения этих орудий в образной части загадки посредством номинаций разных животных (птиц, рыб и т.п.); в точках пересечения указаны номера загадок по сборнику Ст. Стойковой, в которых имеет место данное переименование.

Одушевление орудий труда, т.е. приписывание им свойств и функций одушевленных существ, является характерным для восприятия окружающего мира теми социумами, в среде которых создавались и бытовали загадки. Как и домашние животные, именами которых обозначались в образной части загадки скрытые денотаты-орудия, так и сами эти орудия составляли "свой" мир, помогающий человеку в повседневной жизни и оберегающий его.

Как наглядно видно из табл. 6, один и тот же денотат мог кодироваться именами разных видов животных (т.е. имеет место функциональная полисемия), а одно и то же название могло кодировать разные денотаты (т.е. имела место функциональная омонимия). При этом ясно видна тенденция при выборе кодового слова согласовывать его по роду с заменяемой но-

Т а б л и ц а 2. Семантический класс лексем, обозначающих внутреннее убранство дома

<i>X</i>	<i>стол</i> (3031), <i>маса</i> (3041), <i>люлка</i> (3029), <i>пиростия</i> 'треножник' (3168), <i>соба</i> 'печь' (3200)
<i>X/K</i>	<i>долап</i> 'стенной шкаф' (1712/2779), <i>ковчег</i> 'сундук' (3024/497), <i>кош</i> 'корзина' (2107/1698), <i>кутия</i> 'ящик' (2789/445, 1632, 1721), <i>пещ</i> (3207/1704), <i>сандък</i> (3026/480), <i>фурна</i> 'печь' (3211/1693)
<i>K</i>	<i>възтреб</i> 'шкаф для платья' (3023), <i>тагар</i> 'круглая коробка' (41)

Т а б л и ц а 3. Семантический класс лексем, обозначающий разного рода постройки

<i>X</i>	
<i>X/K</i>	<i>къща</i> (2946/1249), <i>църква</i> (3387/569)
<i>K</i>	<i>амбар</i> (454, 2255), <i>говедарник</i> (2745), <i>дам</i> 'хлев' (579, 1709), <i>зимник</i> 'погреб' (2750), <i>изба</i> (1680), <i>казарма</i> (3248), <i>конушина</i> (1678), <i>кошара</i> 'овчарня' (667), <i>обор</i> 'хлев' (771), <i>подник</i> 'хлев' (3251), <i>одая</i> 'постоялый двор' (758, 1655), <i>плевня</i> 'сарай' (1681), <i>стая</i> 'комната' (752, 1706)

Т а б л и ц а 4. Семантический класс лексем, обозначающих предметы одежды

<i>X</i>	<i>облекло</i> 'одежда' (2793), <i>панталон</i> (2800), <i>ръкавица</i> (2822), <i>цървули</i> 'обувь из кожи' (2822), <i>фес</i> 'феска' (2878)
<i>X/K</i>	<i>дрехи</i> 'одежда' (2801/922), <i>капак</i> (2871/483), <i>кожух</i> (2817/645), <i>риза</i> (2794/882), <i>сукман</i> 'платье без рукавов' (2797/911), <i>чорап</i> 'чулок' (2860/363)
<i>K</i>	<i>капа</i> (3042), <i>кошуля</i> (469), <i>кафтан</i> (1188), <i>рокля</i> 'платье' (913), <i>фередже</i> 'паранджа' (871)

минацией. Так, лексема *кучка* является в разных загадках заместителем таких существительных женского рода, как *брадва* (2130), *бухалка* (3297), *воденица* (2386), *коса* (2091), *мелица* (2187), *метла* (3280), *пералка* (3299), *пила* (2171), *секира* (2141), *совалка* (2304), *стъпница* (2128), а лексема *бик* выступает в разных загадках как заместитель таких лексем мужского рода, как *палешник* (1988), *кантар* (2520), *бръснач* (2928); а лексема *гълъб* замещает такие номинации мужского рода как *брич* (2936), *палешник* (1983), *плуг* (1984), *ралник* (1981).

Семантический класс названий животных является одним из наиболее употребительных в загадках. Эти номинации могут обозначать как загаданный денотат (т.е. входить в множество *X*), так и употребляться в функции кодовых обозначений (т.е. входить в множество *K*). Распределение их по множествам *X* и *K* представлено в табл. 7. При каждой лексеме

Т а б л и ц а 5. Семантический класс лексем, обозначающих предметы домашней утвари (разного рода вместилищ хозяйственного назначения, посуды)

<i>Х</i>	<i>бъклица</i> 'фляга' (2640), <i>бакрач</i> 'медный котел' (2630), <i>казан</i> 'медный котел' (2758), <i>подница</i> 'плоская форма для печения хлеба' (2678), <i>сач</i> 'противень' (2685), <i>тиган</i> 'сковорода' (2699), <i>черепна</i> (= <i>подница</i>) (2683), <i>чугура</i> 'деревянная ступка' (2717)
<i>Х/К</i>	<i>бъчва</i> (2774/1231), <i>гърне</i> (2694/457), <i>котел</i> (2687/1436), <i>паница</i> (2677/28, 732, 1664), <i>сито</i> (2659/22), <i>стомна</i> 'кувшин' (2724/1556), <i>тава</i> 'противень' (2706/25)
<i>К</i>	<i>блюдо</i> (11, 1668), <i>бадън</i> 'бочка' (1228), <i>буре</i> 'бочонок' (1221), <i>делва</i> 'глиняный кувшин' (1714), <i>дърмон</i> 'решето' (37), <i>каленица</i> 'глиняная миска' (44), <i>каца</i> 'кадка' (55), <i>решето</i> (21), <i>синия</i> 'поднос' (23), <i>танир</i> 'мелкая деревянная миска' (79), <i>тепсия</i> 'медный круглый противень' (47)

Таблица 6

[illegible]

множества X записана информация, состоящая в указании: а) количества разных загадок, в которых обозначаемый данной лексемой денотат был объектом загадывания (первая цифра); б) количества загадок (из тех, которые были указаны в пункте(а)), имеющих кодовое слово (вторая цифра); и в) количество различных кодовых номинаций (третья цифра). При каждой лексеме множества K записывается информация, состоящая в указании а) количества разных загадок, в которых данная лексема использовалась в функции кодовой номинации (первая цифра) и б) количество разных номинаций, которые в разных загадках могла замещать данная лексема (вторая цифра). При лексемах, входящих в пересечение множеств X и K , слева от косой черты записывается информация, характеризующая лексему как элемента множества X в ее функции скрытого термина, а справа от косой черты – информация, характеризующая эту же лексему как члена множества K в ее функции явного термина.

Так, запись при лексеме *змия* 19–13–8/11–7 означает, что данная лексема означает скрытый денотат в 19-ти различных загадках, из них 13 имеют кодовую номинацию, всего 8 различных лексем; эта же лексема в функции кода используется в 11 различных загадках, кодируя 7 различных денотатов.

красва	кучка	магаре	малаче	мече	орел	пиле	пра-се	свра-ка	со-кол	теле
	2130								2138	
	2386			2389			2925	2399		2930
		2098 2229								
									2912	2318
2088	2091 2977 2187 3194 3280		2514	2511 2983			2090			
	2171			3281	1980	1987			1977	
		2157								
	2141 2304 2128						2011			
2349			2348	2198						

Таблица 7

Х	бръмбар 'жук' 1-1-1, вълка 21-15-6, глущец 'крыса' 3-2-2, еж/таралеж 23-19-17, жаба 1-0, комар 4-1-1, костенурка 'черепаха' 21-18-18, кукумявка 'сова' 2-2-2, кърт 8-5-4, лисица 3-1-1, мишка 'мышь' 4-4-4, мравки 17-15-7, мъска 'мул' 3-0, охлюв 'улитка' 31-15-15, паяк 'паук' 24-13-13, пиявица 2-0, прилеп 'летучая мышь' 1-0, рак 4-2-2, риба 8-3-3, ружько 'индюк', светулка 2-0, скакалец 'кузнечик' 1-0, славей 1-1-1.
Х/К	биволица 6-3-2/3-3, буба 5-0/1-1, бълха 10-1-1/1-1, вол 4-0/24-15, вълк 5-4-4/2-2, гъска 2-1-1/11-7, заек 4-2-2/6-4, змия 19-13-8/11-7, камила 'верблюд' 1-0/2-2, катерица 'белка' 1-1-1/1-1, квачка 2-2-2/8-6, кокошка 21-17-14/20-13, коза 15-5-5/15-10, кон 7-1-1/22-12, котка/мачка 27-15-15/6-6, крава 9-5-4/18-13, кучка 2-1-1/72-41, ластовица 2-1-1/1-1, магаре 'осел' 4-1-1/20-15, мечка 3-0/26-15, овен 1-0/8-3, овци 7-2-2/10-6, орел 2-1-1/3-3, патка 1-1-1/22-7, пеец 17-8-7/7-6, прасе 5-5-5/25-16, птица 1-1-1/4-3, пчела 16-11-10/1-1, свиня 23-13-13/2-1, сврака 4-3-3/7-4, смук 'уж' 1-1-1/4-1, теле 14-14-12/31-21, червей 11-10-8/1-1, щъркел 'аист' 1-1-1/1-1, яре 'козленок' 1-0/13-9
К	ат 'жеребец' 2-2, бивол 12-10, бик 16-11, врабче 2-2, гарван 'ворон' 3-3, гълъб 9-8, даначе 'молодой бычок' 1-1, добиче 'скотина' 1-1, клочка 2-1, кобила 19-15, козел 2-2, малаче 'молодой буйвол' 11-8, нерез 'боров' 1-1, пес 4-3, пиле 16-11, пръч 'козел' 2-2, сокол 11-7, чавка 'галка' 2-2, яребица 'куропатка' 1-1

Сопоставление лексического наполнения каждого из множеств показывает, что объектами загадывания преимущественно бывают дикие животные, обитающие в естественных, природных условиях, в "чужом" для человека пространстве, таковы: волк, лисица, черепаха 'костенурка', крот, улитка 'охлюв' и т.п., а в функции кодовых обозначений, наоборот, преимущественно используются номинации домашних животных, обитающих в "своем" для человека пространстве, таковы: бык, вол, кобыла, курица, корова, утка 'патица', собака 'кучка' и др. Домашние животные, как объекты загадывания, выступают в сравнительно небольшом количестве загадок, так, вол в четырех, корова в девяти, конь в семи, собака в двух, утка в одной, поросенок в пяти, названия этих же домашних животных, употребленные в функции кодовых обозначений, используются в относительно большом количестве загадок, так: утка в 22-х, поросенок в 25-ти, конь в 22-х, собака в 72-х, вол в 24-х, корова в 18-ти.

Номинации животных, употребленные в функции кода, могут обозначать денотаты следующих предметных областей:

а) природных, естественных, не созданных человеком объектов (предметных денотатов и явлений, стихий), так: месяц – козел (142), ат (143); звезды – овцы (15, 142); ветер – кон (215), бик (217), теле (218), куче (220); зима – патка (232), гъска (233); река – сокол (265), бик (267); радуга – кобилица (286); снег – пес (297), куче (299), кон (300); мгла – мечка (337), биволица (352);

б) культурных растений, произрастающих в "своем" для человека пространстве (т.е. поле, огороде, саду и т.п.), так: дыня 'пипон, пънеш' – прасе (775), куче (776), гъсе (774); лук 'кромид' – овен (793, 797), брав (794), капуста 'зелка' – гъска (889), патка (892);

в) диких животных, обитающих в "чужом" для человека пространстве, так: лисица – коза (1126), кучка (1125); заяц – котка (1128); муравей – бивол (1438); соловей – пилеце (1282). Эти примеры также подтверждают правило, что в качестве загаданных объектов чаще используются дикие животные, а в качестве кодовых заместителей в образной части загадки – номинации домашних животных;

г) лиц (в основном по типу занятий или социальному положению), так: дегтярщик 'катранджия' – гарван (1913), возчик 'кирадгия' – бивол (1916), волынщик 'гайдар' – коза (1934), теле (1932), крава (1933); бедняк 'сирак' – зайче (1895);

д) частей тела человека, так: глаз – теленце (1598), малаче (1599), кокошка (1600), два глаза – биволчета (1596), два бивола (1597), два сокола (1601), две кучета (1628); брови – гайтани (1640), две овчицы (1643), два вълка (1645); зубы – кони (1678, 1758), патки (1686), прасенца (1753), катярички (1727), агница (1730), волове (1731), овчицы (1732), кокошки (1736), гълъби (1735), кучета (1747), кобили (1756), камили (1757), вълци (1763); язык – куче (1765), лисица (1785), змия (1796), пръч (1788), петел (1691), теле (1791);

е) предметов материального быта – орудия различных промыслов (см. табл. 6.);

ж) постройки, одежда, домашняя утварь, так: дом – квачка (2946), кокошка (2947), кобила (2948); люлка – крава (3029); печка – кучка (3247), теленце (3208), платье 'сукман' – биволица (2797), обувь – два вола (2825), два коня (2822);

з) пища, продукты и приготовленная еда, так: хлеб – прасенца (2558), теленца (2560), кученца (2562); баница – ярка (2576), брынза – куче (2593), квашеная капуста 'зелки в каца' – патицета (2606), патки (2609), гъски (2610), правци (2611); уксус 'оцет (= киселина)', – кучка (2627); вино – бик (2637), теле (2638);

и) посуда и разного рода вместилища для приготовления и/или хранения пищи, так: фляга для вина 'бъклица' – крава (2647), сито – магаре (2659); глиняная миска 'паница' – биче (2677), противень 'сач' – койн (2685), малаче (2686); котел – мече (2689); медный сосуд для воды 'бакрач' – мече (2690), глиняный кувшин для воды 'стомна' – пиле (2724); ложка – магаренце (2739), кобилка (2340), крава (2749), бивол (2750); медный котел 'казан' – мече (2760).

Животные как загаданные объекты в свою очередь могут кодироваться следующими типами номинаций (типы номинаций рассматриваются в последовательности, соответствующей возрастанию степени обусловленности выбора кодовой номинации):

1) асемантические, "придуманые" слова, не имеющие собственной денотации, так: жук 'бръмбар' – дендеверин (1440), пчела, крот – шило-боло (1408; 1138); свинья, овца – гънда-мнда (1038, 1122); поросенок – ювърлаче-тупърлаче (1504); медведь 'мечка' – андал-мандал (1119); собака 'куче' – суферим (1119);

2) собственные имена, так: корова — *Видла* (1013), свинья — *Тодора* (1070), курица — *Мара* (1198), крот — *Галя* (1139), еж — *Димо* (1151), *Колю* (1151), *Кирко* (1149), *Стойко* (1148);

3) нарицательные имена, называющие лица а) по признаку пола и возраста, так: кошка, пчела — *девойка* (1114, 1405), змея — *баба* (1327), черепаха — *дете* (1397), улитка — *дядо* (1344), паук — *деда* (1497), коза — *мома* (1054), еж — *старец* (1145); б) по признаку родства или семейного положения, так: черепаха — *кака* 'старшая сестра' (1394), курица — *невеста* (1189), *щерка* (1190); рыба — *сестрица* (1238); в) по признаку социального положения, так: индюк — *ага* (1272), еж — *паша* (1156), курица — *кадъна* (1191), *кокона* 'дама, барыня' (1188); г) по национальности, так: сорока — *турче* (1287), пчела — *аранче* (1411), курица, коза — *циганка* (1192) (1049); д) по занятию и роду деятельности, так: петух — *борец* (1182), *буденик* (1183), *воевода* (1177); крот — *майстор* (1135), *орач* (1134); козы — *войници* (1052); черепаха — *даскал* 'учитель' (1396), волк — *кадия* 'судья' (1120), кошка — *предачка* 'прядильщица' (1104), пчелы — *работници* (1419), паук — *рибарин* (1501);

4) названия животных, так: улитка — *вол* (1359), *кон* (1355) и др. см. пункт (в);

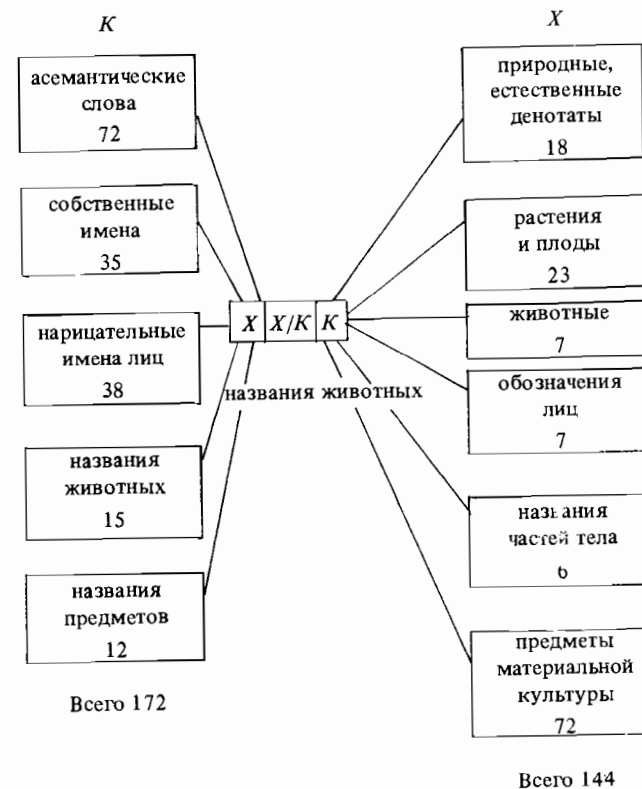
5) названия конкретных предметов, так: змея — *тояга* 'палка' (1312), сорока — *топуз* 'палица, булава' (1288), вереница муравьев — *въже* 'веревка' (1424).

В табл. 8 представлена схема соотношений между названиями животных, как загаданных денотатов, и семантическими классами заменяющих их в образной части загадки кодовых номинаций, а также между номинациями животных, употребляющихся в функции кодов, и семантическими классами кодируемых ими денотатов. При каждом семантическом классе указывается количество лексем, входящих в этот класс (по материалу сборника болгарских загадок Ст. Стойковой).

Схема показывает, что количество слов, кодирующих загаданные денотаты, относящиеся к предметной области животных, намного превышает количество скрытых денотатов разных предметных областей, которые кодируются названиями разных животных.

Таким образом в статье представлены некоторые результаты изучения структуры и состава семантического словаря загадок, т.е. инвентаря загаданных объектов и их переименований в образной части загадки. Этот словарь состоит из двух пересекающихся множеств, а именно, множества существительных *X*, используемых в отгадке, и множества *K*, т.е. существительных, кодирующих загаданные денотаты и используемых в образной части загадки. Сопоставление состава этих множеств показало, что, во-первых, в пределах всего корпуса загадок количество лексем, образующих множество *K*, намного превышает количество лексем, образующих множество *X*; во-вторых, между элементами этих множеств (т.е. номинациями) нет однозначных соответствий, т.е. один и тот же явный термин в разных загадках кодирует разные денотаты, а один и тот же денотат в разных загадках обозначается разными явными терминами; в-третьих, различие в лексическом составе множеств *X* и *K* состоит в том, что а) в множестве *K* значительное место занимают разного рода асемантические слова, а также словообразовательные окказионализмы (чаще всего

Таблица 8

отадъективные существительные со значением носителя признака), такого рода лексемы в множестве *X*, естественно, отсутствуют; б) среди номинаций-кодов большое место занимают одушевленные существительные, в частности собственные имена, в множестве *X* собственные имена, естественно, отсутствуют, нарицательные имена лиц единичны, а названий животных значительно меньше, чем в множестве *K*; в) относительно семантических классов неодушевленных существительных можно говорить лишь о тенденции лексем того или иного класса употребляться в функции кода или в функции обозначения скрытого денотата, так названия небесных тел, стихий, отрезков времени преимущественно выступают в функции загаданных денотатов и относятся к множеству *X*, в той же функции употребляются названия орудий разных промыслов; в противоположность этому названия разного рода построек (см. табл. 3) чаще употребляются в функции кодовых слов для обозначения разного типа внешних, поверхностных слоев, оболочек у загаданных денотатов, членящихся на внешний слой и сердцевину. Названия предметов одежды (см. табл. 4) примерно одинаково распределяются по множествам *X* и *K*.

Изучение семантического словаря загадок, выяснение того, через призму каких объектов видятся другие, скрытые, загаданные денотаты, с ка-

кими объектами они ассоциируются, может помочь в установлении картины мира, свойственной соответствующим социумам. И загадки, на наш взгляд, являются перспективным материалом для постановки и решения проблемы "мир через текст".

О.А. СЕДАКОВА

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА.

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

Лексика восточнославянского погребального обряда, как всякая обрядовая терминология, может быть описана только в контексте всей обрядовой реальности: ритуальных предметов и действий, состава и специально оговоренных свойств исполнителей, своего рода синтаксиса, по правилам которого разрозненные элементы, общие по большей части для всей обрядовой сферы (свадьбы или родин в той же мере, что и похороны), выстраиваются в текст данного обряда. Именно в таком, широко контекстуальном аспекте изучается в последние годы обрядовый термин¹ — словесное обозначение предмета или действия, которые сами по себе, в отличие от предметов и действий внеобрядовой реальности, являются невербальными знаками или символами². Трудно согласиться с тем, что "особенность вербальных компонентов обряда... — то, что полем их значений оказывается сам обряд"³. На материале погребального обряда особенно ясно видно, что и семантика вербальных компонентов, и параллельное ей символическое значение ритуальных реалий и актов выводят за обряд, в область общих мифических представлений, порождающих обрядовые тексты и определяющих "типологию названия мифических элементов"⁴.

Терминологию погребального обряда по большей части составляет заместительная лексика, метафорически описывающая табуированные понятия, связанные со смертью, мертвецом, загробным миром. Тем самым, в терминологии отражается общая тенденция погребального обряда — снятие реальной смерти смертью ритуально оформленной, преобразованной, "человеческой" (*люцка смерть и похова* блр.) — ср. внутреннюю форму самого общего термина, *похороны, похова*. Как обряд стремится скрыть реальное событие смерти за его обрядовым переживанием, так и обрядовый термин должен "похоронить" опасное, смертоносное имя⁵.

¹ См.: Гура А.В. Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1974; Терновская О.А. Словесные формулы в урожайной обрядности славян. — там же; Левинтон Г.А. К вопросу о словесных функциях словесных компонентов обряда. — там же.

² Впрочем, как показывает полесский материал, собранный в последние годы экспедициями под руководством Н.И. Толстого, круг несимволического функционирования реалий повседневноности значительно уже, чем обычно предполагается.

³ Левинтон Г.А. Указ. соч., с. 168.

⁴ Топоров В.Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. — В кн.: Этимология, 1967. М., 1968.

⁵ На имя распространяется мифическое представление о крайней вирулентности смерти.

Описательная метафорическая лексика здесь субституирует некое постоянное "пустое место" в терминологии (характерно, что семантически нечленимого термина смерти не обнаруживается: отчетливо метафорична древнейшая лексика — *пропасти, гибнуть*, этимологический анализ обнаруживает метафорическую основу глагола *мрети*). Вновь создаваемые термины уподобляются загадкам, за которыми стоит отсутствие разгадки (ср. загадку о смерти: "Загадка без разгадки" — Сад. 235).

Заместительная лексика прозрачна по внутренней форме (*домовка* 'гроб', *зимовище* 'кладбище' и т.п.). Обнаружение метафоры не стоит большого труда, сложнее ее истолкование. Оно невозможно без обращения к славянской языческой модели мира, определяющей сближения предметов и понятий, лежащие в основе этих метафор. Лыбящая часть анализируемой здесь лексики подтверждает и иллюстрирует ту славянскую языческую модель мира, которая описана в виде ряда "противопоставлений, которые находятся в отношении синонимии друг к другу или же представляют собой более конкретную символизацию одной главной оппозиции"⁶. В нашем материале табуированный первый член оппозиции *смерть/жизнь* выражается через синонимичные ему члены других оппозиций: *зима/лето* и др. Таким образом, самый способ скрыть табуированное понятие *открывает* систему языческих представлений о смерти. Если принять разделение табуистической лексики на: а) слова, нейтрализующие дурное воздействие, и б) слова, провоцирующие удачу⁷, то окажется, что число слов второго разряда среди погребальной лексики невелико. Можно назвать: *божья* 'смерть', *житье* (вероятно, редуцированный фразеологизм *вечное житье*), *приказать долго жить, поджукати* укр. Как и во всем обряде, в заместительной лексике доминирует тенденция пассивного, оградительного воздействия на смерть.

Очертим некоторые тематические круги метафор, лежащих в основе заместительной погребальной лексики. Поскольку эти метафоры воплощаются на всех уровнях обрядового текста, рядом с данными лексики будем привлекать факты предметно-действенного плана обряда⁸.

⁶ Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

⁷ Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, вып. 1. Л., 1929, с. 6.

⁸ Мы оставляем в стороне большую группу окказиональной неустойчивой лексики, построенной по иному, "немифическому" принципу. Это, главным образом, обозначения смертного исхода (типа *витришу* 'очи' укр., *перекинулся* 'вульг.'), с грамматической точки зрения представляющие глагольное образование Vt 3s или транзитивный глагол с прямым дополнением: *задер лаби, закоту* 'роги' укр., в прошедшем времени. Характерно, что глагольное изменение таких фразеологизмов и даже представление их в инфинитивной форме кажется искусственным. В основе этих "эвфемизмов" лежит описание смертного исхода через внешние признаки физической кончины, и ряд их может быть продолжен. Нужно заметить, что отвратительная вульгарность таких терминов не внеисторична: она связана с традицией "смея над смертью", *жартов з трупом*, известной особенно по западно-украинскому погребальному обряду (см.: Кузеля З. Посижині і забави при мерці в українським похороннім обряді. — Записки Наукова Товариства ім. Шевченка, т. СХХІ. Львів, 1914), а в севернорусской области перешедшей в отдельный обряд святочных игр (*умрун, умран*), и по всей восточнославянской территории представленной в непристойно-веселых поминках *Радуніцы* и *Семика*.

Представление об изжитом или неизжитом веке, определяющее разницу в ритуалах для "чистых" и "нечистых" покойников⁹, а в позднейшее время — особый характер похорон детей, холостых и пезамужных, представлено в погребальной лексике образованиями от корневых морфем *час-* (ничесовая смерть блр., *чысавать* 'умирать' укр.), *кон-* (конать, коняющий блр.). Более сложно представление о веке как жизненной потенции¹⁰ выражается в метафорических образованиях, где смерть представлена тратой, потерей: *тратити си, стратчата* 'умершие некрещенными дети' укр., *избывати* 'желать смерти'. Параллелью таких метафор на предметном уровне обряда служит ритуальное значение мерки покойного.

Сопоставление смерти с отсутствием доли находим в образованиях, где славянский корень *bog-* выступает в древнейшем реконструируемом значении 'жребий', 'доля': *небощик, нябощик* блр., *небого, небіщик* укр. (обозначения покойного).

Верх — низ

Термины смерти *пропасть, пропастина* (> падать) заключают в себе пространственную метафору. Элементы христианской системы ассоциируются с верхом. Бог, принимающий душу, и *дидько* — владелец погоста противопоставляются в пространственном плане: *виддати Богови душу, а дитькови с...ку* (Етн. зб. 305).

Дорога

В мифологическое представление смерти входит не только состояние посмертного покоя, но и этап пути в загробный мир. Для погребального обряда особенно важен этот образ пути, преодоления оппозиций *жизнь/смерть, близкий/далекий*. В именовании кончины широко представлен взгляд на "промежуточную" стадию смерти: многочисленные конструкции с глаголом *идти* (или семантически близким ему) + обстоятельство места: *идти домой, идти до кадигробіє, отправиться бурых считать*. Ср. также *выход* 'смерть' и образ посмертного скитания в обращениях украинских плачей: *странник, скиталец* (Свенц.). В лексике, связанной с *заложными*, умершими "не своей" смертью, часто отмечен именно этот момент непрекращающегося странствия: *слоняцца* блр., *ходить* зап.-русс., *ходить вупором* блр. — обозначение состояния такого покойника, *нипритомника* блр.

С символом дороги связаны образования от корневой морфемы *гост-/гост'-*: *погост, погостье, гостювати, гостик почасный* (северные плачи). Ср. зафиксированное для слова *погост* другое значение 'удаленный постоянный двор' (*Даль*), связывающее его с древнерусским *гостинець* 'большая дорога' (*Срезн.*).

Дорога — одна из самых значительных реалий похорон: путь из дома на кладбище — кульминация в развитии обряда. С дорогой связаны много-

численные обрядовые акты: особый способ шествия, устилание дороги ветками, посыпание снегом, песком, маком, поливание водой, запрет на возвращение с кладбища той же дорогой. Дорога здесь — предметное воплощение переходного обряда, каким являются похороны, и столь же заметное значение несет она и в других переходных обрядах: свадьбе, крестинах.

Дерево

Близким к дороге в сфере погребального обряда оказывается дерево (см. ритуал с могильным деревом, *плетения древолазные*, полагаемые в гроб). Этимологически сближая слова *дерево* и *дорога* (**der-u* и **dor-gu*), В.В. Иванов и В.Н. Топоров рассматривают дерево (мировое дерево) как медиатор оппозиций *свой/чужой, близкий/далекий* и т.д.¹¹

На предметно-действенном уровне обряда посредническая роль дерева особенно ясно проявляется в связи с предписаниями о гробе (см. дальше). В терминологии гроба засвидетельствована лексика с прозрачной метафорой "древесного ряда": *деревище, колода, чурак*. При этом дуб выступает как дерево по преимуществу (ср. *дуб-вертодуб* — иносказание смерти в загадках, "дубу дать", *гледець у дуб* блр.: *дубасик* 'смертный сарафан' у старообрядцев). Не пытаясь дать исчерпывающего материала о дереве в погребальном обряде, приведем таблицу, иллюстрирующую присутствие "мотива дерева" на всех уровнях обрядовой реальности (см. табл. 1).

Вода

Рядом с представлением о пути в загробный мир как о карабканье по стволу, в славянских языческих повериях известно уподобление его преодолению водной преграды. Прямое отражение такого представления мы находим в полесском *брод* 'предсмертная агония'. (Ср. полесскую быличку о том, как умерший отец пенял дочери на то, что она жгла свет после похорон, — и он не смог вместе с другими покойниками перейти лужу) (*ПА*). Кроме переплывания или перехода воды вброд представляется другой способ преодоления этой преграды — переход по мосту (ср. поверия о том, что лучины, с которыми парятся в бане, на том свете станут мостами через реку; мотив наведения мостов в выкликах умершего с того света в плачах; иносказание смерти в лирической песне: мост рушится, герой падает в воду) или путешествие в ладье. Представление о загробной ладье отражается в предписаниях о форме гроба, в надгробных колодах в форме ладьи. Синонимия 'гроба' и 'ладьи' засвидетельствована в терминологии гроба: *колода* 'гроб' при *колода* 'долбленая лодка'; *дуб* 'долбленая лодка' при *дуб* 'гроб' (полес., *ПА*). Мотив воды может включаться в обрядовую терминологию опосредованно, через лексемы, связанные с обозначением дерева: *уйти в кокорье* сев. — 'умереть'; *кокорь* (*кокоря, кокорыга*) — 'кривое дерево, ствол с сучьями, принесенный течением' (*Фасм.*).

Связь умерших и загробного мира с водой выражается в многочис-

⁹ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью. Пг., 1916.

¹⁰ Гавлова Е. Славянский термин "возраст", "век" на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках. — В кн.: Этимология 1967.

¹¹ Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Указ. соч., с. 167.

Таблица 1

Уровни обрядовой реальности	Воплощение мотива
I. Уровень поверий	Сон о поваленном дереве – к смерти
II. Уровень обрядовых действий	Ритуал с кладбищенским деревом; игра на <i>лубке</i> , имитирующая карабканье по стволу
III. Уровень обрядовых реалий	Дерево как исключительный материал гроба; надгробия в форме дерева
IV. Уровень обрядовой терминологии	<i>дерево, деревищечко</i> . гроб'; <i>деревище</i> 'игра на поминках; <i>одубеть, дубу дать</i> и др.

ленных ритуалах вызывания дождя при помощи обращения к умершим вообще или *заложным* (например, тело опойцы кидают в воду, поливают могилу водой и т.п.). Эта связь лежит в основе терминологии, образованной от корня *нав-*: *навей, навий, навье, навья* ю., орл. 'мертвец'; *навид* 'смертельная рана'; *навья кость* – кость стопы, которая вырастает, если в поминальные дни перелезть через забор кладбища, или же 'подкожный жировой шарик'; *навьи проводы, навий Великдень* 'Троица'. В терминологии троичских поминальных ритуалов и дня, посвященного русалкам – *мавкам* укр., наблюдается отождествление русалок с умершими *не-своей смертью*, что подтверждается и самим характером обряда, и позднейшими повериями о превращении тех или других "нечистых" покойников (причем не обязательно утонувших) в русалок.

Дом

Состояние покоя, наступающее после совершения обряда, слабее отмечено в лексике. Один из знаков окончательного перехода души в загробную область – смена именований покойного. *Тело, кило, мрец, нябощик* в частном обряде – во время годовых поминок приобретает имя *дедов, родителей, предков, обитающих дома*. Этот переход сопровождается полной утратой индивидуальных признаков. Мотив *дома* дает яркий пример изоморфности словесного и предметно-действенного планов обряда. Многочисленная номенклатура гроба создана различными способами аффиксации корня *дом-*: *домик, домовина, домовка* смл., *домовище* сев., тверск., *домовье* блр. Соответствие таким названиям гроба находится в обрядовых действиях, направленных на создание посмертного дома для души и тела покойного: имитация пространства избы внутри гроба – икона в головах, окошке против плеч (сев.), многообразные виды надгробий в форме дома (*голубцов, струбцов, нарубов* и др.)¹². Мифическое представление о посмертном доме разворачивается в поэтическую формулу плачей: *благодатный дом, горенка без окон*; лежит в основе обрядового диалога с гробовщиком: "Та поможете построїть моему батькові нову хату, не схотіу у старій жити" (Чуб. 706); "Від живих послідня прислуга побудувати хату" (Етн. зб. 311); формирует иносказательную харак-

¹² См.: Велецкая Н. Языческие представления о загробной жизни и рудименты их в народной традиции. – Македонски Фолклор, 1969, № 3–4.

теристику гроба в загадках: "Домок в шесть досок" (Сад. 239). Среди обрядовой лексики других групп можно найти отражения мотива посмертного дома: *идти домой 'умереть', домой* орл. 'на кладбище', *домовик 'умерший не своей смертью'*.

Дом воспринимается как мифически оцененное, "свое" пространство. Внутри же дома пространство высшей мифической ценности – *кут, покутье, красный угол*. Повсеместно распространенный обычай оставлять покойного до погребения в красном углу находит себе соответствие в метафорическом термине кладбища: *покутье*. Пространство кладбища представляется в обряде синонимичным пространству красного угла в доме: ср. обычай 40 дней после погребения ставить хлеб и воду, вешать полотенце в *покут*. Во внеобрядовое время предкам посвящены другие части жилища: печь, подпечье, порог (*в печи душа покутье* – Етн. зб. 377).

Род

В семантику дома как "своего" пространства входит признак "родового". Дом – пространство, принадлежащее роду, предкам. В погребальной лексике широко представлены образования с корнем *род-*: *родители* 'покойник', также 'похороны'; *родительское место* 'кладбище'; *родителей греть* 'зимний поминальный обряд'; *родичи ходзюць* – название третьей недели от Покрова. К этой группе метафорических терминов примыкают *деды, дяды* блр. 'годовые поминки'; *дидько* укр. 'владелец места на кладбище' (ср. *дедушка-домовой, батанушка* – Даль). Характерное славянское представление о безличности и безымянности, которые человек приобретает после смерти, о растворении возрастных и половых различий в совместном существовании *помных и непомных* покойников отражается в лексике грамматически: именованья умерших предков на общих поминках принадлежат к разряду *pluralia tantum*. Иногда термин такого рода возникает уже во время частных похорон: *родители* орл. обозначает на похоронах всякого покойника, даже младенца (Даль).

Ночь

Мифическая синонимия ночи и смерти (солнце светит живым, а месяц – мертвым) прослеживается в эвфемистических терминах кончины, построенных на метафоре "смерть – сон": *спочити* укр. (ср. церк. *почить, усупение*).

Зима

Можно подумать, что в термине *зимовище* 'кладбище' (Вел. Устюг) прослеживается синонимия зимы и смерти. Однако происхождение этого наименования, скорее всего, иное: лексема, первоначально обозначавшая убогий дом, перенесена на общее кладбище. Характерная особенность *убогих домов* в России – та, что тела *заложных* оставались непогребенными в течение зимы (см. ниже).

Планом содержания погребального обряда могут быть не только общемифические представления, но и другие обряды жизненного и календарного циклов, особенно свадьба и святки. Становясь "кодом" некоторых обрядовых актов похоронного обряда, фрагменты свадебной или святочной реальности указывают в то же время на заобрядовую, общемифологическую связь смерти, свадьбы и зимнего солнцеворота.

Не задерживаясь подробно на присутствии свадебных элементов в похоронах холостых и незамужних, ярче всего представленных в украинской и особенно карпатской традициях¹³, укажем на случаи переноса терминологии участников свадьбы на участников погребения: *дружки*, *дружби*, *последни бояри* укр. — 'носильщики гроба девушки'. Умерший в плачах именуется как жених или невеста: *князь*, *панч*, *утінка* (Свенц.), сами похороны уподобляются *смутному весиллю*. Даже в северно-русской традиции, где свадебные элементы в похоронах сильно редуцированы, образ *унылой свадьбы* присутствует в плачах (Барс.). Ср. характеристику гроба в загадках: "жених от рубля" (Сад. 239).

Отчетливая связь святочного обряда с похоронами и поминками до недавнего времени не обращала на себя внимания исследователей. Правда, было отмечено перенесение архаичных смеховых элементов похорон в святочные игры (*умрун*, *умран*)¹⁴. Этим связь двух обрядов, видимо, не исчерпывается. На уровне лексики она обнаруживается в фразеологизме *карачун* (*корочун*) *пришел* (*хватил*) кост. также *корочун* блр. 'внезапная смерть' при др.-русс. *корочунъ* 'зимний солнцеворот' (Новг. лет.) или блг. *крачун* 'рождество' (Фасм.).

В самом погребальном обряде берут начало такие термины как *жаль*, *жальник* сев. 'погост' при *жаль*, *жалоба* 'траур' (Даль). С огромной ролью кладбища в медицинской, любовной и черной магии (см. ниже) связаны, видимо, такие термины могилы, как *шукавка* заон. и *урочное место* костр.

Метафоры, лежащие в основе погребальной лексики, представляют благодарный материал для сопоставления фольклорных мотивов (сказок, загадок, обрядовой лирики и др.) с обрядовыми действиями. Заместительная обрядовая терминология составляет как бы промежуточное звено между действительно-предметными и поэтическими воплощениями общих языческих представлений о мире у славян. Многие сближения понятий, в частности, такие, как "смерть — птица", "смерть — опьянение", "смерть — вор" остались за рамками нашего анализа, но и они могут быть иллюстрированы материалом погребального обряда.

Суммируем перечисленные выше группы метафорической лексики в табл. 2.

Две словарные статьи, предлагаемые ниже, обобщают материал этнографических описаний (в основном, конца прошлого — начала нынеш-

Тематические группы метафор	Примеры
А. Метафоры, основанные на общемифических представлениях:	
1. Век	<i>чужой век заедать</i> (о слишком долгой жизни)
2. Низ	<i>пропасть</i> , <i>пропастина</i> , 'смерть'
3. Дорога	<i>ити до кадигробі в</i>
4. Дерево	<i>деревище</i> , дуб, 'гроб'
5. Вода	<i>навьє</i> 'мертвец'
6. Дом	<i>домовина</i> 'гроб'
7. Род	<i>деды</i> 'поминки'
8. Зима	<i>зимовище</i> 'кладбище'
Б. Метафоры обрядового происхождения:	
9. Свадьба	<i>дружки</i> 'носильщики гроба'
10. Святки	<i>корочун</i> 'смерть'
11. Погребение	<i>жальник</i> 'кладбище'
12. Магия	<i>шукавка</i> 'могила'

него века) и полевые записи последних лет. К словарным статьям, описывающим обрядовые реалии, приложены индексы номенклатуры этих реалий. В составлении статей мы следуем примерно тем же принципам, что были применены в материалах к словарям жатвенного и свадебного обрядов¹⁵. В первой части характеризуются смысловые признаки обрядовой реалии, во второй — приводятся сведения об обрядовых актах, связанных с ней, в их хронологической последовательности. Каждый такой акт представлен набором локальных вариантов. Ссылка на источник отсутствует в том случае, если этот акт является общераспространенным.

Словари-индексы носят иллюстративный характер и ни в коей мере не претендуют на полноту. Поэтическая лексика причитаний, требующая особого рассмотрения, в индексы не включена. Каждое слово приводится в орфограмме с географической пометой. Фразеологизмы даются под ключевым словом.

Гроб как реалия погребального обряда

1. Семантика гроба

Начиная с семантики простейших элементов гроба: материала, мерки, замкнутости/разомкнутости — и до сложных представлений о пути из *тот свет* (транспортная функция гроба), о посмертной судьбе души и тела (домостроительная функция гроба) — мы сталкиваемся с сосуществованием традиций, расходящихся до противоположности и принадлежащих разным культурным эпохам.

¹³ См.: Седакова О.А. Содержательность вариаций обрядового текста. Восточно-славянский погребальный обряд. — Balkano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979.

¹⁴ Гусев В.Е. От обряда к народному театру (эволюция святочных игр в покойника). — В кн.: Фольклор и этнография.

¹⁵ Гуря А.В. Севернорусская свадебная терминология (материалы к словарю). — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. Терновская О.А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла (материалы к словарю) — там же.

А. Форма

Мифическое сближение гроба с ладьей вплоть до прямого использования ладьи в княжеских похоронах (см. свидетельства арабских путешественников, легенду о мести Ольги в "Повести временных лет") имеет реликты в современном обряде: прежде всего, это его форма — долбленая однодеревянная колода из дуба, распространенная до позднейшего времени на севере и у старообрядцев. И тесаная труна, труна горбовата укр. имитирует форму древнейшей долбленной колоды. Эта форма угадывается в разрезанной пополам выдолбленной репе, используемой в обряде "похорон мух"¹⁶. Общий термин для 'гроба' и 'долбленной лодки' (полес., ПА) свидетельствует об этой связи, предполагающей преодоление водной стихии между областями жизни и смерти: гроб здесь выступает в качестве ритуального транспорта.

Б. Материал

Материалом гроба избирается исключительно дерево: железные гвозди и скобы запрещены (кост., витеб. и др.) или запрещены только для детей (блр. Крачк. 199) (железо вообще избегается в похоронах и поминках). Но отмечена и противоположная традиция — разрешение железных гвоздей (арх., Еф. 135). Прочная фольклорная связь дуба и смерти находит соответствие в предпочтении дубовых колод, особенно на севере (Зав. 95). Там, где дуб не так явно выделен, запрет накладывается на осину (при том, что осиновое дерево используется как средство против *ходячих* мертвецов и осиновый колок может быть забит в изголовье каждого гроба — полес. ПА). Акцентированная *древесность* гроба, такие его термины, как *дерево*, *деревце*, ритуалы, связанные с могильным деревом (вывешивание на него веревок и полотенец после опущения гроба) дают иную картину загробного мира: из "заморской земли" он превращается в "верхний мир", путь в который преодолевает дерево.

В. Длина, мерка

Этот компонент предметной семантики гроба связан с мифическим осмыслением его как посмертного жилища покойного. Единство дома и человека, устанавливаемое в языческом сознании, предъявляет определенные обрядовые требования к длине гроба. Мы сталкиваемся здесь с реликтами архаического осмысления понятий "роста" и "века": гроб впору символизирует законченность жизненного цикла, законность конца; несоответствие росту покойного грозит новой смертью или превращением умершего в ходячую нечисть (Бурц. 185). Ребенку в гроб кладут мерку отца как предел продолжения роста за гробом (обонеж., Кул. 55). Ср. другие обрядовые акты с меркой покойного: смерок кладут в могилу (вор., Зел., сев., Бурц. 181); на могилу (полес.); мерку, снятую шнуром, хранят "чтобы привязать счастье" (укр. черн., Етн. зб. 349); мерка нужна пчеловодам, чтобы "пчелы не уходили" (костр. См. 9); меркой-ниткой перевязывают ноги корове (укр. тер., Етн. зб. 376); деревянную мерку — *подошок* ставят в изголовье детской могилы, "чтобы дети жили" (влад., Зав. 96); *сточок* — свечку в рост покойного ставят ему на грудь, после похорон — на место покойного и сжигают ее в 40-й день (укр. черн., Етн. зб. 340).

Г. Замкнутость—разомкнутость.

В местных вариантах этот признак семантики гроба колеблется до противоположности: I. "В гробе не должно быть щели, чтобы не вернулась смерть" (костр., См. 88); II. В гробе вырубается окно (или кладется кусок стекла) (сев., Кул. 5); оконце в гробе вырубается также на Гуцульщине: душа в 40-й день *"має вертати до тіла або дивитися на світ"* (Етн. зб. 332); в гроб кладется воженный шнурок "чтобы вылезти" (укр. горл., Етн. зб. 206). Вторая традиция имеет более широкие параллели в обряде: ср. погребальную одежду, сшитую на живую нитку, без узлов; разорванную (на детях) рубашу; незавязанный ворот мужа или жены ("чтобы опять выйти замуж"). Разные тенденции формировали две эти противоположные традиции: в первой очевидно стремление укрепить границу между миром живых и миром мертвых для безопасности живых, во второй — помочь покойному в преодолении этой границы и в продолжении существования в загробье. В первой традиции гроб выступает как ограничитель области смерти, во второй — акцентируется временность, преодолимость заключенности усопшего.

II. Гроб в контексте обряда

1. Время заготовления гроба: а) *домовье* припасают при жизни (витеб., Шейн 510); заготовленный гроб наполняют отборным зерном и раздают это зерно как милостыню (укр. Чуб. 707; костр. См. 11); б) *чурачный* гроб заготавливают при жизни зажиточные (вклад. Зав. 92); в) старики при жизни заготавливают доски для гроба — "хто зроби собі ще зажива домовину, тот довго буде жить" (курск. Етн. зб. 417); г) делать гроб при жизни — грех (блр. мцен. Шейн).

2. Место изготовления гроба: а) во дворе (витеб. Зел. 133); б) под окном (сев. Еф. 135); в) в доме или в сенях (укр. колом., яс. Етн. зб. 300).

3. Уничтожение остатков работы: а) щепки кладут в гроб, на дно или в особую подушечку (укр. Етн. зб. 342; арх. Еф. 135; ряз. Сем. 230); б) щепки вместе с навозом жгут за селеньем (перм. Зел. 995; укр. снят. Етн. зб. 313); в) щепки — *трэски* жгут во дворе: "не трэба щоб трэска отлетела": в доме будет холодно (полес.); щепки раскидывают в поле в знак оповещения смерти (укр. подлес. Етн. зб. 385).

4. Плата за гроб мастерам: а) бесплатно (укр. кос. Етн. зб. 311); б) бесплатно только для "*безродных*" (арх. Еф. 136); в) за горилку и обед, который мастера едят на крышке гроба (укр. черн. Етн. зб. 344); за угощение и полотно (курск. Етн. зб. 411); д) за полотенца (укр. снят. Етн. зб. 332); е) за горилку и деньги (укр. заст., тереб. Етн. зб. 364); ж) платят деньги (укр. черн. Етн. зб. 344).

5. Акты при выносе гроба: а) все падают на гроб (шенк. Бог. 70); б) родные женщины, взявшись за руки, проходят под гробом при *поднятии* (блр. Шейн 515); в) женщины падают на *домовину* (укр. надв. Етн. зб. 246); г) три раза стучат гробом о порог (пенз. Зел. 987; укр. Чуб. 708; блр. Кар. 298); д) хозяйка обходит гроб с камнем и затем кладет этот камень под образа (обонеж. Кул. 53).

6. Покрытие гроба: а) выносят открытым (заколачивают после панихиды) (арх. Еф. 186); б) везут гроб закрытым: "если посмотрит мерт-

¹⁶ Шейн П.В. Обряд похорон мух. — В изд.: Труды ЭО РГО, кн. IV. СПб, 1891.

вещь, весь свет умрет" (минск. *Булг.* 186); в) покрывают гроб холстом — *погребщиной* (витеб. *Ник.* 289); г) гроб мужчины покрывают кафтаном, женщины — сарафаном (костр. *См.* 14), или: мужчины — зипуном, женщины — холстом (вят. *Зел.* 411); д) перевязывают гроб вожжами (витеб. *Шейн* 513); е) перевязывают красной ниткой (минск. *Шейн* 539); кладут на крышку хлеб и соль (минск. *Шейн* 513; укр. *Чуб.* 708).

7. Гроб во время погребальной процессии: а) на возу с гробом никто не должен сидеть (обычно); *фирман* сидит на *домовине* (укр. надр. *Етн.* зб. 246); в) подают *через гроби* милостыню (влад. *Зав.* 95).

8. Опускание гроба: а) на холсте (полт., олон. *Зел.* 1103; укр. *Чуб.* 709); б) на полотенцах (или только детей и девушек, только богатых на полотенцах) (полес. гом., *ПА*); в) на веревках (обыкновенно); веревки затем вешают на могильные деревья (минск. *Шейн* 542); г) на веревках нельзя, так как на них вешаются; детей опускают на рушниках, взрослых — на полотне (полес. брест., *ПА*).

9. Сороковой день: колода величиной с гроб кладется на могилу (минск. *Булг.* 187).

Идекс терминологии гроба

гроб общелит.

деревище, дерево укр. карп., бойк., буков., покут., полес.

домик, домовина, домовка смл.

домовище, домовищечко арх., череп., ярсл., тверск.

думаё, дамавина, дамина, дамоука, блр., витеб., полес.

колода влад., тобол.

ларь, ларек нвг.

поддубена смл.

труна зап.-русс., блр., полес., укр., русск. тверск.

трунка, трумна, трунва, трумна горбовата зап.-укр.

хоромина херс.

чурак влад.

Погост и могила как реалии погребального обряда

1. Семантика погоста и могилы

А. Могила и погост — выделенное, ограниченное, ритуально узаконенное пространство смерти. Существующая до позднейшего времени оппозиция месту захоронения чистых и нечистых покойников (при том, что само понятие *правдивой смерти* существенно изменилось), где погосту противостоят: поля, перекрестки, болота, стоячие воды, границы полей, ворота двора, двор, гумно, подызбица, подпорожье — построена на различении двух видов смерти: смерти физической и смерти обрядово-пережитой. *Заложные* тесно связаны с местом своей фактической смерти¹⁷. Эта связь их с *выморочными местами* находится в прямой зависимости от того, что *нечистые* лишены обряда, который осмысливается

в данном случае как своего рода "деж", распределение пространства между жизнью и смертью. В ходе погребального обряда стирается значение реального пространства кончины и смерти отводится *священный*, обрядово закрепленный участок земли. Вместе с телом там погребается и замыкается сама смерть. Там же, где реальное место кончины не снимается условным, присутствие смерти или воплощающий ее нечисти консервируется. Местные варианты обряда по-разному распределяют роды кончины по оппозиции *законное/незаконное место погребения*. Общая картина погребения некрещенных детей, самоубийц, домашнего скота; места уничтожения вещей покойного ("похороны вещей") позволяют выделить древнейшие семантические признаки, на которых построена оппозиция пригодных и непригодных для обрядового захоронения мест: *сухой/влажный*; *дом/лес*; *земля/преисподняя*¹⁸. Оппозицию кладбища другим местам захоронения иллюстрирует факт погребения Тугоркана, *не своего, нечистого*, занесенный в "Повесть временных лет" по 1096 г.: "И привезше ѿ къ Киеву погребоща ѿ на Берестовем межу путемъ идущимъ на Берестово и другимъ на монастырь идущимъ" (*ПВЛ*, 151).

Но существовало и особое пространство, которое переходило с одного полюса оппозиции на другой. Речь идет об *убогих домах*, существовавших в России до 1771 г.¹⁹. "*Нечистые*" до определенного момента (Великого Четверга), после совершения общего запоздалого ритуала эти места оказывались "*законными*". Однако с самого начала *буйвище* — место *своих* мертвецов (своей веры, своего города). Этот акцент на "своем" очевиден в рассказе Софийского Временника за 1474 г.: иногородний, участвовавший в городском пасхальном погребении москвичей, "паде на земли, внезапно оглохне и онемел"²⁰. Можно подумать, что особое осмысление очищения временем исчезло с историческим исчезновением института скудельниц. Но из этнографических описаний видно, что функция срединного, не постоянно *нечистого* места захоронения сохранена: она перешла к оградкам погоста, рвам, кладбищенской изгороди. Вообще же представление о времени, стирающем противопоставление *чистой* и *нечистой* смерти, усиливается: нельзя хоронить самоубийц — но по прошествии некоторого времени можно; некрещенные дети получают крещение на перекрестках²¹. Из пространственного это противопоставление переходит во временное: интервал между смертью и ее ритуальным закреплением увеличен для *нечистых*. Терминология *убогих домов* во многих случаях смешалась с обозначениями обычных кладбищ (см. индекс).

Места захоронения, противопоставленные кладбищу, и разряды погребаемых там покойников:

а) самоубийцы — на огороде, в саду (курск. *Етн. зб.* 420); некрещенные дети — в огороде, в саду, на гумне (орл., черниг. *Етн. зб.* 346);

¹⁸ Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Указ. соч.

¹⁹ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916, с. 201.

²⁰ Цит. по: Снегирев И. Русские простонародные праздники и обряды. Издание И. Снегирева. Вып. III, М., 1839, с. 207.

²¹ Богданов Вл. Указ. соч., с. 175.

¹⁷ Богданов Вл. Рев.: "Очерки русской мифологии" Д.К. Зеленина. — ЭО 1918, кн. 3—4.

б) некрещенные дети — в подзыбице (черниг. *Етн. зб.* 396); *потороча*, *потерча* — под деревом (укр. *Чуб.* 713) (ср. домашний скот — в подворотнях, дворах, на межах, *Богд.*); выкидыши — в болоте и подзыбице (обонеж. *Кул.* 54);

в) удавившиеся — на горе, под елями, лицом вниз; остальные самоубийцы — за 5 верст от церкви (обонеж. *Кул.* 54);

г) повесившиеся — у дорог; остальные самоубийцы — на краю кладбища (во рву, у забора) (полес. гом., *ПА*);

д) самоубийцы — на перекрестках, утопленники — в кладбищенском рву (укр. холм., подлес. *Етн. зб.* 387);

е) некрещенных детей хоронят на кладбище, но ночью и посыпая при этом землю маком (укр. кос. *Етн. зб.* 378);

ж) самоубийц хоронят на кладбище, но на место их смерти кладут камень (закарп. *Бог.* 1971, 261);

з) на перекрестках и полях, где произошло самоубийство, ставят *фигуры*: красные и черные кресты (ю., Сум. 361); всех без исключения хоронят на кладбище (арх. *Еф.* 135).

Б. Вторая семантическая функция погоста и могилы — посмертное домостроительство, создание временного или постоянного приюта для души. Присутствие умерших на кладбище, его постоянство или эпизодичность трактуется по-разному в локальных вариантах обряда, однако в равной мере непоследовательно. Определенно лишь различие между *чистыми* и *нечистыми* в этом отношении. Поскольку *своя* смерть полнее разрывает связь души и тела, исчерпав телесную потенцию умершего, *чистые* покойники менее явлены для живых. О посмертных же хождениях *нечистых* можно узнать по их телесным останкам (ср. обычай вторичного захоронения у южных славян, возможно, византийского происхождения²², общеславянский способ избавляться от *упырей*, *двудомников* путем разрушения их тела: отрубания головы и т.п.). В остальном вопрос о связи души с могилой по данным обряда однозначно решить невозможно: если *кормление могил*, сооружение *гольцев* говорят о продолжении существования в могиле или рядом с ней — то вывешивание на деревьях веревков, запрет на плач по детям (глубже уйдут в землю, не вознесутся) представляют иную традицию.

Однако более или менее явленное присутствие душ умерших (и самой смерти) сообщает погосту постоянное, не зависящее от обрядового времени магическое свойство: здесь возможен контакт с умершими и "потусторонним миром". На могиле, *урочном месте*, совершаются гадания; земля с могилы (особенно тески) обладает даром врачевания; ветки с могильных деревьев используют в любовной магии, землю и песок — в черной; могильная земля помогает в воровстве. Наконец, на могиле происходит сказочное "дарение" (см., например, сюжет № 530 по Указателю Аарне—Андреева).

С представлением о постоянном магическом поле кладбища связана и другая традиция в обращении с ним: тенденция изолировать пространство смерти, избежать контакта с ним, благотворного в особых ситуа-

циях и опасного в повседневной внеобрядовой жизни. Этой традиции отвечает обычай возвращаться с кладбища задом (влад. *Зав.* 96), устилание дороги на погост ельником (сев.), посыпание маком (укр., блр.). Во внеобрядовое время на кладбище лежит печать неприкосновенности: проходя мимо него, следует совершать особые обереги (полес.); ни один предмет, ни одно дерево не может быть повреждено на кладбище. Во время же похорон и поминок ситуация обратная: украсть могильный заступ с похорон — хороший знак (укр. *Етн. зб.* 386); дети и нищие собирают еду и яйца с могил в Фомино воскресенье (влад. *Зав.* 100). На похоронах могильная земля способствует избавлению от тоски по умершему, то есть полному разрыву с областью смерти.

II. Погост и могила в контексте обряда.

А. Частные похороны

Погост — один из пограничных моментов в ходе обряда. После погребения характер обряда меняется, уходит на задний план тенденция помочь покойному достичь области смерти, налагается запрет на плачи.

1. Изготовление могилы: а) копают тотчас после смерти (обычно); б) копают непременно рано утром (укр. горл. *Етн. зб.* 207).

2. Исполнители: а) непременно чужие, своим — грех (обыкновенно); б) бедники (укр. колом. *Етн. зб.* 300), трое самых бедных (укр. старосим. *Етн. зб.* 215); в) соседи: все соседи по очереди или ближайший сосед (курск.) г) профессиональный могильщик: *грабар*, *грамадський грабар*, *паламарь* — *грабарь е таки самий паламарь* (*Етн. зб.* 264), *копатель* (ворон.), *копач* (курск.).

3. Условия работы: а) голодными не копают (полес., *ПА*); б) *копача* перевязывают платком и дают перед работой чарку (курск. *Етн. зб.* 412).

4. Плата за место (предметы, кидаемые на дно могилы перед опущением гроба — для *дидько*, для *стражи*, для *переправы*): а) кидают в могилу *слезные платки* (волог. *Бурц.* 179; перм. *Зел.* 1001); б) платки, шарфы, пояса (могил. *Шейн* 564); в) медные деньги (обыкновенно); г) 3—4 копейки в том случае, когда *тревожат могилу* (смл. *Добр.* 307); д) замок: "чтоб не умирали" (блр. *Кар.* 186).

5. Закапывание: а) все присутствующие кидают по горсти земли (обыкновенно); б) все кидают рукой, поп — заступом (черниг. *Етн. зб.* 396).

6. Земля с собой: а) берут с собой землю, кладут ее в рукомойник и этой водой умываются (сев. *Бурц.* 177); б) старшие в семье кладут землю за пазуху (минск. *Булг.* 186); старушка (или плачя) кладет землю себе за пазуху, родственники — в карман (арх. *Еф.* 137); женщины тайком кладут за пазуху, девушки трогают землю (влад. *Зав.* 98).

7. *Кормление могилы*: а) покрывают могилу *столешиником* и едят на ней хлеб (влад. *Зав.* 96) или кутью и пироги (тул. *ЭСБ* II, 91); б) *птичье поминовение*: на могиле кормят птиц пшеницей (костр. *См.* 14); в) пшеницей кормят птиц на могиле самоубийцы: если клюют, значит, умерший достоин поминовения (сев. *Бурц.* 183); г) могилу *кормят* в течение 40 дней: носят кутью, хлеб, льют вино и масло (костр. *См.* 22; нвг. *Зел.* 869); д) в сороковой день приносят пироги, блины, льют на землю водку (ворон. *ЭСБ* I, 225).

²² Голубинский Е.Е. История русской Церкви (Период первый, Киевский или домонгольский), т. 1, ч. 2, М., 1904, с. 454.

Б. Календарные поминки.

8. Пир на могиле: а) на земле едят *канун*, яйца, пироги, блины, пьют водку; священник ест на столе (укр. *В.Щ.* 319); б) едят руками мясо, чавкают, "як свині біля корита" (курск. *Етн. зб.* 420); в) крашеное яйцо (или скорлупа) зарывается в могилу, или отдается детям и нищим, или катается по могиле и затем отдается нищим (блр. *ЭСБ* II, 210).

9. Инсценирование бани на могиле: а) обливаются водой в Великий Четверг (укр. *Кал.* III, 264); б) обливаются киселем в *Навий день* (обонеж. Кул. 59); в) *пярят стариков*: в Троицу хлещут могилу березовыми прутьями (блр. *Шейн*: 627); *пярят родителей* (нвг. *Зел.* 869); *опахивают могилу*: родичи сломят по пруту, старший связывает веник и обметает могилу. Если этого не исполнить — ломит кости (витеб. *Зел.* 137); старшая в семье женщина специальным веником опашивает могилу (блр. *ЭСБ* II, 210). Вероятно, во всех действиях, имитирующих баню на могиле, наблюдается пространственное перемещение другого обрядового действия, связанного с культом мертвых — *рожаничной трапезы* и предшествующей ей бане живых и мертвых²³.

10. Обращение к мертвым: а) обычные в поминальные дни женские плачи — обращения к умершим; б) "члены семьи громко высказывают на могилах жалобы на обиды и притеснения. Мстить за такое положение считается тяжким и непростительным грехом" (гродн. *Дм.* 89). Глубокая архаичность этого обрядового акта сопоставима с *молениями навьям* в бане. Ср. также: "В Троицкую субботу сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричанием"²⁴.

11. Огни на могилах: а) на могилах жгут костры (укр. *В.Щ.* 319); б) на могилах огня не жгут, но при похоронах скота разводят костер и прыгают через него (влад. *Зав.*). Ср. с этим летописные и археологические данные о *краде*, огненном кольце в кургане²⁵. Реликты архаических обрядовых актов с огнем можно увидеть в таких установлениях позднейшего обряда, как приготовление пищи на кладбище (*В.Щ.* 319), разведение на дворе огня из щепок от гроба, на котором возлагавшие в гроб греют руки (*Бурц.* 196), распространенный на карпатской Украине и в Полесье обычай жечь свет в доме три дня после похорон и др.

12. Борьба, драка на могиле: мальчишки дерутся яйцами (смл. *Добр.* 307). Ср. исповедальный вопрос XV в.: "Дравься по мертвом 15 дни поста"²⁶.

13. Жертва на могиле: а) устраивают пир для нищих или приглашают нищих и прохожих на общий пир (широко распространено); б) нищим и детям раздают на кладбище яйца в *Редомное воскресение* (влад. *Зав.* 100).

Божья-нивка ярсл.

борок сев.

буевка, буява пудож.

гостбище, гостбище заонеж.

гриб укр.

дол гродн.

+ дом: *домой* (на кладбище) орл.

жаль, жальник арх. (ср. *жаль, жальник* нвг. 'кладбище для самоубийц и мертворожденных').

зимовище уст.

керста сев.

кладбище, кладвище, кладовище тмб.

могильник могил.

повоз вятск.

погост ярсл.

погостье орл.

погостья курск.

погреб арх.

покут, покута пск., нвг.

покута смл. (также 'траур', 'панихида', 'красный угол', 'покаяние')

родительское место олон.

рощение костр.

теметів укр. горл.

урочное место костр.

шукавка заонеж., печ.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Географические пометы:

арх.	— архангельский	олон.	— олонечский
блр.	— белорусский	орл.	— орловский
бойк.	— бойковский	пенз.	— пензенский
брест.	— брестский	подл.	— подлесье
буков.	— буковинский	полес.	— полесский
витеб.	— витебский	пск.	— псковский
влад.	— владимирский	ряз.	— рязанский
волог.	— вологодский	сев.	— севернорусский
ворон.	— воронежский	смл.	— смоленский
вятск.	— вятский	старосим.	— старосимбирский
гом.	— гомельский	тамб.	— тамбовский
гродн.	— гродненский	твер.	— тверской
заон.	— заонежский	тереб.	— теребовельский
зап.-русс.	— западно-русский	тобол.	— тобольский
калуж.	— калужский	тул.	— тульский
кол.	— коломийский	укр.	— украинский
кос.	— косовский	херс.	— херсонский
костр.	— костромской	холм.	— хомщина
курс.	— курский	череп.	— череповецкий
минск.	— минский	черн.	— черновецкий
могил.	— могилеский	черниг.	— черниговский
мцен.	— мценский	ю.	— южнорусский
надв.	— надвирнянский	явор.	— яворский
нвг.	— новгородский	ярсл.	— ярославский
обон.	— обонежский	ясел.	— ясельский

²³ *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. Спб., 1914.

²⁴ Стоглав, вопрос 23. — В кн.: *Алферов А., Грузинский А.* Допетровская литература и народная поэзия. Изд. 4. М., 1909.

²⁵ *Рыбаков Б.А.* Нестор о славянских обычаях. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.

²⁶ *Гальковский Н.М.* Указ. соч., с. 192.

- Барс. — Барсов Е.В. Причитания Северного края, ч. I, II. М., 1872–1882.
 Бог. — Богатырев П.Г. Веражения великоруссов Шенкурского уезда. — ЭО — 1818, вып. 3–4.
 Бог. 1971 — Богатырев П.Г. Вопросы теории народного творчества. М., 1971.
 Богд. — Богданов В.В. Древние и современные обряды погребения животных в России. — ЭО 1918, вып. 3–4.
 Булг. — Булаковский Д.Г. Пинчуки. Этнографический сборник. — Зап. ИРГО, XIII. 1890, вып. 3.
 Бурц. — Бурцев А.Е. Обзор народного быта Северного края, т. II, III. СПб., 1902.
 В.Ш. — В.Ш. Пища и питье крестьян-малороссов с некоторыми относящимися сюда обычаями, поверьями и приметами. — ЭО 1888, вып. 1–2.
 Даль — Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I–IV. М., 1955.
 Добр. — Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник, ч. II. — Зап. ИРГО, т. XX.
 Еф. — Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, ч. 1. — Труды МОЛЕАЭ при МУ. Кн. 5. М., 1877.
 Етн. зб. — Українські похоронні звичаї й обряди в етнографічній літературі. — Етнографічний збірник, т. XXXI–XXXII. Львів, 1912.
 Зав. — Завойко Г.К. Веражения, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губернии. — ЭО 1914, вып. 3–4.
 Зел. — Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Импер. ГО, вып. 1, Пг., 1914; вып. 2, Пг. 1915; вып. 3, Пг., 1916.
 Кар. — Карский Е.Ф. Белоруссы. Очерки словесности белорусского племени, т. 3. М., 1903–1922.
 Крач. — Крачковский Ю. Ф. Быт западно-русского селянина. — Чтения в ОИДР, 1873, т. IV.
 Кул. — Куликовский Г.К. Похоронные обряды Обонежского края. — ЭО 1890, вып. 1.
 Ник. — Никифоровский Н.Я. Очерки простонародного жития — бытия в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.
 ПА — Полесский архив (материалы, собранные этнолингвистическими экспедициями в 1973–1981 гг.). Ин-т славяновед. и балкан. АН СССР.
 ПВЛ — Повесть временных лет. Подг. текста Д.С. Лихачева под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1970.
 Сад. — Садовников Б. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М., 1970.
 Свенц. — Свенціцький Іл. Похоронні голосіння. — Етнографічний збірник, т. XXXI–XXXII. Львів, 1912.
 Сем. — Семенов Д.П. Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанской губернии. ЭО 1898, вып. 2.
 См. — Смирнов Вас. Народные похороны и причитания в Костромском крае. — II Этнографический сборник Костромского Научного об-ва по изучению местного края. Вып. XV. Кострома. 1920.
 Срезн. — Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I–III. СПб., 1893–1903.
 Фасм. — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I–IV. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1967–1971.
 Чуб. — Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, снаряженной ИРГО. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским, т. 4. СПб., 1887.
 Шейн — Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. I, ч. 2. СПб., 1890.
 ЭСб — Быт белорусских крестьян. — Этнографический сборник, вып. I, СПб., 1853; вып. II, СПб., 1854.

СИНОНИМИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОРГАНИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

Среди разнообразных способов организации фольклорного текста, в конечном счете сводящихся к его упорядочению на всех уровнях, от звукового, где вершиной может считаться анаграмма, до синтаксического с характерным для фольклора использованием *figura etymologica*, следует специально остановиться на использовании синонимических средств как еще одной особенности поэтики фольклорного текста, в частности погребального плача, примеры из которого будут здесь использованы. Однако сама эта черта, разумеется, не является специфической только для причети, а в равной мере характеризует и иные фольклорные жанры.

При этом синонимика, используя эквивалентные средства языка, служит упорядочению фольклорного текста наряду и, главное, вместе с другими приемами усиления его архитектоники¹.

О функциональной значимости этого приема в поэтической речи, помимо высокой частоты его использования, можно судить по синтаксическим данным: синонимы не беспорядочно разбросаны в тексте, а используются как усиливающие друг друга однородные члены, входящие в состав одной синтагмы. Другой формой усиления и упорядочения общего смысла за счет синонимических языковых средств являются параллельные конструкции, которые, в свою очередь, усиливают эквивалентность смысла находящихся в парадигматических отношениях частей этих конструкций².

Синонимы отмечены во всех частях речи. См. репрезентативный фрагмент из сборника Е. Барсова:

Ты на кого да нас покинула,
 На кого пооставила?
 Ты оставила — спокинула
 На желанного на батюшка.

¹ В обзорных работах по народной славянской поэзии, в которых обстоятельно говорится о разном роде повторов (звуковой, фрагменты слов, отдельные слова, фрагменты предложения, пространственные отрывки текста) как свойстве архаической поэтики, использование синонимов как повторов, усиливающих смысл, считается как бы само собой разумеющимся естественнейшим свойством фольклорной поэтики и часто рассматривается мимоходом и вскользь (Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Cz. II. Kultura duchowa, zesz. 2, rodz. 18. Literatura ustna. Kraków, 1939). Исключение составляет замечательная работа Ф. Миклошича "Изобразительные средства славянского эпоса" (М., 1895). Специально вопросы парного сочетания лексем, в том числе и синонимичных, рассмотрены в работах: Borowska N. Redoublement des mots dans la poésie populaire russe (à propos du recueil des chansons de geste onégienues). — Lingua posnaniensis, III. Poznań, 1951, s. 269–292; Aleksynas K. Lietuvių liaudies dainų kalbinės stilistinės ypatybės. — Literatūra ir kalba, XI. Vilnius, 1971.

² См. к этому замечание Р.О. Якобсона о параллелизме как фундаментальной особенностью поэзии (Якобсон Р. Лингвистика и поэтика — В кн.: Структурализм: "за" и "против". М., 1975, с. 217 и далее со ссылкой на Гопкинса): "Можно утверждать (имея в виду скорее тенденцию, нежели результат), что чем отчетливее выражен параллелизм в формальной структуре или в выразительных средствах, тем отчетливее будет проявляться параллелизм в словах и смысле" (там же, с. 218).

Уж как наш желанный батюшко ...
 Уж он ходит по беседам,
 Да по тихим вечеринкам;
 Приберет себе молодую жену ...
 Богодана буде матушка
 Не желанна, не ласкова,
 Не ласкова, не упадчива (= не заботлива) (Б., 71)

Следующий далее конкретный материал позволит выявить особенности функционирования синонимических средств в поэтическом/фольклорном тексте, а также показать, какие именно лексические единицы могут вступать здесь в отношение синонимии, и как их трансформированная в поэтическом тексте семантика соотносится с их значением в изолированном употреблении.

Материал будет по-возможности сгруппирован по семантическим полям, т.е. по смысловому принципу, и представлять перечисление пар абсолютных синонимов или более сложных структур, а также пар или рядов квазисинонимов, при этом особое внимание будет уделено нейтрализации видо-родовых и видо-видовых различий³ как основном свойстве функционирования синонимов в поэтическом тексте, ведущем к его упорядочению и усилению общего смысла.

Исходя из жанровых особенностей причети целесообразно начать рассмотрение конкретного материала с номинации смерти, ее атрибутов, характерных действий и т.п.

Смерть – душегубица: Я не брезгую ведь смерть да душегубица... Я не бедным не брезгую убогим (Б., 4) – весь контекст построен на сквозном использовании синонимии и повторении предиката. Отмечены и иные парные синонимические номинации смерти: *злодейка – душегубица*: Я бы видела злодейку душегубицу, Со оружия, лиходейку, застрелила бы, С пистолета я, злодейку, запалила бы (Б., 61); Как от этой злодейки-душегубицы И богатые купцы не откупаются (Б., 95) и *злодейка – лиходеица*: Она крадчи шла, злодейка, лиходеица (там же). Вторую пару наименований составляют сложные слова с эквивалентными вторыми корнями (*дейка, -деица*) и синонимичными первыми (*зло-, лихо-*). См. в другом месте: Уж вы злом его не спомните-тко лихостью (Б., 9, также Б., 67).

Характерные действия смерти также передаются синонимическими средствами: Она взяла у нас, прибрала Человека што ни лучшего (Б., 46). Избегая прямого глагола умереть, плач предлагает его синонимические парные замены, с усиливающими общий смысл элементами: Знать, убралось – успокоилось Теплового мое солнышко (о матери), Во погреба да во глубоких... (Б., 72).

На уходящей к архаичным представлениям аналогии смерти и сна построены многие фрагменты причети изучаемого ареала: Не могу я тебя докликаться, Не могу я тебя добудитися (Костр. пр., 61); Да ты стань – встань сердечно мило дитятко: От крепка сна дитё ты пробудися (Б., 173, также Б., 101, 178); Ай же, стань-ко ты

вдова да пробудися, От крепка сна безчастна прохвати ся (Б., 26); Мне припасть было победнушке, Тут ко матушке сырой земле, Побудить да все покликати мне родительско желаныцо (= мать) (Б., 70); Kas man gal prikelti, Ję jauną pribudīt... Nieks ję gal prikelti, Ję jauną pribudīt (К., 256) 'Кто может меня разбудить, молодую побудить... Никто не может разбудить, молодую побудить'; O galgi prabus iš to ramus miegelio, Iš dimnojo sapnelio (LT, 529) 'А может быть, пробудишься из этого спокойного соннышка, из дивной дремушки'; Kelies, mano suneli... Iš dimnojo sapnelio, Iš saldžio miegelio (LT, 538) 'Встань, мой сыночек, Из дивного соннышка, из сладкой дремушки'.

Семантическое поле "счастье/несчастье", манифестирующее одно из самых актуальных и распространенных противопоставлений, лексически наиболее проработано во второй – негативной – части за счет большого числа синонимов. Так, нескольким парам синонимичных существительных и производных от них прилагательных, употребленных в русской причети в общей сложности не многим более десяти раз (*счастье – талант, счастье – благополучие, участь – талант, отчасти радость – веселие, счастливый – талантливый*: Потеряла нонь талант да всю я участь – Б., 100, также Б., 194; Чорны вороны талант, знать, приограляи, Видно, участь ту собаки приобляяли – Б., 71; Талан – счастье от нас да удаляется, К нам великое безсчастье забирается – Б., 168; Была счастлива ведь я да все таланная – Б., 7, также Б., 118; Уж боле весельица у нас да не будет, Уж и радости не станет – Обр. поэзия Пин., 142) противопоставлено многократно большее употребление негативных элементов того же семантического круга: *безталанныцо – несчастьице*: По великому злодийному несчастьицу, По девоцему моему безталанныцу, Нонь при доме я печальна не случилася (Б., 165 – общий смысл усиливается не только использованием указанных синонимов в параллельных конструкциях, но и иными лексемами, относящимися к тому же семантическому полю: *злodianое, печальна*). Зло – безсчастье предстает как персонифицированный элемент, сродни судьбе (Судьбе?), року:

В нестатейном знать дворишке, где родилася,
 Зло – безсчастье тут велико устоялося,
 Впереди оно злодийно дождалосся,
 Скрозь неражи пеленченки розно-мокрыя
 Зло безсчастье тут ко мне да прибиралосся,
 Кругом наокол ремней да обвивалосся,
 Во дырявой люльчонке знать со мной оно качалосся (Б., 63).

Аналогично персонифицируются и иные элементы: Скрозь околени видневает кручинушка, Скрозь другое выглядит злобидушка (Б. 167). См. также зло – несчастьице (Б., 138, 190) и находящееся на периферии семантического поля зло – лихость: Вы не помните-тко зла да ейной лихошти (Б., 67), демонстрирующие каузативные по сравнению с указанными выше отношения ('быть причиной несчастья других'). Из других пар синонимичных существительных этого круга следует отметить: горе – беда, горе – печаль, ср. лит. bėdelė – smutkelė: tai n'išeinam iš dzidelių bėdelių, iš dzidžių smutkelių (R., 13) 'не выйдем мы из

³Об эти понятиях см.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 235.

больших бедушек, из больших печалей'; *горе-тоска, невзгода-кручина*, манифестирующие семантический признак 'определенное — грустное, скорбное — психологическое состояние'.

Вовлечение в этот круг лексемы *обида* — в составе таких синонимических пар, как *горе-обида*: *Вкруте с дитятком безсчастны вы разсталися Во горах да вы безсчастны во обидушке* (Б., 193), *кручина-обида*:

Кручинушки моей не убоилися,
Обидушки моей не устрашилися,
Кручина от меня да не отшатнется,
Обидушка к вам да не привяжется (Б., 110), а также:
Ай же море, море синее,
Ты розлей мою кручинушку!
Ой леса, леса дремучие,
Вы здавите злу обидушку (Б., 64)

заставляет вспомнить старую этимологию этого слова, основанную на его родстве со словом *беда* (свод этих этимологий см.: Преображенский, I, 627 и отчасти Фасмер, II, 100).

Изредка ряд синонимов в пределах одной синтагмы увеличивается до трех элементов:

Снесомжехонько мне, горящечке,
Ходить по сырой земле
С такого горя великого,
С печали со кручины (Костр. пр., 71).

(Хорошо) *Да быть без горя, без кручины, Без печали великия* (Костр. пр., 83).

С другой стороны, обширные фрагменты текста могут строиться на сквозном использовании нескольких рядов синонимов, т.е. текст порождается как нанизывание синтагм с близким или эквивалентным смыслом:

Со кручины буйна голова мотається,
Со досады руса коса расплетается,
От-тошна мои перстни да распаялися,
Со обиды жемчуги да роскатилися,
Со досады цветно платье росшивается,
Со кручинушки смеретушка не придет,
Со тоскичушки душа с грудей не выйдет (Б., 64).

Имена прилагательные также вовлечены в условия синонимического дублирования: *Распняюсь на судьбу свою безсчастную, Разругаюсь я на жизнь да безталанную* (Б., 181) — пример не только парной синонимии: *безсчастная-безталанная, разругаться-разпняться, судьба и жизнь* как ее реализация, но и более сложных синонимических структур: *судьба безсчастная-жизнь безталанная* (см. в другом месте: *думушки несчастные-мысли не таланные* — Б., 107), и, наконец, абсолютного семантического подобия параллельных конструкций, усиливающего общий смысл. Аналогично заключены в семантически и синтаксически эквивалентные конструкции и иные пары прилагательных: *Оставляешь ты нас бедных, Покидаешь нас безсчастных* (Б., 45); *Во безсчастный день во пятницу засияны, В безталанный день во сereду вспорожены* (Б., 10); *Pažniūrėk, broleli, Ant šito parėtkėlio, Ant šitos nedalėlės, — Kokis tai nelaimingas, Kokis tai nečėslyvas* (LT, 541) *Посмотри, братец, на этот порядочек, На это*

несчастье, — Какое оно бесталанное (букв. несчастливое), Какое оно несчастливое (славянское заимствование)?

Формульный характер приобретает выражение с синонимическими эпитетами *бедная кручинная головушка* (Б., 102, 150, 177, 181 и т.д.). См. также другие пары синонимичных прилагательных, относящихся к этому же семантическому полю, использованные в пределах одной синтагмы или в параллельных конструкциях: *несчастный-неталанный, безсчастный-неталанный, безсчастный-бедный, горький-несчастный, многокручинный-многопечальный: Уж пойдем мы многокручинны да многопечальны, Уж одни да одинехоньки* (Обряд. поэзия Пин., 155).

В меньшей степени, чем система имени, представлен в данном семантическом поле глагол, в основном производный от соответствующих существительных: *По тебе растоскуюся, По тебе разгоруясь, Ужо я расплачуся* (Костр. пр., 80); *Да что стоит благодатный дом, Да стоит не по-старому, Да еще не по-прежнему, Да стоит под печалился, Да еще пригорюнился* (там же, 84). См. также *растоскуется-разгорюется*⁴ (Б., 154), *стоснется-сгорюнится* (Б., 36), *стоснется-сгорюется* (Б., 197), *тосковать-(слезно) плакати* (Б., 145) и некоторые др.

Совокупный русско-литовский/resp. балто-славянский контекст семантического поля "счастье/несчастье" в некоторой степени проясняет древние семантические связи составляющих его лексем и этимологическую мотивировку их внутренней формы, в основе которой лежит идея "отделения, наделения, отмеривания"⁵, в значительной степени остающаяся актуальной и очевидной и в изучаемых текстах: *Не одни родители хотя нас отродили, Одним участью, таланом наделили* (Б., 10); *Дал бы Господи талану вам бы участи, Не покинули б сиротной вашей матушки* (Б., 33). См. также обращение к душам умерших предков-покровителей живых: *Благословите меня сироту, Счастьем-таланом наделите* (Б., 75).

Обнажена внутренняя форма лексем *участь* (контексты см. выше) и *часть* 'доля, судьба': *Зародила меня матушка на горе, Наделила меня частью горькою* (Б., 113 со ссылкой на Шейна), ср. к этому лит. *dalia* 'счастье, удача': *O bernelis gailiai verkia...*, *daliai keikia: dalia mano nedalėle* (LKŽ, II, 242) 'А парнишечка горько плачет.. судьбу молит: счастье мое несчастье'. К этому же см. употребление литовско-русским билингвом: *мое такое плохое счастье* и оксюморонное с точки зрения современного языкового сознания: *горе-злосчастие* и далее: *Вот сходились мы, два горя, Два горя злосчастных* (Обр. поэзия Пин., 123), а также тавтологичное в семантическом отношении лит. *nedalia nelaiminga* 'несчастливое несчастье': *Ant viso viekelio Raibom gegužėlėm O tai mus užstatė*

⁴ Частый в фольклоре прием народно-этимологического осмысления слова или же обыгрывание его происхождения в частном случае представлен в контексте: *Без огня ж мое сердечко разгоряется* (Б., 64) 'начинает болеть, "гореть" от горя', обнажая связь концептов 'горе' и 'гореть'.

⁵ О чем специально см.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1966, с. 65–73, особенно с. 69.

⁶ В этой связи двусмысленно интерпретируется непоследовательность в текстово-сопоставленных написаниях типа: *безсчастье и безсчастье, безсчастный и безсчастный* и т.д. (от *часть* или от *счастье*?).

Šita nedalėlė, Šita nelaiminga (LT, 541) 'На весть век в пестрых кукушечек нас превратила эта недоля, эта несчастная'.

Как абсолютные синонимы употребляются в плачах глаголы говорения (*verbum dicendi*), то есть то лексико-тематическое поле (дополненное несколькими существительными), в котором синонимика представлена вообще очень широко. *Mano motinėle...! Susirinko didelės pulkelis, nė vieno nešnekini, nė vieno nekalbini* (J., 287) 'Матушка моя...! Собралась огромная толпа, ни с одним ты не заговариваешь, ни с одним не вступаешь в беседу' (перевод несколько условен, т.к. лит. глаголы *kalbinti* и *snekinti* являются абсолютными синонимами⁷); *Kad aš neprakalbiniu, kad aš neprrašnekinu, o kodėl tu nepratarinė žodelio...* (J., 283) 'Я не говорю, я не завожу беседу, а почему ты не проговоришь ни словечка'; *O aš savo tėvelio neprakalbiniu, neprrašnekinu* (J., 293) 'Я со своим отцом не заговариваю, не вступаю в беседу'..

С использованием слов этого семантического круга строятся пространственные фрагменты текста: *Savo burnele tu kalbinai mane mažiukėlę, kur turėjau visą pakalbėlę, visa pašnekėlę; kas mane pakalbina, kas mane pašnekins? Kiba šiaurūs vėjeliai, kiba skaudūs lieteliai bus visa pakalbėlė, visa pašnekėlė* (J., 291) 'Своими устами ты говорила со мной невеличкой, где же теперь весь разговор, вся беседа, кто со мной заговорит, кто со мной вступит в беседу? Северные ветры (уменьшит. ф.) и проливные дожди — вот и вся беседа, вот и весь разговор'.

В русском плаче используются лексические дублиеты *баять, говорить*: *Не пробаешь — не проговоришь* *Одного слова единого* (Б., 53) и рядом они же со значением каузации: *Не могу, дочи обидная, Порозбаять, порозговорить своего кормильца батюшка* (Б., 52). Одна из позиций в этой же синтаксической конструкции может быть занята еще одним синонимом: *Не могу, бедна горюшица, Порасклякать, поразговорить я родитель свою матушку* (Б., 72). Самое название говорения, беседы, разговора, выраженное синонимичными лексемами, часто бывает заключено в параллельные конструкции:

Со мной *на речи*, победнушка, не ставишься,

На *сговор* со мной, печальна, не сдаваешься (Б., 9).

В результате семантического сближения возникают аппозитивные формы: *речь—поговорочка, речь—погласица*: *Не промолвишь ты словечушко — И негде мне не услышати... Во твою-то речь—погласицу* (Костр. пр., 55).

Тенденция к уподоблению смысла в фольклорном тексте в глаголах говорения столь сильна, что в парах лексем, в изолированном словарном употреблении являющихся квазисинонимами, происходит нейтрализация видо-родовых и видо-видовых признаков, и они начинают употребляться как абсолютные синонимы, каждая пара (или более длинные цепи) несет какой-либо дополнительный внутри семантического поля признак: 'объяснять': *Сидит светушко братец читает, Христиана-то сидят да книгу слушают, Хорошо он пословечно им высказывают, Он про Божии законы выговариват* (Б., 160); 'делать замечание': *Окрикнуть—оговорить* (Б., 163); 'успокаивать': *унимать стали*

⁷ Lyberis A. Sinonimų žodynas. Vilnius, 1980, p. 166.

победну уговаривать (Б., 33); 'получить разрешение': *Приходил ли к тебе батюшко, Спросился ли он, доложил ли Меня верстать* (= 'отдавать замуж') *во чужи люди...* (Б., 75); 'узнать': *Доспрошуся я у соседок, удоведаюсь: Вы скажите, спорядовы мне соседушки, Отчего бы в саду деревца посохнули* (Б., 189); 'разбудить словами': *Мне припасть было победнушке, Тут ко матушке сырой земле, Побудить да все покликати Мне родительско желаньице* (Б., 70). При этом в таких синонимичных глагольных парах нейтрализация значений происходит таким образом, что возникают особого рода лексические единства, сродни приложениям в сфере существительного: *знать—ведать, окрикнуть—оговорить, осмеять—огрять, унимать—уговаривать* и т.п.

В области глаголов движения также высока не только текстовая, но и общезыко́вая синонимия⁸. Сближение смыслов позволяет использовать синонимичные глаголы в пределах одной синтагмы как усиливающие друг друга однородные предикаты: *О kada tu pas mus pareisi ir kada aplankysi* (J., 281) 'Когда же ты к нам прийдешь и когда наведишься?'; *Й-ой, милый муж, разлапушка, Ты куда идешь, отправляешься Со своей-то со душенькой* (Костр. пр., 56); *О kur mes tave rasime? О kur mes sutiksim?* (J., 295) 'Где мы тебя найдем, где мы тебя встретим?'; *Не много этой поры времечка, Все прошло у тебя—миновалося*⁹ (Б., 108, также 119, 127 и т.д.);

Уж мне приходится под старость да *х о д и т и*,

Уж мне приходится под старость да *б р о д и т и*,

Уж мне некак одной дома жити (Обряд. поэзия Пин., 156).

Ср. эту же глагольную пару в конструкции, включающей и иные синонимы:

После своего сердечного *нонь дитятка*

Мне в опорченках *п о б е д н о й н а х о д и т и с я*

Буде по миру *г о р ю ш е н а б р о д и т и с я* (Б., 105).

Сближены до абсолютной синонимичности и значения глаголов в следующих контекстах: *Уж ты мамонька наша родима, Уж ты находи-лась да по сырой земле, Натопталась да муравой травы* (Обряд. поэзия Пин., 141, также 152); *Без приятныя они матушки По белу свету они нашатаяются, По добрым людям наскитаяются* (Костр. пр., 92); *Куда мне кинуться, Куда мне броситься?* (там же, 71), *Некуда, родимая, Некуда с тоски кинуться, Ни с печали броситься* (там же, 57). Сближены значения и периферийных для данного семантического поля глаголов: *В темных лесах заблужуся, В лесах зашатаюсь* (Костр. пр., 71); *уходить—покидать (спокидать)—оставить (пооставить)* и т.п.

Однако распределение материала по семантическим полям, являясь наложением общезыко́вых отношений синонимии на сепаратно функционирующий текст, лишь отчасти демонстрирует этот текстовой фено-

⁸ Апресян Ю.Д. Указ. соч., с. 210.

⁹ Обычная черта фольклорного синтаксиса, когда последовательность предложений обозначает одновременно и подчинительную связь между ними (в данном случае — определительную).

мен, состоящий в сближении смыслов и являющийся сквозным приемом, распространяющимся как на все семантические сферы, так и на все части речи. При этом можно видеть некоторую связь между синтаксической позицией и степенью сближенности смыслов этих лексем.

В области имени существительного возможно использование потенциально любых пар (или более длинных цепей) близких по значению лексем, чаще всего в параллельных конструкциях, и иные члены которых могут быть уподоблены по смыслу: *Не у ма-то у меня, не раз у-м у, Не великая у меня памяти* (Костр. пр., 53); *Нет заступы хорошия, о бороны нет великия* (там же, 54); ... *nerasiu nei jokios u žvėjelės, nei jokio užstojelio* (LT, 542) 'Не найду никакого заветерья, никакой зашитишки', ср. рус.:

И не будет у меня, батюшко,
От часта дождя затулушки,
От буйного ветра загородушки,
От добрых людей оборонушки (Костр. пр., 91—

здесь синонимичны не только конечные лексемы синтагм, но контекстное значение других элементов: *частый дождик* — *буйный ветер* обобщено до 'неблагоприятные условия жизни сироты', в общий негативный смысл вовлечено и словосочетание *добрые люди*, значение которого меняется на противоположное. *O kad juos kaitino, O kad juos svilino Karštoji ugnelė, Baisiausia liepsnelė* 'О если бы его накалил, О если бы его опалил Жаркий огонь (уменьш. ф.), Ужасное пламя (уменьш. ф.)', ср. с.-х. *Па он даје огањ ватру живу* (Миклошич, 10). Как железны эти обручи ковали *На наши на безсчастные сердечушка, На нашу на победную утробушку* (Б., 10)¹⁰. *O kur aš nueisiu, kurion šalėlėn, kurian kraštelin?* (LT, 527) 'А куда я пойду, В какую сторонушку, В какой край?', ср. с.-х. *Од које си земље и крајине? Свијет и крајина* (Миклошич, 9). *Motinele, tamsūs tavo būdinkėlis, tamsūs tavo nameliai* (J., 285) 'Матушка, темна твоя избушка, темны твои домики...'

Далее, синонимичные лексемы используются как однородные члены: *Забросят меня горюху Они при старости и при древности* (Костр., пр., 53); *Не увижу тебя, родимая, Не в торгах, во ярмарках, Не в гуляющих праздниках* (там же, 57); *Я ко свету пришла братцу на прощанице, На последнее веково разставанице* (Б., 195).

Следующей ступени соответствуют аппозитивные словосочетания, многие из которых стали фольклорными формулами: *путь—дорога, пора—времечко*, лит. *laikas metas, laikelis valandelė, metelis* — *čėselis* (J., 331), *час—время, народ—люди (добрые), моря—океаны*, лит. *jūrės marios*, *ум—разум, жена—семья, родитель—батюшка, родитель—матушка*, с.-х. *моја мам у, моја родитеју* (Миклошич, 9), лит. *motinėle gimdytojėlė*, *большак—настоятель, род—племя*, ср. с.-х. *племя и колjeno, којега е рода и племена* (Миклошич, 10), лит. *aukselis sidabrėlis* (J., 351), ср. рус. *злато—серебро, письмо—грамотка, буря—надара*, лит. *štūrmis būrelis*, *дом* — (крестьянка) *жирушка, житье—бытье, честь—хвала*, а также рассмотренные

выше *тоска—кручина*, ср. с.-х. *туга и жалост* (Миклошич, 10), *доля—счастье* и под. Такая слиянность отчасти дестерминирована высокой частотностью употребления этих спаренных лексем. В частности, в "Причитаниях Северного края" *путь—дорога* употреблено более 40 раз на 200 стр. текста, *народ—люди добрые* — более 20 раз, *пора—времечко* — более 30 и т.д. Однако аппозитивные конструкции могут возникать и при однократном или редком использовании лексем: *булат—железо, честь—совесть, стыд—безчестыице*, ср. с.-х. *моје нама брука, зазор и срамота* (Миклошич, 9), *ветры—вихори, сила—могута* и др.

И, наконец, следует отметить несколько аппозитивных формул, неразрывность лексем в которых, видимо, отражает тесную сопряженность денотатов: *хлеб—соль* (см. также "разорванную" формулу: *не для хлеба пришла соли наеданица, не для сладкого меда упиваница* — Б., 184), *цзяи—кофеи* (Б., 145), *отцы—матери: Без отца в растут детушки без матерей* (Б., 181); *Сотцом с матушкой на свете розстается* (Б., 196); лит. *tevelis motinėlė* (J., 317); *tėvą motę palikai* (J., 313) 'кинул отца—мать', *kojelės—rankelės* (J., 305, 307) — *ручки—ножки, ryts vakarelis* (J., 351) 'утро—вечер', *labs rits vakaras* (J., 383)¹¹. Семантическое сближение может иметь и морфологическое следствие, так возникло сложное слово *nedėlmetis: Aš išgulėjau Tris nedėlmečius* (J., 325, 327).

По-видимому, подобную взаимообусловленность вида синтаксической связи и степени сближенности смысла можно наблюдать и в сфере имени прилагательного и наречия, хотя говорить с определенностью трудно из-за резко сниженной здесь по сравнению с существительным и глаголом частотностью подобного рода использования синонимов: *kokis tai nelaimingas, kokis tai nečėslyvas* (LT, 541); *maža nedidelė* (LT, 527) 'мала—невеличка'; (*глядела*) *я во летнюю во теплую сторонушку* (Б., 34); *при древней при глубокой старости* (Б., 33); *Я не бедным не брезгуем убогим* (Б., 4). Впрочем, пара одних и тех же прилагательных может употребляться в конструкциях разных типов: (о смерти)

Со синя моря ли шла да все голодная.

Со чиста ли поля шла да ведь холодная (Б., 2) —

Я не холодна пришла к тебе, не голодна (Б., 184).

Как однородные члены используются пары: *холодный—студеный: Нонь позябнуя холодной, студеной зимой* (Б., 21); *Прибже-ним по студеной холодной зиме* (Б., 107). Только слитно употребляются *ласковы—приветливы словечушка* (Б., 62, 152, 181, 185), а из наречий *кругом наокол, теперь—нонь, по-старому да по-досюльному* (Б., 19, 105, 168, 171, 185, 191).

¹¹ Свод парных сочетаний такого рода в иных жанрах славянского фольклора см.: Миклошич; в онежских былинах — Borowska N., op. cit., в литовских народных песнях — Aleksynas, 239—241, который, по-видимому, разделяет мнение А.Озола о том, что такие сочетания относятся ко времени, когда не было слов абстрактного значения (Ozols A. Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīga, 1961, l. 229). Не отрицая древности самого приема использования парных сочетаний слов, все же следует указать на то, что ни в одном из рассмотренных сочетаний не возникло абстрактного значения (или даже значения множественности) от соположения слов, близких в семантическом отношении.

¹⁰ В случае *сердце—утроба*, заключенных в параллельные конструкции, актуализируется внутренняя форма этих лексем. См. также *сердце* в значении 'талия' < 'середина' в следующем контексте: *Круг сердечка опоясочка шоловая* (Б., 176).

Синонимия предстает как факт одновременно лексико-семантической и синтаксической сфер языка, т.к. синонимичные лексемы, как правило, заключены в параллельные синтаксические конструкции, а это в свою очередь способствует еще большему сближению смыслов и образованию синонимических пар лексем, при изолированном рассмотрении семантически далеко отстоящих друг от друга.

Актуальное по самому характеру плача представление об отдаленности в общем смысле, чужести, том свете реализуется включением в текст пространственных фрагментов, блоков часто формульного характера, лексические элементы которых используются как синонимические обозначения locus'a смерти в мифопоэтической традиции (высокие горы, дремучие леса, мхи-болота, синее море, чисто поле):

Укатилось красное солнышко
За горы оно за высокия
За лесушки оно за дремучия,
За облачка оно за ходячий,
За часты звезды да подвосточныя! (Б., 1);

Motulė pasrengus į didelę kelionę, į aukštą kalnelį, į mėliną šilėlį (LT, II, 520) 'Матушка снаряжилась В дальнее путешествие На высокую горушку, В синюю пущицу'; *Aš atlydžiu Savo motulę į aukštą kalnelę, į sierą žemelę, į žalią vejelę* (LT, II, 524) 'Я провожаю Свою матушку На высокую горушку, В серую земельку, В зеленую муравушку'.

Параллельным образом характеризуется чужой социум (в частности в противопоставлении родной деревни деревне мужа):

Отдалёна от родимой я от родинки,...
Я за мхами, сестрица, за дыбучима,
Я за темными лесами за дремучима,
Как во эту во победную сторонушку
Буйны ветры не проведают,
Птиченька к нам не прилётает,...
Нет проходу во темных лесах дремучих,
Почтовой ямской нет дороженьки... (Б., 141–142);

см. также: *Далеко живу горюша в устороньце, Я во малом горюша во безлюдьце, Я во темном горюша во залесьице* (Б., 159).

Более проработанное представление о том свете, допускающее помещение его как в поднебесной выси, так и под землею, можно видеть в следующем контексте, также построенном на синонимическом использовании ряда концептов. Показательно при этом, что здесь, в не отличающемся глубокой архаичностью тексте, некогда актуальное противопоставление локализации того света над и под землей, нейтрализовано¹²:

Укрывается мижонно мое солнышко
За горушки, мой светушко, толкуция,
За облачка, мой свет, да заходячий,

¹² Известно, что в иных фольклорных жанрах – заговор, волшебная сказка – представление об отдаленности ('тридесятое царство', 'тот свет', 'запредельность') также связывается с горами высокими, лесами дремучими и под., которые также ис-

Укатается скачонная жемчужинка
На иное безвестное живленьцо,
Во матушку мой свет во сыру землю (Б., 93–94).

См. также:

Удалилась моя белая лебедушка
За горушки она за высокия,
За облачка она за ходячий,
К красну солнышку девица во беседушку
К светлу месяцу она в приберегушку (Б., 131).

Семантическое уподобление денотатов влечет за собой и соответствующее выравнивание атрибутов: при нивелировании конкретных значений на первый план выступает в них общий смысл, обычно обозначаемый лексическим множителем Magn:

Ведь он за темными за лесами,
Уж за высокими он да горами,
Уж за быстрыми он да ручьями,
Уж за глубокими он да реками,
Уж он за синими за морями (Обр. поэзия Пин., 151).

Собственно лексическая семантика представляет огромный материал взаимодействия семантических полей 'гора' – 'лес', 'лес' – 'болото'¹³. В качестве постоянного синонимического элемента в этот же ряд вовлекается 'чисто поле' в том же общем значении чужести, для обозначения всего пространства, находящегося за пределами дома (двора), селения¹⁴:

Не увижу я тебя ни в чистых полях,
Не увижу я тебя ни в зеленых лугах,
Не увижу я тебя ни в темных лесах (Костр. пр., 100):

Рассадить ли мне обиду по темным лесам?... Мне рассеять ли обиду по чистым полям?... (Б., 17).

Параллельны собственно языковые данные. Особенно существенно в этом отношении полесское *поле*, используемое для обозначения пространства вне дома, и ареально соположенное лит. *laukas* в том же употреблении (LKŽ, VII, 178)¹⁵.

Подобным же образом все смыслы моря сводимы в погребальном фольклоре (а также в других жанрах, связанных с rite de passage) к двум инвари-

Окончание сноски

пользуются как синонимичные и взаимозаменяемые. По концепции волшебной сказки В.Я. Проппа, отражающей, в основном, представления о смерти и трансформирующей при этом раннесоциальный институт инициации, основным содержанием которого и являлось представление о временном умирании проходящего посвящение юноши, лес является непременной чертой обряда по в с е м у м и р у (Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 41, 45 и др.). Достижение того света возможно также посредством влезания на высокую гору (также постоянный мотив волшебной сказки), что ставит денотаты 'лес' и 'гора' в синонимические отношения и в этом фольклорном жанре.

¹³ См. об этом специально: Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. М., 1977, с. 120–124, 152–155.

¹⁴ О чистом поле как варианте леса в заговорах см.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч., с. 175.

¹⁵ Далее (об ареале и семантике) см.: Непокупный А.П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976, с. 77–82.

антим: обозначение области смерти и — более неопределенно — отдаленности вообще:

Aš suprašysiu raibų gegučių iš tolimų šalelių
Ir raibų sakalėlių nuo jūros kraštelių (LT, II, 522)

'Созову я пестрых кукушек с дальних сторон И пестрых соколов с морской сторонушки'¹⁶, ср. русск. (смерть) *Со синя моря шла да все голодная, Со чиста поля шла да ведь холодная* (Б., 2). Аналогично отсылание смерти: *Говорить стала бя скорой смеретушке:... На сине море иди — да ты холодная, Во чисто поле иди — да ты голодная* (Б., 167).

Некоторые иные водные объекты также используются в более широком контексте, восходящем в конечном счете к представлению о водной преграде на пути на тот свет: *...kaip pašautos antelės Ant gilaus ežerėlio, Ant didelio vandenėlio* (LT, II, 520) '...как подстреленные утки На глубоком озерышке, На большой водице...'¹⁷; *Už jūrų, marių, už ežerėlio, Už tamsiųjų girelių* 'за моря—океаны, за озерко, за темные лесочки' с вариантом: *Už jūrų, marių, Už vandenėlių, Už tamsiųjų girelių* (К., 262) 'за моря—океаны, за воды, за темные лесочки'; *...Мне спустить ли обиду во быстру речу?.. Загрузить ли мне обиду во озерышке?* (Б., 17).

В лексике различных языков также закреплено синкретическое представление об отдаленности, с одной стороны, 'море' и 'горе', с другой. Несколько примеров из балто-славянского ареала: лит. *aukštas* в контексте *renkis, ponas, eisim į aukštą (= plauksim toli į jūrą)* 'собирайся, едем в открытое море' имеет значение 'открытое море' при буквальном значении 'возвышение, возвышенное место'; лтш. *augšjūrā*, сопоставляемое с польск. диал. *góra* в значении 'отдаленное от берега место в море'; тамб. юр 'уединенное возвышенное место' и переславско-влад. *на юру* 'в стороне, вдалеке'. Примеры могут быть многократно умножены¹⁸. Это семантическое явление признается семантической универсалией.

Итак, синонимическое использование концептов 'гора'—'лес', 'поле'—'луг', 'море'—'озеро', в фольклоре статистически очень высокое, параллельным образом поддерживается фактами собственно лексической семантики.

Возможно употребление этих лексем как однородных членов при одном предикате, или же использование их в параллельных конструкциях, что также подчеркивает их эквивалентность: *У меня три поля кручинушки насыяно, Три озерышка горючих слез наронено* (Б., 12) или же как десемантизировавшиеся зачины плача: *Ankšti kalnai, Ligios lankos* (J., 381) 'высокие горы, ровные луга'; *Žalios lankos, Ligios pievos, Gilus dunojėlis* (J., 395) 'зеленые луга, ровные поля, глубокий дунай'¹⁹.

¹⁶ Идея пестроты (лит. *raibas* и особенно *margas* — второе и этимологически связано с темнотой) — постоянный мотив погребального фольклора. Чрезвычайно архаично в приведенном контексте представление души в виде птицы. Сюжетная связь птицы-души с морской далью и поднебесной высью часто встречается также в волшебной сказке, см., в частности: *Пропи В.Я.* Указ. соч., с. 189 и след.

¹⁷ К архаическому мотиву утки см. ее условное изображение на предметах погребального обряда эпохи неолита (материалы Музея этнографии Литовской ССР).

¹⁸ См.: *Невская Л.Г.* Указ. соч., с. 163—165.

¹⁹ О нарицательном употреблении собственных имен см.: *Невская Л.Г.* *Ašmena* — ein Appellativum. — *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. XXIII, H. 5. Berlin, 1978. Специально о

Обращаясь к структуре семантических полей в фольклорном тексте, наиболее проработанных и функционально нагруженных, можно обнаружить здесь синонимические отношения концептов, в других случаях далеко отстоящих друг от друга. Прделанный ранее анализ одного семантического поля, как оно манифестировано в текстах погребальной причеты²⁰ и основанный на установлении текстовых коннотаций его ключевых лексем, выявил любопытную семантическую закономерность — их изосемантизм в фольклорном тексте, находящийся в полном несоответствии с объяснением этих же слов в толковом словаре обычного типа.

Так, одинакова функциональная значимость концептов или (если посмотреть с лингвистической точки зрения) набор значений лексем, манифестирующих горизонтальное пространство дома: дверь/ворота (порог, скоба) — сени—окно, которые в погребальной причете употребляются в общем значении 'преграда смерти, ограждение от нес'. Противопоставленные обычно по признаку регламентированного/нерегламентированного входа окно и дверь, в случае нейтрализации этого признака, предстают как синонимы с общим значением 'ограждение дома в случае возможной опасности' (следующий ниже контекст позволяет включить в этот ряд и 'ворота'); изосемантизм поддерживается параллельностью синтаксических конструкций, содержащих эти лексемы:

...Усмотрела б, може, идущи я скорую смеретушку,
Тут задвинула б стекольчаты околени,
Запсрла бы вдруг широкие воротечки,
Заложила бы новы двери дубовы (Б., 167).

Говоря точнее, здесь оказываются синонимичными не отдельные лексемы (*окно, дверь, ворота*), а синонимические действия с единой функциональной значимостью: задвинуть околени — запереть воротечки — заложить двери...

Обычно концентрически заключенные друг в друге при горизонтальном членении пространства дома *крыльцо и сени* при нейтрализации конкретных значений могут использоваться как метонимическое обозначение пространства вне жилой части дома: *...Мне повыйти на крыльцо к переное, Мне-ка на эти новы сени решотчаты* (Б., 231).

Изофункциональность в обряде детерминирует изосемантизм таких элементов дома, как *горница и светлица*, каждый из которых в причете имеет пересекающийся набор значений: 'почетное место в доме': *Провожал меня во светлу нову горницу... Почитал меня за госьицу любимую* (Б., 90) — *Все хвалилося сердечно мое дитячко: Мне мистичко во светлой, скаже, светлице...* (Б., 119); 'место сбора семьи, центр дома, где совершаются важнейшие события, в частности, узнается новость о

Дунае: Климчук Ф.Д., Шепелевич В.В. "Дунай" в традиционном фольклоре двух деревень Надъясельды. — В кн.: *Этногенез белорусов. Тезисы докладов на научной конференции по проблеме "Этногенез белорусов"*. Минск, 1973; *Vanagas A.* *Dėl lietuvių upių vardų Dunojus ir Dnieprus kilmės*. — In: *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. VIII. *Lietuvių kalbos leksikos raida*. Vilnius, 1966.

²⁰ *Невская Л.Г.* Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре. — *Балто-славянские исследования*. 1981. М., 1982, с. 106—120.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ОТРАЖЕНИЕ
"КАРТИНЫ МИРА"

смерти': Ты иди скорый во светлую светелочку, Нету в живности довольна бела светушка (Б., 147) — К себе призвала любимую семейку Во эту во столову нову горенку, Я левой рукой писемко подавала... (Б., 188); 'сакрализованное место смерти': Не спущу я дочь обидная Своего кормильца батюшка Со высокой новой горенки: Пусть-ко мой кормилец батюшко Как во горенке, на лавочке... (Б., 48) — В светлой светлице попы стоят духовные, Не молебники они тихо воспевают, Восприемного попы нонь поминают (Б., 169); 'метонимическая замена дома вообще': Во дому у нас великая невзгодушка, В светлой светлице великая кручинушка (Б., 168) — Все отступятся купцы твои приятели... Мимо пройдут они нову эту горенку (Б., 169). Ср., наконец, контекст, построенный на параллелизме конструкций, содержащий обе эти лексемы, используемые как абсолютные синонимы, поддерживающие и усиливающие общий эффект: Как во светлу собралась они светлицу — Во столову во нову они горенку (Б., 40).

Как сакрализованное место покойного и почетное место в доме изофункционален им и красный угол, который, как и они, может метонимически подменять дом вообще: Наступай теперь великая невзгодушка Как у нас да во унылом во большом углу (Б., 20).

В части значений — 'сакрализованное место покойного, становящееся центром дома и поэтому подменяющее наименование дома вообще' — синонимичны им столы дубовые и белые лавочки.

Таким образом, в фольклорном тексте за счет сближения значений лексем, обычно семантически далеко отстоящих друг от друга, возникает синонимия особого рода, захватывающая не только сферу отдельных слов, но и "элементарных образов" и, наконец, семантически уравнивающая ряды концептов.

Рассматриваемые тексты, являясь сравнительно нестарыми, консервируют в себе особенность поэтики архаических культурных традиций, чему могут быть приведены пространственные типологические параллели²¹.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Б. — Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872.
Костр. пр. — Смирнов Вас. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Кострома, 1920.
Миклошич — Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1895.
Обр. поэзия Пин. — Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ... Под ред. Н.И. Савушкиной. М., 1980.
Aleksynas. — Aleksynas K. Lietuvių liaudies dainų kalbinės stilistinės ypatybės. — Literatūra ir kalba. XI. Vilnius, 1971.
J. — Lietuviškos dainos. Užrašė A. Juška. III. Казань, 1882.
K. — Prūsijos Lietuvių Dainos. Surinko... V. Kalvaitis. Tilzeje, 1905.
IKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. I—II. Vilnius, 1947—
LT — Lietuvių tautosaka, II. Vilnius, 1963.
R. — Lietuvių gaudos iš visur surinktos su d-ro J. Basanavičiaus prakalba. Vilniuje, 1926.

Свойство естественного языка передавать в рамках категориально-грамматических отношений отношение к миру, его "видение" отмечалось в последние годы в ряде исследований по функциональной семантике¹, обратившей внимание не только на способность к адекватной передаче внеязыковых явлений, но и на возможности посредством языка убеждать, передавать свое отношение, выражать себя через язык. Эти языковые свойства связываются преимущественно с прагматическим подходом в лингвистическом анализе. В рамках прагматического подхода выявляются, при исследовании языковых фактов, два направления: изучаются средства собственно семантические, т.е. компоненты грамматики и лексики как показатель отношения к миру, и изучаются особенности контекстов, отличающихся разной прагматической направленностью. Уже подвергались детальному анализу категории вида и времени, лексические группы имен семантики², в данной же статье делается попытка обобщить коммуникативно-прагматические особенности прилагательных (П), "одной из наименее изученных и сложных для исследования частей речи"³. Коммуникативная специфика прилагательных состоит прежде всего в том, что "П совмещает в своей структуре семантический и прагматический аспекты языка, что отражается как в значении лексических единиц, относящихся к классу П, так и в их употреблении. Для П как класса слов характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Таким образом, в самой семантике П оказываются связанными собственно семантический и прагматический планы высказывания"⁴. Оказывается, что тип выбора прилагательного и строгость (точность) употребления прилагательных являются ведущим показателем различия языка упрощенного (restricted, commun) и интеллектуального (elaborated, formel) — двух кодов, существование и функционирование которых описано на английском материале Б. Бернстайном⁵.

Так, для упрощенного языка употребление прилагательных и наречий очень ограничено и набор их перечислим.

Сопоставление данных, полученных для прилагательных как класса, включающего прагматический аспект в свою лексико-категориальную сущность, позволяет обобщить их и сделать следующие выводы:

- 1) приписывая предметам окружающего мира те или иные объективно

¹ См., в особенности: — Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976; Wierzbicka A. Ethno-syntax and the philosophy of grammar. — Studies in language, 1979, N 3; Idem. Lingua mentalis. — Sydney—London—New York, 1980.

² См.: Wierzbicka A. Ethno-syntax...; Николаева Т.М. Категориально-грамматическая цельность высказывания и его прагматический аспект. — Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1981, т. 40, № 1.

³ Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1977, с. 7.

⁴ Там же, с. 8.

⁵ Bernstein B. Une theorie sociologique de l'apprentissage. — In: Bernstein B. Langage et classes sociales. Paris, 1975.

²¹ Более широко об особенностях первобытного мышления, которое "отождествляло все явления жизни и повторяло свои представления в поливариантных друг к другу формах", см.: Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.

присущие им свойства, человек демонстрирует свое безразличие к этим свойствам — посредством иерархии в приписывании этих признаков;

2) за выбором грамматических показателей адъектива стоит позитивная программа человека, его представление о нормативном статусе и позитивном сценарии событий;

3) человеку свойственно отличать признаки, относящиеся к предметам и лицам, как бы относительные, восходящие к человеку как субъекту, и признаки объективные, имманентные;

4) таким образом, благодаря приадъективным конструкциям может происходить различение и выделение человека как объекта описания и человека как субъекта описания, т.е. его автора.

Основным приводящимся далее языковым материалом являются данные польского, русского и английского языков; необходимо еще раз подчеркнуть, что предметом изложения является не столько лексическая, сколько лексико-грамматическая и текстово-грамматическая специфика прилагательных.

1. Прилагательные и характеристики внешних объектов

Оказалось, что для пар квалификативных прилагательных со значением размера: длинный—короткий, широкий—узкий и т.д. одно является в исходных конструкциях предпочтительным, употребление же другого маркировано, ограничено. Например, говорится: *10 Wagen Lang* (*kurz), *250 Meter breit* (*schmal), *200 Meter hoch* (*niedrig), *35 Jahre alt* (*jung)⁶.

Иначе говоря, несомненна определенная направленность человека в употреблении подобных слов. М. Бирвиш связывает такую модель употребления с "основными измерениями человеческого перцептивного аппарата". Более того, более внимательный анализ демонстрирует достаточно большую сложность в различении объектов и их признаков:

Der Wagen ist lang = Der Wagen ist hoch;

Die Strange ist lang = Die Strange ist hoch.

*Die Zigarette ist lang ≠ *Die Zigarette ist hoch;*

**Der Turm ist lang ≠ Der Turm ist hoch.*

Сходные наблюдения о структуре пространственных отношений, отраженной в человеческом сознании, были сделаны на материале английских прилагательных⁷. Выяснилось, что из двух антонимически связанных прилагательных размера одно, относящееся к большему размеру, является обобщенным, генерализованным, сфера же употребления другого более узка.

Так, ответ на вопрос — *How big is it?* может быть и *It is very big*, и *It is very small*. Но вопрос *How small it?* допускает только *It is very small* как ответ, но не **It is very big*.

Соответственно: *How long is it? — Very long, very short.*

но — *How short is it? — Very short; *Very long.*

Именно эти генерализованные прилагательные являются словообразова-

тельной базой соответствующих обозначений размера, выраженных существительными: *length — long — short; thickness — thick — thin* (см. по-русски: *длина*, но не *коротчина*; *ширина*, но не *ужина* и т.п.).

В работе А.Н. Журина, посвященной русским прилагательным, пространственные прилагательные вполне определенно связываются с человеком как вертикально ориентированным существом⁸.

Так, *высокий* — это вовсе не любой длинный вертикальный, а самостоятельный и изолированный: так, водосточная труба — нет, сосулька — нет; более того, высоки те предметы, которые сами по себе таковы, а не имеют такую форму по воле человека: так, свеча — нет, бутылка — нет. Т.е. правильно воспринимаемые как высокие предметы имеют сходство с самим человеком. Свойство быть высоким оказывается, как замечает А.Н. Журицкий, очень важным — так, некоторые толстые люди, если бы были на голову выше, не считались бы толстыми, вернее, это свойство не выдвигалось бы на первый план. А.Н. Журицкий вводит понятие нормальной ориентации (НО) — это наиболее частое расположение ведущей пространственной характеристики предмета по отношению к говорящему. Возможная и мгновенная НО — расположение в момент речи. Мы говорим: *широкое здание*, если напротив него, и *длинное здание*, если проходим мимо. Наоборот, нестандартная ориентация отражает "переходы от поперечной к вертикальной ориентации", т.е. нечто, человеку несвойственное.

Таким образом, пользуясь прилагательными размера, человек характеризует предметы, соотносясь с самим собой как с эталоном пространственного описания; исходной грамматической и словообразовательной формой является прилагательное, обозначающее больший размер.

2. Прилагательные и представление о нормативном статусе мира

Анализ грамматических конструкций, связанных с прилагательными, и анализ их текстового употребления демонстрирует еще одну черту самовыражения через язык: оказывается, что, характеризуя то или иное явление через атрибуты, носители языка имеют представление о норме, более того, сценарий мировых событий должен быть позитивным, негативное и отклоняющееся от нормы маркируется.

Например, при ассоциативном анализе антонимических связей, в тех случаях, когда требовалось назвать антоним, позитивный член назывался "дружнее" чем негативный, называвшийся как бы неохотно и иногда заменяемый неожиданным по парности словом⁹.

Таким образом, частотность ассоциаций оказывается для антонимов необоюдной. Приведем данные Диза (цифры показывают число ответов; группа испытуемых количественно оставалась неизменной): *bad — good — 43; good — bad — 29; black — white — 39; white — black — 23; dirty — clean — 21; clean — dirty — 15.*

Эта склонность иметь последовательную установку на позитивную программу отмечена и в расположении однородных членов в привычных ан-

⁶ Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectives. — Foundations of language, 1967, v. 3, N 1.

⁷ Givón T. Notes on the semantic structures of English adjectives. — Language, 1970, v. 46, N 4.

⁸ Журицкий А.Н. О семантической структуре пространственных прилагательных. — В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.

⁹ Decse J. The structure of associations in language and thought. — Baltimore, 1965.

глийских словосочетаниях, обследованных В. Купером и Дж. Россом¹⁰. Выяснилось, что порядок расположения этих компонентов неслучаен: недаром работа называется World Order, т.е. то, что стоит за Word Order; так, в первую очередь называется: ближайшее — *here and there, in and out, this and that, now and then...*

мужское — *man and woman*...¹¹

взрослое — *cat and kitten*...

позитивное — *plus or minus, all or none*...

одушевленное — *men and machines*...

активное — *speaker and hearer; cat and mouse*...

основательное — *land and sea; Army and Navy*...

источник энергии — *bow and arrow; gine and tonic*... и т.д.

Все эти качества — позитивные; собранные вместе, по мнению авторов, и характеризуют среднего киногероя: он — *Here, Now, Adult, Male, Positive*.

Возвращаясь к собственно прилагательным, можно также отметить, что выражаемое в тексте отношение к миру, выведенное из их текстового распределения, ориентируется на позитивную стабильность мира. Р. Харвег, анализируя дистрибуцию прилагательных в тексте, определил, что они делятся на два класса — в зависимости от того, могут или нет они появляться в абсолютных инициальных фразах. Так, прилагательные *gesund, heil, zufrieden, nüchtern, normal, da, klar* и т.п. не могут быть абсолютно начальными, они "прилагательные следования" — *Nachfolgeradjektive*, у них обязательно должны быть текстовые предшественники — *krank, kaputt, betrunken, weg, komisch*¹². Поэтому **Bei Müllers ist jemand gesund; *Da hinten ist eine Frau nüchtern*. Но: *Bei Müllers ist jemand krank; Da hinten ist eine Frau betrunken*.

Прилагательные следования могут все же стать инициальными — через добавление *wieder*. Но это слово, добавленное к прилагательным следования, означает возвращение к исходной ситуации — *Karl снова здоров*: добавленное же к их антиподам, оно означает повторяемость событий: *Karl опять заболел*. За всем этим стоит, по мнению Р. Харвега, потребность в нормализации, когда нормальное есть позитивное, и это есть отражение мира в сознании человека: "Основанием этой нормализации, очевидно, является существование некоторого определенного мировоззрения, в рамках которого именно то состояние из двух возможных считается нормативным, когда оно обеспечивает позитивность"¹³.

Показателем состояния объектов внешнего мира с ориентацией на норму является и семантика форм сравнительной степени прилагательных¹⁴. Так, из фраз *Эллен безобразнее Мэри, Том хуже Боба, Джек пьянее Билла*, мы понимаем, что статус обоих актантов не позитивен: и Мэри нехороша собой, и Билл достаточно пьян. Но по фразам *Эллен красивее Мэри, Том лучше Боба, Джек умнее Билла* мы не можем сказать определенно, что

Мэри красива, Боб хорош, а Билл умен: очевидно разделение в языке и негативного, и нормативного.

Особое место в подобного рода исследованиях семантики форм прилагательного занимает анализ данных польского языка, предпринятый Ф. Кифером¹⁵. Существенным для способа выражения отношения к миру дает — для польского языка — возможность как аналитического, так и синтетического выражения форм сравнения: *Kazia jest wysza niż Julia, Kazia jest bardziej wysoka niż Elżbieta; Janina jest ładniejsza niż Elżbieta, Janina jest bardziej ładna niż Elżbieta*;

Различия обеих компаративных форм на первый взгляд кажутся стилистическими. Ф. Кифер вводит особый тест на их различие — тест отрицания. При этом выявляется расхождение форм компаративов: *Kazia jest wysza niż Julia, Kazia jest bardziej wysoka niż Julia*.

Таким образом, формы аналитические отличаются от синтетических тем, что в них непременно содержится "пресуппозиция наличия качества": таким образом, во фразе *Janina jest bardziej ładna niż Elżbieta* включается красота Янины, а во фразе *Janina jest ładniejsza niż Elżbieta* — нет. Однако, как замечает далее Ф. Кифер, не всегда эта пресуппозиция наличия качества входит во все аналитические формы — независимо от семантики прилагательного. Так, у прилагательных меры это различие незначимо¹⁶: *Herbata jest tańsza niż kawa, Herbata jest bardziej tania niż kawa; Ten film jest dłuższy niż tamten, Ten film jest bardziej długi niż tamten; Ten film jest krótszy niż tamten, Ten film jest bardziej krótki niż tamten; Kawa jest droższa niż herbata, Kawa jest bardziej droga niż herbata*.

Это же относится и к оценочным прилагательным: *Dzisiaj pogoda jest brzydsza niż wczoraj, Dzisiaj pogoda jest bardziej brzydka niż wczoraj*.

Польский язык, таким образом, обладает языковыми средствами семантико-разрешающей силы, которыми не располагает, в частности, шведский, немецкий и др. Польский язык, как видно из приводимых Кифером материалов, обладает тонкой моделью сохранения — отсутствия пресуппозиции качества в компаративе. В частности, по этому критерию различаются некоторые антонимические пары: *suchy* сохраняет пресуппозицию аналитически и синтетически, но *mokry* может иметь ее в синтетической форме, не имея аналитической, напротив *krzywy* может быть сравниваемо лишь аналитически — в отличие от *prosty*. В целом же польский язык различает два типа антонимичности: отрицание по контрасту и отрицание по противоречию. Если отрицаемое, негативное, прилагательное, есть член противоречащей пары, то компаративные пресуппозиции имеют место всегда. Тогда, таким образом, достаточно синтетического компаратива. Если же отрицающее прилагательное входит в оппозицию контраста, то оно может не иметь пресуппозиции, и может быть сравниваемо как аналитически, так и синтетически. Оказывается далее, что по этому критерию различаются и прилагательные цвета: *zielony, brązowy* могут быть сравниваемы только аналитически, *biały, czarny, czerwony* имеют оба способа сравнения, так как их семантика многозначна.

Выше мы говорили о месте нормативного статуса в функциональной се-

¹⁰ Cooper W., Ross J., K. World order. — In: Functionalism. Chicago, 1975.

¹¹ Этот порядок не является, однако, универсальным: так, в аналогичных сочетаниях, например в картвельском, последовательность обратная.

¹² Harweg R. Nachfolgeradjektive. — Folia linguistica, 1969, t. III, N 3/4.

¹³ Там же, с. 342.

¹⁴ Tory Higgins E. Effects of presupposition on deductive reasoning. — Journal of verbal learning and verbal behavior, 1976, v. 15, N 4.

¹⁵ Kiefer F. Adjectives and presuppositions. — Theoretical linguistics, 1980, N 1.

¹⁶ Там же, с. 163.

мантике прилагательного. Возвращаясь к этому еще раз, это стремление отделить — через язык — норму от не (-) нормы можно увидеть и в этих же формах компаратива. Так, прилагательные с высшей степенью качества (т.е. не-норма!) уже содержат пресуппозицию наличия: *doskonaty, swietny, wybitny, wspanialy*. Ср. в русском: *Анна блистательнее Марии; Петр талантливее Павла*. Таким образом, грамматические и текстовые формы прилагательных выявляют присущее человеку устремление понимать норму — в ее отличие от не-нормы, ненормативным является и просто непозитивное и экстрапозитивное.

3. Прилагательные и субъективно-объективные свойства

Как уже говорилось выше, человеку свойственно не только выражать объективные свойства, опираясь на свой перцептивный аппарат, не только стабилизировать мир, проецируя на него свои представления о норме, но и отличать те свойства объектов, которые являются их имманентными характеристиками, объективными, и свойства заведомо приписываемые, исходящие от субъекта.

Различению последних посвящена диссертация И.А. Елисеевой¹⁷. В работе анализируется функциональная семантика словосочетаний с прилагательными-управляющим словом: *добрый с детьми, известный среди художников, нужный для шитья, робкий с женщинами* и т.д. Во всех этих конструкциях присутствует значение ограничения, относительности признака. Оказывается, что та группа прилагательных, которая включает слова, приписывающие характеристики, а не объективные свойства, гораздо более разветвлена и входит во множество словосочетаний. Таким образом, человек как бы заранее предопределяет некоторую замкнутую локальность, или социальную ограниченность даваемых характеристик: интересный — кому?, добрый — к кому?, покорный — кому? выгодный — для кого? и т.д. Поэтому типичнейшей формой имени в подобных словосочетаниях является дательный субъекта. Напротив, во второй группе, в прилагательных, определяющих объективные свойства объектов, семантика имен связана не с лицами, т.е. с социальными, а в основном, с объективными же ограничениями — *бледный от усталости, смуглый от загара, золотой в солнечных лучах* и т.д. Однако в этой последней группе более отчетливо проступает пресуппозиция относительности этого, хотя и объективного, признака: вообще, видимо, не бледный, не смуглый, не золотого цвета и т.д. Точно так же *робкий с женщинами* предполагает, что не всегда робкий и т.д. Итак, выявляется еще одна особенность семантики прилагательных: социально приписываемые — в отличие от имманентных — даются как бы с большой осторожностью, с оговоркой.

Выше, в начале, отправным пунктом исследования явились прилагательные меры. Как оказалось, эти прилагательные, не абсолютно коммуникативно безразличны, а имеют личностно-социальную ориентацию. Как выяснилось далее, прилагательные меры можно условно разделить на три группы: всегда относительные: *chief, actual, tall* и т.д., абсолютные: *four-legged,*

aged, объединяющие оба свойства: *definite, clever, present*¹⁸. Эта особенность прилагательных меры связана с их свойством быть как предикативами, так и атрибутивами. В этом плане они соотносятся уже с как будто противоположной по семантике группой — группой социально направленной оценки лица. Обратимся к полю прилагательных этой группы, попытавшись описать ее внутреннюю структуру.

4. Прилагательные оценки лица

Оказывается, что приписываемые прилагательные со значением оценки лица вообще обладают диффузностью значения и стремятся как бы соединяться в семантически размытые пучки. Как отмечает и Е.М. Вольф: "семантические связи П в синтагматике могут быть направлены на другие П — и в этом случае два П часто оказываются в грамматически (синтаксически) параллельных структурах". Нами собран материал по употреблению трех таких пучков: *тихий—скромный; волевой—энергичный; пустой—легкомысленный*.

Приведем примеры по первому из этих пучков (примеры взяты из материалов Словарной картотеки Словарного сектора ЛО Института языкознания АН СССР): Человек богатый, но самый простой, и меня за тихое и скромное поведение очень полюбивший (А. Болотов); Профессор Бек есть тихой, скромный человек, осторожный в своих суждениях (Н. Карамзин); Так я уж веки здесь: тих, скромн завсегда (И. Крылов); Пред ней являющаяся яву исполнение всех ее идеалов — прекрасный мужчина, скромный, тихий, добрый (В. Одоевский); Но он жил тихо и скромно, никого не приглашая к себе (Н. Полевой); Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком (А. Пушкин); Эта красота тихая, скромная, далекая от всяких притязаний на какую бы то ни было торжественность (Н. Лесков); Вообще в классе было сравнительно тихо и скромно (Н. Помяловский); Скоро страх титулярной советницы совершенно рассеялся: молодой человек оказался скромн и тих, даже больше, чем следовало (А. Писемский); — Дуня? — Скромная да тихая, воды не замутит (Д. Мамин-Сибиряк); А про Бурдовского и говорить было нечего: человек тихий и скромный (Ф. Достоевский); И, снявши шубу, пошел своей скромной, тихой и легкой походкой прикладываться к местным образам (Л. Толстой); В одной из квартир жил закройщик лучшего портного в городе, тихий, скромный, нерусский человек (М. Горький); Тихая, скромная речка огласилась фырканием, плеском и криком (А. Чехов); Важное влияние на образование моего характера оказала тихая, скромная жизнь в доме отцовском (С. Соловьев).

Все эти пары-связки совсем не синонимичных прилагательных. Человек скромный по существу своему может и не быть тихим, внешне тихий может быть честолубцем и жестоким деспотом, энергичный вполне способен оказаться безвольным, а волевой — сдержанным, мало тратящим энергию. Однако, как видно по примерам, эти пучки встречаются у многих писателей. Пожалуй, судя по собранным материалам, желание разрушить клиши-

¹⁷ Елисеева И.А. Семантические и синтаксические свойства классов имен прилагательных. Автореф. канд. дисс. М., 1981.

¹⁸ Siegel M. E. Measure adjectives in Montague Grammar. — In: Linguistics Philosophy, and Montague grammar. Univ. of Texas Press, Austin, 1979.

рукующую последовательность можно обнаружить в явной форме лишь у И.С. Тургенева: Вся моя скромная развязность и таинственность исчезли мгновенно (Первая любовь); Настасья Карповна клала земные поклоны и вставала с каким-то скромным и мягким шумом (Дворянское гнездо); Он замечательно умный человек, хотя, в сущность, пустой (Рудин); Рядом с нею сидела сморщенная и желтая женщина лет сорока пяти, декольте, в черном токе, с беззубою улыбкой на напряженно озабоченном и пустом лице (Дворянское гнездо).

Синтаксическая структура приведенных примеров свидетельствует о том, что названные пучки употребляются в основном в функции предиката или легко могут быть трансформированы в сочетания в этом значении. "Прилагательные, как известно, принадлежат к предикатным словам. Это основное свойство — их предикатный характер — определяет и их значение, и их употребление.

Так, в частности, классические предикаты сочетают в себе два аспекта — обозначение собственно признака и обозначение оценки, с этим связана их способность выступать в двух структурах — денотативной и квалификативной, которые обычно реализуются вместе, в пределах одного высказывания"¹⁹.

На глубокое коммуникативное различие идентификации и предикации неоднократно указывалось Н.Д. Арутюновой, отмечавшей стремление идентификации к точности и предикации к размытости, подчеркивавшей "простую и в то же время основополагающую идею о функциональном (коммуникативном) различии субъекта и предиката, об отношении первого из них к миру, а второго к мышлению о мире"²⁰. В самом деле, и коммуникативные усилия при этом затрачиваются различные: так, в любой "средней" беседе огромное значение придается точности идентификации объекта, хотя бы объект назывался только для примера и был в сущности безразличен. Иными словами, коммуникативная значимость предиката бывает затемнена и аннулирована идентификацией субъекта. Нечто подобное можно заметить и при восприятии научных сообщений, когда в дискуссии обсуждается скорее "тема", а не "рема" сообщаемого. Характерны при этом и ассоциативные добавки к теме, часто не имеющие отношения к основной теме (мысли) сообщения и никак на нее не влияющие. Более того, о психическом здоровье человека судят по тому, "узнает" ли он, чем по тому, насколько разумные вещи он сообщает об известных объектах.

Особое положение прилагательных, отмеченное выше, диктует их объединение в диффузный семантический пучок в связи, как представляется, с двумя обстоятельствами.

Первое из них мы предлагаем назвать стремлением к характеристике одним признаком.

Если еще раз вернуться к делению признаков на оценивающие, приписываемые и имманентные, то для вторых в упоминавшейся работе А.Н. Журинского устанавливается наличие главных размеров в человеческом восприятии. Это длина, высота и глубина. При этом мы стремимся назвать

предметы по одному главному размеру, не сообщая при этом об остальных его характеристиках, хотя бы они были очевидны для восприятия: "Когда мы называем длинным забор, мы никак не учитываем у него высоты". Со всей очевидностью здесь напрашивается аналогия с оценочными характеристиками человека. При коммуникативной характеристике за отдельным лицом обычно закрепляется одна какая-то черта, которая и сообщается. Таким образом, обилие оценок, предоставляемое лексическим богатством прилагательных, в коммуникативном плане сводится к небольшому числу базовых штампов. "Базовая система специфицирующихся дескрипций — это нотация того типа, когда объекты характеризуются некоторыми базовыми атрибутами. Сами эти атрибуты, в целях эффективности дескрипций, являются одномерными и некоррелируемыми, как и все базовые прилагательные в языке".

Возникновение семантических пучков связано таким образом с тенденцией к уменьшению возможных характеристик.

Второе обстоятельство, препятствующее дифференцированному употреблению оценочных прилагательных и способствующее их объединению в пучок, связано с формой и сущностью у приписываемого качества, с отдельностью формы и сущности. А именно: такие качества, как быть волевым, скромным, пустым должны как-то проявляться. Иногда установка на подчеркивание формы проявления положительно оцениваемых качеств может даже приводить к их ликвидации. Например, широко известно поведение на конференциях, собраниях людей, входящих с опозданием и демонстрирующих "деликатное" поведение: всячески показывая всем, чтобы о них не беспокоились, они в конце концов устраиваются подчеркнуто неудобно или стоят. Понимают ли носители подобных социальных ролей, что быстро пройти в первый ряд и там сесть, было бы гораздо более деликатно "по существу"? Вероятно, да, но в данном случае побеждает столь характерная для социокоммуникативных отношений боязнь, хотя бы в случае легких изменений внешних форм, получить другую социальную роль.

Если с этой точки зрения рассмотреть названные выше пучки прилагательных, то окажется, что из объединяемых в пары прилагательных одно является более "внешним", другое более "внутренним". Так, внешнее — это тихий, энергичный, легкомысленный. Таким образом, можно, устанавливая или имитируя более легко воспринимаемое внешнее свойство, вызвать квалификацию данного объекта и вторым словом. Это открывает возможности и для манипулирования социальными ролями. См. у Б. Бернштейна, согласно которому "ограниченное употребление прилагательных свойственно общему языку, возникающему там, где идет нивелировка индивидов, т.е. распределение социальных ролей"²¹. Именно сходную мысль о склеивании двух прилагательных при оценке, когда один образ может быть представлен на размерной шкале, а второй распычат, мы находим в статье Д.И. Шаниро²², когда оценка "красивая женская нога" представляется как стройная нога + длинная нога.

²¹ Bernstein B. op. cit. p. 31.

²² Шаниро Д.И. Об использовании "распычатых образов" как средства изучения неосознаваемой психической деятельности. — В кн.: Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования, т. III. Тбилиси, 1978.

¹⁹ Вольф Е.М. Указ. соч. с. 6.

²⁰ Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции прилагательных. — Изв. АН СССР, Сер. лит-ры и языка. Т. 37, № 6.

Резюмируя сказанное, можно обобщить.

1. Характеризуя через прилагательные внешние объекты, человек описывается при этом на особенности своего перцептивного аппарата.

2. При характеристике существенным является и представление о мире: установка на позитивную норму, отклонения от которой маркируются.

3. Человек различает характеристики имманентные, присущие объектам, и приписываемые им субъектом.

4. Прилагательные, оценивающие лица, часто объединяются в контексте, в синтагматике, в диффузные семантические пучки, поскольку они наиболее отчетливо демонстрируют скрытую предикацию.

5. При этом наблюдается тенденция к квалификации объекта одной характеристикой.

6. В объединении и предпочтении одной из характеристик значительную роль играет отношение форма—сущность, выбирается в качестве основной характеристика по форме.

М.А. ОСИПОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ДИСТРИБУТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Под дистрибутивными мы понимаем глаголы, обозначающие единое расчлененное действие, последовательно охватывающее множество объектов (Об) или совершаемое множеством субъектов (Суб). Это глаголы типа польск. *poadresować* 'написать адрес на многих письмах, документах и т.д.' (*SJP* VI)¹, слов. *pohluchnúť* 'постепенно оглохнуть (о многих индивидуумах)' (*SSJ* III)², чеш. *zrozvírat* 'постепенно открыть много чего-либо' (*SSJC* IV)³, ср. русск. *перезенить* 'женить многих или всех'.

Дистрибутивные глаголы в польском, словацком и чешском языках регулярно образуются посредством присоединения префикса *po-*. Менее регулярный характер имеют словацкие и чешские дистрибутивы с приставкой *s-/z-* и чешские с приставкой *roz-*. Как правило, дистрибутивная приставка присоединяется к переходным и непереходным глаголам несовершенного вида (НСВ) (нерегулярно — к глаголам совершенного вида (СВ) и имеет двоякую функцию: лексическую и грамматическую. Производный дистрибутивный глагол отличается от мотивирующего наличием семантического компонента Д (дистрибутивное значение), а также значением СВ, например, польск. *gnić* 'гнить' — *pognić* 'сгнуть (о многих)', *nadgniwać* 'подгнивать' — *ponadgniwać* 'подгнуть (о многих)'. Мотивирующие глаголы обладают значением предельности и могут образовывать видовые пары с глаголом СВ. Следовательно, из круга мотивирующих должны быть исключены различные группы глаголов НСВ со значением непре-

дельности как неспособные входить в видовую пару (модальные глаголы, глаголы отношения типа *сходствовать*, *преобладать* и под., глаголы обладания и принадлежности, прерывисто-смягчительные, длительно-дистрибутивные и т.д.), а также глаголы Perfectiva tantum, семантика которых препятствует образованию форм НСВ (например, одноактные и делимитативные глаголы). Таким образом, дистрибутивы регулярно образуются лишь от глаголов, потенциально могущих выступать в обоих видах. В тех случаях, когда глагол НСВ отсутствует по структурным причинам, дистрибутив может образовываться от глагола СВ. В большинстве случаев мотивирующими являются первичные бесприставочные глаголы НСВ (польск. *gnić* — *pognić*), имперфективы, образованные от первичных бесприставочных глаголов СВ (польск. *dać* 'дать' — *dawać* 'давать' — *podawać* 'дать много Об', последний глагол следует отличать от омонимичного глагола НСВ со значением 'подавать'), и вторичные имперфективы, образованные от приставочных глаголов СВ (польск. *nadgnić* 'подгнуть' — *nadgniwać* 'подгнивать' — *ponadgniwać* 'подгнуть (о многих)').

Наиболее характерный случай мотивационных отношений, возникающих при образовании дистрибутивов, может быть описан как "совершать действие" — "совершить действие + Д", "направлять действие на Об" — "направить действие на Об + Д". Выявление семантических и семантико-словообразовательных глагольных типов, составляющих базу для образования дистрибутивов в соответствии с указанной формулой, может составить предмет специального исследования. Нашей задачей является установление и анализ случаев нарушения типичных семантических отношений мотивации при образовании дистрибутивов в современных литературных западнославянских языках. Нас будут интересовать такие способы образования дистрибутивов, при которых производный дистрибутивный глагол отличается от мотивирующего глагола не только наличием семантического компонента Д и грамматической характеристикой СВ, но и другими лексико-семантическими составляющими. В этом случае мотивирующая часть значения дистрибутива (часть, остающаяся за вычетом Д) не соответствует лексическому значению мотивирующего глагола. При этом могут происходить различные семантические процессы: "зачеркивание" части значения мотивирующего глагола, появление дополнительного семантического компонента (ДСК) в мотивирующей части производного глагола и т.п. Таким образом, мы попытаемся показать, что и в сфере глагольного словообразования, уже — при образовании приставочных глаголов, исследователь сталкивается с таким явлением, как фразеологичность семантики производного слова⁴.

Источниками материала для нашего исследования послужили указанные выше словари современных литературных языков — польского, словацкого и чешского.

1. Прежде всего рассмотрим случай частичного перекрещивания семантики производящего и производного глаголов. Это явление наблюдается в том случае, если мотивирующий глагол уже содержит элемент значения

¹ Здесь и далее *SJP* = *Słownik języka polskiego*, t. I—XI. Warszawa, 1958—1969.

² Здесь и далее *SSJ* = *Slovník slovenského jazyka*, d. I—VI. Bratislava, 1959—1968.

³ Здесь и далее *SSJC* = *Slovník spisovného jazyka českého*, d. I—IV. Praha, 1960—1971; *PSJC* = *Průruční slovník jazyka českého*, d. I—VIII. Praha, 1935—1957.

⁴ Дистрибутивы, как и многие другие приставочные глаголы, представляют собой образования модификационного типа, у которых наличие фразеологичности словообразовательной семантики часто отрицается, ср.: *Ермакова О.П.* Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1981, № 2, с. 160.

"множество Об или Суб действия"; пересечение значений происходит в области указанной семы и в области семы "расчлененность действия", всегда сопровождающей первую. По модели "действием каузировать наличие множества Об" — "действием каузировать наличие множества Об + Д" образуются польские и чешские дистрибутивные глаголы: польск. *pożyczać* 'взять или дать в займы многое (...)' (SJP IV) — *ponażyć* 'дать в займы кому-либо или взять в займы у кого-либо многое (...)' (SJP VI), *nawyrabiać* 'многое изготовить, сделать' (SJP IV) — *ponawyrabiać* 'наделать многое (...)' (SJP VI) чеш. *nasbírat* 'приобрести, накопить собиранием что-либо (особенно много чего-либо)' (SSIC II) — *ponasbírat* 'постепенно накопить собиранием' (PSJC IV). Ряд глаголов с приставкой, исходно имеющей значение интенсивности действия, также характеризуется наличием семы "множество Об или Суб действия"; такие глаголы не употребляются с Об или Суб в единственном числе. Ср. глаголы со значением 'убивать всех (тем или иным образом)', от которых образуются дистрибутивы: польск. *powyrzynać* 'вырезать всех', *powystrzelać* 'застрелить всех'; *powytruwać* 'отравить всех', *powywieszać* 'повесить всех'; слвц. *povyťínať* 'вырезать всех', *povystrieláť* 'застрелить всех', *povybíjať* 'перебить всех'; чеш. *vymřít* 'вымереть (обо всех)' — *po vymřít* 'повымирать (обо всех)'. Элемент Д характеризует также глаголы с приставкой *roz-* 'действием каузировать отсутствие множества Об', от которых образованы, например, следующие глаголы: польск. *porozdawać* 'раздать все', *porozpożyczać* 'отдать в займы все'; слвц. *porozchytávať* 'растачить, расхватать все', *porozpredávať* 'распродать все'. чеш. *porozdat* 'раздать все; *porozprodat* 'распродать все'. Компонент значения "множество Об или Суб" содержится и в некоторых других типах приставочных глаголов⁵, а также в бесприставочных глаголах вроде польск. *klasyfikować*, *sortować*, *segregować*, *szufladkować*, объединяющихся значением 'классифицировать тем или иным образом', *liczyć* 'считать', *przebierać* 'перебирать', *numerować* 'нумеровать', от которых образуются дистрибутивы присоединением префикса *po-*: *poklasyfikować*, *posortować* и т.д.

Упомянутые мотивирующие глаголы, содержащие сему "множество Об или Суб", однако, не являются дистрибутивными: приставки *na-*, *wy-*/*vy-*, *roz-*, кроме указанного элемента значения, сообщают производным глаголам и другие компоненты значения, причем компонент "множество Об или Суб" в семантической структуре глаголов типа польск. *ponażyć*, *powyrzynać*, *porozdawać* занимает подчиненное положение. Значения этих приставок являются более конкретными по сравнению со значением дистрибутивной приставки. Ср. образования с приставкой *roz-* и дистрибутивной приставкой *po-* от глаголов *dać* — *dawać*, составляющих видовую пару и имеющих тождественное лексическое значение: *podawać* 'дать много Об' и *rozdać* 'действием давания каузировать отсутствие многих или всех Об'. Дистрибутивная приставка в подобных случаях имеет усилительную функцию⁶; компонент значения "множество Об или Суб", занимающий перифе-

рийное положение в семантической структуре мотивирующего глагола, выводится на первый план в семантике производного.

До сих пор нами рассматривались дистрибутивы, образованные от глаголов, соответствующих основному правилу образования дистрибутивных глаголов, а именно обладающих значением предельности и, следовательно, способностью входить в видовые корреляции. Наибольший интерес, однако, представляют случаи нарушения этого правила, когда дистрибутивная приставка присоединяется к мотивирующим, характеризваемым значением неопределенности и не имеющим соотносительных по виду коррелятов. Именно в этом случае происходит "зачеркивание" компонентов значения мотивирующего глагола, определяющих его неопределенный характер, и наращение ДСК, придающих мотивирующей части дистрибутива семантический компонент предельности. Например, при образовании от глагола слвц. *spať* 'спать' дистрибутива *pospať* 'позасыпать' (или 'начать спать + Д') "зачеркивается" неопределенное значение 'спать'; мотивирующая часть производного характеризуется семой 'заснуть'. В качестве ДСК выступает значение ингрессивной начинательности. Случаи подобного рода и рассматриваются ниже.

2. Особые словообразовательные отношения характеризуют дистрибутивы и мотивирующие многоактные глаголы. Специфика этих отношений зависит от особенностей семантической структуры многоактных глаголов.

2.1. Далеко не все многоактные глаголы отличаются наличием семантического компонента неопределенности; многие глаголы этой группы способны входить в видовые корреляции⁷. В семантической структуре ряда глаголов сема многоактности занимает подчиненное положение, например, в глаголах: польск. *kosić* 'косить', *gracować* 'взрыхлять почву, мотыжить', *grabić* 'грести, грабить, сгребать', *skrobać* 'скрести, чистить (картофель)', *szorować* 'скрести, скоблить', *szczypać*, *skubać* 'ощипывать', *luszczyc* 'лушить, лугзгать'; слвц. *kosit* 'косить', *pílit* 'пилишь', *kresat* 'тесать, обтесывать', *lúpat* 'лушить, очищать (картофель)'; чеш. *zobat* 'съедать, склевывать'.

Значение глагола *szorować*, например, можно описать как 'мыть, совершая многоактное действие трения', а его коррелят СВ *wyszorować* как 'вымыть, совершая многоактное действие трения'; *skrobać* обозначает 'сдирать верхние слои чего-либо, совершая многоактное действие трения', соответственно, *oskrobać* — 'содраť верхний слой чего-либо, совершая многоактное действие трения'; *skubać* имеет значение 'лишать перьев, совершая многоактное действие выщипывания перьев', а *oskubać* — 'лишать перьев, совершая многоактное действие выщипывания перьев'. Как видим, сема расчлененного действия занимает периферийное положение в структуре

тивированный глаголы имеют одно и то же лексическое значение: польск. *(po) porzucić* 'покинуть все', слвц. *(s) popretínať* 'перерезать все', чеш. *(z) pozavírat* 'закрывать все'.

⁷ Есть и противоположная точка зрения, согласно которой все многоактные глаголы являются неопределенными и характеризуются в связи с этим видовой дефективностью, ср.: Яковлев В.Н. Многоактность как способ глагольного действия. — НДВШ. Филол. науки, 1975, № 3, с. 102, 105.

лексического значения подобных глаголов; действие, обозначаемое многоактными глаголами этого типа, по своей природе не может быть разделено на отдельные кванты. Такие глаголы не соотносятся с однокорневыми одноактными глаголами. В настоящем актуальном — позиции нейтрализации многоактного значения для глаголов иного структурно-семантического типа (см. ниже) — рассматриваемые глаголы сохраняют элемент значения расчлененности действия, что также связано с особенностями их семантики. Так, во фразе *W tej chwili ona skubie kurczaka* 'В данный момент она ощипывает цыпленка' глагол *skubie* имеет значение 'лишает перьев, совершая многоактное действие выщипывания перьев'.

В семантической структуре дистрибутивов, образованных от подобных глаголов, сема расчлененности действия сохраняется, как и у соотносительных по виду приставочных глаголов СВ. Мотивирующая часть производного в этом случае равна лексическому значению мотивирующего глагола, ДСК не появляется: польск. *poszorować* означает 'вымыть, совершая многоактное действие трения + Д', слвц. *polupať* — 'полущить, почистить (картофель + Д'; чеш. *pozobat* — 'съесть, склеывая + Д'.

Значение многоактности действия сохраняется также у дистрибутивов, образованных от вторичных имперфективов с семой расчлененности действия, типа польск. *(po)obrywać* '(по)обрывать', *(po)oblamywać* '(по)обламывать', *(po)rozlewać* '(по)разливать (по стаканам)', *(po)podbijać* '(по)прибивать'. Описанные мотивационные отношения соответствуют формуле "совершать какое-либо действие n раз" — "совершить какое-либо действие n раз + Д". Дистрибутивные глаголы отличаются от мотивирующих наличием компонента Д и принадлежностью к СВ.

Некоторые глаголы, наподобие польск. *potratować* 'потоптать', *potłuc* 'потолочь', могут трактоваться и как дистрибутивные, и как составляющие видовую пару с мотивирующими бесприставочными глаголами. Мотивационные отношения описываются как "направлять действие на Об n раз" — 1) "направить действие на Об n раз + Д" или 2) "направить действие на Об n раз". Проявление того или иного значения зависит от контекста (наличие Об в единственном или множественном числе); в том и в другом случае, однако, сема многоактности действия сохраняется в составе производного глагола.

2.2. Отношения иного рода складываются у дистрибутивов и мотивирующих многоактных глаголов, характеризующихся семантическим компонентом неопределенности. Глаголы такого типа не могут образовывать видовые пары. Их лексическими коррелятами по признаку квантовости действия являются или могут являться одноактные глаголы, ср. польск. *ciskać* — *cisnąć*, слвц. *hádzať* — *hodit'* и чеш. *házet* — *hodit* со значением 'бросать' — 'бросить'. В настоящем актуальном эти глаголы утрачивают значение многоактного расчлененного действия: в предложении польск. *W tej chwili on ciska kamień do wody* 'В данный момент он бросает камень в воду' глагол *ciska* обозначает один квант действия.

Дистрибутивные глаголы образуются по формуле "совершать действие n раз" — "совершить действие 1 раз + Д". Происходит "зачеркивание" семы многоактности действия в мотивирующей части производного глагола, при этом появляется ДСК "1 квант действия", ср. польск. *ciskać* 'совершать действие бросания n раз' и *rociskać* 'совершить действие бро-

сения по одному разу над множеством Об', т.е. 'бросить 1 раз + Д'. Производные дистрибутивные глаголы, таким образом, семантически соотносятся с одноактными глаголами. Следует отметить, что как формально мотивирующие, так и производные дистрибутивы содержат элемент значения "расчлененность действия", однако эта сема в составе глаголов обеих групп имеет различный характер: в случае многоактных глаголов повторяющееся расчлененное действие может быть направлено на один Об, в то время как действие, обозначаемое дистрибутивными глаголами, всегда направлено на множество различных Об. Мотивирующими в группе 2.2 всегда являются только бесприставочные глаголы перемещения Об в пространстве: польск. *(po)ciskać*, *(po)rzucać* '(по)бросать', *(po)miotać* '(по)метать', *(po)chwytac'* '(по)хватать'; слвц. *(po)chytat'* '(по)хватать', *(po)hádzať* '(по)бросать'; чеш. *(po)chytat'* '(по)хватать', *(po)házet* '(по)бросать'.

Специфическими словообразовательными отношениями с мотивирующими глаголами отличаются слвц. *poskákac'* в значении 'попрыгать (обо всех)', чеш. *poskákat* с тем же значением, образованные от многоактных бесприставочных глаголов слвц. *skákat*, чеш. *skákat* 'прыгать'. Мотивационные отношения описываются в данном случае формулой "совершать действие n раз" — "совершить действие 1 раз в каком-либо направлении + Д". Направление действия не выражено словообразовательно и задается контекстом. Ср. словарные толкования этих глаголов: слвц. *poskakac'* 'постепенно, один за другим с чего-либо спрыгнуть, поспрыгивать, на что-либо вспрыгнуть' (SSJ III); чеш. *poskákat* '(куда, откуда) постепенно добираться куда-либо прыжками, прыгая: *plavci poskákali do vody* — попрыгали (один за другим в воду); *děti poskákaly z vozu* — попрыгивали' (SSJC II).

ДСК "направление действия" может получать формальное выражение, как в глаголах слвц. *zokakovat'*, *naskakovat'*, *odskakovat'*, чеш. *vyskakovat*. В связи с этим возникают условия для синонимии: слвц. *poskákat* и *pozokakovat'*, чеш. *poskákat* и *povyskakovat*. Направление действия указывается также в глаголах слвц. *zskákat*, чеш. *seskákat*, имеющих значение 'осуществить действие 1 раз в направлении сверху вниз + Д': приставка *s-/z-*, кроме дистрибутивного, имеет и значение пространственной характеристики действия (направление сверху вниз). Эти глаголы, как и глаголы с дистрибутивной приставкой *po-*, употребляются только с пространственными конкретизаторами, уточняющими словообразовательно заданное направление.

2.3. Промежуточное положение между глаголами групп 2.1 и 2.2 занимают дистрибутивы типа польск. *pokąsać* 'покусать', *pokłuć* 'поколоть, кольнуть всех', слвц. *popukat'* (*sa*), *popraskat'* (*sa*) 'долопаться, потрескаться', чеш. *popukat*, *popraskat* 'полопаться, потрескаться', *poštípat*, *pokousat* 'покусать'. Мотивационные отношения можно представить следующим образом: "направлять действие на Об n раз" — 1) "направить действие на Об n раз", 2) "направить действие на Об n раз + Д" и 3) "направить действие на Об 1 раз + Д". В зависимости от того, какое значение имеет глагол в данном контексте, трактуется и его словообразовательная семантика. При единичном Об производный глагол сохраняет сему многоактности действия (ср. русск. *собака его покусала*); при множественном Об возможно двоякое толкование: многоактное действие направлено на сово-

купность Об (*собака их покусала* может означать 'покусала каждого, укусила по несколько раз' и 'укусила каждого по одному разу'). В последнем случае можно говорить о "зачеркивании" семы многоактности и появлении ДСК одноактности действия, аналогично 2.2. Глаголы группы 2.3, таким образом, при образовании дистрибутивов проявляют особенности как предельных, так и непредельных глаголов. Такая функциональная двойственность связана с возможностью различной интерпретации значения этих глаголов: как многоактных и как немаркированных в отношении квантовости действия. В последнем качестве глаголы типа *kąsac* 'кусать', *kłuć* 'колоть' выступают в позиции настоящего актуального.

2.4. Особняком стоит группа дистрибутивных глаголов польск. *pobić* 'перебить', *podźgać* 'заколоть всех', *pogryźć* 'загрызть всех'; слвц. *pobit* 'перебить', *porúbat* 'порубить всех', *porezat* 'зарезать всех'; чеш. *potlouc* 'перебить', образованные от глаголов польск. *bić* 'бить', *dźgać* 'колоть', 'пырять ножом', *gryźć* 'грызть', 'кусать'; слвц. *bit* 'бить', *rúbat* 'рубить', *rezat* 'резать'; чеш. *tlouc* 'молотить'. Дистрибутивы не содержат компонента значения многоактности действия, присущего мотивирующим глаголам; в семантической структуре производных появляется ДСК 'убить': так, глагол польск. *podźgać* имеет значение 'убить путем осуществления действия, названного мотивирующим глаголом + Д'. Мотивирующая часть глаголов *pobić*, *podźgać* и др. формально выражена в глаголах *zabić* 'убить', *zadźgać* 'заколоть'. Возможны поэтому синонимические образования: *pobić* = *pozabijać*, *pogryźć* = *pozagryzać*. Специфика дистрибутивных глаголов группы 2.4 состоит в том, что они относятся к производным мутационного типа: мотивирующая часть дистрибутивов обозначает действие, качественно отличное от действия, обозначенного мотивирующими глаголами.

Таким образом, дистрибутивы образуются от предельных и непредельных глаголов со значением многоактного конкретного физического действия. ДСК обязательно появляется лишь в случае присоединения дистрибутивной приставки к непредельным глаголам (или к глаголам в их непредельных значениях). Попутно заметим, что изложенные наблюдения непосредственно связаны с той или иной трактовкой семантики мотивирующих глаголов. При отсутствии формальных критериев выделения многоактных глаголов их список остается произвольным. Нельзя признать многоактными только глаголы, не утрачивающие семы расчлененности действия в позиции настоящего актуального (2.1), так как в структуре их значения она занимает периферийное положение; с другой стороны, вряд ли являются центром поля многоактности глаголы 2.2 и 2.3, так как противопоставление по квантовости действия нейтрализуется в настоящем актуальном. Наличие же лексического однокорневого коррелята, выражающего один квант действия, не может служить критерием выделения многоактных глаголов: при сопоставлении по разным языкам становится очевидным, что одно и то же значение может оформляться как глаголом с суффиксом одноактности, так и без него, ср. пары слвц. *skákat* – *skočiť*, чеш. *skákat* – *skočit*, где глаголы имеют те же значения, что и русск. прыгать – прыгнуть (семельфактивность выражается глаголом с суффиксом одноактности -ну-).

3. К многоактным примыкают мотивирующие глаголы неоднаправленного движения (далее, для краткости – глаголы движения), от которых образуются дистрибутивы в словацком и чешском языках.

3.1. От непереходных глаголов движения дистрибутивы образуются по формуле "совершать действие n раз в различных направлениях" – "направить действие на множество Об или все Об + Д", или "совершить действие в отношении множества Об + Д": слвц. *behat* 'бегать' – *pobehat*, *zbehat* 'обежать все Об', *chodit* 'ходить' – *pochodit*, *schodit* 'обойти все Об', *lietat* 'летать' – *polietat* 'облетать все Об', *liezt* 'лазить' – *poliezt* 'облазить все Об'; чеш. *běhat* 'бегать' – *poběhat*, *zběhat* 'обежать все Об', *chodit* 'ходить' – *pochodit*, *zchodit* 'обойти все Об', *jezdit* 'ездить' – *pojezdit*, *sjezdit* 'объездить все Об', *letat/lítat* 'летать' – *poletat/polítat* 'облетать все Об', *lezt* 'лазить' – *slezt* 'облазить все Об'. К перечисленным примыкают также дистрибутивы, образованные от мотивирующих глаголов со значением 'бродить, шататься': слвц. *zbrusit*, *zložit*; чеш. *zbrousit*, *zbrouzdat*, *scestovat*. Дистрибутивные глаголы, в отличие от мотивирующих, имеют признак переходности. В составе мотивирующей части дистрибутива утрачивается сема разнонаправленности действия; глаголы слвц. *pochodit*, чеш. *pochodit*, например, имеют значение 'обойти совокупность Об + Д'. Появляющийся ДСК эксплицитно выражен в глаголах с приставкой *o-/ob-*: слвц. *obehat*, чеш. *oběhat* 'обежать множество Об'. Словацкие глаголы *pochodit* и *poobchodit*, таким образом, являются синонимами. В этом случае происходит пересечение собственно дистрибутивного значения, сообщаемого приставкой, с семой "множество Об" мотивирующего глагола.

Нами отмечен единственный случай образования дистрибутива от бесприставочного глагола неоднаправленного движения: это чеш. *sjet*, синонимичный *sjezdit* 'объехать все Об'. Глагол *sjet* образован от *jet* 'ехать' по формуле "совершать действие" – "совершить действие в отношении множества Об + Д".

3.2. От переходных глаголов движения дистрибутивы образуются по формуле "совершать действие и направлять его на Об n раз в различных направлениях" – "совершить действие и направить его на Об в каком-либо направлении + Д", где направление действия определяется контекстом: слвц. *nosit* 'носить' – *ponosit* 'отнести куда-либо все Об', *vozit* 'возить' – *povozit* 'отвезти куда-либо все Об'. Глаголы с дистрибутивной приставкой *s-/z-* содержат значение направленности действия сверху вниз: слвц. *zvozt* 'свезти все сверху вниз', чеш. *snosit* 'снести все сверху вниз'.

ДСК направленности действия у ряда глаголов имеет словообразовательное выражение, в связи с чем в качестве синонимичных выступают глаголы: слвц. *ponosit* и *padonášat* 'принести все', *ponosit* и *poodnášat* 'отнести все'.

4. Производные дистрибутивы характеризуются наличием ДСК начинательности действия в том случае, если мотивирующие непредельные глаголы обозначают состояние Суб действия.

4.1. Группу мотивирующих составляют глаголы, обозначающие состояние Суб действия как постоянное, не изменяющееся во времени. Дистрибутивы образуются по модели "постоянно находиться в каком-либо состоянии" или (в том случае, если мотивирующий глагол является в свою оче-

редь производным) "иметь признак А в качестве постоянного", где А — признак, выраженный именем, от которого образован мотивирующий глагол, — "прийти в какое-либо состояние и находиться в нем в дальнейшем + Д" или "приобрести признак А и иметь его в дальнейшем в качестве постоянного + Д". Так, например, от глагола польск. *kuleć* 'хромать на одну ногу (...)' (SJP III) образован дистрибутивный глагол *pokuleć* 'о многих людях, животных: стать хромым, охрометь' (SJP VI); слвц. *choriet* 'болеть' (SSJ I) — *pochoriet* 'о многих: заболеть' (SSJ III). Как видим, в составе мотивирующей части дистрибутивов содержится ДСК ингрессивной начинательности, близкий в данном случае значению действия, совершенного в один прием. Дистрибутивы образуются от польских и словацких бесприставочных глаголов: польск. *wdowieć* 'вдоветь' — *powdowieć* 'овдоветь (обо всех)', *kuleć* 'хромать' — *pokuleć* 'охрометь (обо всех)', *szaleć* 'буйствовать, сумасшедшим, безумствовать' — *poszaleć*, *powariować* 'сойти с ума, обезуметь (обо всех)'. Префиксально-постфиксальным способом образованы глаголы *spać* 'спать' — *pospać się* 'заснуть (обо всех)', *chorować* 'болеть' — *pochorować się* 'заболеть (о многих)'; слвц. *spat'* 'спать' — *pospat'* 'заснуть (обо всех)', *driechmat'* 'дремать' — *podriechmat'* 'задремать (обо всех)', *besnit' sa*, *šialit' sa* 'безумствовать' — *pobesnit' sa*, *pošialit' sa* 'сойти с ума, обезуметь (обо всех)', *choriet* 'болеть' — *pochoriet* 'заболеть (обо всех)'. Префиксально-постфиксальным способом от прилагательного *kul'havý* образован глагол *pokul'haviet* 'охрометь (обо всех)'.

Значение начинательности словообразовательно выражено у недистрибутивных глаголов, образованных от тех же мотивирующих посредством префиксации, ср. например, польск. *okuleć* 'охрометь', слвц. *ochoriet* 'заболеть'. Такие перфективные глаголы отличаются от однокорневых дистрибутивных только отсутствием компонента Д. Дистрибутивные глаголы, образованные от приставочных со значением начинательности действия и от бесприставочных неопредельных глаголов, составляют синонимические ряды: примерами могут служить польск. *pospać się* и *pousypiać*, *pozasypiać* 'заснуть'; слвц. *pospat'* и *pozaspat'* 'заснуть'.

4.2. Мотивирующими являются польские бесприставочные (чаще всего возвратные) глаголы, которые обозначают психическое состояние Суб действия. По модели "находиться в каком-либо психическом состоянии" — "прийти в какое-либо психическое состояние и находиться в нем в дальнейшем + Д" образованы дистрибутивные глаголы: польск. *nudzić się* 'скучать' — *ponudzić się* 'заскучать, начать скучать (обо всех)', *martwić się* 'беспокоиться, волноваться' — *pomartwić się* 'обеспокоиться, начать волноваться (обо всех)', *męczyć się* 'быть уставшим' — *pomęczyć się* 'устать (обо всех)', *jatrzeć się* 'раздражаться' — *pojatrzeć się* 'прийти в состояние раздражения', *wściekać się* 'быть в состоянии ярости' — *powściekać się* 'прийти в состояние ярости', *truchleć* 'бояться' — *potruchleć* 'испугаться'.

Производные дистрибутивные глаголы, в отличие от мотивирующих глаголов, обладают семантическим элементом ингрессивной начинательности. Эта сема формально выражается у таких приставочных глаголов, которые образованы от тех же мотивирующих, как, например, польск. *znudzić się* 'заскучать, начать скучать', *rozjatrzyć się* 'прийти в состояние ярости', *struchleć* 'испугаться' и в ряде других.

5. Мотивирующими являются единичные польские и словацкие бесприставочные переходные глаголы со значением предельности, от которых префиксально-постфиксальным способом образуются дистрибутивные глаголы по модели "направлять действие на Об" — "осуществить действие в сфере Суб с большой степенью интенсивности + Д". В качестве примеров приведем польск. *pić*, *chlać* 'пить' — *popić się*, *pochlać się* 'напиться пьяным, упиться (о многих)'; также и слвц. *pit'* 'пить' — *popit' sa* 'напиться пьяным (о многих)'. "Зачеркивания" элементов значения мотивирующего глагола в данном случае не происходит по той причине, что мотивирующий глагол имеет предельное значение и обозначает действие, стремящееся к результату. Мотивирующая часть дистрибутивов сохраняет значение предельности и содержит также ДСК "интенсивность действия, направленного на достижение результата в сфере Суб действия". Регулярно это значение выражается в польском и словацком языках посредством присоединения к мотивирующему глаголу префиксов *na-* или *u-* и постфикса, однако в рассматриваемом случае этот словообразовательный этап оказывается пропущенным: производный глагол с приставкой *po-*, кроме значения дистрибутивности, имеет и значение достижения результата интенсивного действия. Таким образом, синонимами являются глаголы слвц. *popit' sa* и *ponapit' sa* (от вторичного имперфектива глагола СВ *napit' sa*).

Рассмотренные нами выше данные польского, словацкого и чешского литературных языков позволяют, как нам представляется, сформулировать некоторые выводы более общего характера.

При образовании дистрибутивных глаголов в польском, словацком и чешском языках дополнительный семантический компонент появляется в том случае, когда нарушается основное правило образования дистрибутивных глаголов, действительное для всех трех подвергнутых анализу языков, и дистрибутивы мотивируются глаголами неопредельной семантики (единственным исключением являются здесь глаголы группы 5). Мотивирующая часть семантической структуры дистрибутивного глагола, включающая и дополнительный семантический компонент, всегда носит предельный характер. Благодаря "зачеркиванию" неопредельных значений мотивирующего глагола и появлению дополнительного семантического компонента в мотивирующей части производного неопредельный глагол способен явиться основой для образования дистрибутива.

Дистрибутивные глаголы могут быть образованы только от таких неопредельных глаголов, которые при префиксации способны принимать предельное значение. Это глаголы, семантика которых позволяет им формировать приблизительные видовые пары, т.е. входить в корреляции, члены которых различаются признаками квантовости действия, а также ингрессивной начинательности (т.е. значениями наиболее близкими к собственно видовым). Таким образом, в сферу мотивирующих глаголов не могут входить неопредельные глаголы со значениями, например, социально-профессиональной деятельности (типа *учительствовать*), социального положения (например, *нищенствовать*), а также многие другие.

Дополнительный семантический компонент появляется лишь при мотивации дистрибутивных глаголов бесприставочными. Этот факт объясняется тем, что значение приставочных глаголов конкретизируется первичными

приставками, и при образовании дистрибутивных глаголов от предельных дополнительный семантический компонент появиться не может.

В глаголах, мотивирующих дистрибутивы, дополнительный семантический компонент может быть выражен словообразовательно. В связи с этим возможно возникновение словообразовательных синонимических пар: один член пары имеет дополнительный семантический компонент, другой — словообразовательно выраженное значение. Семантика мотивирующей части значения, включающей дополнительный семантический компонент, выражается предельными глаголами различных групп. Словообразовательное значение имеет наиболее часто модификационный характер. При этом мотивирующая часть может быть синонимична глаголам семельфактивного (2.2, 2.3), начинательного (4) и интенсивного (5) способов действия, приставочным глаголам с пространственными значениями (3) и глаголам с мутационным значением частного характера (2.4).

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Г.К. Венедиктов. К изучению истории лексики современного болгарского литературного языка	5
Л.Н. Смирнов. О словообразовательной вариативности отвлеченных существительных в литературном словацком языке на начальном этапе его развития.	38
Г.Г. Тяпко. Словообразовательные типы <i>Nomina abstracta</i> в сербском литературном языке первой половины XIX в. (на материале произведений В.С. Караджича)	54
З.Н. Стрекалова. Из истории абстрактной лексики в польском литературном языке	70
В.Е. Моисеенко. Чешское языковое влияние на развитие терминологической лексики литературного языка хорватов в эпоху национального возрождения	88
В.М. Мокиенко. Из истории фразеологических германизмов в славянских языках	101
Н.И. Толстой. Этюды по семантике славянских географических терминов (<i>дрезга, рудина, рамень</i>)	112
Л.А. Гиндин. Из древней этнонимии Прикарпатья	133
В.Э. Орел. Исконная лексика албанского языка (Балканские этимологии. 9–13)	145
И.А. Калужская. Из албано-румынских лексических соответствий	152
Е.Н. Овчинникова. К вопросу о семантической эволюции лексемы <i>ko-liba</i> в словацком языке	157
Т.Ф. Семенова. К вопросу о путях проникновения тюркизмов в западно-украинские говоры. 1	164
Г.П. Клепикова. Некоторые вопросы использования болгарских диалектных материалов в лексико-семантических исследованиях советских славистов	174
З.М. Волоцкая. Лексика болгарских загадок (опыт составления семантического словаря загадок)	187
О.А. Седякова. Метаморфическая лексика погребального обряда. Материалы к словарю	204
Л.Г. Невская. Синонимия как один из способов организации фольклорного текста	221
Т.М. Николасева. Качественные прилагательные и отражение "картины мира"	235
М.А. Осипова. Некоторые особенности словообразовательной семантики дистрибутивных глаголов в западославянских языках	244

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор издательства *Т.М. Дривинг*
Художественный редактор *Т.П. Поленова*
Технический редактор *В.В. Лебедева*

ИБ № 26743

Подписано к печати 27.04.83
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.печ. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 16,0
Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 1550 экз. Тип. зак. 250
Цена 3 руб.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

